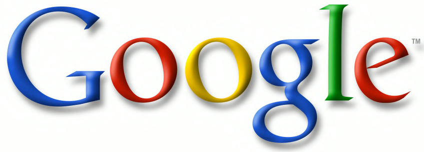
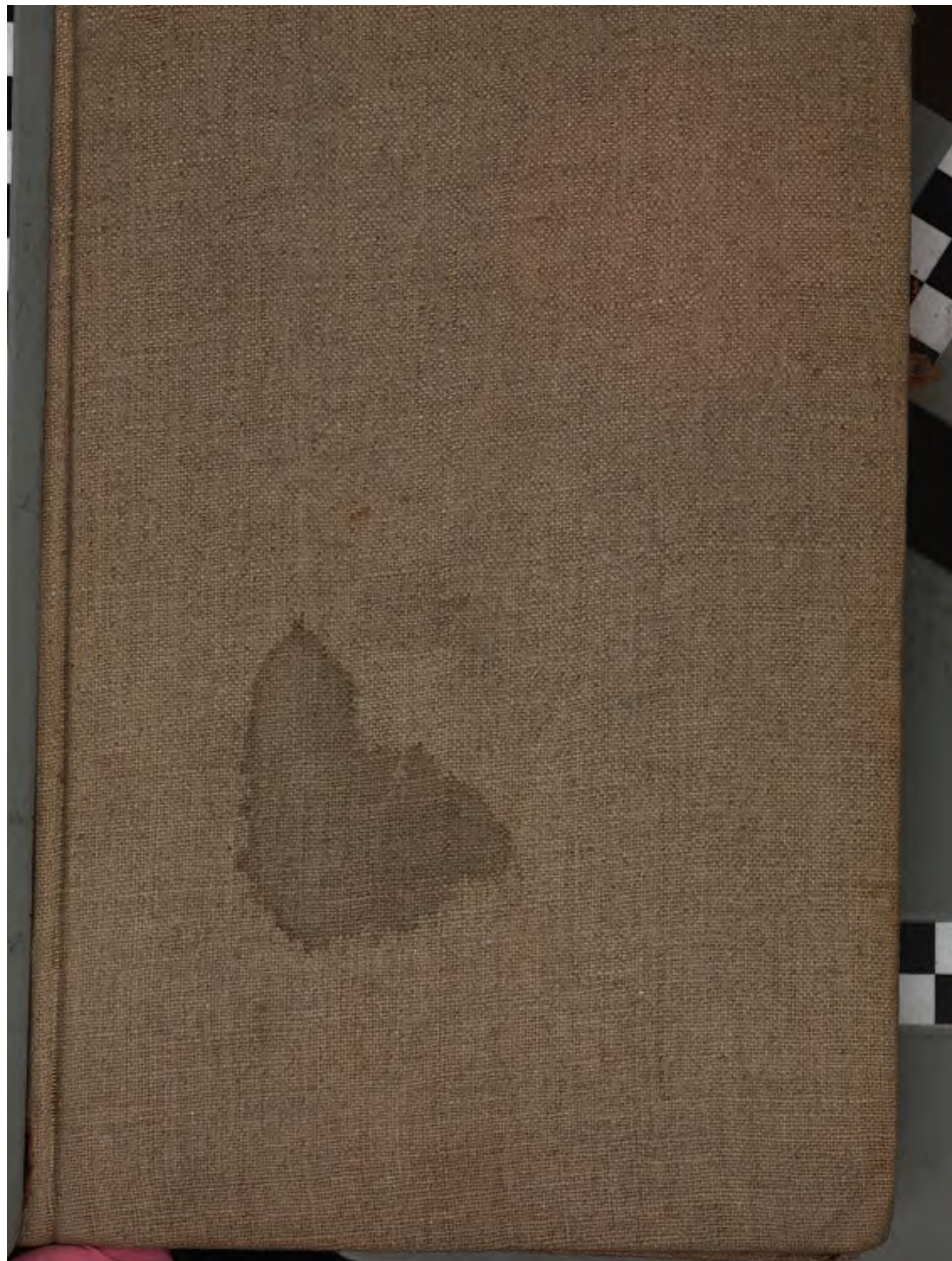




N. 827.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

ПРИРОДА

и

ОХОТА

ЕЖЕМѢСЯЧНО

и

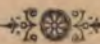
ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1901.

Книга III-я.



МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собственный домъ.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 24 марта 1901 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

МАРТОВСКОЙ КНИГИ 1901 г.

Съ этою книгою разсылается № 10 и 11 „Охотничьей Газеты“.

Очерки охоты на Памирахъ.

II.

Архаръ (Ovis Polii, Blyth).

Горный баранъ, живущій на Памирахъ, извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ Ovis Polii, даннаго ему въ честь знаменитаго средневѣковаго путешественника Марко Поло, впервые его описавшаго въ своемъ путешествіи изъ Европы въ Китай черезъ Памиры. Мѣстные жители-киргизы называютъ его аркаръ (архаръ) или качкаръ. Впрочемъ, подъ этимъ названіемъ у киргизовъ *) извѣстны всѣ разнообразные виды дикихъ горныхъ барановъ, встрѣчающіеся въ Азіи. Н. А. Сѣверцевъ различаетъ четыре вида среднеазіатскихъ барановъ: Ovis Polii, O. Karelini, O. Heinsii и O. Nigrimontana. Различія между этими видами опредѣляются формою роговъ, окрасомъ шерсти и частью относительнымъ ростомъ. Однако различія между всѣми поименованными видами барановъ не рѣзки и, такъ сказать, не бросаются въ глаза, тѣмъ болѣе, что въ областяхъ, гдѣ встрѣчаются два или болѣе видовъ, вѣроятно, попадаются и помѣси ихъ, что затрудняетъ опредѣленіе. На Памирахъ собственно, кромѣ Ovis Polii, водится, можетъ быть, еще O. Karelini, такъ какъ въ горахъ, лежащихъ восточнѣе Алайской долины и именно въ верховьяхъ рѣки Нарына, оба вида найдены вмѣстѣ. Кромѣ Памировъ, O. Polii найденъ еще Семеновымъ на большихъ высотахъ вблизи вершины Ханъ-Тенгри въ Тянь-Шаньскомъ хребтѣ.

*) Англійскій путешественникъ Curzon въ сочиненіи своемъ о Памирахъ „The Pamirs and the Source of the Oxus“, London, 1896, утверждаетъ, что онъ слышалъ, будто киргизы неизмѣнно называютъ самца словомъ гульча или гульджа (gulcha or gulja, согласно его транскрипціи), а самку называютъ именемъ аркаръ (arkar). Однако мнѣ никогда не приходилось слышать перваго названія.

Въ Тянь-Шаньскихъ же горахъ, но на болѣе низкихъ высотахъ встрѣчается и O. Karelini. Такимъ образомъ область распространенія O. Polii ограничена двумя высокими нагорьями Нарынскимъ и Памирскимъ, соединенными узкой полосой въ верховьяхъ р. Нарына относительно меньшей высоты. Хотя вообще говоря, O. Karelini какъ будто избѣгаетъ большихъ высотъ, тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, нельзя съ увѣренностью утверждать, чтобы на Памирахъ встрѣчался исключительно только O. Polii. Какъ бы то ни было, въ послѣдующемъ изложеніи я буду называть встрѣчавшихся намъ горныхъ барановъ общимъ киргизскимъ именемъ архаръ, такъ какъ установленіе различій между весьма сходными между собою видами дикихъ барановъ по шкурѣ и рогамъ представляетъ затрудненія даже для спеціалистовъ естествоиспытателей, а тѣмъ болѣе трудно для путешественника, которому обыкновенно и видѣть-то приходится этихъ животныхъ на весьма значительномъ разстояніи.

Архаръ представляетъ изъ себя крупное, сильное и красивое животное и по справедливости можетъ считаться наиболѣе виднымъ представителемъ всего рода барановъ Ovis. Ростъ взрослаго самца достигаетъ 4 футъ въ холкѣ, а длина до 6 футовъ и 5 дюймовъ. Вѣсъ такого животнаго составитъ не мѣнѣе 16 и до 18 пудовъ. Болѣе всего, при взглядѣ на архара бросаются въ глаза его огромные и поистинѣ великолѣпные рога, чрезвычайно изящно завитые по спирали, выполняющей у взрослыхъ экземпляровъ больше одного полнаго оборота. Наибольшее разстояніе когда-либо найденные рога самца имѣли между концами ихъ въ 54½ дюйма, при толщинѣ роговъ въ корнѣ въ 16 дюймовъ и при длинѣ каждаго рога по наружной спирали въ 75 дюймовъ. Однако такіе рога представляютъ исключенія. Наибольшіе рога въ Лондонскомъ Кенсингтонскомъ Музеѣ Естественной Исторіи имѣютъ длину всего въ 68 дюймовъ. Большой баранъ въ Московскомъ университетѣ, доставленный Сѣверцовымъ, имѣетъ длину рогъ всего лишь

*) См. Rowland Ward „Records of big game“ London, 1899, а также „George N. Curzon „The Pamirs and the source af the Oxus“. London, 1896.

въ 57 дюймовъ, при разстояніи между концами ихъ въ 42 дюйма. Ростъ этого барана въ плечахъ измѣренъ въ 3 фута 10 дюймовъ, а длина отъ конца носа до хвоста 6 футовъ 11 дюймовъ. Вѣсъ его опредѣленъ Сѣверцовымъ въ предѣлахъ отъ 16 до 17 пудовъ; одна голова съ рогами вѣсила около 2 пудовъ *). Имѣющійся у меня экземпляръ роговъ, выбранный мною, какъ наибольшій изъ груды, собранной киргизами около Памирскаго Поста, имѣетъ длину по внѣшней спирали около 56 дюймовъ, обводъ его въ корнѣ въ 15½″ и разстояніе между конусами роговъ въ 40″. Такіе размѣры можно считать наиболѣе обычными и принадлежащими самцу средняго возраста.

Самка меньше самца и рога ея много меньше. Наибольшій размѣръ роговъ самки, приведенный выше, до сихъ поръ измѣренный, былъ по длинѣ въ 14,7 дюймовъ, по обводу въ корнѣ 5,9 дюймовъ и 15,75 дюймовъ между концами роговъ. Рога ограничены криволинейными поверхностями, дающими въ поперечномъ сѣченіи криволинейный треугольникъ. Снаружи, поверхности рога не гладкія, а испещрены поперечными кольцевыми бороздами, или валиками. Валики эти въ разное время года выростаютъ не съ одинаковой силой и потому можно опредѣлить по періодическому чередованію болѣе часто расположенныхъ валовъ съ болѣе рѣдкими—возрастъ барана. Однако такое опредѣленіе не всегда можетъ быть сдѣлано съ желательной точностью, такъ какъ ближе къ концевымъ частямъ своимъ рога вообще значительно стираются, особенно у старыхъ экземпляровъ настолько, что валики дѣлаются почти незамѣтными. Поэтому число годовыхъ приростовъ можетъ быть опредѣлено лишь минимальное. Шерсть архара прямая, густая и сравнительно съ шерстью домашней овцы короткая—всего болѣе похожа она по своему виду на шерсть лося или оленя.

Описаніе наружнаго вида животнаго я закончу словами Сѣверцова, впервые его подробно описавшаго:

---

*) Н. А. Сѣверцовъ. „Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе Туркестанскихъ животныхъ.“ Извѣстія Импер. Общ. Ест. Антроп. и Этногр. Томъ VIII, выпускъ 2. Москва, 1873.

„Морда почти призматическая, высокая, узкая; кругомъ шеи большая, чисто бѣлая грива; по хребту отъ плечъ до крестца темная полоса; сѣро-рыжеватый цвѣтъ боковъ стушевывается съ бѣлизною брюха, хвостъ окруженъ рѣзкимъ бѣлымъ полемъ, которое на верхней половинѣ своей окружности еще обведено темно бурой полосой, а къ низу продолжается на задней сторонѣ ляшекъ и тутъ его бѣлизна стушевывается съ ихъ сѣро-рыжеватымъ цвѣтомъ“. Впрочемъ, окрасъ животныхъ по временамъ года нѣсколько измѣняется. Окрасъ самки, насколько я могу судить по видѣннымъ мною экземплярамъ, не отличается отъ окраса самца, только гривы у самки нѣтъ. Ягнята, убитые въ августѣ, имѣли почти ровный сѣро-бурый цвѣтъ шерсти безъ рѣзкихъ бѣлыхъ полей, всегда отличающихъ взрослыхъ животныхъ.

О жизни архаровъ въ неволѣ ничего не извѣстно, такъ какъ въ зоологическихъ садахъ они, кажется, никогда не появлялись.

Архаръ преимущественно животное большихъ высотъ*) — ниже 10.000 футовъ абсолютной высоты онъ не встрѣчается. Всюду обыкновенный на Памирахъ и въ Заалайскомъ хребтѣ, онъ никогда не спускается съ этого послѣдняго въ Алайскую долину и не былъ замѣченъ въ Алайскомъ хребтѣ западнѣе верхней части Алайской долины. Подобно другимъ горнымъ животнымъ, архаръ лѣтомъ поднимается на самыя большія высоты въ предѣлахъ снѣговой линіи, причемъ былъ находимъ даже на высотѣ 17.000 футъ. Мнѣ лично пришлось встрѣтить ихъ на высотѣ около 16.000 футовъ. Зимою архары спускаются въ долины, однако, какъ было уже упомянуто, даже и въ этомъ случаѣ не ниже 10.000 футовъ. Впрочемъ, на Памирахъ собственно долины имѣютъ абсолютную высоту не менѣе 12.000 футовъ. Будучи вполнѣ горнымъ обитателемъ, архаръ однако избѣгаетъ обрывистыхъ, скалистыхъ мѣстъ, предпочитая имъ широкія долины, окаймленныя пологими холмами, гдѣ онъ

*) Странно, что въ новѣйшемъ изданіи сочиненія Брэма „Жизнь животныхъ“ Петербургъ, 1900, подъ редакціей проф. Лесгафта, совсѣмъ не упоминается объ Ovis Polii, наибольшемъ представителѣ этого рода.

чувствуетъ себя въ полной безопасности, благодаря своему отличному зрѣнію и быстротѣ бѣга. Нерѣдко случалось замѣчать бѣгущихъ впереди верстахъ въ двухъ, или трехъ архаровъ только по облачку пыли, ими поднятому. Въ такихъ открытыхъ мѣстахъ приблизиться даже на самый дальній выстрѣлъ къ архарамъ немыслимо; догнать его верхомъ также невозможно, потому что при преслѣдованіи, онъ направляется кверху въ горы и съ такою легкостью, что никакая лошадь не въ состояніи за ними угнаться, тѣмъ болѣе при крайне разрѣженномъ воздухѣ тѣхъ высотъ, на которыхъ держатся архары.

Среди дня архара увидать вообще труднѣе, нежели утромъ, или вечеромъ, потому что днемъ архары спятъ, забравшись къ самымъ снѣгамъ, иногда ложась отдыхать среди ледниковъ. Вечеромъ же они спускаются въ долины по горнымъ ручейкамъ, по берегамъ которыхъ ростетъ, хотя и не высокая, но густая трава. Тамъ, гдѣ архары совершенно не пуганы, они держатся даже и днемъ на пастбищахъ. Лѣтомъ самцы держатся отдѣльно отъ самокъ, собираясь иногда по нѣскольку вмѣстѣ, и предпочитаютъ особенно большія высоты. Самки же съ молодыми разнаго возраста собираются большими стадами и встрѣчаются на высотахъ гораздо меньшихъ, нежели самцы. Намъ не удавалось видѣть стадъ болѣе 20 архаровъ; однако, заслуживающіе довѣрія люди утверждали, что въ особенно пустынныхъ мѣстахъ видѣли стада болѣе, нежели въ 100 штукъ. Правда, что мы путешествовали по болѣе, или мѣнѣе проторенньмъ путямъ, гдѣ, хотя и изрѣдка, однако охота на архаровъ производится и они, слѣдовательно, до нѣкоторой степени распуганы.

Течка происходитъ у архаровъ, вѣроятно, осенью, а молодые появляются весною. У одной самки едва ли бываетъ больше двухъ молодыхъ; вообще, судя по составу видѣнныхъ мною стадъ, размножаются архары сравнительно слабо *).

*) Э. Реклю, въ VI томѣ Всеобщей Географіи. Изданіе 1883 г. С.-Петербургъ, на стр. 232, высказываетъ предположеніе, что Ovis Polii, кажется, вымираетъ на сѣверномъ Памирѣ вслѣдствіе какой-то эпизоотіи. Этого однако на самомъ дѣлѣ не случилось, такъ какъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы число архаровъ со времени посѣщенія края Сѣверцовымъ въ 1878 году уменьшилось.

Изъ органовъ чувствъ у архаровъ хорошо развито зрѣніе и, говорятъ, обоняніе. Послѣдняго мнѣ, однако провѣрить не удалось, такъ какъ каждый разъ мы старались приближаться къ архарамъ съ подвѣтренной стороны, если только они не успѣвали насъ замѣтить еще раньше, и потому не могу судить, съ какого разстоянія они могли бы замѣтить присутствіе человѣка чутьемъ.

Когда архары замѣтятъ человѣка, или незнакомое животное, то долго стоятъ собравшись въ кучу и разсматриваютъ его. Если при этомъ интересующій ихъ предметъ удаляется, они понемногу успокаиваются; если же они замѣтятъ, что опасность приближается, они, постоявъ немного неподвижно, сразу, всѣмъ стадомъ, бросаются бѣжать, но черезъ короткій промежутокъ времени снова останавливаются, обернувшись мордой въ сторону опасности. Этотъ маневръ они повторяютъ нѣсколько разъ, пока не скроются изъ вида. При остановкахъ своихъ, вызванныхъ любопытствомъ, архары иногда, гдѣ они еще не напуганы охотниками, подпускаютъ на дальній пулевой выстрѣлъ, т. е. примѣрно на растояніе въ 900—1200 шаговъ. Послѣ выстрѣла они неизмѣнно продѣлываютъ всегда описанный маневръ—опрометью кидаются впередъ, затѣмъ внезапно всѣ, какъ одинъ, останавливаются, снова бѣгутъ, останавливаются и такъ нѣсколько разъ. Такимъ образомъ можно иногда выстрѣлить по остановившимся архарамъ нѣсколько разъ, конечно, только на весьма значительномъ разстояніи.

Если архары вообще замѣтили охотника, то уже не спускаютъ его съ глазъ, и если онъ хоть на мгновеніе скроется, то немедленно убѣгаютъ всѣмъ стадомъ, опасаясь, повидимому, со стороны врага хитраго подхода. Поэтому охотнику необходимо замѣтить архаровъ раньше, нежели они замѣтятъ его, для чего и требуется особенно зоркій глазъ и большой спеціальный навыкъ. Обладая хорошимъ зрѣніемъ, я много разъ имѣлъ случай убѣдиться, что я съ тою же подробностью замѣчалъ всѣ движенія указанныхъ мнѣ вдали киргизомъ охотникомъ животныхъ, и слѣдовательно зрительная сила моихъ глазъ, повидимому, не

уступала силѣ киргизскихъ, но замѣчать архаровъ мнѣ никогда не удавалось раньше киргизъ. Такимъ образомъ, зоркость киргизъ обусловливается въ большей мѣрѣ ихъ привычкой относиться внимательно къ мельчайшимъ предметамъ, находящимся въ полѣ ихъ зрѣнія, чего у меня именно и недоставало. Охотившійся съ нами поручикъ М. и люди его охотничьей команды, болѣе опытные, нежели я, иногда замѣчали животныхъ одновременно съ киргизами и лишь весьма рѣдко раньше ихъ.

И дѣйствительно, нужно имѣть большой навыкъ, чтобы обратить вниманіе на нѣсколько буроватыхъ точекъ, разбросанныхъ по долинѣ на разстояніи двухъ, иногда трехъ верстъ, настолько мало отличающихся отъ вида тутъ же разбросанныхъ камней, что даже послѣ указанія на животныхъ присутствіе ихъ не сразу замѣчается глазомъ. На горныхъ же склонахъ, заваленныхъ отдѣльными камнями, даже зоркость киргизъ не всегда помогаетъ и архары остаются незамѣченными до тѣхъ поръ, пока они, наконецъ, не бросятся бѣжать, не выдержавъ приближеніе охотниковъ, т. е. всегда слишкомъ поздно для удачнаго выстрѣла.

Если архары замѣтили охотника раньше, нежели онъ успѣетъ спрятаться за скалами, единственное средство приблизиться къ нимъ, хотя бы и на дальній выстрѣлъ, состоитъ въ томъ, чтобы продолжать идти, или ѣхать, какъ бы мимо нихъ, но постепенно спирально заворачивая къ нимъ все ближе и ближе. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ удавалось значительно сокращать разстояніе до воззрившихся на меня архаровъ, пока они неподвижно меня разглядывали, именно этимъ пріемомъ. Конечно, подкрасться на болѣе близкій выстрѣлъ, шаговъ хотя бы на 400, или 300, уже много труднѣе не только потому, что увидать архара раньше, нежели они замѣтятъ охотника, удается очень рѣдко, но еще и потому, что условія мѣстности, въ которой обыкновенно встрѣчаются архары, крайне неблагопріятны для скрадыванія. Иногда нужно бываетъ проѣхать, или пройти нѣсколько верстъ по горамъ, для того, чтобы обойти животныхъ съ надлежащей стороны и начать скрадывать.

Зимою подойти къ архарамъ, говорятъ, легче. По словамъ мѣстныхъ охотниковъ зимою удается иногда стрѣлять на разстояніи 150—100 шаговъ, т.-е. на разстояніи болѣе или менѣе вѣрнаго выстрѣла. Этому благопріятствуетъ то, что зимою архары вообще менѣе осторожны, менѣе склонны убѣгать въ горы, гдѣ много снѣга, и держатся въ долинахъ болѣе защищенныхъ отъ вѣтра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе узкихъ, однимъ словомъ въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для скрадыванія.

Впрочемъ, безпокоятъ архаровъ очень мало. Охотники киргизы, и безъ того немногочисленные и имѣвшіе плохіе ружья, въ настоящее время, послѣ бывшихъ въ г. Андижанѣ безпорядковъ, и вовсе обезоружены распоряженіемъ администраціи; русскіе путешественники посѣщаютъ Памиры рѣдко и то по дѣламъ службы, почему охотятся только мимоходомъ; иностранные охотники спортсмены являются еще рѣже и потому отъ руки человѣка архаровъ погибаетъ сравнительно мало.

Гораздо большія опустошенія среди архаровъ, повидимому, производятъ волки. Мѣстные охотники разсказываютъ, будто волки организуютъ сообща правильныя облавы на архаровъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что тѣмъ, или другимъ путемъ, но архары достаются въ зубы волкамъ и особенно часто зимою, когда убѣгать отъ преслѣдованія по снѣгу имъ бываетъ труднѣе, да и силы ихъ быстро ослабѣваютъ отъ безкормицы. Барсъ и медвѣдь также, вѣроятно, иногда имѣютъ случай поймать ослабѣвшее животное.

Годами иногда случается, что архары за зиму погибаютъ въ огромномъ числѣ. Такъ было это какъ разъ въ зиму 1897/98 года, предшествующую году нашей поѣзки. Киргизы склонны приписывать эту гибель заразной болѣзни— однако безъ достаточныхъ наблюденій трудно рѣшить, не суровая ли зима, или болѣе, нежели обыкновенно, толстый покровъ снѣга, засыпавшій скудные остатки осенней травы тому причиной. Одно несомнѣнно, что гибнетъ ихъ въ такіе періоды дѣйствительно множество; въ нѣкоторыхъ долинахъ можно встрѣтить сотни роговъ погибшихъ животныхъ.

Изъ того обстоятельства, что рога архаровъ находятся въ большомъ числѣ въ долинахъ, а не на горахъ и не на склонахъ, и что рога эти принадлежатъ исключительно самцамъ, Сѣверцовъ полагаетъ, что хозяева этихъ роговъ погибали во время драки изъ-за самокъ, при чемъ слабѣйшій баранъ падалъ въ пропасть, куда попадалъ иногда и побѣдитель, не сумѣвъ удержаться во время удара. Однако трудно согласиться съ такимъ объясненіемъ, для большинства, по крайней мѣрѣ, случаевъ, такъ какъ рога валяются въ большомъ количествѣ и въ пологихъ долинахъ, гдѣ по близости вовсе нѣтъ обрывовъ; слѣдовательно, нельзя допустить, чтобы бараны падали въ долину во время драки. Гораздо проще и естественнѣе допустить, что архары погибали отъ разныхъ причинъ и въ различныхъ частяхъ долинъ, т.-е. и на днѣ ея, и на склонахъ, но что впослѣдствіи, когда черепъ съ рогами отдѣлялся отъ скелета, рога просто катились внизъ въ долину по откосу склона. Что такое движеніе совершенно неизбѣжно, можно провѣрить, стараясь на самомъ дѣлѣ установить неподвижно пару архарьихъ роговъ на откосѣ: ихъ форма такова, что удержать ихъ можно только съ помощью подставки. Что такимъ образомъ, и преимущественно съ откосовъ попадаетъ большинство роговъ, подтверждается еще и тѣмъ, что маленькихъ роговъ самокъ и молодыхъ самцовъ въ долинахъ встрѣчается сравнительно мало, а между тѣмъ едва ли отъ общихъ причинъ, каковы безкормица, нападеніе волковъ и болѣзни, погибаютъ преимущественно взрослые самцы. Гораздо естественнѣе допустить какъ разъ наоборотъ, что самки и молодые самцы погибаютъ не въ меньшемъ, а скорѣе въ большемъ количествѣ, но что благодаря формѣ ихъ роговъ, неудобныхъ для скатыванія, послѣдніе остаются разсѣянными на откосахъ и потому не попадаются такъ часто на глаза.

Архаръ чрезвычайно сильное животное и даже съ смертельной раной можетъ долго идти, карабкаясь въ этомъ случаѣ по такимъ кручамъ, гдѣ преслѣдовать его совершенно невозможно. Стрѣлять же вѣрно по мѣсту на такихъ громадныхъ дистанціяхъ, на которыя подпускаетъ архаръ со-

вершенно немыслимо и поэтому охота на архаровъ всегда мало добычлива.

Весьма пригоденъ для этой охоты хорошій штуцеръ экспрессъ, изъ котораго пуля разрывается въ тѣлѣ звѣря на мелкіе куски. Звѣрь ложится отъ такой пули какъ убитый громомъ даже при ударѣ не по мѣсту. Сплошная пуля изъ берданки, или трехлинейки казеннаго типа обыкновенно проходитъ насквозь и хотя губитъ звѣря, но лишь впослѣдствіи—въ первое же время послѣ поранені́я звѣрь уходитъ сравнительно легко и пропадаетъ для охотника. Несомнѣнно, что примѣненіе для трехлинейки разрывныхъ пуль типа примѣняемаго англичанами для ихъ ружей военнаго образца 303 калибра типа Lee Metford могло бы значительно улучшить охотничьи качества нашей трехлинейки. Для этого особенно пригодны были бы типы пуль „soft nosed“, или „hollow“, оказывающія такъ много услугъ африканскимъ охотникамъ на крупнаго и опаснаго звѣря. Къ сожалѣнію, патроны съ пулями этихъ типовъ у насъ не изготовляются, а собственными средствами сдѣлать ихъ слишкомъ трудно.

Штуцеръ экспрессъ, при всѣхъ его превосходныхъ качествахъ, имѣетъ для горной охоты тотъ весьма существенный недостатокъ, что онъ слишкомъ тяжелъ. Даже при 450 калибрѣ двухствольный штуцеръ не долженъ вѣсить менѣе 9 фунтовъ, и то отдача будетъ достаточно чувствительна, а при 500 калибрѣ вѣсъ его не долженъ быть меньше 10 фунтовъ. А между тѣмъ, нести такую тяжесть очень трудно въ горахъ, гдѣ приходится нерѣдко лѣзть нѣсколько часовъ при помощи ногъ и рукъ по ледникамъ, да еще на абсолютной высотѣ въ 15.000—16.000 футовъ. На такой высотѣ даже у привычнаго горнаго ходока появляется одышка и онъ принужденъ отъ времени до времени останавливаться; непривычный же охотникъ останавливается, чтобы отдышаться, буквально черезъ два—три шага. Поэтому наиболѣе пригодна была бы для этой охоты малопульная винтовка вѣсомъ отъ 6 до 7 фунтовъ, но съ особенно сильнымъ зарядомъ и разрывными пулями.

При горной охотѣ не особенно важна скорость переза-

ряженія и можно обойтись безъ такъ называемаго „магазина“, увеличивающаго вѣсъ ружья, потому что звѣрь даже послѣ выстрѣла долго остается на виду и нѣсколько разъ останавливается, давая въ промежуткахъ между остановками достаточно времени для заряжанія ружья. Стрѣлять же по бѣгущему звѣрю съ дистанціи хотя бы 300—400 шаговъ почти безполезно и все равно для слѣдующаго выстрѣла приходится пережидать момента остановки звѣря.

Несмотря однако на всѣ сказанныя затрудненія, въ экспедиціи нашей тѣмъ не менѣе было взято свыше 10 шт. архаровъ, хотя нѣсколько животныхъ, несомнѣнно раненыхъ на смерть, но изъ трехлинейки, или берданки, ушло съ сквозными ранами, о чемъ можно было судить по кровяному слѣду. Вообще на охотѣ за архарами надо быть готовымъ къ тому, что неудачи будутъ случаться чаще, нежели удачи. Ниже я опишу нѣсколько нашихъ охотъ на архаровъ, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ представляютъ интересъ независимо отъ того, насколько онѣ были удачны въ смыслѣ добычливости.

Д. Н. Головнинъ.

Сибирскіе промышленники.

ТИПЫ И ОЧЕРКИ.

„Пріятели" *).

Свѣтлы обыкновенно бываютъ весной таёжныя ночи; свѣтлы и кратковременны такъ, какъ нигдѣ мнѣ не доводилось видѣть въ другомъ мѣстѣ: не успѣетъ еще путемъ одна зоря потухнуть, еще что-то поблескиваетъ тамъ на западѣ; на часъ, много на полтора, полумракъ какой-то наступитъ, да такой полумракъ, который даже и на сумерки юга не похожъ, а скорѣе на сѣренькій денекъ какой-то, когда вся природа кажется какъ бы закутанной дымкой туманной, что волнуется и движется, какъ туманъ надъ болотомъ при солнцевосходѣ; а тамъ, глядишь, на востокѣ дальнемъ уже, „лучомъ просящимся во тьму", вспыхнуло что-то, точно зарница дальняя, и разгораясь все больше и больше, разливается по тайгѣ и властно прогоняетъ полумракъ ночи... Но зато, въ такую, какъ эта ночь, когда вдругъ насунутся, Богъ вѣсть откуда набѣжавшія тучи и поползутъ по тайгѣ, закутывая вершины ея и горы высокія,—тогда среди тайги такой мракъ наступаетъ, что и въ двухъ, трехъ шагахъ ничего не увидишь... Кто бывалъ въ горахъ таёжныхъ, тотъ знаетъ, что не только ночью, но даже и днемъ, разъ только низко по склонамъ горъ, да по вершинамъ деревъ старыхъ поползутъ тучи густыя, — лучше сейчасъ же остановиться на пути и переждать, пока пронесутся дальше эти полчища тучъ набѣжавшихъ; даже и днемъ легко сбиться съ пути среди нихъ, а не только ночью.

---

*) См. февраль.

Но вотъ, наконецъ, мы съ Игнатомъ, послѣ продолжительнаго странствованія среди тумана густого, нашли его сидьбу и первымъ долгомъ, выбравши сухой пригорокъ, развели большой костеръ. Надо было хоть у огонька согрѣться пока что; дождя еще не было, но зато сырость страшная всего охватывала тебя и сырость такая, что моя бурка оказалась настолько намокшей, какъ послѣ дождя добраго.

Игнату не сидѣлось на мѣстѣ: онъ даже и сырости этой пронизывающей, кажется, не чувствовалъ и все, нѣтъ-нѣтъ, да и поглядывалъ въ сторону своей сидьбы, вблизи которой лежалъ убитый имъ пантачъ.

— Пойдемте звѣря сидѣть!—предложилъ онъ мнѣ.

Я согласился и мы снова зашагали по болоту. Мнѣ, хотя и не хотѣлось сильно снова уходить отъ согрѣвшаго было уже меня костра, не хотѣлось снова окунаться, точно въ воду холодную, въ этотъ влажный туманъ ночи; но я зналъ, что въ этомъ случаѣ отъ Игната никакъ не отдѣлаешься, зналъ, что онъ страшно обидится въ случаѣ моего отказа и, скрѣпя сердце, зашагалъ за нимъ по болоту.

Самецъ оказался дѣйствительно огромнымъ экземпляромъ, съ большими, вполнѣ уже развившимися, окрѣпшими пантами.

— Эхъ! парочку хоть бы свалить!—сожалѣлъ Игнатъ по поводу постигшаго его „затменія", какъ онъ выражался, любовно глядя на убитаго имъ самца.

— Однако, пойдемъ назадъ; холодно что-то!—предложилъ я.

— А какъ вы думаете, баринъ, много мнѣ за панты-то дадутъ?

— Ну, братъ, этого-то я не знаю; вотъ утромъ Андрей придетъ, онъ тебѣ вѣрно скажетъ. Думаю, что не меньше ста рублей ты все же таки за нихъ выручишь!

— Ладно!—рѣшилъ Игнатъ, поспѣвая за мной къ догорѣвшему уже нашему костру.

Мы, грѣясь, сидѣли у костра, то и дѣло поворачиваясь къ нему то однимъ, то другимъ бокомъ.

— А я и не спросилъ васъ, баринъ, по чемъ вы стрѣляли дважды?—спросилъ меня Игнатъ.

Я разсказалъ ему о своей неудачной стрѣльбѣ по бѣжавшимъ мимо меня отъ него двумъ сынамъ.

— Гдѣ же его попадешь на бѣгу ночью, да еще и далече! Вѣдь онъ, гляди, во-какъ бѣжитъ: и глазомъ моргнуть путемъ не поспѣешь, тамъ уже и нѣтути его!... Я это какъ свалилъ перваго, не поспѣлъ и изъ сидьбы выскочить, а ужъ тѣхъ двухъ-то и слѣдъ давнымъ давно простылъ; ну, точно тебѣ по воздуху летятъ... Быстрящій звѣрина, что и говорить!—разсуждалъ Игнатъ, повидимому, весь еще подъ впечатлѣніемъ недавно пережитого.

А вокругъ насъ все сильнѣе и сильнѣе сгущался мракъ; повидимому, тучи густыя все надвигались и надвигались въ нашу сторону; еще сильнѣе чувствовалась сырость въ воздухѣ, охватывала тебя всего, даже подъ одежду забиралась и невольно заставляла тебя вздрагивать, проползая по спинѣ.

— Что же наши-то?—спросилъ Игнатъ.

— Да, надо полагать, такъ же, какъ и мы, огонекъ развели, да и сидятъ себѣ, грѣются. Куда въ такую темень сунешься?—отвѣтилъ я.

— Эхъ, кабы Сысою-то еще пофартило звѣря добыть; авось и онъ настоящимъ бы человѣкомъ сталъ!—задумчиво проговорилъ Игнатъ.

— Ожидай, какъ же! Не таковскій Сысой-то твой: пропилъ бы все, да и только!

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Вѣдь онъ тожъ зарекся; а человѣкъ того,—какъ есть ученый!

Я не сталъ разубѣждать Игната въ учености его пріятеля. Для него и Сысой, безъ сомнѣнія, былъ ученымъ человѣкомъ.

Совсѣмъ притихло, молчитъ тайга, вся закутанная туманомъ безпросвѣтнымъ; ни звука нигдѣ, ни движенія; только и потрескиваетъ костеръ нашъ, разгораясь все сильнѣй и сильнѣй. Жутко даже какъ-то дѣлается среди этой тиши ночной; точно совершенно одинъ находишься ты здѣсь, точно всѣ тебя покинули, забросили въ пусты-

ню безлюдную и не сможешь ты, не въ силахъ выбраться отсюда снова къ людямъ... Какъ бы гнететъ, точно кошмаръ страшный давитъ тебя этотъ туманъ густой, все сильнѣй и сильнѣй на тебя надвигающійся; дышать даже не легко среди этого тумана сырого...

Игнатъ полулежитъ, какъ и я, у костра; мнѣ видно все его лицо, озаренное красноватымъ отблескомъ то какъ бы затухающаго, подъ сыростью этой, то снова ярко вспыхивающаго и разгорающагося сильнѣй костра. Какое у Игната славное, честное лице, все озаренное теперь счастьемъ, его наполняющимъ!

— Ишь его, тишь-то здѣсь по тайгѣ какая!—проговорилъ онъ, задумчиво вглядываясь въ темноту.

— А что?—спросилъ я.

— Не глянутся мнѣ чтой-то ночи здѣшнія: точно въ тюрьму тебя засадили! Толи дѣло у насъ, по лугамъ привольно: сидишь это, значитъ, у огонька ночкой вешней, посиживаешь и чего-чего не услышишь только: и утва тебѣ крякаетъ, и гусь гогочетъ, и прочая птаха разная вверху пролетываетъ; а здѣсь на тебѣ, хоша бы пикнулъ кто... тюрьма, какъ есть тюрьма!...

Я отсидѣлъ себѣ ноги и чтобы немного размять ихъ, всталъ и отошелъ отъ костра въ сторону.

— Свѣтаетъ никакъ?—спросилъ Игнатъ.

Я взглянулъ на востокъ; а тамъ, точно уже не такъ густо темнота безпросвѣтная заволокла небо; точно мазокъ какой-то болѣе свѣтлыхъ тоновъ провелъ кто на черномъ сплошномъ фонѣ! Тутъ, у костра, вокругъ насъ еще все та же ночь заволакиваетъ все своимъ покровомъ темнымъ; между тѣмъ какъ тамъ, на востокѣ, уже и розовѣть какъ бы что-то начало; какъ бы кто властной рукой медленно началъ приподнимать тамъ конецъ огромнаго, темнаго покрывала, все болѣе и болѣе обнажая дальнее, свѣтлое небо; порывами прошумѣлъ по тайгѣ довольно сильный холодный вѣтеръ, сильнѣе раздулъ онъ нашъ догоравшій костеръ! нѣсколько дождевыхъ капель упало мнѣ на лицо и руки...

— Садиться надо!—сказалъ Игнатъ, приподнимаясь отъ костра и беря свое ружье.

Мнѣ такъ не хотѣлось тащиться по топкому болоту къ своей сидьбѣ, подъ этой пронизывающей сыростью, холодною, дождевою, таежнаго утра! Да и надежды увидать что-либо вблизи одной изъ нашихъ сидьбъ было очень мало: своими тремя выстрѣлами съ вечера мы, навѣрное, далеко отпугали не только осторожныхъ сыновъ, но и все живое вблизи.

— Я однако съ тобой вмѣстѣ сяду; все равно врядъ ли кто прійдетъ!—обратился я къ Игнату.

— А что жъ, и то хорошее дѣло; все не одному сидѣть.

Мы загасили костеръ, побросавши горящія головни въ ближайшую разлужину, и отправились къ сидьбѣ, еще пока не видной, среди этого туманнаго полумрака. Только что мы добрались до сидьбы и поудобнѣй усѣлись въ ней, какъ гдѣ-то далеко по поѣди стукнули, одинъ за другимъ, два выстрѣла. Игнатъ такъ и встрепенулся весь.

—Это Сысой стрѣлилъ!... Ужели жъ не убилъ?—шопотомъ проговорилъ онъ.

Все свѣтлѣй и свѣтлѣй дѣлалось по тайгѣ. Заря хотя и далеко не такъ свѣтлая, да радостная, какъ въ погожій весенній день, все же разгоралась среди этого едва замѣтнаго порѣдѣвшаго тумана; можно было уже свободно различить опушку тайги и ближайшую площадь поѣди; дождикъ, сначала едва побрызгивающій, начиналъ расходиться не на шутку! Горъ дальнихъ совсѣмъ не было видно за закрывшими ихъ, клубящимися, густыми тучами. Надо было какъ-нибудь добираться и къ нашему стану. Ѣсть хотѣлось довольно сильно! да и не удивительно, такъ какъ приблизительно съ четырехъ часовъ вчерашняго дня у насъ ни у кого, какъ говорится, маковой росинки во рту не было.

— Надо и къ стану пробираться!—рѣшилъ я.

— А вотъ, товарищей дождемся, да и пойдемъ!—отвѣтилъ Игнатъ.

— Кричи имъ!

Игнатъ, приставивши ладони рукъ ко рту, началъ кричать во все горло, призывая Сысоя съ Андреемъ. Издали едва слышно донесся отвѣтный крикъ.

Мнѣ такъ не хотѣлось тащиться по топкому болоту къ своей сидьбѣ, подъ этой пронизывающей сыростью, холодною, дождевою, таежнаго утра! Да и надежды увидать что-либо вблизи одной изъ нашихъ сидьбъ было очень мало: своими тремя выстрѣлами съ вечера мы, навѣрное, далеко отпугали не только осторожныхъ сыновъ, но и все живое вблизи.

— Я однако съ тобой вмѣстѣ сяду; все равно врядъ ли кто прійдетъ!—обратился я къ Игнату.

— А что жъ, и то хорошее дѣло; все не одному сидѣть.

Мы загасили костеръ, побросавши горящія головни въ ближайшую разлужину, и отправились къ сидьбѣ, еще пока не видной, среди этого туманнаго полумрака. Только что мы добрались до сидьбы и поудобнѣй усѣлись въ ней, какъ гдѣ-то далеко по поѣди стукнули, одинъ за другимъ, два выстрѣла. Игнатъ такъ и встрепенулся весь.

—Это Сысой стрѣлилъ!... Ужели жъ не убилъ?—шопотомъ проговорилъ онъ.

Все свѣтлѣй и свѣтлѣй дѣлалось по тайгѣ. Заря хотя и далеко не такъ свѣтлая, да радостная, какъ въ погожій весенній день, все же разгоралась среди этого едва замѣтнаго порѣдѣвшаго тумана; можно было уже свободно различить опушку тайги и ближайшую площадь поѣди; дождикъ, сначала едва побрызгивающій, начиналъ расходиться не на шутку! Горъ дальнихъ совсѣмъ не было видно за закрывшими ихъ, клубящимися, густыми тучами. Надо было какъ-нибудь добираться и къ нашему стану. Ѣсть хотѣлось довольно сильно! да и не удивительно, такъ какъ приблизительно съ четырехъ часовъ вчерашняго дня у насъ ни у кого, какъ говорится, маковой росинки во рту не было.

— Надо и къ стану пробираться!—рѣшилъ я.

— А вотъ, товарищей дождемся, да и пойдемъ!—отвѣтилъ Игнатъ.

— Кричи имъ!

Игнатъ, приставивши ладони рукъ ко рту, началъ кричать во все горло, призывая Сысоя съ Андреемъ. Издали едва слышно донесся отвѣтный крикъ.

Андрей остался пока у убитаго сына, съ цѣлью оснимать его и разобрать на части; а главное, осторожно отдѣлить панты; мы же втроемъ отправились къ нашему стану, откуда Игнатъ сейчасъ же долженъ былъ привести на поѣдь одну изъ лошадей для вывозки звѣря къ стану.

Погода не обѣщала даже перемѣны къ лучшему; все небо заволокло; нигдѣ на немъ не видно хотя бы небольшого просвѣта; мелкій, болѣе похожій на осенній, нежели на весенній, холодный дождь сѣялъ, какъ сквозь сито. Вотъ и станъ; веселымъ ржаніемъ привѣтствовали наше появленіе лошади. Я, спасаясь отъ дождя, примостился подъ густыми вѣтвями большой ели. Сысой началъ хлопотать у вчерашняго нашего огнища, стараясь развести огонь; ему, какъ видно такъ же, какъ и мнѣ, сильно хотѣлось чаю; но дѣло у него не клеилось; едва загорался отсырѣвшій отъ дождя сушнякъ, какъ почти сейчасъ же и потухалъ, несмотря на старательное раздуванье его Сысоемъ.

— Возьми бересты; имъ живой рукой огня добудешь!— сказалъ Игнатъ, торопливо сѣдлая одну изъ нашихъ лошадей.

— Безъ васъ не знаютъ! — со злостью отвѣтилъ ему Сысой, доставая ножъ и направляясь къ одной изъ близъ стоящихъ березъ.

Игнатъ ухмыльнулся только молча: ужъ больно счастливымъ онъ себя чувствовалъ въ это время, чтобы сердиться на своего пріятеля.

— Ишь ты, зло его разбираетъ, что звѣря не добылъ!— тихо проговорилъ онъ мнѣ, лукаво подмигивая въ сторону Сысоя.

— Да ты закуси мало-мало; успѣешь еще! — предложилъ я, видя, что Игнатъ уже осѣдлалъ коня и собирается садиться.

— А ништо! Мы опосля, управившись, съ Андреемъ чайку попьемъ!—отвѣтилъ онъ, вскакивая на лошадь и направляясь въ сторону поѣди.

Сысой возвратился съ охапкой бересты и, подложивши

ее подъ разложенный сушнякъ, поджегъ спичкой. Дѣло пошло на ладъ: живо разгорѣлся костеръ съ подвѣшеннымъ надъ нимъ чайникомъ.

Не веселѣй, не радостнѣй обычной весенней радостью выглядитъ вокругъ тайга. Стоитъ она печальная, неподвижная, подъ этимъ мелкимъ, холоднымъ дождемъ; примолкла, нахмурилась старуха древняя, не слышно въ ней жизни, въ это время такой обычной; одинъ дроздъ было цыкнулъ несмѣло разъ, другой гдѣ-то сбоку, — да и тотъ сейчасъ же замолчалъ, точно испугавшись этой сырости пронизывающей... Скучно въ такую пору въ тайгѣ; вонъ изъ нея тебя къ людямъ тянетъ...

Я закусилъ, напился чаю и улегся подъ тою же густою елью. Заснулъ я ночью моментально, лишь только положилъ на изголовье голову; прошлая безсонная ночь, усталость отъ ѣзды вчерашней дали себя знать и я спалъ, какъ убитый. Не знаю, долго ли я спалъ.

— Баринъ, а баринъ!—будилъ меня чей-то знакомый голосъ, довольно безцеремонно тряся за плечо.

— А что?—спросилъ я, все еще охваченный дремой, приподнимаясь на своемъ ложѣ.

Я открылъ было глаза, но сейчасъ-же принужденъ былъ зажмурить ихъ снова: яркій, ослѣпительный блескъ уже высоко стоящаго весенняго солнца, ударившій мнѣ прямо въ глаза, заставилъ закрыться ихъ. Какъ довольно часто бываетъ въ природѣ сѣвера, заснешь ты подъ дождемъ, весь охваченный туманомъ сырымъ, а проснешься: блескъ яркаго дня вешняго, солнце, пѣсни страстныя... Сіяетъ тайга, вся облитая горячимъ блескомъ лучей солнечныхъ; точно милліоны бриліантовъ тамъ и здѣсь разсыпанныхъ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, сверкаютъ по травѣ и по листамъ деревъ крупныя капли дождя недавняго; все пѣло, цвѣло, радовалось вокругъ...

— Баринъ, а баринъ! Да что же это такое дѣется?— говорилъ, стоя надо мной Игнатъ, и въ голосѣ его дрожали съ трудомъ сдерживаемыя имъ слезы.

Я, все еще не совсѣмъ пришедшій въ себя, послѣ сна долгаго, оглянулся вокругъ, не понимая вопроса Игната и

увидѣлъ въ сторонѣ Андрея, торопливо сѣдлавшаго коня. Сысоя нигдѣ не было видно.

— А что?—спросилъ я еще разъ.

— Да Сысой-то... панты!..—сдавленнымъ отъ подступающихъ рыданій голосомъ безсвязно проговорилъ Игнатъ.

— Укралъ его Сысой панты-то, да за одно и коня у меня лучшаго увелъ, вотъ что!—почти прокричалъ, всегда такой флегматичный, невозмутимый Андрей, затягивая подпруги.

— Какъ укралъ! Когда? Быть того не можетъ!—проговорилъ я, быстро вскакивая на ноги.

— Что тамъ не можетъ, коли сперъ, да и все!—прокричалъ опять Андрей, забрасывая за плечи винтовку и собираясь вскочить на коня.

— Постой, Андрей!—остановилъ его я.

Я отлично понималъ въ эту минуту, что мнѣ во чтобы-то ни стало, необходимо удержать Андрея, ни въ какомъ случаѣ не отпуская его одного; понялъ, что онъ собирается догонять Сысоя и что тутъ преступленіемъ пахнетъ, разъ только ему удастся догнать похитителя. Развѣ давно прошло то время, когда въ тайгѣ процвѣтала особаго вида охота,—охота на людей,—на варначье? Да и прошло ли совершенно это время, Богъ вѣсть! Кто можетъ услѣдить за этимъ; кто увѣренно можетъ сказать, что ничего подобнаго уже не дѣлается въ тайгѣ? Развѣ тайга глухая, первобытная выдастъ когда; развѣ можетъ разсказать она кому-либо все то, что творится въ ея нѣдрахъ, отъ глаза людского скрыться? Никогда не скажетъ, не выдастъ старуха тайнъ своихъ!.. Я зналъ, что озлобленный Андрей, не понимавшій, какъ и всякій сибирскій промышленникъ, что у товарища на промыслѣ можно украсть что-либо, не допускавшій даже и мысли объ этомъ,—не станетъ стѣсняться, не станетъ даже и разговаривать съ Сысоемъ, разъ ему удастся догнать его; а прямо спѣшится, быстро кинетъ на сошки свою винтовку старую, испытанную и пуститъ межъ лопатокъ пулю вдогонку похитителю; не дрогнетъ рука у него въ этомъ случаѣ, ни на полвершка

не уклонится пуля въ сторону и на мѣстѣ уложитъ человѣка, хотя и худого, не нужнаго въ обществѣ ему подобныхъ, а все жъ таки человѣка; и сгніетъ онъ здѣсь гдѣ-либо въ чащѣ таежной, никѣмъ невидимый; развѣ звѣрь только хищный наткнется на этотъ трупъ разлагающійся и уничтожитъ послѣднія остатки совершеннаго преступленія... Нѣтъ, я не долженъ отпускать одного Андрея, да и не пущу я его ни за что, чего бы это мнѣ не стоило!..

— Подожди, Андрей! Куда торопишься; никуда твой конь не дѣнется; и панты, и Сысой, и конь твой — все цѣло будетъ; найдемъ все!.. Оставь коня, да самъ сюда иди, садись; потолкуемъ, да пообсудимъ все ладомъ; анъ, глядишь, оно и лучше выйдетъ!—убѣждалъ я его.

— А, чего тамъ лучше!—отвѣтилъ онъ, махнувши рукой, однако все-таки снимая изъ-за плечъ винтовку и подходя ко мнѣ.

— Гдѣ тамъ найдешь!.. Все пропало! — всхлипнулъ Игнатъ и закрылъ лицо руками.

Ужъ больно тяжело ему приходилось: онъ въ минуту лишился всего, на чемъ зиждилось его благосостояніе будущее; вѣдь онъ такъ много сдѣлать собирался на вырученныя имъ отъ продажи пантовъ деньги... онъ человѣкомъ опять быть хотѣлъ!..

Игнатъ началъ всхлипывать довольно громко. Тяжело глядѣть даже и на ребенка малаго, когда онъ плачетъ горько, кѣмъ-либо обиженный; но глядѣть на горькія слезы взрослаго человѣка положительно нестерпимо.

— Убить его подлеца мало!—горячо вырвалось у Игната.

— Перестань, Игнатъ, не маленькій вѣдь!— убѣждалъ я плачущаго Игната.

Вѣдь всего, всего лишилъ! А я-то увѣровалъ въ него какъ; лучшимъ человѣкомъ его считалъ!... — вырвалось, сквозь рыданья у него.

Непріятная, тяжелая сцена. Надо было прекратить ее такъ, или иначе.

— Мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ,—началъ я,—вѣдь онъ впервые въ тайгѣ-то и дѣться ему здѣсь некуда.! Другимъ путемъ, какъ по которому мы сюда ѣхали, ему не кинуться;

ну, куда онъ дѣнется, сами подумайте! Вотъ сейчасъ и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ; только подзакусимъ малость и поѣдемъ!

Я налилъ въ стаканчикъ водки и протянулъ его Андрею; тотъ выпилъ и сталъ закусывать.

— Выпей и ты, Игнатъ, да закуси; оно и лучше будетъ!—предложилъ все еще плачущему Игнату Андрей.

— А, давайте, коли такъ!—вырвалось у Игната; онъ схватилъ чарку и съ озлобленіемъ какимъ-то опрокинулъ ее въ ротъ.

— Еще!—протянулъ онъ мнѣ пустую чарку.

— Будетъ, Игнатъ,—останавливалъ его я.

— Одну только; больше не буду пока!

Я налилъ ему еще одну.

Мы закусили и ходко тронулись обратно. Поздно уже вечеромъ добрались мы до Ирбы, нигдѣ не догнавши Сысоя; даже слѣдовъ его лошади не было видно нигдѣ на размякшей отъ весеннихъ водъ таежной тропѣ. Въ деревнѣ тоже никто не видалъ Сысоя.

На другой день, рано утромъ, когда уже подали намъ лошадей, я вынулъ двадцати пяти рублевую бумажку и предложилъ ее Андрею за украденную у него лошадь; вѣдь всѣхъ лошадей для поѣздки въ тайгу я у него нанималъ; а поэтому, разъ одна лошадь пропала, я считалъ себя обязаннымъ уплатить за нее.

— Не по что!—отстранилъ Андрей рукой протянутую ему депозитку.

— Какъ не за что? Вѣдь я у тебя нанималъ коня, а его увелъ человѣкъ, мной привезенный; значитъ, я и обязанъ заплатить тебѣ!

— За наемку, иной разговоръ, пожалуйте,—возьму ни што; а за коня не по что... Рази ты, баринъ, виновенъ, что чужой человѣкъ у меня коня увелъ; поди и я, хозяинъ, тамо жъ былъ, да и то не доглядѣлъ!—попрежнему невозмутимо отвѣтилъ Андрей, не принимая денегъ.

Я расчитался съ Андреемъ, простился съ нимъ, обѣщая пріѣхать еще къ нему этимъ лѣтомъ и покараулить сохатыхъ, и уѣхалъ съ Игнатомъ. Всю дорогу Игнатъ ни слова не сказалъ; даже на мои вопросы отвѣчалъ кое-

какъ односложно. Ясно было, что человѣкъ совершенно убитъ нравственно и не до разговоровъ ему теперь.

Мы доѣхали до села, гдѣ я жилъ въ то время. Игнатъ попросилъ остановить лошадей вблизи его хибарки и вылѣзъ изъ тарантаса.

— Ты, Игнатъ, смотри того... воздержись!—конфузясь отъ чего-то даже, просилъ я моего пріятеля.

Игнатъ молча только рукой махнулъ вытаскивая изъ тарантаса свои вещи.

— Полиція, одно слово!—проговорилъ онъ и быстро зашагалъ по направленію къ своему жилью.

Игнатъ опять запилъ послѣ этого случая съ обворовавшимъ его пріятелемъ и запилъ такъ, какъ, кажется, никогда не пивалъ раньше. Онъ все пропилъ, что только возможно было еще пропить; даже ружье, мой ему подарокъ, которымъ онъ всегда гордился и дорожилъ такъ сильно, было имъ продано кому-то за безцѣнокъ. Я нѣсколько разъ посылалъ розыскивать его, звалъ къ себѣ, предлагая ему совмѣстно ѣхать на охоту, но Игнатъ не шелъ ни по чему.

А Сысой, спросятъ меня?

Сысой пропалъ безслѣдно, вмѣстѣ съ украденнымъ имъ у Андрея конемъ и съ цѣнными пантами у Игната. О немъ ни слуху, ни духу не было: то ли онъ, спасаясь тогда отъ преслѣдованья и, боясь, что его догонятъ, углубился въ тайгу, въ сторону отъ тропы и, заблудившись, погибъ голодной смертью, то ли звѣрь хищный его гдѣ сломалъ; но только, во всякомъ случаѣ, если и не людской, такъ другой, построже судъ покаралъ его за совершенное имъ преступленіе; а какой изъ нихъ тяжелѣй былъ для него, Богъ вѣсть,—никто этого не знаетъ...

Я вскорѣ уѣхалъ совсѣмъ изъ села Т—аго и ничего не слышалъ болѣе объ Игнатѣ. То ли удалось ему снова стать на ноги и сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ, по его собственному выраженію; то ли спился онъ окончательно и погибъ гдѣ-нибудь, замерзнувши подъ заборомъ,—не знаю.

Жаль такихъ людей, какъ Игнатъ!

Н. І. Яблонскій.

29-го ноября 1900 г.

Новогоднiй сонъ.

Подъ Новый годъ завалился я спать рано, не дождавшись первыхъ часовъ новаго столѣтiя. Не всякому въ жизни посчастливится узрѣть начало новаго вѣка, грѣшно было не воспользоваться единственнымъ случаемъ (до XXI вѣка Богъ вѣку не дастъ), но что подѣлаешь. За обѣдомъ очень ужъ навалился я на борщъ, жирно заправленный свинымъ саломъ; или постарѣлъ уже я, или желудокъ мой утратилъ чумаковскую склонность къ свиному салу, но только весь послѣднiй вечеръ XIX вѣка ходилъ я, какъ ошалѣлый, принялъ даже содовый порошекъ, и все не по себѣ. Завидно мнѣ стало, какъ храпитъ мой песъ; легъ и я, да скоро и заснулъ. Вѣроятно, и я храпѣлъ во всю мочь, но самъ этого не слышалъ. Къ своему счастiю, человѣкъ часто не ощущаетъ непрiятностей, преподносимыхъ имъ другимъ. Хорошо это природа устроила; вѣдь не будь этого, за обязанность жить пришлось бы большiя деньги брать.

Ужъ не знаю, какъ это случилось,—во снѣ вѣдь всегда такъ,—только вхожу я въ большую залу клуба, и клуба, должно быть, охотничьяго: по стѣнамъ рога и морды, рогатины, лыжи, по угламъ чучела медвѣдей; все это разставлено съ большимъ вкусомъ и залито мягкимъ свѣтомъ безъ видимыхъ лампъ и горѣлокъ. Охотничьимъ клубъ показался и по разговорамъ, особенно по разсказамъ: въ одномъ кружкѣ давали дублеты чуть ли не по тиграмъ.

Люди все незнакомые, я уже чувствовалъ себя неловко, но къ счастью увидалъ одного стараго прiятеля (кстати сказать, что всѣ мои прiятели охотники, но охотники

слишкомъ сухи, чтобъ быть хорошими пріятелями). Отъ него я узналъ, что я точно въ охотничьемъ клубѣ. Собрались честью встрѣтить 2001 годъ и проводить старый вѣкъ и тысячелѣтіе.

Былъ еще только десятый часъ вечера. Многіе сидѣли за карточными столами, а иные, несмотря на раннее время, уже раскраснѣлись, и отъ нихъ тянулъ тихоструйный спиртный запахъ. Припомнились, мнѣ старыя выраженія: „егеря должны пить!" „Я въ такомъ видѣ лучше стрѣляю". За карточными столами играли въ какія-то неизвѣстныя мнѣ игры: „Облаву", „Винтъ съ приманкой"... Когда же эти игры появились? спросилъ я себя, но, будучи по природѣ очень остороженъ, не выказалъ своего невѣжества въ столь серьезномъ дѣлѣ и глубокомысленно молчалъ.

Пріятель, между прочимъ, сообщалъ, что за ужиномъ будетъ спичъ предсѣдателя, который, т.-е. не предсѣдатель, а спичъ, будетъ содержать краткій обзоръ XX вѣка въ охотничьемъ отношеніи. Такъ у нихъ, въ N обществѣ правильной охоты, принято при встрѣчѣ каждаго новаго года.

Хорошій обычай, подумалъ я.

Пріятель мой, видя, что къ картамъ я склонности не проявляю, предложилъ мнѣ осмотрѣть клубъ.

Прошлись мы въ библіотеку. Благоустройство полное. Шкафы съ какими-то электрическими замками, которые мой пріятель открывалъ какимъ-то простымъ, но невѣдомымъ мнѣ способомъ. Книжки въ простыхъ, но хорошихъ переплетахъ, повидимому, изъ целлюлоида, стояли на полкахъ, какъ солдаты на парадѣ.

На мое замѣчаніе, что въ пожарномъ отношеніи эти переплеты опасны, мой пріятель отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это новая целлюлоида, не горитъ. Вотъ, за ужиномъ увидишь, что весь столовый сервизъ изъ такой целлюлоиды. А чтобы ты и сейчасъ кое-что увидалъ, сходимъ въ буфетъ; у меня всегда къ 10 часамъ въ горлѣ першитъ.

— Погоди, посмотрю книги.

Тутъ была масса охотничьихъ журналовъ конца XX вѣка, и между ними я замѣтилъ еще не переплетенный журналъ въ зеленой обложкѣ и съ памятной мнѣ почтен-

ной надписью—„Охота“, но слова—„Природа“ не было. Шрифтъ и размѣры были прежніе, какъ въ журналѣ, основанномъ незабвеннымъ Л. Сабанѣевымъ.

— Это, говорю, что же за журналъ, похожъ на старый?

— А это онъ и есть, только издатель нашелъ нужнымъ измѣнить немного заглавіе. Природы теперь никакой нѣтъ: все дѣло рукъ человѣческихъ.

— Какъ природы нѣтъ, а все видимое?

— Была когда-то природа, а теперь все на машинахъ дѣлаютъ.

— Какъ, а явленія природы, хоть бы въ атмосферѣ?

— Все въ рукѣ особаго чиновника; онъ и дождями, и засухами руководствуетъ, и, какъ миѳологическій Зевесъ, перунами потрясаетъ.

— Изъ пушекъ что ли стрѣляютъ въ случаѣ засухи?

— Какое пушки; пушки для этого нужны особливо горластыя, это уже старо.

Теперь на воздушномъ шарѣ поднимаютъ нѣсколько пудовъ ...ита (тутъ онъ—сказалъ незнакомое мнѣ слово: не-то мелепитъ, не-то динамитъ, не-то кардитъ... но слово мнѣ неизвѣстное) и съ земли электрическимъ запаломъ взрываютъ.

— Ну, и сейчасъ тебѣ дождь?!

— Сейчасъ собираются тучи черныя... совсѣмъ, какъ у Кольцова въ пѣснѣ.

— Дивное дѣло! думаю, но все-же невѣжество свое скрываю. Хоть и старый пріятель, а какъ на смѣхъ подыметъ и передъ всей компаніей осрамитъ. Отъ пріятеля-то всего и жди.

Пріятель взялъ меня подъ руку и слегка потянулъ по направленію къ буфету. Видно, сильно першило.

— Погоди, дай хоть старый-то, дорогой журналъ посмотрѣть!

Посмотрѣлъ я на обложку и прочелъ содержаніе.

„Пять дней за водяными крысами . . Уфимскаго.
„Съ гончими на кроликовъ. . . . . . Нижегородцева.
„На сусликовъ скрадомъ. . . . . . . Екатеринославскаго.
и т. д.

Въ самомъ низу оглавленія я прочелъ: „Отчетъ о садкѣ на береговыхъ стрижей. . . Козодоева".

Все это меня до того поразило, что я не удержался отъ вопроса.

— Какъ, и эту безобидную полезную птицу нынче уже къ садкамъ притянули?

Надо сознаться, что хотя крысы и суслики меня нѣсколько удивили, но зная страсть россіянъ къ „правильной" охотѣ, я сообразилъ, что за XX столѣтіе „правильными" охотами всѣхъ прочихъ звѣрей истребили совершенно правильно, и потому о сусликахъ умолчалъ.

— Какъ ты этого не знаешь? при нынѣшнемъ орудіи въ голубей и стрѣлять не стоитъ.

— Какими же нумерами дроби ихъ стрѣляютъ?

— А вовсе и не дробью. Патроны снаряжаются ртутью. На этомъ билліонное состояніе составилъ ртутный заводъ возлѣ станціи Никитовки.

Все меня поражало, но чтобы состояніе считали билліонами—не ожидалъ!

— Если Никитовскій заводъ билліонное состояніе составилъ, то что же Ротшильдъ?—говорю я пріятелю.

— А эта фирма уже прогорѣла, еще въ серединѣ столѣтія; китайцы подкузмили. Первые торгаши въ мірѣ, всѣ банки содержатъ, а жиды канули въ вѣчность.

Теперь даже генералы изъ жидовъ есть.

— Такъ еврейскаго вопроса уже нѣтъ?

— Эхъ, что вспомнилъ! Теперь уже вопросъ желтый. Жиды вмѣстѣ съ нами плачутъ. Въ новомъ Одесскомъ китайскомъ погромѣ тѣ же жиды такъ китайцевъ за косы трепали, что и православнымъ не уступятъ!

Тутъ я прикусилъ языкъ и рѣшилъ уже лучше молчать совсѣмъ, отсталъ я отъ вѣка... Но пріятель понялъ мою мысль и сказалъ.

— Однако ты такіе архаическіе вопросы задаешь, что тебя наши зубоскалы на смѣхъ подымутъ. Лучше молчи.

— Голубчикъ, я и то молчу; ужъ ты меня не выдавай, по старому знакомству. Я тебѣ за ужиномъ бутылочку, другую холодненькаго поставлю.

— Ну, ладно, пойдемъ въ буфетъ водку пить, у меня изъ-за тебя въ горлѣ такая перхота...

Хоть водку-то сохранили. Обрадовался я. Природу истребили; но русскій человѣкъ безъ природы жить можетъ, а безъ водки... сомнительно!

— Двѣ поливки! скомандовалъ въ буфетѣ мой пріятель.

Пока намъ наливали, я успѣлъ надумать, что эта поливка, должна быть, въ родѣ „зубровки", но ужъ отъ вопроса воздержался.

Выпили. Прежняя зубровка была по-моему лучше; а эта поливка будто на мышиныхъ хвостахъ настоена.

— Вотъ, видишь, эти рюмки изъ новой несгораемой целлюлоиды, не горятъ и не бьются. Съ этими словами онъ хватилъ ее объ полъ. Она не разбилась, а подпрыгнула, онъ поймалъ и сказалъ: „однако по первой не закусываютъ". Наливай еще!

И старое выраженіе сохранили, подумалъ я и порадовался святой старинѣ.

Мы повторили, и послѣ этого жгли рюмку и она не горѣла.

Вотъ это хорошее изобрѣтеніе, подумалъ я. Хозяйки теперь, поди, ликуютъ. Деревенская прислуга хоть нарочно бей посуду, она цѣла останется.

Пріятель мой повелъ меня на стэндъ; ходъ былъ къ нему прямо изъ буфета. Вотъ, это удобно, подумалъ я, недалеко ходить спрыскивать призы. Удобства вездѣ поразительныя. Только надавливай кнопки, и сейчасъ все является. Кнопокъ множество.

Хорошо это, подумалъ я; все это по новому, но если по старому водку пьютъ, то кнопки немудрено и перепутать, и подадутъ тебѣ вмѣсто селянки на сковородкѣ сапожной мази.

Посмотрѣлъ я витрины съ оружіемъ, блиставшимъ роскошной отдѣлкой и вмѣстѣ съ тѣмъ художественной простотой.

— Этими винтовками въ цѣль стрѣляютъ по неподвижной и по подвижнымъ цѣлямъ,—сказалъ пріятель.

— А звѣрей!..

— Какихъ тебѣ звѣрей изъ нынѣшнихъ винтовокъ стрѣлять? Изъ этой винтовки можно допотопнаго ихтіозавра въ длину насквозь пробить. Да и звѣрей почти нѣтъ.

— Звѣрей почти извели, а винтовками хвалитесь. Ну, а дробовики?

— Дробовики на 500 шаговъ стрѣляютъ очень хорошо всѣми нумерами дроби, а картечью и дальше.

— Да, этакимъ оружіемъ можно на землѣ ничего живого не оставить.

— Да и такъ не оставили. Вотъ, подожди рѣчи предсѣдателя, узнаешь, что извели, а что осталось намъ на забаву.

— Мало намъ на забаву осталось; ужъ если природу извели, такъ что же осталось?

— А ты впередъ не забѣгай, все узнаешь въ свое время, что за бабье любопытство!..

Мнѣ стало грустно, и съ горя ужъ я предложилъ пріятелю полѣчиться отъ перхоты. До ужина мотался я, опустивъ очи долу. Слышанное мною изъ головы не выходило: природы нѣтъ, звѣрей и птицъ перевели...

Въ 12-мъ часу сѣли за столъ. Сервировка богатѣйшая, вся посуда изъ целлюлоиды преломляла свѣтъ всѣми цвѣтами радуги; салфетки и скатерть чуть ли не изъ мягкаго стекла тканыя. Предъ каждымъ приборомъ стояло изящно отпечатанное меню въ охотничьемъ вкусѣ. Птицы и звѣри были изображены въ краскахъ на диво хорошо. Пріятель мой повѣдалъ мнѣ, что это цвѣтная фотографія, а всѣ живописцы и граверы съ собой покончили; первые собственными красками перетравились, а вторые рѣзцами жилы пооткрывали.

Въ самомъ меню значилось:

Буліонъ а ля Нимвродъ Вавилонскій
Пирожки полевые.
Снитки провансаль.
Ростбифъ облавный
Ласточки и стрижи а ля Тартаренъ Тарасконскій.
Пуншъ-гласе правильная охота.
Дессертъ.

Буліонъ легендарнаго вавилонскаго охотника былъ жидковатъ, но пирожки, имѣвшіе форму патроновъ, выручали. Снитки провансаль меня прямо разозлили своей мизерностью. Пріятель мой это замѣтилъ и шепнулъ,—тебѣ, небось, стерляди или осетра; нынче, братъ, и на тоняхъ аншлагъ вывѣшенъ: „кромѣ плотвы и окуня". Ласточки и стрижи а ля Тартаренъ Тарасконскій были недурны и „въ достаточномъ для насыщенія количествѣ", какъ печатается въ прейсъ-курантахъ 3-го класса на желѣзныхъ дорогахъ. Наканунѣ нарочно была садка.

Ласточекъ и стрижей подали ровно безъ 20 м. 12 ч. и стали наливать бокалы, а ровно за четверть часа до полуночи предсѣдатель взялъ бокалъ деликатно двумя пальцами за талію и всталъ; въ отвѣтъ ему всѣ зашумѣли стульями и, придерживая бокалы, поднялись.

Предсѣдатель началъ:

„Милостивые государи! На мою долю выпало рѣдкое счастіе предсѣдательствовать при встрѣчѣ новаго XXI столѣтія и II тысячелѣтія и при томъ въ столь многочисленномъ собраніи интеллигентныхъ охотниковъ. Время позволяетъ мнѣ до боя часовъ въ немногихъ словахъ помянуть истекшій вѣкъ въ охотничьемъ отношеніи. Я полагаю указать сравнительно на оружіе, употреблявшееся въ началѣ XX вѣка и настоящее на птицъ и звѣрей, служившихъ предметомъ охоты и спорта, на общества правильной охоты, покрывшія земной шаръ, какъ сѣтка меридіановъ и параллелей, на международный центральный органъ этихъ обществъ въ Римѣ, укажу на развитіе охотничьей литературы и закончу опредѣленіемъ главной задачи нашего отдѣла на предстоящее XXI столѣтіе".

„Оружіе, милостивые государи, оставленное XIX вѣкомъ XX, лучше всего характеризуется слѣдующимъ объявленіемъ магазина „Центральное депо оружія". Большая Конюшенная, № 29.

„Безпримѣрная новость.

Поступили въ продажу новѣйшія дробовыя центральныя ружья съ дамасковыми и стальными стволами „Le Francotte". Курковыя и безкурковыя, для простого и без-

дымнаго пороха, исключительно для моего склада приготовленныя всемірно извѣстнымъ заводомъ Франкоттъ. Ружье „Le Francotte" спеціально мною назначается для сосредоточенія на немъ общаго вниманія, какъ на вещи до сихъ поръ буквально неслыханной, съ каковой цѣлью и предлагается гг. охотникамъ всего лишь за 138 р. курковое, и за 155 руб. безкурковое, не взирая на то, что ружье „Le Francotte" какъ по своей богатѣйшей сплошной отдѣлкѣ, такъ равно и по своему поражающему бою, ничуть не отличается отъ иныхъ ружей, цѣною въ 250—300 р. Описаніе высылается" *).

„Я избралъ это объявленіе для характеристики оружія XIX и начала XX вѣковъ, полагая, что выше этого оружія и быть не могло, тѣмъ болѣе, что объявленія этого магазина зачастую помѣщаются рядомъ съ объявленіями о столь же всемірно извѣстныхъ произведеніяхъ, какъ Санталъ Миди, трава Кузьмича, впрыскиванія Матико и Концертный Аккордеонъ –Удовольствіе.

Это по части дробовыхъ ружей. Нѣтъ сомнѣнія, что и нарѣзное оружіе стояло на той же высотѣ; но не имѣя подъ руками объявленій „Центральнаго депо оружія" о винтовкахъ этого магазина, я затрудняюсь приводить ихъ названія. Сама извѣстность этого магазина достаточно гарантируетъ, что и винтовки его столь же безпримѣрны, неслыханны и убійственны.

Но какой невинной игрушкой кажется все это всемірно извѣстное, безпримѣрное оружіе въ сравненіи съ тѣми образцами, которые заключаются въ витринахъ нашего стэнда. Дробовики и винтовки наши стрѣляютъ столько разъ въ минуту, сколько имѣется патроновъ, и самая скорость стрѣльбы можетъ быть регулирована по произволу стрѣляющаго. Сила прониканія пуль нашихъ винтовокъ столь велика, что наша планета не производила въ своемъ прошломъ такого животнаго, которое не могло быть пронизано пулей насквозь. Намъ остается только сожалѣть, что эта сила не можетъ быть доказана опытнымъ путемъ,

---

*) Газета „Свѣтъ", № 314, 1900 г.

по живымъ цѣлямъ, и мы принуждены стрѣлять только по мишенямъ.

На кучности, дальности и рѣзкости боя нашихъ дробовиковъ я полагаю лишнимъ и останавливаться; всѣ вы, милостивые государи, ежедневно убѣждаетесь въ этихъ качествахъ въ стэндѣ, или на охотахъ нашего общества. Револьверы наши стрѣляютъ съ такой быстротой, что накаляются докрасна, и оружіе имѣетъ видъ пламеннаго языка, мечущаго изъ себя пули почти непрерывной струей.

Теперь я позволю себѣ перейти къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя произведены нашимъ оружіемъ въ цѣпи охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ. Перемѣны эти столь велики, что, въ виду краткости времени, я не стану перечислять всѣхъ уничтоженныхъ звѣрей и птицъ. Слоны, носороги и бегемоты отошли къ своимъ праотцамъ: мамонтамъ, мостодонтамъ и носорогамъ съ костяной носовой перегородкой. Мощный зубръ, которымъ по справедливости гордилась Бѣловѣжская пуща, уничтоженъ безбилетными охотниками, не взирая на бдительную охрану; еще раньше исчезли съ лица земли зубръ кавказскій и американскій бизонъ. Но я оставлю этотъ скорбный перечень. Чтеніе списка живыхъ существъ, стертыхъ съ лица нашей планеты оружіемъ безбилетныхъ и не соблюдающихъ сроковъ охотниковъ, занялъ бы нѣсколько часовъ времени, и я принужденъ сказать только, что списокъ этотъ обнимаетъ почти цѣликомъ всѣ отряды всѣхъ классовъ животнаго міра. Они потеряли уже для насъ всякое значеніе и входятъ лишь въ учебники наравнѣ съ трилобитами и аммонитами, съ тою лишь разницей, что не служатъ указателями формацій, а лишь европейскаго варварства. Уцѣлѣлъ однако же тигръ, но область распространенія его ограничивается дельтой рѣки Ганга, откуда его не выжить изъ болотъ и тростниковъ. По слухамъ существуетъ еще овцебыкъ на самомъ сѣверѣ Гренландіи, по недоступности этой страны для безбилетныхъ охотниковъ. Нѣкоторыя ластоногія сохранились по той же причинѣ. Умѣренный же и тропическій пояса земного шара сохранили только воронъ, галокъ, ласточекъ, стрижей, мышей, простыхъ и во-

дяныхъ крысъ, сусликовъ, хомяковъ, полевокъ и соней; самымъ крупнымъ неодомашненнымъ млекопитающимъ является искусственный заяцъ-кроликъ покойнаго французскаго ученаго Ру. Въ классахъ пресмыкающихся и рыбъ остались только кое-какія змѣи, да плотва, окунь, какъ рѣдкость, колюшка и снитки, крупные экземляры которыхъ играли видную роль въ нашей трапезѣ. Послѣднія черепахи съѣдены на обѣдѣ лондонскаго лорда-мэра; послѣдній, прямой потомокъ Чемберлэна, надняхъ писалъ мнѣ, что даже на вѣсъ трансваальскаго золота не могъ достать ни единой черепахи, и послѣдній обѣдъ его былъ лишенъ традиціоннаго супа.

Голубиныя садки замѣнились стрѣльбой ласточекъ и стрижей, и этотъ видъ спорта встрѣчаетъ все болѣе послѣдователей.

Обращаясь къ числу обществъ правильной охоты, я долженъ констатировать тотъ лестный для нашего просвѣщеннаго времени фактъ, что каждый охотникъ состоитъ членомъ какого-либо общества правильной охоты, ибо прямой законъ этому обязываетъ; лишь егеря и охотничья прислуга ввладѣютъ ружьями, не состоя дѣйствительными членами охотничьихъ обществъ, но за ихъ шалости отвѣчаетъ общество. Въ недавнемъ времени всѣ охотничьи общества земного шара объединены международнымъ учрежденіемъ центральнаго органа на классической почвѣ Италіи, въ стѣнахъ вѣчнаго города. Мѣсто для центральнаго охотничьяго учрежденія избрано международнымъ конгрессомъ въ тѣхъ видахъ, что родина Плинія и г-на Криспи извела у себя буквально всѣхъ не домашнихъ существъ, даже саранча избѣгаетъ посѣщать эту страну и заносится только вѣтрами. Наиболѣе опустошенная въ охотничьемъ отношеніи мѣстность естественно болѣе и нуждается въ центральномъ органѣ, имѣющемъ задачей правильную охоту и размноженіе животныхъ.

Я намѣренно отнесъ къ концу своихъ словъ охотничью литературу. Эта область внѣ всякихъ сомнѣній можетъ составить гордость охотниковъ нашего времени. Возьмите любую статью современныхъ охотничьихъ журналовъ, и

въ каждомъ авторѣ вы найдете Тургенева, Аксакова, Черкасова и другихъ, да еще возвышенныхъ въ нѣкоторую степень. Остроуміе ихъ можетъ сравниться развѣ только съ остротой японскихъ сабель, слогъ ихъ красенъ, какъ вареный ракъ, а отдѣлка сплошна и богата, какъ у ружей „Le Francotte“. Могло бы показаться недостаткомъ, что въ современной охотничьей литературѣ описаній природы вовсе не встрѣчается. Но это совершенно естественно, разъ никакой природы теперь уже не существуетъ, и все замѣнили машины и чиновники министерства естественныхъ дѣлъ.

Я почти уже кончилъ, Милостивые Государи; часы уже стрѣляютъ. Позвольте поставить задачей нашихъ обществъ, чтобы съ новымъ вѣкомъ они оказали помощь природѣ дать какой-нибудь новый ходъ по теоріи Дарвина въ развитіи животнаго міра, и наши ласточки и стрижи, вороны и галки, мыши и крысы, суслики и хомяки обратились бы вновь въ слоновъ и бегемотовъ, лосей и козуль, волковъ и медвѣдей, вальдшнеповъ и бекасовъ, тетеревей и куропатокъ, которыми еще гордилось XIX столѣтіе“.

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ вѣкомъ, съ новымъ тысячелѣтіемъ и съ новой охотой, если ей суждено когда-нибудь быть! Ура“!

Мощное ура изъ многихъ десятковъ грудей было отвѣтомъ на рѣчь почтеннаго предсѣдателя и его пожеланія. Громче всѣхъ кричалъ какой-то молодой субъектъ съ взъерошенной шевелюрой, очевидно, хватившій горькаго до слезъ.

Наконецъ, всѣ опять сѣли. Рѣчей больше не было. Какъ мнѣ сказалъ мой пріятель, по уставу общества рѣчи на новогоднихъ собраніяхъ говоритъ только предсѣдатель, а то подъ конецъ трапезы нѣкоторые ораторы несутъ такую чушь, что уши вянутъ. Началась бесѣда и хлопанье пробокъ.

Все время ужина и рѣчи предсѣдателя я молчалъ, какъ скелетъ допотопнаго животнаго, но скоро пошелъ задавать вопросы. Покаюсь, какъ услышалъ я о результатахъ безбилетной охоты, объ истребленіи всѣхъ животныхъ, то мнѣ стало такъ грустно, что я молча выпивалъ стаканъ за ста-

каномъ. Бакалы мы скоро оставили, это посуда не охотничья. Что, думалъ я, толку въ вашемъ совершенномъ оружіи, въ безпощадныхъ обществахъ правильной охоты и въ золотомъ вѣкѣ охотничьей литературы, коли никакой охоты нѣтъ.

— На кого же вы теперь охотитесь?—спросилъ я пріятеля.

— На мышей и сусликовъ съ таксами, замѣнившими всѣхъ борзыхъ и гончихъ, на сусликовъ и хомяковъ скрадомъ; послѣдняя охота наиболѣе трудная.

— А по перу?

— Галокъ и воронъ стрѣляемъ на падали и съ чучеломъ филина изъ папье-маше. Береговыхъ стрижей съ лодки въ хорошую погоду и ласточекъ предъ дождемъ. Скоро думаемъ перейти на шапки и жестянки по завѣту Тартарена и думаемъ дать самое широкое развитіе традиціонной отечественной стрѣльбѣ по бутылкамъ. Но ты, однако, ставь обѣщанное.

Я потребовалъ. Пріятель меня познакомилъ съ нѣсколькими охотниками, и мы мирно бесѣдовали. Кругомъ въ свою очередь шумно звенѣли рѣчи массы небольшихъ группъ, на которыя всегда разбивается подъ конецъ трапезы многочисленное общество.

— А каково наше оружіе,—сказалъ новый знакомый, это не чета даже объявленіямъ Венига!

— Да, на кой чортъ все это оружіе, коли охоты нѣтъ! Сусликовъ прежде просто выливали водой, гдѣ ихъ ужъ очень заводилось.

— А теперь уже сусликовъ законъ беретъ подъ защиту. Ученые зоологи говорятъ, что вся надежда, завести опять крупныхъ звѣрей, на какой-нибудь новой ходъ теоріи Дарвина, а сусликъ все-таки животное крупное, процессъ эволюціи совершится быстрѣе, чѣмъ отъ мышенка.

— А давно отмѣненъ законъ 1892 г.?

— Ха,-ха,-ха!—захохоталъ другой новый знакомый. Этотъ законъ у насъ извѣстенъ подъ названіемъ закона поощренія безбилетныхъ охотниковъ. Чтожъ его и отмѣнять, коли онъ никогда не примѣнялся.

— Однако, позвольте, —заступился я за старый законъ.— По вашимъ словамъ законъ 1892 года является какимъ-то пазанкомъ, который бросили охотникамъ. Законы святы, а исполнители лихіе супостаты. Законъ самъ по себѣ былъ очень не дуренъ, только присмотра никакого.

— А въ этомъ все дѣло,—сказалъ мой старый пріятель.— Ужъ такова человѣческая порода, за ней, братъ, нуженъ глазъ, да глазъ!

— Да и глазъ однихъ мало, а свидѣтели и протоколъ,— добавилъ новый знакомый.

Трудно было съ этимъ не согласиться, памятуя, что всѣ нумера журналовъ полны воплями на браконьерство и расхищеніе богатствъ нашихъ водъ и лѣсовъ. Но я все же пробовалъ защищать законъ:

— Но позвольте, гдѣ полиція и земскіе начальники за этимъ смотрѣли, тамъ нарушеній закона было немного.

— Эхъ, батенька, полиція за этимъ много смотрѣть не можетъ, у ней исходящихъ и входящихъ столько, что городовые едва успѣваютъ разносить пакеты. Да и гдѣ же полиціи охотничьи угодья осматривать, у нея и въ населенныхъ пунктахъ дѣла много. Поживите-ка въ провинціи. Нуженъ и спеціальный присмотръ, облеченный правомъ, чтобъ его показанія принимались, какъ присяжныя, а то не можетъ же онъ всюду водить за собой свидѣтелей.

Я промолчалъ и согласился съ этимъ. На меня нашелъ какой-то туманъ; положимъ, пустыхъ бутылокъ навалили въ буфетной цѣлую гору. Въ головѣ моей какимъ-то клубомъ перепутывались: и законъ 1892 года, и исчезнувшіе мощные представители животнаго царства, составлявшіе гордость творческой силы природы, и министерство естественныхъ дѣлъ, суслики и стрижи съ ласточками, и ружья пробивающія кита отъ хвоста до головы, и дробовики, стрѣляющіе сколько угодно разъ на 500 шаговъ... ко всему этому примѣшивалось ожиданіе какого-то новаго закона.

Разговоры становились громче, сознаніе у меня все болѣе утрачивалось; я уже плохо сознавалъ, гдѣ я нахожусь; въ глазахъ у меня темнѣло, меня давила какая-то нравствен-

ная тяжесть, и, наконецъ, все смѣшалось во тмѣ, которая наводила на меня какой-то страхъ... Я хотѣлъ вскрикнуть, встать и достать спичку, но ни руки, ни ноги не повиновались...

Наконецъ, просыпаюсь облитый цыганскимъ потомъ; зажегъ свѣчу; было 2 часа новаго вѣка. Чтобы придти въ себя окончательно, я закурилъ толстѣнную вертушку и, потягивая дымъ, говорилъ себѣ: все это, слава Богу, сонъ!

Н. Мартесонъ.

Сюрпризы на охотѣ.

Въ то время, къ которому относится мой разсказъ, зима стояла очень удобная для охоты. Снѣгъ лежалъ ровно, выпало его много, метелей было мало, почему наносовъ и сугробовъ большихъ не было, дороги всюду были хорошія, безъ ухабовъ и раскатовъ; всѣ удобства для зимнихъ охотъ.

Въ одинъ изъ такихъ зимнихъ дней я выѣхалъ въ окружающія сосѣднія поля поискать, не подошли ли волки. Я зналъ, что лисицу найдемъ. Комплектъ моей охоты былъ таковъ: главный обкладчикъ и два его помощника, два стрѣлка, которыхъ держалъ по найму, трое санокъ на высокихъ копыльяхъ, шесть паръ лыжъ, 40 флачковъ, вотъ и все. Такимъ образомъ я путешествовалъ всюду, гонялся за волками, ночевалъ, гдѣ придется, куда приведутъ волки. Всѣмъ охотникамъ даны были волчьи шубы, шапки, сшитыя изъ волчьихъ шкуръ своей охоты.

На этотъ разъ выѣздъ мой по началу былъ удаченъ: не проѣхали верстъ четырехъ, какъ напали на слѣды партіи въ шесть волковъ. Иванъ Ивановичъ (такъ звали главнаго обкладчика) и одинъ изъ его помощниковъ стали на лыжы, пошли слѣдами, а мы тронулись въ заѣздъ дорогами, стараясь не терять съ глазъ Ивана Ивановича. Но вотъ Иванъ Ивановичъ показался на бугрѣ, далъ условный знакъ шапкой остановиться; мы стали, а онъ скрылся подъ бугоръ. Гнаться, такимъ образомъ, за волками приходится иногда очень долго. Бываетъ такъ, что весь день продолжается такого рода ѣзда. Къ овражистымъ мѣстамъ при-

ходится одному или двумъ выйти на бугоръ, чтобы не терять съ глазъ обкладчика и указывать направленіе, куда ѣхать и въ какую сторону идутъ волки. Случается и такъ: попадется на глазъ лисица, тотчасъ даемъ знать обкладчикамъ бросаніемъ вверхъ шапки, собираемся и въ какіе-нибудь полчаса, иногда и того меньше, справляемся съ ней, а затѣмъ продолжаемъ преслѣдовать волковъ.

Не прошло и четверти часа, какъ явился Иванъ съ помощникомъ.

— Обложимши! Тутъ волки всѣ шесть!

Назначивъ мѣста стрѣлкамъ, самъ съ помощникомъ, взявъ флачки, пошелъ въ загонъ. Я взялъ крайній номеръ у дороги, но не успѣлъ еще совсѣмъ окопаться снѣгомъ, какъ вижу по этой дорогѣ кто-то ѣдетъ къ намъ; я вскочилъ, показываю руками, шапкой, чтобъ ѣхавшій остановился и подождалъ. Смотрю — это нашъ земскій начальникъ Ж. Стоитъ онъ въ саняхъ, во весь свой большой ростъ и наблюдаетъ за нами.

Ну! думаю, плохо дѣло, отобьетъ волковъ, но вдругъ слышу выстрѣлъ. Схвативъ стоявшее въ снѣгу ружье, поскорѣе сѣлъ въ выкопанную ямку за нехорошо еще устроенную стѣнку.

Стрѣлялъ средній номеръ—Иванъ усатый.

Матерой волкъ катитъ отъ него во весь махъ, шагахъ въ пятнадцати мимо меня, спускаю курокъ—осѣчка, другой—тоже: оказалось, ружье не заряжено: въ попыхахъ, когда вниманіе мое было отвлечено Ж., я забылъ въ ружье вложить патроны. Между тѣмъ загонъ вышелъ. Не успѣли загонщики еще зайти, какъ старый волкъ пошелъ на линію, а за нимъ и вся партія. Но партія шла далеко позади стараго наскочившаго на средній номеръ. Иванъ усатый по волку промахнулся, а отъ выстрѣла вся партія прорвалась на сторону.

Въ это время подъѣхалъ къ намъ виновникъ всего Ж.

— Что жъ вы не стрѣляли по волку?

— Изъ-за васъ я забылъ вложить патроны!

Прибѣжалъ Иванъ Ивановичъ обкладчикъ.

Скорѣй собирайтесь! лошадей давайте! Ступай Иванъ

по материку слѣдомъ, а мы будемъ заѣзжать на перебой, придется брать на ходу.

Собираемъ скорѣй флачки и погнали лошадей въ объѣздъ по дорогамъ. Мѣстность знакомая. Надо поспѣть къ рѣчкѣ прежде волковъ,—авось замѣшкаются. Они должны собраться къ материку въ оврагѣ, который у рѣки. Мчимся! Вотъ и оврагъ, перебираемся на другую сторону. Влѣво рѣка. Стой! Беру бинокль, разсматриваю. По ту сторону оврага виденъ Иванъ. Всматриваюсь. Въ оврагъ спускается волкъ,—одинъ, другой, третій, всѣ шесть. Живо связали лошадей, разставили флачки по обѣ стороны оврага, устроили номера: одинъ на этой сторонѣ, другой въ оврагѣ, внизу и третій на противоположной сторонѣ оврага. Окопались. Ждемъ.

Помощники разставили флачки, стали заходить по сторонамъ.

Иванъ Ивановичъ, какъ увидалъ, что у насъ готово, сталъ подкрикивать.

На этотъ разъ я ружье, конечно, зарядилъ. Послышался усиленный крикъ помощника слѣва. Я приготовился за снѣжной защиткой, присматриваюсь... Впереди громадный материкъ катитъ прямо ко мнѣ, немного влѣво другой, позади еще и еще—всѣ шесть. Наждалъ близко, выстрѣлъ, другой... О чортъ возьми! неужели промазалъ?!! Тороплюсь вложить патроны. Слѣдующіе волки бросились на средній номеръ. Яковъ краснощекій дѣлаетъ два выстрѣла одинъ за другимъ. Одинъ волкъ упалъ. Остальные три ушли къ рѣкѣ. Всматриваюсь въ своихъ. Передній дѣлаетъ прыжокъ вверхъ и падаетъ, какъ снопъ, другой пробѣжалъ немного, тоже упалъ: оба наповалъ. Убиты были: старый громадный самецъ и довольно крупная волчица.

Пришелъ обкладчикъ Иванъ.

— Съ полемъ, Андрей Петровичъ! Хороши волчки! Нечего сказать, хороши.

У Якова оказался порядочный переярокъ. Собирайтесь, ѣдемъ домой, довольно поохотились. Хотя три волка и ушли, но не надолго, и эти попадутся. Собрались, поѣхали.

Недалеко, версты три не доѣзжая до дому, подозрѣли лисицу. Скорѣй, скорѣй!! Пришлось всѣ наши шубы разложить вдоль дороги въ видѣ черноты, затѣмъ отъ дороги шаговъ на 60, намѣтили первый номеръ, на которомъ я и остался. Слѣдующіе номера дальше, флачки и лошадей устроили въ полѣ. Иванъ Ивановичъ и его помощники стали заходить. Едва успѣлъ я устроить снѣжную защитку и вложить патроны, какъ послышался крикъ загонщиковъ и показалась лисица. Я припалъ, приготовился, жду, вижу, какъ лиса пробирается полемъ ко мнѣ. Все вниманіе устремлено на лису. Вскинулъ я глаза направо на черноту, и что жъ вижу! Ѣдетъ въ развальныхъ саняхъ мужикъ по дорогѣ и собираетъ черноту—наши шубы и преспокойно укладываетъ къ себѣ въ сани. Крикнуть и показаться, не могу—отпугну лисицу, бѣгущую прямо ко мнѣ, а мужикъ, уложивъ, всѣ наши шубы, тронулъ лошадь вскачь и былъ таковъ. Я наждалъ лисицу и убилъ. Морозъ градусовъ 18. Мы остались безъ шубъ, хорошо еще, что было всего версты три до дому. Погнали лошадей, пріѣхали домой, хотя безъ шубъ, но съ тремя волками и лисицей.

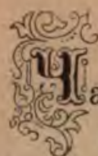
Двѣ недѣли пропадали наши шубы, но все-таки нашлись.

Что жъ было дѣлать съ мужичкомъ, и за то спасибо, что нашлись.

А. Обезьяниновъ.

1900 года, мартъ.

На Печорѣ.

асть Вологодской губерніи по р. Печорѣ съ притоками — Илычемъ, Мылвою, Щугоромъ и друг., составляетъ частицу обширнаго Печорскаго края.

Раскинувшись на нѣсколько сотенъ верстъ, этотъ край — такая глушь, которую можно встрѣтить развѣ только гдѣ-нибудь въ дебряхъ сибирскихъ.

Положимъ, что здѣсь до Сибири и не далеко—всего сотня, другая верстъ, а Уралъ около Ляги настолько пологъ, что путешественнику трудно и замѣтить, какъ изъ цивилизованной Европы онъ очутился въ глухой Азіи.

До послѣдней волости Щугорской отъ ближайшаго уѣзднаго города Устьсысольска 700 верстъ и это все одинъ уѣздъ, населенный зырянами.

Отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, рѣдкія станціи, сильные морозы и вьюги, все это вмѣстѣ взятое сильно мѣшаетъ путешествію по краю.

Выѣхавъ изъ Устьсысольска, вы уже на первыхъ 200-хъ верстахъ чувствуете утомленіе, а станціи чѣмъ дальше— тѣмъ длиннѣе. Послѣдняя сухопутная станція 140 верстъ; нигдѣ жилья, кромѣ четырехъ зимовокъ — обиталищъ клоповъ.

Безконечный лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ!

Да ладно бы хорошій лѣсъ, а то ель, захудалая сосна, гарь и болота; всю дорогу никакого разнообразія, негдѣ отдохнуть глазу.

А тутъ еще почти двое сутокъ подъ рядъ трясетъ васъ столь же однообразно захудалая зырянская кляча. Хорошо еще, если возница—печерецъ, онъ и разскажетъ что-нибудь

изъ своей лѣсной скитальческой жизни или же споетъ русскую пѣсню *), совершенно искажая смыслъ—нерѣдко услышите печальную пѣсню, гдѣ милый милую сѣдлаетъ во черкасское сѣдло и летитъ на пиръ кровавый, нѣжно распростившись съ лошадью, которая въ кисейный платочекъ льетъ слезы горючія... Или же весело пріударитъ:

Изъ московская купца
Была дочка хороша
Звали Аннушкая!..

Если же васъ везетъ угрюмый вычегодецъ, то на эти двое сутокъ такъ-таки и прощайтесь съ хорошимъ настроеніемъ.

Но вотъ, наконецъ, и село Троицко-Печерское или Мылдинъ.

Ѣхать еще до Щугора 300 верстъ. Здѣсь уже дорога гладкая — скатертью; конь ѣсть не проситъ и везетъ не трясетъ, однимъ словомъ, тутъ конецъ сухопутному путешествію и дальше дорогъ не существуетъ.

Къ услугамъ путешественника лодка, если на одну лошадь—съ двумя гребцами, на пару—съ тремя и т. д.

За неимѣніемъ дорогъ патріархальный житель Печоры до колесъ и не додумался, выполняя и лѣтнія работы на дровняхъ.

По профессіи всѣ жители данной мѣстности охотники и рыболовы.

Въ волости Печорской есть полная возможность заняться земледѣліемъ, но привычка къ бродяжничеству беретъ свое; ради нѣсколькихъ бѣлокъ зырянинъ готовъ перенести всевозможный трудъ.

Цивилизація еще не коснулась этого медвѣжьяго угла, вездѣ царитъ полное невѣжество, а легкость нравовъ просто замѣчательна. Невольно подумаешь, что или стыдъ здѣсь замерзъ или же еще отъ праотцевъ не могъ забраться въ эту непроглядную глушь.

Жениться и взять дѣву съ „чурками“ (такъ наз. здѣсь

---

*) Зырянск. пѣсенъ не существуетъ, а между тѣмъ они любятъ пѣть и поютъ русскія пѣсни, сохраняя мотивъ, но не понимая смысла.

незаконныхъ дѣтей)—верхъ счастья — предметъ зависти односельчанъ.

— Что ему житье-то, съ неба валится! -- вонъ жена троихъ привела, невдалекѣ и работники!

Оригинальное приданое?!

Но кому худо жить въ этой глуши—земледѣльцу, а охотнику—раздолье! Необозримые дѣвственные лѣса переполнены дичью. Въ пармѣ копошится скромный рябчикъ; испуганный—загремитъ и скроется въ густой зелени.

На борахъ поминутно даютъ знать о себѣ красавецъ косачъ и грузный глухарь, на котораго такъ хороша охота съ мѣстной лайкой осенью и весной, когда этотъ рыцарь заводитъ свою чудную (для охотника) пѣснь любви.

Рѣка Печора со множествомъ озеръ и притоковъ изобилуетъ водяной дичью: какихъ породъ утокъ вы тутъ не встрѣтите, особенно весной, когда пернатые рыцари облеклись въ блестящую красивую одежду: вонъ бѣлый, какъ снѣгъ, *гоголь* объясняется въ любви съ своей скромной черненькой подругой; тамъ, вытянувъ свою длинную шею, блистаетъ сѣрымъ опереніемъ шилохвостъ.

Красавецъ кряковень въ непроходимой чащѣ ивняга, гдѣ его никто не потревожитъ, наслаждается супружескимъ счастіемъ, а чирокъ, какъ ловкій кавалеръ, юлитъ вездѣ, весело присвистыя.

Тутъ и свіязь и нырокъ и дружная чернядь, — завершительница перелета! Довольно здѣсь привольныхъ луговъ и для осторожнаго гуся и зеркальныхъ озеръ для нѣжнаго лебедя!

Весна, въ особенности печорская весна, какъ ты хороша и прекрасна!

Ждутъ ли тебя такъ—какъ мы и умѣютъ ли любить тамъ, гдѣ зима кислая, коротковѣчная?

Нѣтъ, сто разъ нѣтъ!

Только мы, проживъ 8-мимѣсячную суровую зиму съ морозами въ 50°, видимъ въ полной красѣ эту рѣдкую гостью.

Въ концѣ марта уже чувствуется ея приближеніе.

Съ какимъ нетерпѣніемъ охотникъ смотритъ на двухстволку, скромно пріютившуюся на стѣнѣ!

Сколько разъ чиститъ и безъ того уже чистое ружье, говоритъ съ нимъ, какъ съ одушевленнымъ! Приложится, прицѣлится въ воображаемую птицу, тамъ быстрый поворотъ направо, налѣво и пр. Человѣку, не посвященному во всѣ прелести охоты, нимвродъ, ждущій весны, покажется не совсѣмъ въ своемъ умѣ.

Только собака умильно смотритъ на хозяина своими умными глазами; она все понимаетъ и чувствуетъ, выражая свое душевное волненіе нѣжнымъ взвизгиваніемъ и умильнымъ виляніемъ хвоста — выразителемъ собачьихъ чувствъ.

Сколько невыразимо счастливыхъ дней провелъ я въ этихъ изобилующихъ дичью мѣстахъ, бродя бывало съ двухстволкой на плечѣ и неизмѣннымъ Флейтономъ цѣлыя сутки и даже недѣли.

Сколько разнородныхъ впечатлѣній и приключеній, о которыхъ такъ пріятно вспоминать въ долгіе зимніе вечера!

II.

Конецъ апрѣля 1894 года ознаменовался такимъ дружнымъ ледоходомъ, какого и старожилы не запомнятъ.

Полюбоваться этимъ зрѣлищемъ высыпали всѣ—и старъ, и младъ.

Погода стояла прекрасная.

Солнце, не заходящее въ это время цѣлыя сутки, чудно освѣщало эту величественную картину движущихся съ трескомъ и грохотомъ ледяныхъ громадъ. Вотъ плыветъ мимо прорубь. Елки, которыми она обсажена, стоятъ чинно, невозмутимо, словно чувствуя, что на нихъ обращено общее вниманіе.

— Чья это прорубь? откуда?—слышится въ толпѣ.

При рѣдкости населенія это вопросъ интересный и важный, потому что тогда можно опредѣлить, сколько времени еще продолжится ледоходъ. Партія гоголей, съ характернымъ при полетѣ свистомъ, быстро пронеслась надъ грозной рѣкой.

Навѣрно не у одного охотника дрогнуло сердце, и рука

невольно потянулась къ плечу, гдѣ обыкновенно виситъ ружье!

Пара лебедей, блестя на солнцѣ своимъ ослѣпительно бѣлымъ опереніемъ, плавно качаясь, тянутся къ сѣверу.

Ихъ уже не видно, а все еще слышится, какъ гласъ трубы, могучій кликъ, радостный привѣтъ землѣ обѣтованной.

Наша Щугорская интеллигенція собралась тутъ же на горѣ около церкви, откуда такой прекрасный видъ на на р. Печору въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ быстрая порожистая р. Щугоръ.

Вдали виднѣется сѣдой Уралъ, провожающій обоихъ въ далекое холодное море, а обильно разросшійся по берегамъ лѣсъ дополняетъ эту прекрасную картину!

Мѣстные охотники и я въ томъ числѣ сговаривались ѣхать при первой возможности на охоту, при чемъ рѣшили большинствомъ голосовъ ѣхать на луга въ 30 в. отъ Щугора, гдѣ въ изобиліи живутъ гуси.

Къ нашимъ услугамъ былъ предоставленъ паровой катеръ купца С., при чемъ его довѣренный Аркадій Яковлевичъ, не столько любившій охоту, сколько веселую компанію, собирался ѣхать вмѣстѣ съ нами. Я, чрезвычайно довольный предстоящей охотой, началъ съ увлеченіемъ формировать поѣздку.

Черезъ три дня рѣка очистилась и мы собрались.

Моими спутниками были Аркадій Яковлевичъ, машинистъ катера—Никанорскій и мѣстный старожилъ—фельдшеръ Семенъ Алексѣичъ.

Погода стояла прекрасная!

Отвалили, дали свистокъ и пошли!

Катеръ, смѣло разсѣкая воду, быстро оставлялъ за собой село.

Время летѣло быстро, тѣмъ болѣе, что въ охотничьихъ разсказахъ и анекдотахъ недостатка не было.

Фельдшеръ презабавно разсказалъ, какъ ему разъ на станціи гуся съ перьями сварили и какъ онъ члена управы угощалъ жаркимъ на касторовомъ маслѣ.

— А что, — спросили мы его, — правду ли говорилъ

Арсеньевъ, что у о. Петра матушка изъ окна тетерокъ стрѣляла?

„Да, правда, но немного не такъ!

Знаете—у нихъ сейчасъ же за домомъ начинается глухой лѣсъ и передъ домомъ оставлены не срубленными высокія лиственницы.

Вотъ на эти рѣдкія деревья при первыхъ осеннихъ заморозкахъ любятъ слетаться стаями косачи, которые иногда такъ облѣпятъ дерево, что и сучковъ не видно; нерѣдко тутъ можно видѣть и глухарей; они зимой питаются молодыми побѣгами лиственницы.

Должно быть, желая воспользоваться легкой добычей, о. Петръ пріобрѣлъ себѣ кремневую дробовку (турку, какъ называютъ зыряне), заряжать ружье онъ умѣлъ еще съ дѣтства, такъ что дѣло не хитрое — стрѣлять можно было прямо изъ окна.

Но вотъ тутъ-то и загвоздка! По закону батюшкамъ запрещено кровь проливать—отецъ же Петръ строго держался буквы закона. Другой на его мѣстѣ, конечно бы, бросилъ ружье, но о. Петръ, о настойчивости котораго и теперь у мѣстныхъ раскольниковъ сохранились веспоминанія, рѣшилъ иначе! Онъ, со всей ему присущей энергіей, принялся за обученіе стрѣльбѣ своей матушки, на которую, по его справедливому мнѣнію, законъ не распространялся.

Матушка пробовала было отказаться отъ этого, столь не присущаго ея полу, занятія, отговариваясь, то боязнью, то трясеніемъ рукъ. На о. Петра это не дѣйствовало и въ скоромъ времени изъ матушки вышелъ хорошій стрѣлокъ

Трогательно было видѣть, какъ эти примѣрные супруги, послѣ удачнаго выстрѣла, спѣшили съ мезонина за добычей, которую побѣдоносно тащили на кухню. Несъ, конечно, всегда самъ, взвѣшивая всю дорогу птицу на вытянутой рукѣ, при чемъ довольная улыбка разливалась по всему лицу батюшки".

Окруживъ разсказчика, мы его поминутно прерывали. Настроеніе у всѣхъ было самое веселое, чему не мало способствовала прекрасная погода и эта чудная зеркаль-

ная ширь окаймленная зеленѣющимъ лѣсомъ! Утки, испуганныя шумомъ катера, поминутно поднимались стаями, но стрѣлять не удавалось. Но вотъ одно совершенно неожиданное происшествіе совершенно разтроило нашу охоту, оставивъ въ душѣ самое страшное воспоминаніе объ этой неудавшейся охотѣ.

Дѣло вотъ въ чемъ:

Въ разгаръ оживленнаго розговора мы на полномъ ходу врѣзались въ берегъ, покрытый водою. Толчокъ былъ настолько сильный, что всѣ попадали и въ испугѣ первое время не могли объяснить, что случилось.

Опамятовавшись сейчасъ же дали задній ходъ, но безуспѣшно.

Пустили въ дѣло единственный шестъ, но, должно быть, засѣли форменно (какъ выразился А. Я.), т. к. при всѣхъ нашихъ усиліяхъ катеръ не шевелился.

Такъ безрезультатно мы пробились часа два.

Что дѣлать?

Ждать прибыли воды долго и вотъ я предложилъ войти въ воду и дружнымъ натискомъ сдвинуть судно.

Вода была немного выше колѣна. Первыми вышли мы трое, кромѣ машиниста, который заставилъ машину усиленно работать заднимъ ходомъ.

Взялись дружно подъ тактъ дубинушки--нѣтъ! не двигается.

— Эй ты!—закричалъ А. Я.--Машина вѣдь и безъ тебя работаетъ! вылѣзай къ намъ!

Машинистъ вылѣзъ.

„Разъ да еще беремъ! Разочекъ еще беремъ!“—надсаживались мы.

Дружными усиліями катеръ сдвинулся и полетѣлъ отъ насъ! Мы же всѣ попадали. Когда пришли въ себя—смотримъ: катеръ, забирая въ сторону, быстро уходилъ отъ насъ. Фельдшеръ, не успѣвшій отпуститься, повисъ на носу, съежившись и согнувшись.

— Утонетъ! право утонетъ!

— Господа! что теперь дѣлать?

Положеніе наше было очень незавидное. О себѣ мы не

думали, а всѣхъ встревожило положеніе фельдшера, тѣмъ болѣе, что онъ не умѣлъ править и застоповать машину.

„Разобьетъ! утонетъ!"—рѣшили мы, а между тѣмъ возможности помочь не было.

Перемокшіе, мы начали скоро зябнуть. Надо было скорѣе выбраться на берегъ по залитому весеннимъ разливомъ лугу.

Сухой берегъ виднѣлся у опушки лѣса—сажень за полтораста. Пошли.

Впереди — путеводителемъ, какъ журавль по болоту, шлепалъ машинистъ; затѣмъ слѣдовалъ я; шествіе замыкалъ своей увѣсистой фигурой А. Я.

Прошли шаговъ 50 и къ ужасу замѣтили, что вода стала гораздо глубже.

Пробившись безрезультатно сравнительно долгое время, мы пришли къ убѣжденію, что отъ берега насъ отдѣляла глубокая полоса воды—шириною сажень въ сто.

— Ну, господа! бродимъ безполезно.

Мы сильно продрогли и не знали что дѣлать. Пробовали кричать, хотя хорошо знали, что тутъ пустынно.

Машинистъ, раздѣвшись, поплылъ къ берегу, сказавъ, что все равно тонуть. Мы со слезами на глазахъ смотрѣли на его удаленіе, а сами плавать не умѣли.

Не знаю, что думалъ А. Я., но у меня все время вертѣлось въ умѣ: „Наконецъ-то! Вотъ и смерть!"

Время шло къ вечеру. Вода прибывала.

Машинистъ на моихъ глазахъ выбрался на берегъ и что-то кричалъ, но что именно, мы не разслышали.

Затѣмъ онъ махнулъ рукой и быстро скрылся въ прибрежномъ лѣсу. Мы молча взглянули другъ на друга, должно-быть, у обоихъ въ головѣ мелькнула невеселая дума.

Вода прибывала... День незамѣтно смѣнялся свѣтлою (какія только бываютъ здѣсь) ночью. Мы молча стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи, окоченѣвъ и посинѣвъ отъ холода.

Утомленіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Противостоять слабому теченію были почти не въ силахъ. Время шло... впрочемъ, нѣтъ, оно не шло, а стояло, потому что каждая секунда намъ казалась вѣчностью.

Сильно ухватившись другъ за друга, мы считали себя погибшими. Чувства отупѣли...

Хоть бы скорѣе все это кончилось! Но нѣтъ! Видно въ книгѣ судебъ наши дни были еще продлены.

Въ минуту сильнѣйшаго отчаянія на берегу послышались голоса людей. Ночью они раздавались особенно ясно.

Вскорѣ мы увидѣли нѣсколько черныхъ силуэтовъ, кричавшихъ намъ. Сильнѣе всѣхъ выдѣлялся голосъ машиниста. Но что страннѣе всего—мы ничего не могли понять изъ этихъ криковъ, хотя каждый звукъ до насъ долеталъ отлично.

Мы съ своей стороны то же не молчали, увѣряя, что больше держаться не можемъ.

Прошло еще нѣсколько времени. Надежда на спасеніе опять начала оставлять насъ.—Какъ же они спасутъ насъ, если у нихъ нѣтъ лодки?

Въ это время на берегу показалось нѣсколько оленій въ упряжи и мы сразу догадались, что судьба сюда закинула весновать самоѣда-оленевода, не успѣвшаго перекочевать къ Камню (Уралу).

Дружными усиліями оленей загнали въ воду и съ ними вмѣстѣ поплылъ въ нашу сторону самоѣдъ, управлявшій оленями длиннымъ шестомъ (хорей).

Небольшой промежутокъ времени—и вѣтвистые рога оленей были уже недалеко. Еще мигъ—и мы крѣпко держались за нашъ экипажъ, влекомые животными къ берегу.

На берегу силы меня совсѣмъ оставили—я очнулся около яркаго костра самоѣдскаго чума, переодѣтый въ сухой совикъ (верхняя одежда оленеводовъ изъ оленьяго мѣха).

Машиниста и А. Я. едва узналъ—настолько ихъ измѣнило своеобразное переодѣваніе.

Насъ окружили наши спасители: самоѣдинъ, его жена и дочь—невѣста, толстогубая и узкоглазая красавица въ самоѣдскомъ смыслѣ, конечно. Тутъ же на огнѣ варилась въ котелкѣ оленина.

Отогрѣвшись, мы себя чувствовали хорошо—и съ аппетитомъ поѣли. Въ это время нашъ хозяинъ соболѣзновалъ, что къ такому случаю не припасъ водочки. — „Бѣда! не

въ чемъ возить, вотъ зимой другое дѣло!" и онъ объяснилъ намъ, что зимой они водку замораживаютъ и возятъ въ мѣшкахъ (въ послѣдствіи мнѣ нѣсколько разъ самому приходилось покупать куски отвратительной водки).

Подкрѣпившись и отогрѣвшись, мы вспомнили и злополучнаго фельдшера.

„Гдѣ онъ и что съ нимъ?"

Мы, хотя и потерпѣли, но зато теперь въ теплѣ и сытые, а онъ?

Послѣ отдыха мы просили нашего хозяина проводить насъ до села. Дѣло предстояло не легкое, т. к. дорогу преграждало множество разлившихся ручейковъ и рѣчекъ. Но всему бываетъ конецъ и мы на другой день уже сидѣли дома за горячимъ пуншемъ, съ ужасомъ вспоминая о пережитыхъ суткахъ.

Для отысканія катера было отправлено нѣсколько человѣкъ. Его нашли не далеко отъ мѣста катастрофы, запутавшимся винтомъ въ прибрежномъ ивнякѣ. Его единственный пассажиръ провелъ двое сутокъ прекрасно—недостатка въ провизіи, и тѣмъ болѣе въ выпивкѣ не было. Надо было видѣть его торжественный въѣздъ въ село и встрѣчу при дружномъ ура!

П. Соснинъ.

На Алтаѣ. *)

Мнѣ подали цѣлое лошадиное ребро, чуть не въ три четверти аршина длиною, на которомъ былъ однако весьма тоненькій слой мяса съ желтымъ жиромъ. Взявъ эту длинную дугу за концы прямо руками, я принялся съ большимъ аппетитомъ сдирать съ нея зубами жареное мясо. На вкусъ оно оказалось превосходнымъ и вовсе не жестко. Жестко только мясо старыхъ коней, а намъ, какъ почетнымъ гостямъ, понятно, подали молодую кобылятину. Въ петербургскихъ кухмистерскихъ я навѣрное ѣдалъ конину подъ видомъ разныхъ рагу и антрекотовъ, но ѣсть ее и знать, что это конина, мнѣ приходилось первый разъ.

Начальство не пожелало продлить свое пребываніе на поминкахъ, и поэтому я лишился случая видѣть ихъ развлеченія, которыя устраиваются номадами на богатыхъ поминкахъ.

Пока мы сидѣли въ юртѣ, толпа все таскалась къ ней, желая заглянуть внутрь, такъ что казакъ Черновъ долженъ былъ, стоя у двери, пускать въ ходъ одинъ изъ своихъ главныхъ аргументовъ—ногайку. Едва мы вышли изъ юрты, какъ толпа окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Кто здѣсь чувствовалъ себя въ своей сферѣ, такъ это Власенко и переводчикъ А. Оба они степняки, молодость ихъ прошла среди номадовъ; лица ихъ сіяли, на нихъ выражался тотъ восторгъ, который является у человѣка цѣльнаго при видѣ родныхъ картинъ послѣ долгой съ ними разлуки.

---

*) См. декабрь 1900 г.

Вынувъ изъ кармана нѣсколько монетъ, А. бросилъ ихъ въ воздухъ надъ тѣсной толпой; дико и неудержимо кинулась орда подбирать деньги; многіе падали, дѣти летѣли кувыркомъ. Когда мы поѣхали дальше, масса конныхъ киргизовъ поскакали насъ провожать. Всѣ были какъ-то веселы, шагомъ почти не ѣхали, а рысь безпрестанно переходила въ карьеръ.

Пройдя часъ времени, мы поднялись на небольшой увалъ Сарытау, и предъ нами узкой стальной лентой сверкнуло прославленное озеро, краса Алтая. Полоса воды все расширялась, и, наконецъ, огромная водная площадь предстала во всей красѣ. Впереди, почти за границей зрѣнія, синѣли западныя высоты озера, направо, къ сѣверу, круто поднимались голые южные скаты Соры-тау, а налѣво зеленѣли кручи Когодай-Кизеня. Озеро имѣетъ почти овальную форму при 35 верстахъ длины и 15 ширины. Съ восточной стороны въ него впадаетъ Чумекъ, а съ западной изъ него вытекаетъ Кольджиръ, несущій воды въ Черный Иртышъ.

Въ озерѣ водится много рыбы породы „ускучей“, а въ ручьяхъ, впадающихъ въ него, много харіусовъ. Несомнѣнно, въ озерѣ имѣются и представители прочихъ прѣсноводныхъ рыбъ, но ловить мнѣ не пришлось, а главное, я ни отъ кого не могъ получить свѣдѣній о представителяхъ рыбнаго богатства. Крестьяне сосѣднихъ деревень (Медвѣдки, Таловки и др.) ѣздятъ сюда весной для ловли. Лѣтомъ никто въ озерѣ рыбы не ловитъ, но зато весной ловля производится самымъ хищническимъ способомъ, и истребленіе рыбы идетъ быстрыми шагами. Когда рыба войдетъ въ ручьи метать икру, устья ихъ загораживаютъ плотинами и спускаютъ черезъ рѣшетки воду; крупную рыбу выбираютъ, а мелкую тутъ и бросаютъ гнить. Я видѣлъ эти плотины и рѣшетки, оставшіяся съ весны. Плотины не болѣе двухъ шаговъ ширины, а при незначительной ширинѣ ручьевъ устройство такихъ плотинъ, понятно, не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій; въ плотинѣ оставляется по срединѣ русла проходъ около сажени; когда рыба пройдетъ вверхъ, проходъ загоражи-

ваютъ рѣшетниками въ дюймъ толщины съ промежутками нѣсколько менѣе дюйма. При такой легкости устройства и ежегоднаго подновленія плотинъ ловля не замедлила отозваться на оскудѣніи озера. Этотъ способъ слѣдуетъ запретить, что и было сдѣлано; генералъ запретилъ всякую ловлю кромѣ удочекъ на годъ. А мнѣ доставило неизъяснимое удовольствіе самолично разорить рѣшетки на ручьяхъ, ближайшихъ къ нашему стойбищу.

Киргизы, лѣтующіе въ сосѣдствѣ съ озеромъ, игнорируютъ водное богатство, и на такомъ озерѣ нѣтъ ни одной лодки. Послѣднее обстоятельство повергло меня въ большую печаль. На озерѣ водится масса дичи разряда плавающихъ: лебеди, гуси, утки, крохали... изъ голенастыхъ много журавлей, куликовъ... О такомъ богатствѣ озера я слышалъ раньше и, предвкушая будущую охоту, половину зарядовъ насыпалъ нулевой дробью для гусей.

Одному изъ чиновъ Зайсанскаго приставства въ порывѣ служебнаго рвенія пришла довольно дикая сама по себѣ фантазія мѣрить глубину озера. Для этой цѣли онъ съ мѣсяцъ назадъ выстроилъ тутъ плотъ и производилъ промѣры; наибольшая глубина оказалась въ 47 аршинъ.

До сихъ поръ мнѣ очень не везло по части охоты; понятно, что, узнавъ объ этомъ плотѣ, я готовъ былъ доказывать необходимость промѣровъ въ озерѣ даже съ точки зрѣнія государственной; справившись, не имѣетъ ли на плотъ видовъ начальство, я отказался отъ обѣда и скоро съ тремя гребцами уже бороздилъ гладкую поверхность озера.

Плотъ оказался неуклюжъ и неповоротливъ, какъ черепаха на землѣ. Подвигались мы впередъ едва ли не быстрѣе толстяка, совершающаго моціонъ по приказанію врача. Дичи что-то видно не было; наконецъ, ястребиные глаза казака усмотрѣли утиный выводокъ, уходившій отъ насъ вдоль южнаго берега. Видѣли мы вдали и гусей, но безнадежно махнули на нихъ рукой. Мы двинулись въ погоню за утинымъ выводкомъ, но быстроходность нашего судна только увеличивала разстояніе до утокъ. Чрезъ полчаса погони я рѣшилъ высадиться на южный берегъ, пѣ-

шкомъ добраться до выводка, а плотъ долженъ былъ мастерить, чтобы не пускать утокъ насредину озера.

Высадился я въ лиственичномъ лѣсу и очутился въ травѣ выше моего роста. Кустарникъ былъ чащи невылазной, и я тщетно рвалъ на себѣ одежду; пробирался я еще медленнѣе плота. Тѣмъ временемъ стало темнѣть, пора было и возвратиться къ биваку; когда мы прибыли, было уже совсѣмъ темно.

Здѣсь юрты были уже выставлены отъ Зайсанскаго приставства. Для генерала со свитой было выставлено три юрты, а не двѣ, какъ прежде. Юрты были соединены такимъ образомъ, что въ средней было сдѣлано три входа: къ двумъ входамъ примыкали двѣ юрты для генерала и свиты, а средняя стала общей и пріемной. Юрты были богато убраны коврами.

Рано утромъ 23 іюля генералъ со мной и Власенкомъ отправился на урочище Чагонаты для осмотра тамошняго отряда. Длина пути около сорока верстъ и почти все время долиной Джаманъ-Кабы. Переѣзжали ее нѣсколько разъ. Дорогой была та же почти дѣвственная растительность, трава въ ростъ человѣка. Много попадалось пихтоваго лѣса. Изъ всѣхъ, такъ сказать, ординарныхъ хвой пихта положительно самая красивая, но зато по части полезности она занимаетъ послѣднее мѣсто,—даже дрова изъ нея плохи.

Часамъ къ двумъ прибыли къ отряду. Урочище Чагонаты находится невдалекѣ отъ сліянія Джаманъ-Кабы съ Кара-Кабой на ручьѣ Чагонатинкѣ. Отсюда Кара-Каба поварачиваетъ на югъ и, принявъ Акъ-Кабу, течетъ въ Черный Иртышъ уже подъ названіемъ Кабы. На всемъ своемъ протяженіи Акъ-Каба служитъ границей съ Китаемъ.

Вернулись мы съ отряда 24-го іюля. Слѣдующій день была сдѣлана дневка, а 26-го караванъ нашъ раздѣлился; генералъ со свитой направился на южные озера для возвращенія въ Семипалатинскъ, а я долженъ былъ вернуться въ Катокъ-Карагай и поѣхать въ остальные отряды.

Часовъ въ 10 утра на дневкѣ генералъ предложилъ сѣсть въ винтъ, ссылаясь на то, что вечеромъ я уѣду на озеро. Одинъ изъ нашихъ партнеровъ была личность оригинальная — нѣкто Ризенко. Этотъ господинъ занималъ въ этой мѣстности должность волостного писаря при киргизской волости. Личность эта интеллигентная. Онъ настолько освоился съ бытомъ номадовъ, что носилъ киргизскій костюмъ, весь его образъ жизни ничѣмъ не отличался отъ киргизъ. Онъ занимался также торговлей мелочами по ауламъ и годы кочевалъ съ волостнымъ ауломъ. Въ карты играть, однако, не разучился, и мнѣ пришлось быть однимъ изъ его данниковъ.

Пообѣдавъ, я отправился опять на озеро на томъ же плотѣ; убилъ три утки. Много мѣшала мнѣ слабость зрѣнія. Волны скрывали отъ меня утокъ, и я, по показанію казаковъ, обыкновенно высилъ. Пальба была очень горячая, такая, что я даже потерялъ шомполъ. Пуделялъ я все же не очень много, но подранки уходили въ камыши, и тамъ ихъ никакъ нельзя было взять; два казака сняли штаны и сапоги и добросовѣстно исполняли обязаность легавыхъ собакъ, перемазались, но ни одного подранка не нашли.

Позднимъ вечеромъ мы сидѣли въ юртѣ; публика, провѣдавъ, что у меня имѣлась одна неприкосновенная бутылка коньяку, которую я берегъ на непревидѣнный случай, начала мнѣ доказывать, что если есть день, то именно сегодняшній, когда этотъ непредвидѣнный случай насталъ. Завтра мы разстаемся, и я поѣду одинъ; за обѣдомъ допиты послѣдніе остатки водки, они всѣ пойдутъ уже безъ живительной влаги, и будетъ несправедливо и эгоистично мнѣ одному имѣть ее при себѣ, а поравнять уже всѣхъ. Съ сокрушеніемъ досталъ я коньякъ, откупорилъ и выпилъ самъ первую рюмку. Тутъ же я далъ себѣ слово дойти до Катонъ-Карагая въ одинъ день.

26-го іюля всталъ я въ три часа утра, напился съ Власенкомъ чаю и принялся снаряжать себя въ походъ. Караванъ мой состоялъ изъ меня, казака Чернова и киргиза Яшика. Яшикъ велъ еще на арканѣ одну вьючную лошадь съ нашими пожитками.

Въ 6 часовъ утра мы тронулись, пошли рысью и такимъ порядкомъ въ 8 часовъ были уже на старомъ стойбищѣ у Чумека. Я таки рѣшилъ въ одинъ день дойти до Катонъ-Карагая. Послѣ получасового отдыха у Чумека мы пошли дальше, но уже шагомъ; начался Джаты-Кизень, и дорога рыси почти не позволяла. Въ 11½ часовъ мы были въ 2 верстахъ отъ прежняго ночлега на берегу Черчуть-су. Здѣсь я рѣшилъ дать лошадямъ часовой отдыхъ, покормить и напоить, а самъ усѣлся подъ деревомъ и позавтракалъ со своими спутниками холодной бараниной. Я просто любовался на Яшика, какъ онъ обчищалъ баранину; кости были отдѣланы, какъ для анатомическаго музея, на нихъ не оставалось ни одного атома мяса.

Здѣсь на привалѣ я окончательно порѣшилъ, что чрезъ Большой Алтай пойду Бурхатскимъ переваломъ, чтобъ сравнить его съ Байбердинскимъ; на Чингистайскомъ пикетѣ оставлю Яшика съ лошадьми, а оттуда на почтовыхъ доѣду до Катонъ-Карагая; лошадей нужно было пожалѣть. Вѣдь имъ пришлось бы сдѣлать отъ озера болѣе 80 верстъ по горамъ въ одинъ день. Яшику при этомъ приходилось ждать меня на Чингистаѣ дня три, и я хотѣлъ купить ему въ придорожномъ аулѣ барана, чтобъ онъ харчился имъ эти три дня. Яшикъ увѣрялъ, что баранъ не протухнетъ, что онъ доѣстъ его всего и въ два дня.

Около часа дня мы отправились дальше и, пройдя версты три цѣликомъ, вышли на дорогу къ Бурхату. Южный склонъ Бурхатскаго перевала положе Байбердинскаго. Скоро мы встрѣтили и аулъ, и здѣсь Ящикъ оставилъ безполезную мысль о баранѣ. Взывая къ Аллаху и его пророку, онъ проклиналъ по своему и по нашему аулъ, гдѣ наотрѣзъ отказались продать барана, а далѣе до самаго Чингистая и дальше ауловъ уже не было.

Вплоть до вершины подъемъ не представлялъ никакихъ затрудненій и былъ крайне однообразенъ: ни одно деревцо не оживляло южныхъ склоновъ. Съ вершины прохода открылся чудесный видъ на Чингистайскую долину; просто не вѣрилось, что придется спуститься въ такую глубину, на днѣ которой, скрываясь по временамъ за группами де-

ревьевъ, узенькой полоской бѣжала Бухтерма, и самымъ мизернымъ пятнышкомъ бѣлѣла крыша пикета.

До пояса лѣсовъ спускъ не былъ особенно крутъ, но едва мы очутились среди кедровъ, какъ тропы пошли внизъ все круче, да круче. Некованныя копыта скользили по вязкой почвѣ, въ иныхъ мѣстахъ лошади просто сползали на крупахъ; пришлось выбирать площадки и давать имъ отдыхъ. Одной такой площадкой я воспользовался: пока лошади отдыхали, казакъ мой Черновъ слазилъ на кедръ, чтобы нарвать мнѣ кедровыхъ шишекъ.

Годъ обѣщалъ быть орѣшнымъ: повсюду среди темной зелени чернѣли кедровыя шишки. Въ Сибири уражайные года на кедровые орѣхи называются „орѣшными годами".

Урожаи эти періодически повторяются черезъ каждые пять-семь лѣтъ. Все тогда въ тайгѣ ликуетъ: крестьяне и инородцы надѣются на орѣхи для поправки дѣлъ, но инородцы обыкновенно всѣ орѣхи расплавляютъ въ водку, платя за бутылку этой драгоцѣнной жидкости по пуду очищенныхъ орѣховъ. Но этого мало; орѣшный годъ привлекаетъ массу бѣлокъ, а за ними тянется соболь. Все обѣщаетъ удачное бѣлковье. Незнающихъ всей поэзіи этого, уже падающаго промысла, отсылаю къ чудеснымъ запискамъ А. Черкасова, а самъ послѣ него не берусь за это дѣло. Для лазанья на кедровые стволы надѣваются на ноги желѣзные когти; у моего казака, само собой разумѣется, ихъ не было, и влѣзать ему было очень трудно, тѣмъ болѣе, что шишки были незрѣлыя и отъ встряхиванія почти не сваливались. Добылъ мнѣ Черновъ десятка два шишекъ, и всѣ онѣ были еще темно-фіолетоваго цвѣта, а орѣховъ не было и замѣтно.

Прошли мы кедры и вступили въ мѣшанный лѣсъ. Тутъ скоро предъ нами предстала самая трудная часть бурхата. Это мѣсто недалеко отъ подножія перевала; по узкому гребню, усѣянному торчащими скалами, извивается между камней одна тропа, а вправо и влѣво обрываются кручи, прямо, безъ дна. Дойдя до конца гребня, нужно повернуть налѣво и начать спускаться по тропинкѣ шириной въ 1½ шага; это карнизъ, а не дорога; повер-

нуть лошадь тутъ нельзя. Хорошо, что длина этого карниза не велика, и онъ весь видѣнъ, благодаря чему встрѣчъ не бываетъ.

Къ шести часамъ вечера я дошелъ до Чингистайскаго пикета и поручилъ жившему тамъ казаку своихъ лошадей и пропитаніе Яшика, все пребывавшаго въ уныніи. Самъ же я съ казакомъ поѣхалъ на почтовыхъ въ Катонъ-Карагай.

Въ полуверстѣ отъ пикета есть болотце; когда бы я ни проѣзжалъ возлѣ него подъ вечеръ, или рано утромъ, на немъ всегда, какъ парные часовые, стояла парочка сѣрыхъ цапель. Онѣ не кормились, а смирнехонько стояли рядкомъ и, видимо, предавались кейфу. Повозка проѣзжала отъ нихъ не далѣе 50 шаговъ, и онѣ нисколько этимъ не тревожились. Какъ бываетъ довѣрчива столь осторожная птица, какъ цапля, гдѣ ея не преслѣдуютъ!

Не отъѣхали мы отъ пикета четырехъ верстъ, какъ пошелъ дождь и скоро превратился въ ливень. Ручьи воды лились непрерывно часа полтора; всѣ вещи промокли до нитки и покрылись сплошнымъ слоемъ жидкой грязи. Въ 9 часовъ вечера я былъ дома и, пославъ казака за водкой, перемѣнилъ бѣлье. Только на другое утро опредѣлилось, насколько былъ силенъ вчерашній дождь. Всѣ вещи, висѣвшія на дворѣ съ ранняго утра, были еще совсѣмъ мокры, и мнѣ поневолѣ пришлось просидѣть весь день дома, такъ какъ сухого верхняго платья у меня ничего не оставалось.

Часовъ около одиннадцати 28 іюля пошелъ я къ начальнику Катонъ-Карганской мѣстной команды капитану Я. и предложилъ ему отправиться вмѣстѣ на Чингистай поохотиться. Онъ охотно согласился, и вечеромъ мы рѣшили ѣхать, чтобы переночевать на пикетѣ, а на слѣдующій день рано пойти на охоту.

Такъ мы и сдѣлали; въ 9 часовъ мы были уже на пикетѣ; лошади мои, оставленныя здѣсь, стояли въ благополучіи, только Яшикъ жаловался, что питался однимъ хлѣбомъ съ чаемъ.

Въ разговорахъ за чаемъ капитанъ Я. повѣдалъ мнѣ,

какъ исторію пикета, такъ и наклонности живущаго на немъ казака.

До разграниченія 1881 года на Чингистаѣ былъ пикетъ китайскій, а этотъ совсѣмъ новый и существовалъ всего два года. Ближайшій поселокъ отъ Катонъ-Карагая—Урыльскій, находится въ 55 верстахъ, и являлось затрудненіе въ устройствѣ сельской почты. Генералъ-губернаторъ и предложилъ киргизамъ содержать на ихъ счетъ пикетъ съ лошадьми, или же придется переселить сюда казаковъ и отвести имъ землю. Киргизы, не желая уменьшенія своихъ пастбищъ, пошли на первое предложеніе и содержатъ пикетъ и почту, а казакъ жилъ тамъ по найму отъ киргизъ для начальствованія на пикетѣ и веденія почтовой отчетности.

Пикетный казакъ молодчина, часто подъ хмѣлькомъ, и велъ свою отчетность такъ, что записывалъ въ книгу только безплатные наряды лошадей, а когда возилъ за прогоны, то присваивалъ себѣ прогонныя деньги и расплавлялъ ихъ въ водку, хотя такія счастливыя поѣздки бывали рѣдки—ѣзда тутъ пустячная.

Спали мы плохо; домикъ хотя былъ и новый, но клоповъ была въ немъ правильно организованная армія.

Въ пять часовъ утра мы поднялись, быстро выпили чаю и отправились полевать. Пройдя дорогой, мы дошли до болота, того самаго, гдѣ постоянно бывали цапли. Только мы сунулись въ него, какъ съ него сорвалось нѣсколько чирковъ; по нимъ мы дали по выстрѣлу и свалили одного. Далѣе мы направились вдоль ручьевъ, впадающихъ въ Бухтарму.

Долина рѣки здѣсь широка и покрыта прекрасной густой травой; здѣсь зимуетъ множество киргизъ; при этомъ они дѣлаютъ даже запасы сѣна. Траву они косятъ осенью, когда она уже пожелтѣетъ; только тогда, говорятъ они, трава поспѣла; скосивъ, они ее прямо складываютъ въ небольшіе стожки. Понятно, что при такомъ способѣ зеленую косить нельзя: она перегоритъ.

Бухтарма дробится здѣсь на рукава и принимаетъ изъ Нарымскаго хребта массу ручьевъ, прорѣзывающихъ до-

лину по всѣмъ направленіямъ. Берега этихъ ручьевъ топки, болотисты и по нимъ водится довольно дичи. Съ этими ручьями была чистая бѣда: не слѣдовать же все время теченіемъ одного и мы переходили ихъ нѣсколько разъ; какъ ни выбирали удобныя мѣста, но не разъ пришлось погружаться въ воду по поясъ и едва не оставлять сапогъ въ ихъ топкихъ берегахъ.

Взяли еще трехъ чирковъ и, наконецъ, подошли къ кочковатому болоту. Воды въ немъ было много: крупныя кочки выглядывали почти островками на водѣ. Собаки у насъ не было; моя „Норма“ была всего шести мѣсяцевъ и осталась въ Катонѣ. Да мы, признаться, и не ожидали тутъ дичи. Перескакивая съ кочки на кочку, я какъ-то потерялъ равновѣсіе и сразмаха шлепнулся въ болото. Вдругъ изъ-за кочки, буквально подъ самымъ моимъ носомъ вырвался дупель и медленно потянулъ въ правую сторону. Капитанъ отсалютовалъ ему двумя пуделями; я вскочилъ и успѣлъ послать ему еще два пуделя въ-угонъ, но онъ мало прибавилъ скорости; вѣрно, былъ просто залитъ жиромъ. Наши выстрѣлы подняли еще нѣсколько дупелей, по которымъ мы еще по разу разрядили ружья. Мы чуть не заплакали, что нѣтъ собаки; дупеля перемѣщались недалеко, и ими грѣхъ было не заняться, но безъ собаки ничего не выходило. Бросили мы это болото и пошли опять по ручьямъ; взяли къ полудню еще пару чирковъ и рѣшили бросить охоту. Мы отошли отъ пикета едва на 8 верстъ, но выходили вѣрныхъ 20 по топкимъ мѣстамъ. Давно не ходивши, я усталъ прямо до изнеможенія. Присѣли отдохнуть; едва мы закурили, какъ по дорогѣ въ Чингистай катитъ бричка атамана Алтайской станицы. Я, понятно, не пропустилъ случая и доѣхалъ до пикета съ нимъ, а капитанъ Я., почти не отдыхая, сейчасъ же пошелъ пѣшкомъ въ Катонъ-Карагай, куда оставалось еще 15 верстъ. Позавидовалъ я ему.

Чирковъ я велѣлъ изжарить на дорогу и, провозившись до восьми часовъ вечера, легъ спать, чтобы завтра встать рано и отправиться на урочище Калгуты.

Рано утромъ 30-го іюля я разсчитался съ пикетнымъ

казакомъ за самовары и прокормъ своего киргиза и началъ собираться въ путь. Когда мы вьючили вещи, пикетный казакъ сѣдлалъ коня и, по словамъ моего Чернова, собирался отвезти полученныя съ меня деньги въ кабакъ деревни Черновой; она находится на другомъ берегу въ двухъ верстахъ отъ Бухтармы противъ пикета, и только не была видна за деревьями, которыми густо обросли ручьи и сама Бухтарма.

Дорога до Урыльскаго поселка идетъ въ восточномъ направленіи долиной Бухтармы; къ югу отъ дороги тянется все тотъ же Нарымскій хребетъ. Мѣстами влѣво отъ дороги на расширеніяхъ долины встрѣчались отдѣльныя гранитныя сопки; у подножія ихъ лежатъ громадные камни, отторгнутые отъ тѣхъ же сопокъ, а растущія между камнями лиственницы, сосны, а кой-гдѣ ели придаютъ этимъ сопкамъ часто очаровательный видъ. И гдѣ только не лѣпится сосна? Кажется, сопка эта голый камень, а сосна найдетъ, гдѣ основаться.

Въ этихъ частяхъ Алтая сохранилось еще достаточно звѣря. На Чингистаѣ за самоваромъ я успѣлъ кой о чемъ поразспросить капитана и онъ разсказалъ мнѣ кое-что о состояніи охоты въ этомъ краѣ. Капитанъ Я., личность оригинальная и видная. Сухой, высокій, съ большой черной бородой и серьезнымъ выраженіемъ лица, онъ отличный охотникъ, слесарь, токарь... словомъ, во всякой житейской мелочи толкъ знаетъ. Во время охоты, бродя въ горахъ, онъ занятъ еще отыскиваніемъ руды и золотыхъ пріисковъ, но послѣднее, ко времени моего пребыванія въ Алтаѣ, еще не увѣнчалось успѣхомъ. У него хорошая коллекція минераловъ Алтая. Я желалъ добыть себѣ кристаловъ горнаго хрусталя, и онъ сейчасъ рекомендовалъ мнѣ крестьянина деревни Арчаты Епифана Панова, съ которымъ онъ часто бродитъ въ горахъ за пріисками. Всѣ почти крестьяне охотники знаютъ капитана.

Здѣсь встрѣчаются маралы и козули, въ высшихъ безлѣсныхъ частяхъ горъ—козлы и архары. Козла капитану удалось убить, но архара еще не приходилось; медвѣдей много, но они некрупны; конечно, есть и вездѣсущіе волки.

Изъ мелкихъ пушныхъ звѣрей тутъ есть: соболь, куница, выдра, бѣлка, бурундукъ, бѣлякъ, сурки и байбаки. Лѣтомъ охоты почти не бываетъ. Звѣри уходятъ далеко въ безлюдныя части горъ, а пушнина малоцѣнна. Иногда еще попадаются лѣтомъ въ капканы выдры.

Охотой занимаются крестьяне деревень праваго берега Бухтармы: Черновой, Арчатовъ, Берели и друг. Но нельзя сказать, чтобы звѣря было особенно много; даже крестьяне были прежде здѣсь, ясачные, и звѣря повыколотили изрядно.

Особенную цѣну имѣютъ здѣсь маралы, ради ихъ роговъ. На мараловъ охотятся въ мартѣ, когда снѣгъ покроется твердой корой и по немъ можно ходить безъ лыжъ. Ледяная кора не выдерживаетъ мараловъ, они проваливаются, царапаютъ ноги до крови и скоро выбиваются изъ силъ. Случается, что такимъ образомъ загоняется цѣлое стадо и истребляется разомъ. Такое варварское истребленіе ничѣмъ не оправдывается,—берутъ только шкуру и лучшія части мяса, а все остальное бросается на мѣстѣ. Часть загнанныхъ, такимъ образомъ, мараловъ иногда ведутъ на арканахъ въ деревни, гдѣ содержатъ живыхъ мараловъ въ особыхъ изгородяхъ, называемыхъ садами; эти изгороди обнимаютъ пространство отъ двухъ до пяти квадратныхъ верстъ; на зиму мараламъ заготовляютъ сѣно. Въ іюнѣ срѣзаютъ неотвердѣвшіе рога, просушиваютъ ихъ и продаютъ китайцамъ. Рога домашнихъ, такъ сказать, мараловъ не цѣнятся такъ дорого, какъ дикихъ, и китайцы умѣютъ отличать ихъ. Для добычи молодыхъ роговъ дикихъ мараловъ охотятся съ подхода, или же караулятъ на солончакахъ, куда маралы ходятъ по утреннимъ и вечернимъ зорямъ.

Китайцами цѣнится жидкость, добываемая изъ молодыхъ роговъ и идущая въ лѣкарство. Сколько мнѣ извѣстно, китайцы лѣчатся этимъ средствомъ отъ мужского безсилія; не знаю, какъ лѣкарство дѣйствуетъ, но въ Китаѣ его цѣнятъ очень дорого: пара роговъ въ описываемое время шла за 75 и даже 100 рублей *).

---

*) По послѣднимъ извѣстіямъ цѣны на такія рога возросли ужасно.

Что касается охоты казаковъ, то предпріимчивость ихъ такъ велика, что, въ мою бытность въ Алтаѣ, въ Катонъ-Карагаѣ былъ всего одинъ охотникъ старикъ Калачевъ, а въ Урыльскомъ поселкѣ было двое охотниковъ, но всего одно ружье.

Изъ пернатаго царства въ Алтаѣ встрѣчаются: глухари, косачи, рябчики, сѣрая куропатка, горная куропатка (кёкликъ), уллары, на озерахъ, конечно, плавающая и голенастая дичь разнаго рода. Хищныхъ птицъ масса, отъ копчика до беркута; вѣроятно, есть и грифы, но я ихъ не видалъ.

Къ полудню я уже прибылъ на земскую квартиру Урыльскаго поселка. Поселокъ лежитъ на ручьѣ того же имени недалеко отъ Бухтармы. Прежде здѣсь было распространено тайное винокуреніе, но урыльцы оскудѣли, земледѣліе здѣсь мало успѣшно, требуетъ массы труда и удобренія, и водку пришлось оставить. Тайное винокуреніе встрѣчается въ Алтаѣ въ глухихъ мѣстностяхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Э. Мартесонъ.

Прогулка въ Забайкалье.

VII.

днако я заѣхалъ далеко и впередъ, и въ сторону, и пора вернуться на мѣсто.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я перваго праздника, чтобы поѣхать на козъ, и, наконецъ, подошло воскресенье. Рано стали собираться охотники; а нѣкоторые начальники дистанцій пріѣхали за тридцать верстъ. Когда собрались всѣ, оказалось человѣкъ до десяти: народъ все молодой, славный, охотники страстные, а главное, все закадычные друзья не только на охотѣ, но и въ обыденной жизни. Просто было пріятно смотрѣть, какъ, видимо, всѣ были довольны другъ другомъ и радовались, что собрались всѣ вмѣстѣ.

Что касается стрѣльбы, то послѣ оказалось, что можно бы желать лучшаго. Хотя нѣкоторые и били козъ дублетомъ, но это случалось, когда табунокъ козъ останавливался шагахъ въ 15-ти отъ охотника; онъ стрѣляетъ одну стоячую, другую же шагахъ въ 30—40 на чистомъ мѣстѣ, но когда пришлось подстрѣливать на полномъ ходу шагахъ въ 50 и больше, то пошли дублеты мимо; а двое такъ и были извѣстны подъ именемъ *дублетистовъ*: козы точно знали и выходили на нихъ чуть ни каждую охоту.

Когда все пришло въ порядокъ, кромѣ охотниковъ, размѣстившихся кто въ телѣжкахъ, а кто верхомъ, оказалось больше 10 человѣкъ верховыхъ конюховъ-загонщиковъ. Утро было, по обыкновенію, великолѣпное: тихо, ясно, около 2° мороза, и вся кавалькада весело двинулась въ

путь внизъ по теченію р. Ингодь. Отъѣхавъ версты двѣ, загонщики свернули вправо, а мы проѣхали еще около трехъ верстъ, оставили лошадей и двинулись занимать стрѣлковую линію: распорядитель развелъ всѣхъ по номерамъ, и мы стали ждать гона. Первый загонъ вышелъ неудачный: козы были, но ушли въ сторону; поэтому, оставивши загонщиковъ, мы поѣхали опять впередъ.

Загонщики идутъ линіей, заѣзжая въ сторону. Горы, пади мѣшаютъ гнать правильно; но зато мелкій и рѣдкій лѣсъ даетъ возможность видѣть далеко, и загонщикъ имѣетъ возможность обскакать козъ и направить на охотниковъ.

Во второмъ загонѣ пришлось стоять по естественной или очень старой искусственной просѣкѣ и на прогалинѣ шириною до 5 саженъ, совершенно чистой, которая поднималась постепенно въ гору по совершенно гладкой покатости, такъ что всѣ охотники могли видѣть другъ друга. Мой № былъ 7 или 8-й, такъ что за мною стояли только двое. Впереди меня былъ рѣдкій лѣсъ съ большими кустами, упавшими деревьями и высокой, сухой травой. Когда все успокоилось, начали доноситься рѣдкія покрикиванія загонщиковъ. Минутъ черезъ двадцать я увидалъ далеко впереди себя козъ, приближавшихся ко мнѣ скачками, и, наконецъ, три остановились отъ меня шагахъ въ 80-ти за поваленнымъ деревомъ. Я просто залюбовался ими, такъ онѣ красивы и граціозны. Поднявъ мордочки, онѣ начали обнюхивать воздухъ, поворачиваясь то въ ту, то другую сторону. Понятно, что я замеръ на мѣстѣ и не сталъ стрѣлять, не будучи увѣренъ, что на такомъ разстояніи положу на мѣстѣ, а зарекомендовать себя передъ новыми пріятелями, какъ горячаго охотника, не хотѣлось; тѣмъ болѣе, что они откуда-то уже слышали, да чуть ли не отъ зятя, обо мнѣ, какъ о старомъ охотникѣ; поэтому я сталъ ждать, скоро ли козы пойдутъ дальше, такъ какъ по расчету, придерживаясь прежняго направленія, онѣ должны были пройти не далѣе сорока шаговъ, а тутъ былъ бы уже другой разговоръ. Но, къ крайнему горю, онѣ обманули меня жестоко. Обнюхавъ минуты двѣ воздухъ и по-

чуявъ, вѣроятно, что-то не ладное, вдругъ громаднымъ прыжкомъ бросились отъ меня вправо по склону горы, направляясь къ линіи охотниковъ. Скоро послышались два выстрѣла уже почти на флангѣ, и черезъ просѣку промелькнули двѣ козы. Закинувъ ружье за спину, поплелся я, не солоно хлѣбавши, разыскивать счастливца, на котораго вышли козы. Подъ горою собрались уже почти всѣ, и около торжествующаго А — ва, начальника дистанціи, лежала убитая коза. Скоро собрались и загонщики, и всѣ отправились домой, уговорившись въ слѣдующее воскресенье отправиться опять.

VIII.

На слѣдующую и другія охоты загонщиками явились уже тунгусы. Не имѣя возможности изучить подробно бытъ этого народа, скажу только, что это монгольское племя съ узкими, косыми глазами и выдавшимися скулами. Въ общемъ довольно благообразны, смирны и гостепріимны. Тунгусы полукочевые, живутъ въ обыкновенныхъ крестьянскихъ деревянныхъ домахъ и занимаются только скотоводствомъ и держатъ много лошадей. Какъ коровы, такъ и лошади круглый годъ живутъ на подножномъ корму и особыхъ заботъ отъ хозяевъ не требуютъ, тѣмъ болѣе, что зимы безснѣжныя, а для неприхотливыхъ стадъ сухой травы довольно. Ежели корму на какомъ мѣстѣ мало, то хозяева забираютъ походныя кибитки и гонятъ скотъ дальше, при чемъ и живутъ уже въ кибиткахъ. При мнѣ у сосѣдей тунгусовъ, бурятъ, появилась на скотѣ сибирская язва, и они стали перекочевывать къ тунгусамъ. Какъ видно, оба эти народца живутъ дружно, потому что бурята пришли сюда, какъ къ себѣ домой, и никто ихъ не трогаетъ.

Какъ тунгусы, такъ и бурята не любятъ ходить пѣшкомъ; по крайней мѣрѣ, сколько я ихъ ни встрѣчалъ, они всегда на конѣ. Сѣдла самыя простыя, похожія на казачьи, костюмъ полукиргизскій, полукитайскій, въ рукѣ нагайка, а за плечами винтовка съ прикрѣпленными сошками. Въ случаѣ надобности онъ соскакиваетъ съ лоша-

ди, откидываетъ сошки впередъ, прикладъ къ щекѣ и къ выстрѣлу готовъ. Стрѣляютъ большею частью хорошо, а ружья почти все берданки. Стали появляться и трехлинейныя винтовки, не знаю, какимъ образомъ, но мало. Тунгусы ихъ не любятъ, такъ какъ пулька очень мала, бьетъ сильно, и звѣрь рѣдко падаетъ на мѣстѣ.

Когда утромъ въ слѣдующее воскресенье мы стали собираться, явилось нѣсколько тунгусовъ, по обыкновенію, верхами и съ винтовками за плечами. Это были передовые, которые явились, чтобы узнать, поѣдемъ ли мы и въ какое мѣсто, куда явятся и другіе; и дѣйствительно, когда мы отъѣхали нѣсколько верстъ, насъ встрѣтилъ цѣлый взводъ кавалеріи, человѣкъ двадцать выстроились вдоль дороги и, пропустивши насъ, двинулись вслѣдъ полною рысью. Это были не нанятые загонщики, а любители: имъ самимъ охота доставляла удовольствіе, и они гонятъ безвозмездно, и только на привалахъ, когда мы закусывали сами, то потчевали и ихъ водкой, но очень умѣренно, такъ что пьяныхъ не бывало. Правда, что послѣ окончанія охоты угощали усерднѣе, для чего водки брался всегда хорошій запасъ. Если такому загонщику подвернется во время гона случай убить звѣря, онъ сдѣлаетъ это обязательно, такъ какъ считаетъ себя полноправнымъ наравнѣ съ другими, что, впрочемъ, и справедливо: угодья ихъ, гонятъ даромъ, страсть къ охотѣ сильная,—какъ же хотите, чтобы онъ удержался отъ выстрѣла? Гонятъ они отлично, ровно и рѣдко выпустятъ звѣря, хотя загоны дѣлаютъ иногда верстъ до четырехъ.

Эта охота была неудачна. Сталъ распорядитель насъ разставлять, при чемъ мой номеръ былъ послѣдній. Пошли по обыкновенію съ мѣста въ гору; охотники становились одинъ отъ другого саженъ на 60—70, такъ что пока я поднялся въ гору, усталъ порядочно. Вижу, что приходится спускаться внизъ, а по окончаніи загона думалъ, что опять придется возвращаться къ лошадямъ обратно той же дорогой, т.-е. опять подниматься сюда. Поэтому я взмолился распорядителю, чтобы онъ оставилъ меня здѣсь. Но судьба за лѣность наказала меня жестоко. Во-

первыхъ, послѣ загона не пришлось возвращаться, такъ какъ лошади объѣхали гору и явились на то мѣсто, гдѣ предполагался мой номеръ, а во-вторыхъ, 10 козъ прошли шагахъ въ 30 отъ моего замѣстителя, и онъ благополучно отпустилъ ихъ, отсалютовавши дублетомъ. Не дай Богъ испытать и злому татарину, а не только доброму товарищу-охотнику, что я испыталъ, разсмотрѣвъ чистый бугорчикъ, по которому промчались козы, при чемъ силуэты ихъ должны были отпечатываться на чистомъ воздухѣ какъ черныя пятна на бѣлой бумагѣ. Стрѣлялъ и другой охотникъ при условіяхъ тоже благопріятныхъ, но не убилъ.

IX.

Такъ охоты три проѣздилъ я безъ выстрѣла. Наконецъ, судьба сжалилась и надо мной: довелось и мнѣ выстрѣлить.

Въ одно воскресенье нашъ распорядитель задумалъ поѣхать въ субботу верстъ за 30 въ тунгусскую деревню, тамъ переночевать и на другой день поохотиться. Я былъ очень радъ такому плану, такъ какъ предстояло посмотрѣть, какъ живутъ тунгусы. Я забылъ сказать, что въ числѣ загонщиковъ тунгусовъ всегда участвовалъ нѣкто Баймай, человѣкъ пожилой, но ничѣмъ не отличающійся отъ своихъ родичей. Зналъ я его больше другихъ по той причинѣ, что моя дочь была крестной матерью у его ребенка и называла кумомъ. Лошади у него были отличныя, и онъ почти каждый день пріѣзжалъ въ Уральгу. Я думалъ, что мы поѣдемъ къ Батмаю, но оказалось, что — въ другую деревню, куда онъ, впрочемъ, на другой день по обыкновенію явился.

Пріѣхали мы поздно. Деревня показалась довольно большая, а домъ, куда заѣхали, обыкновенный крестьянскій, но просторный. Тунгусскія деревни отличаются тѣмъ, что кругомъ домовъ нѣтъ заборовъ и никакихъ хозяйственныхъ построекъ, такъ какъ хлѣба они не сѣютъ, а скотъ круглый годъ живетъ въ полѣ, только у нѣкоторыхъ построены амбарчики для склада запасовъ, а дворы обнесены изгородью въ 2—3 жерди.

Черезъ просторныя сѣни, мимо помѣщенія хозяевъ, насъ ввели въ небольшую чистую комнату, уставленную стульями, хоть и простой, но чистой работы; у стѣны стояли два ломберныхъ столика, въ простѣнкѣ—зеркало, а кругомъ у стѣнъ крашеные окованные сундуки, покрытые простыми коврами. Насъ, видимо, ждали, такъ какъ были зажжены стеариновыя свѣчи, столики покрыты бѣлыми чистыми скатертями, и сейчасъ же былъ поданъ большой чистый самоваръ и чайная посуда. Все было небогато, но прилично, и на каждомъ блюдцѣ со стаканомъ лежала серебряная чайная ложка. Скоро явилась и хозяйка съ подносомъ, на которомъ стояли тарелки съ разнаго рода домашнимъ печеньемъ.

Хозяйка была женщина пожилая, но высокая, крѣпкая и въ обыкновенномъ ситцевомъ платьѣ; она поклонилась, поздравила съ пріѣздомъ и извинилась, что не можетъ принять насъ, какъ бы слѣдовало. Все сказано было порусски и безъ всякой суетливости. Напившись чаю и закусивъ, что было съ собою, завалились спать въ ожиданіи завтрашней охоты, такъ какъ, по увѣренію тунгусовъ, козъ найдемъ непремѣнно.

На другой день отправились рано, и, отъѣхавъ версты три отъ деревни, мы увидѣли на высокой горѣ влѣво отъ насъ нѣсколько козъ. Онѣ шли тихонько, пощипывая траву. Тутъ же загонщики отдѣлились и стали ихъ объѣзжать, а мы проѣхали еще версты двѣ и пошли становиться на номера. Но этотъ загонъ вышелъ неудаченъ,—даже и видѣнныхъ козъ выгнать не могли; вѣроятно, чегонибудь испугались и ускакали раньше.

Собрались мы вмѣстѣ, погоревали немного, закусили и айда дальше на другой загонъ.

На новомъ мѣстѣ мнѣ достался первый номеръ. Справа отъ меня, шагахъ во ста, былъ довольно крутой спускъ въ долину р. Уральга, а въ верстѣ за ней поднимались горы, покрытыя лѣсомъ; спереди ко мнѣ подходитъ узкимъ мысомъ мелкій и рѣдкій лѣсокъ, впереди постепенно расширявшійся, а влѣво шла покатость все выше и выше, совершенно чистая, по которой кое-гдѣ стояли отдѣльныя

высокія сосны, у которыхъ и становились охотники саженъ на сто одинъ отъ другого, такъ что наша линія заняла около двухъ верстъ, а гнать должны были версты за четыре, гдѣ лѣсомъ, а гдѣ и по чистому мѣсту.

Пока устанавливались охотники, загонщики уже начали гонъ. Прошло около получаса, какъ я остался одинъ, когда начали доноситься слабые крики загонщиковъ, а чѣмъ ближе они подвигались, тѣмъ и голоса дѣлались слышнѣе. Наконецъ, впереди меня по мелкому лѣсу что-то защелкало, и чрезъ двѣ-три минуты передо мной, шагахъ въ 80, остановилась коза съ козленкомъ. Поднявъ голову кверху, она, видимо, прислушивалась и обнюхивала воздухъ. Повертѣвшись съ четверть минуты на мѣстѣ, она вдругъ съ мѣста подскочила кверху чуть не на два аршина и, опустившись на землю, стала неподвижна.

Стрѣлять или не стрѣлять? Вотъ былъ Гамлетовскій вопросъ. Ружье у меня Зауэра, съ хорошимъ боемъ, заряжено картечью, но и разстояніе не малое; какъ ни прикинь, все ручаться нельзя, что убью наповалъ, а только раню, и бѣдная коза пропадетъ ни за грошъ. Авось думаю, послушаетъ-послушаетъ, да и пойдетъ, какъ шла,— прямо на меня. А главное то, что по птицамъ, бывало, поделялъ не хуже другихъ; а по звѣрю, кромѣ зайца, Богъ миловалъ, еще мазать не случалось, хоть и перебилъ ихъ порядочно всякаго сорта. Но „охотникъ предполагаетъ, а коза располагаетъ“: пока я взвѣшивалъ всѣ шансы *за* и *противъ*, козы разомъ сдѣлали громадный прыжокъ отъ меня вправо и скрылись въ кустахъ, и только черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ, какъ онѣ мчались черезъ долину къ горамъ.

Почесалъ я по русской привычкѣ затылокъ и опять сталъ поглядывать, не дастъ ли Богъ еще, тѣмъ болѣе, что голоса загонщиковъ стали слышны хорошо.

Вдругъ вдали около версты показались на горѣ пять козъ, которыя мчались подъ гору по чистому мѣсту вдоль линіи стрѣлковъ, но не параллельно, а наискось, такъ что была надежда, что послѣднимъ номерамъ придется стрѣлять.

Ну, думаю, авось всѣхъ не убьютъ, а если и убьютъ четырехъ, то и на мою долю еще останется одна.

Только поровнялись онѣ съ третьимъ номеромъ, какъ раздались два выстрѣла, но козы оказались живы и здоровы. Около второго ном. имъ приходилось проходить шагахъ въ тридцати, были встрѣчены тоже двумя выстрѣлами мимо, и козы только прибавляли бѣгу послѣ каждаго выстрѣла.

Отъ второго номера козы, идя все по одному направленію, должны были пересѣчь линію стрѣлковъ и выйти ко мнѣ сзади, поэтому я повернулся кругомъ и, когда онѣ поровнялись со мною шагахъ въ 45, выстрѣлилъ. Коза замелькала, кувыркаясь въ воздухѣ, впередъ, а я спустилъ курокъ по второй—уже шагахъ въ 60, когда она пряталась въ высокую траву. Что это была за скачка? Ручаюсь, чѣмъ угодно, что нѣтъ той птицы, которая достала бы козу на полномъ бѣгѣ. Когда-то въ молодые годы меня занимала стрѣльба по ласточкамъ, когда онѣ дѣлаютъ налету зигзаги; но увѣряю, что то были игрушки сравнительно съ бѣгомъ козы. Чтобы дать больше понятія объ этой быстротѣ, скажу, что, пока козы были отъ меня далеко, я отлично видѣлъ пять штукъ, а когда проходили мимо меня, то видѣлъ только двухъ, а третья будто мелькнула; остальныхъ рѣшительно не видать.

Убитая коза лежала неподвижно шагахъ въ пятнадцати отъ того мѣста, гдѣ получила зарядъ, и все это пространство она кувыркалась черезъ голову.

Надо замѣтить, что нѣсколько загонщиковъ во время нашей стрѣльбы были уже на горѣ передъ линіей стрѣлковъ и видѣли все. Я стоялъ надъ козой и любовался красивымъ звѣрькомъ, когда послышался лошадиный топотъ и крики загонщиковъ; это они мчались подъ гору. Соскочивъ съ лошадей они подошли ко мнѣ и съ радостными физіономіями начали поздравлять, хлопать по плечамъ, а кумъ обнялъ и облобызалъ. Хотя такая ласка и не могла доставить особаго удовольствія, но оставалось только кланяться и благодарить. Скоро собрались и всѣ охотники; пошли разспросы и разсказы нашихъ гг. дупле-

тистовъ, какъ они стрѣляли, отчего не попали. Зашла рѣчь и о другой козѣ, которую стрѣлялъ я; осмотрѣлъ мѣсто, но крови не было, а козы послѣ выстрѣловъ такъ махнули, что я больше ихъ уже не видѣлъ. Я довольный, что не осрамился передъ новыми товарищами, не особенно заботился о другой и за это былъ жестоко наказанъ: на другой день тунгусы нашли ее въ полуверстѣ отъ этого мѣста оборванную волками; а саженяхъ во ста отъ мѣста стрѣльбы показалась на слѣду кровь.

Если бы я сдѣлалъ промахъ, я далеко не такъ бы жалѣлъ, какъ за то, что убилъ и не взялъ, т.-е. напрасно погубилъ звѣря. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что это извѣстіе мы получили на третій день и сегодняшнее удовольствіе не было нарушено.

Покончивши охоту, мы тронулись опять въ деревню. Здѣсь насъ ожидалъ опять сюрпризъ. Когда мы вошли въ комнату, столъ былъ уже накрытъ чистой скатертью и для всѣхъ поставлены приборы, положены ножи, вилки, серебряныя ложки и чистыя салфетки. Когда мы усѣлись, хозяйка внесла огромную вазу съ супомъ изъ баранины, на который мы навалились съ чистой совѣстью и волчьимъ аппетитомъ, такъ что супу прибавили еще. Думая, что обѣдъ конченъ, мы, сытые, хотѣли уже встать, какъ подали жареную баранину, выглядѣвшую такъ аппетитно, что поневолѣ пришлось съѣсть по куску, а затѣмъ подали еще по стакану молока и какое-то пирожное. Однимъ словомъ, можно было подумать, что мы въ домѣ купца средней руки. Все это, конечно, даромъ и предложить плату было нельзя.

Поблагодаривъ хозяевъ за гостепріимство, мы отправились обратно.

Дорогой я вспомнилъ первую убитую мною козу въ Черниговской губерніи лѣтъ сорокъ назадъ. Стрѣлять было тоже трудно. Коза шла частымъ лознякомъ изъ-подъ гончихъ и послѣ двухъ выстрѣловъ, а передо мной былъ прогалокъ чистаго мѣста не болѣе аршина шириной; вотъ тутъ и приходилось ловить моментъ выстрѣла. Правда, я былъ тогда молодъ, стрѣлялъ хорошо, не такъ скверно,

какъ теперь; но и тогда пришлось очень стараться. Выстрѣлилъ я только разъ и куда дѣвалась коза не видалъ, только съ помощью гончаго нашелъ ее въ небольшой ямкѣ шагахъ въ 70 отъ мѣста выстрѣла. Когда она успѣла проскочить такое пространство смертельно раненая, я не видѣлъ.

На третій день пріѣхалъ кумъ Батмой, привезъ мнѣ горестную вѣсть о напрасно погибшей козѣ, а въ утѣшеніе—пару отличныхъ роговъ козла.

— Ты убилъ хотя и безъ роговъ, но заслужилъ право имѣть рога; вотъ я и привезъ тебѣ гостинца,—сказалъ онъ, передавая рога.

X.

День за день прожилъ я такъ въ Уральгѣ шесть недѣль; и надо бы ѣхать, да рѣшительно не хватало духу разстаться и съ родными, которыхъ я не видѣлъ пять лѣтъ, и съ прочей милой братіей. Не знаю: погода ли вѣчно ясная и тихая или чья-нибудь добрая душа руководила этими людьми, но только трудно было найти другой кружокъ молодежи, который бы жилъ такъ дружно и мирно. Днемъ работаютъ всѣ, рѣдко встрѣтишь кого случайно, а какъ вечеръ, потянулись всѣ, чаще всего къ зятю, а иногда въ другой семейный домъ, проведутъ вечеръ, а къ 12-ти часамъ всѣ дома, даже въ карты игрывали рѣдко. Были музыканты, были и пѣвцы, задавали такіе концерты, что прелесть. Устраивали и спектакли, были любители-фотографы; въ праздникъ—охота или отправлялись куда-нибудь въ горы и устраивали пикники. Говорятъ, до меня завелись было два субъекта-любителя поинтриговать и посплетничать, но зять попросилъ главнаго строителя перевести ихъ въ другія мѣста, что и было сдѣлано безъ всякаго ущерба для ихъ службы.

Какъ ни тянули, а пришлось разстаться съ этимъ милымъ уголкомъ. Собрались всѣ; простились отъ души, и добрая тройка сибиряковъ пошла хорошей рысью чуть не по голой землѣ, пока добрались до Ингоды.

Что родные приняли меня хорошо и были рады, этому

я не удивляюсь. Зять такой человѣкъ, какихъ въ настоящее время встрѣчается очень, очень мало; о дочери и говорить нечего. Къ тому же, три мѣсяца назадъ насъ постигло большое семейное горе: умерла отъ разрыва сердца моя жена, съ которой мы прожили 34 года, поэтому-то зять и настоялъ, чтобы я пріѣхалъ къ нимъ, имѣя въ виду, что намъ обоимъ съ дочерью будетъ легче прожить первое время. Но что другіе отнеслись ко мнѣ такъ дружески и радушно, стараясь каждый сдѣлать мнѣ пріятное, это я отношу единственно къ ихъ доброму и отзывчивому сердцу, за что остается еще разъ отъ души благодарить всѣхъ, для чего я и пользуюсь съ радостью настоящимъ случаемъ.

И. М. Воропай.

Пермь. 20-го января 1901 г.

Сплошныя незадачи *).

Возвратившись, Модестъ доложилъ господамъ, что готово ужинать, и хотя еще не было и девяти часовъ, но охотники рѣшили поужинать... Сама Софья Васильевна, въ бѣломъ, чистомъ передникѣ, при помощи Марьи,—собрала ужинать, при чемъ къ удивленію пріятелей охотниковъ на столѣ появилось свѣжее, тонкое бѣлье, недорогой, но хорошій фаянсъ и даже серебро... Все это вмѣстѣ взятое, т.-е. Софья Васильевна, убранство стола и чистота, вкусная жирная похлебка съ бараниной и грудинка подъ бѣлымъ соусомъ разжигали и безъ того здоровый аппетитъ проголодавшихся молодыхъ людей, и имъ казалось, въ особенности Ивану, что поварамъ *Зарѣчья* и *Нерады* далеко до стряпни Софьи Васильевны.

Садясь ужинать, господа попросили *подогрѣть* самоварчикъ, и черезъ часъ, когда со стола было убрано, опять занялись чаемъ, пригласивъ и Модеста Семеновича закончить интересовавшій ихъ разсказъ.

Старикъ охотно согласился и, усѣвшись опять къ столу, продолжалъ разсказъ. Несмотря на выпитыхъ нѣсколько стакановъ чая съ коньякомъ, Модестъ ни капельки *не подался*, Ивана это смущало и потому онъ началъ ему наливать не чай съ коньякомъ, а *коньякъ съ чаемъ*. Модестъ тотчасъ же замѣтилъ, хотѣлъ отказаться, но усиленная просьба Ивана возымѣла дѣйствіе и онъ началъ прихлебывать питье.

Ну, какое же вы нажили горе съ вашимъ *Трувелемъ*?

---

*) Окончаніе. См. январь.

Такое горе-съ, что какъ вспомню, то и теперь страшно становится-съ...

Въ концѣ августа ждали на возвратъ барина. Пошли все чистить, мыть, прибирать. Люди всѣ заняты, а управляющій Казиміръ Осиповичъ позвалъ меня-съ, да и приказываетъ: сходи, говоритъ, Модестъ, въ село къ отцу Никитѣ,—скажи, чтобы въ субботу никуда не отлучался, потому, если баринъ пріѣдетъ, безпремѣнно пошлетъ за нимъ молебенъ служить. Такой-съ уже у нихъ порядокъ въ *Аржаной Полянѣ*, сказывали, отъ старыхъ господъ ввелся: выѣздъ ли, пріѣздъ ли, непремѣнно чтобы по молебну-съ. Село недалеко-съ, особливо ежели прямикомъ, черезъ рѣчку по кладкамъ, не болѣе, сказать-съ, версты съ три. Рѣка у самого села. Хотѣлъ я сначала *такъ* сбѣгать, а потомъ думаю-съ, до вечера порядочно, время лѣтнее-съ, возьму ружье и *Трувеля*, можетъ, по пути и утка какая подвернется. Сдумался, сладился и потомъ-съ да не въ добрый часъ, видно, выходъ-съ случился, еле живой приползъ, чуть-чуть мужики не убили. Народъ-съ тамъ варваръ, попросту разбойники-съ.

Шелъ я изъ села отъ отца Никиты-съ, какъ разъ народъ съ полей валитъ. Только что перебрался черезъ кладки, откуда ни возьмись три чирка, пролетѣли шаговъ съ полтораста и опустились на грязь къ домашнимъ уткамъ-съ. Меня зависть и взяла, дай, думаю, подойду, да и убью-съ... Чирокъ—птица смирная, особливо который близъ села, съ домашними утками обжился. Пошелъ я подходить, *Трувель* своимъ порядкомъ-съ идетъ сзади... Ничего... Топила порядочная, итить пришлось тростникомъ, крадучись... *Трувелю* плыть мелко, бросается за мной-съ, ну, однако утки безъ горя подпустили-съ шаговъ на тридцать. Нацѣлился я и бацнулъ. Вижу, одинъ чирокъ поднялся, а пара бита, да вотъ незадача, гляжу, нѣсколько поодаль и одна *рябуха* опрокинулась кверху брюхомъ-съ, только лапками пошевеливаетъ. Бѣда-съ... Полѣзъ Трувель, схватилъ раньше всего эту рябуху-съ и принесъ ее. Тутъ на выстрѣлъ и зѣвакъ-съ понабралось. Однако, утки-то домашней никто не видалъ-съ изъ постороннихъ, потому

какъ только собака принесла, я эту рябуху-съ взялъ да *въ грязь и втопталъ-съ*. Случайность-съ... Не годилось этого дѣлать-съ. Заплатилъ бы двугривенный и все-съ. Стою я, а *Трувель*, значитъ-съ, чирятъ подаетъ одного за другимъ-съ. Принялъ я ихъ въ сумку и пошелъ. Только не прошелъ я и четверти версты, окружили меня мужики-съ, съ такимъ галдомъ, что Боже мой-съ... Ты, кричатъ, кикимора, нашихъ утокъ бить! Вотъ мы тебѣ спину-то вчешемъ, иродъ этакой. А нужно знать-съ, злы они были, мужики-то, на нашихъ охотниковъ-съ, потому имъ на сельскихъ гульбищахъ завсегда-съ первое почтеніе отъ бабъ и дѣвокъ. А я въ отвѣтъ. Словомъ, зашумѣли-съ, страсть. А я то значитъ-съ, ничего не видя, и говорю-съ: что вы, ребята, бѣлены объѣлись? Какихъ вашихъ утокъ, нѣшто такія дворовыя утки бываютъ? и достаю изъ сумки чирка. А одинъ изъ мужиковъ повернулъ меня, а это говоритъ, что? глянулъ я и обмеръ-съ: стоитъ мой *Трувель* и держитъ въ зубахъ *рябуху*.

Вотъ она *ученая-то* собака-съ! Мнѣ бы уже, значитъ, покориться, такъ нѣтъ: вы говорю-съ, подлецы, вѣрно сами собакѣ дохлую утку подсунули, взялъ да и швырнулъ, а Васька Рѣзуновъ, самый азарной мужичонко, хвать за утку, да ею по мнѣ. Дальше больше, озвѣрѣли мужики и пошла клочка-съ. Сами изволите видѣть, какой я себѣ защитникъ-съ?...

Выжилъ-съ... Пока Богъ не дастъ смерти, не умрешь-съ. И повѣрите ли, во время самой моей болѣзни Петръ Петровичъ-съ очень жалостливо ко мнѣ относились-съ. Сами-съ ко мнѣ, холопу, захаживали и частенько Софью Васильевну присылали-съ справляться... и вотъ, сталъ я замѣчать-съ, что у Софьи-то Васильевны часто глазки заплаканы. Разъ это просто жалость меня взяла-съ: что это говорю, такъ убиваетесь?.. или горе какое въ себѣ хороните? А она залилась пуще, и ушла изъ комнаты.

Больше мѣсяца провалялся я-съ, и опять всталъ на ноги: однако куда что дѣвалось: тяжело поднять что—мочи нѣтъ, спина болитъ-съ; шибко ли пройдешь—одышка за горло хватаетъ.

Подошла осень-съ. Отошелъ у насъ одинъ приказчикъ и Петръ Петровичъ приказали меня на его мѣсто поставить-съ. И пошли у меня заботы-съ. Осенью у насъ-съ, бывало,—съѣзжіе охотники-съ. Понаѣдетъ господъ, понаведутъ собакъ-съ. Вотъ, примѣрно-съ, васъ двое-съ, а людей съ вами-съ четверо, да лошадей семь-съ, да собакъ десять-съ. А у насъ-съ, значитъ, у Петра Петровича-съ, однихъ гончихъ было 22 смычка, да борзыхъ 8 своръ. Господина Жохина охота приводила собакъ 60, и по мелочи... да что, надо говорить-съ, по осени у насъ въ *Аржаной Полянѣ-съ* до трехъ сотъ собакъ собиралось, а лошадей, а людей-съ!.. и всѣхъ ихъ нужно было удовлетворить, всѣмъ угодить-съ. А тутъ въ эту самую осень-съ прибылъ новый гость-съ, генералъ-съ, уже не молодой, однако, — молодецъ молодцомъ-съ... И раньше встанетъ, и позднѣй заснетъ-съ, а что на конѣ, герой-съ! Приставили къ нему двоихъ самыхъ лихихъ борзятниковъ съ двумя перемѣнными сворами, и пропасть они звѣря потравили-съ.

Вотъ-съ начались морозы, пошла колоть, закончили охоту, пришли изъ отъѣзда и разъѣхались господа. Стали у насъ поговаривать, будто въ скорости-съ уѣдетъ и самъ баринъ въ Питеръ и будетъ жениться на дочери гостя, генерала-съ. Такъ оно и вышло-съ.

Разъ призываетъ меня баринъ въ кабинетъ-съ. Поговорилъ о томъ, о семъ, значитъ по хозяйству-съ, да потомъ: вотъ что, говоритъ, Модестъ: ты честный и безобидный человѣкъ (такъ и сказали-съ) и думаю тебя наградить: „хочешь жениться на Софьѣ?“ Не успѣлъ я ничего отвѣтить, а онъ кричитъ: „Соня, ступай сюда“. Взяли ее за руку, та вся дрожитъ, посмотрѣлъ на нее баринъ какъ-то особенно-съ, „онъ говоритъ, будетъ тебѣ хорошимъ мужемъ“... Согласна? Стою я ни живъ, ни мертвъ, а она, Софья-то Васильевна-съ, говоритъ, чуть-чуть слышно, „согласна“... ... А баринъ сказалъ ей: „ступай“, и все значитъ съ этой минуты и покончилось. Завтра же сходи къ священнику, приказалъ баринъ, откладывать нечего. Приданаго получишь двѣ тысячи, да я приказалъ

управляющему купить ей, въ Карновкѣ, постоялый дворъ: оставаться вамъ у меня нельзя.

Такъ вотъ-съ... счастье-съ. Поженили-съ „насъ", говорилъ все болѣе и болѣе хмѣлѣя Модестъ. Счастье-съ свое нашелъ-съ... и онъ машинально взялъ стаканъ почти съ чистымъ коньякомъ и выпилъ его, какъ пьютъ воду... Рука задрожала и онъ громко стукнулъ дномъ стакана о блюдце...

Счастье-съ... хе-хе-хе. Конечно-съ... А куда же. Только вотъ Абрамка-съ.

„Модестъ Семеновичъ"... раздался опять у двери голосъ хозяйки. Модестъ приподнялся, но не устоялъ, и шлепнулся на стулъ. Вѣроятно, внимательная хозяйка все это видѣла, потому что тотчасъ же вошла Марья и увела вновь окликнутаго женой Модеста, какъ малаго ребенка, и притворила дверь. Однако до чуткаго слуха молодыхъ людей доносился пьяный лепетъ Модеста, языкъ котораго поминалъ все „Абрамку", но вскорѣ и этотъ лепетъ, и властный шопотъ Софьи Васильевны смолкли за стукнувшей дверью. Модеста увели спать на другую половину и Иванъ былъ искренно радъ этому обстоятельству и почти былъ убѣжденъ, что Софья Васильевна выслушаетъ обѣщанную имъ сказку.

Засидѣлись охотники, а время подошло къ полуночи. Заспанная Марья натащила мягкихъ пуховиковъ и подушекъ и, несмотря на протесты, приготовила изъ нихъ постели: Крохину на *парадной* кровати, стоявшей за расшитымъ кружевами пологомъ, а Ивану на диванѣ. Приготовила, принесла графинъ воды, вышла, и притушивъ лампу въ сосѣдней комнатѣ, что-то сказала хозяйкѣ, и ушла на другую половину. Вскорѣ погасилъ лампу и Иванъ, и воцарилась тишина, нарушаемая крикомъ сверчковъ, чуявшихъ вѣтряную погоду, да равномѣрнымъ тиканьемъ маятника большихъ стѣнныхъ часовъ, помѣщенныхъ въ отдѣльномъ футлярѣ шкафа.

Не долго насиловали слухъ Крохина эти надоѣдливые звуки, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ, но Ивану не спалось: его тянуло *туда*, за эту дверь, за которой помѣща-

лась Софья Васильевна, и вотъ онъ тихонько всталъ, надѣлъ мягкія туфли, накинулъ на себя легкій пледъ, окутавшій его, какъ шлафрокъ, и неслышно вышелъ въ другую комнату.

Полумракъ окутывалъ просторное помѣщеніе, изъ котораго одна плотная дверь вела въ сѣнцы, а другая легкая, филенчатая, въ комнатку, спальную хозяйки, и эта дверь была нѣсколько пріотворена, обнаруживая свѣтлую полосу свѣта. Иванъ подошелъ немного, тронулъ дверь и она беззвучно подалась внутрь очень маленькой комнатки, третью часть которой занимали кровать, столикъ и шкафикъ-угольникъ подъ образами, передъ которыми теплилась лампадка. На кровати, утопая въ высоко взбитой перинѣ, подъ малиновымъ стеганымъ одѣяломъ, лежала Софья Васильевна. Головка ея покоилась въ профиль на бѣлой съ кружевомъ подушкѣ, по которой разбѣжались волнистыя пряди волосъ. Глаза были закрыты, и часть бѣлаго наливного плеча заманчиво выглядывала изъ-подъ одѣяла... Софья Васильевна едва ли спала. Даже можно сказать съ увѣренностью, что она не спала: когда Иванъ надавилъ дверь, при чемъ звякнула цѣпочка, Софья Васильевна *удивленно* открыла глаза, и нѣсколько приподнялась на локти надъ подушкой... Иванъ тихонько ощупывалъ дверь и цѣпочку, и убѣдился, что *на-глухо придѣланная цѣпь заперта замкомъ, пріотворить при этомъ дверь можно, но войти въ нее никакимъ образомъ.*

Иванъ съ мольбой смотрѣлъ на молодую женщину, простиралъ къ ней руки, манилъ самыми нѣжными названіями, но она лукаво улыбалась и юркнула подъ одѣяло... Понорилась!..

Долго стоялъ Иванъ около неприступной двери, уйдя, наконецъ, долго ворочался, и подъ утро только заснулъ тревожнымъ сномъ.

На другой день, при выѣздѣ, Модестъ виновато прислуживался господамъ, а Софья Васильевна держала себя, какъ ни въ чемъ не бывало, вполнѣ тактично, просто и любезно. При выѣздѣ господъ со двора, за ушедшими впередъ людьми, лошадей имъ подалъ красавецъ парень

лѣтъ двадцати-пяти, цыганскаго типа, съ пушистыми усиками и бородкой, съ выразительными, огненными глазами, стройный, сильный и ловкій. Это и былъ Абрамъ, *хозяйскій молодецъ*. Ивану показалось, что, подавая ему *Любку*, парень насмѣшливо улыбался одними глазами, глядя на него прямо въ упоръ, и понялъ свою *послѣднюю незадачу*.

Дмитрій Вилинскій.

1900 года. XII. 15.
Коропъ.

Отживающіе типы.

Иванъ Терентьичъ.

III.

Переселясь изъ Вологды въ Рыбинскъ, я вскорѣ же опять обзавелся полнымъ охотничьимъ инвентаремъ, конечно, въ миніатюрѣ. Пріобрѣлъ недорогую централку съ разными принадлежностями, соорудилъ охотничій костюмъ и по случаю купилъ очень недурную собаку, суку «Догадку», замѣчательную работницу и умницу, съ которой два года я не разлучался, исколесивъ всѣ ближайшія окрестности города. Вооружившись и снарядившись, мнѣ оставалось самое главное—подыскать себѣ такого компаньона, съ которымъ бы можно было вмѣстѣ экскурсировать и ознакомиться съ новыми мѣстами. Отдавать себя на попеченіе какого-нибудь промышленника, въ родѣ Алехи Троицкаго, мнѣ не нравилось, хотя это и практиковалось большинствомъ мѣстныхъ охотниковъ, а познакомиться и сойтись съ кѣмъ-нибудь изъ горожанъ не представлялось случая при моемъ уединенномъ образѣ жизни. Я захандрилъ, слоняясь изъ угла въ уголъ по своей маленькой квартиркѣ, рѣшительно не зная, куда убить свободное время. Съ какою завистью поглядывалъ я изъ окна на мимо проходившихъ туземныхъ немвродовъ, усталыхъ и запыленныхъ, возвращающихся съ охоты съ чуть-чуть побѣлѣвшими зайчиками! Въ лѣсъ тянуло неудержимо... Такъ прошла половина сентября. Однажды какъ-то, зайдя къ своей хозяйкѣ, я случайно высказалъ ей свое затруднительное положеніе.

— Да что же вы раньше не сказали? — всполошилась

она.—Это легко устроить: погодите, у меня на примѣтѣ и человѣкъ есть, онъ многихъ здѣсь водитъ на охоту... Вотъ ужо зайдетъ Паша, я скажу ему.

Болѣе чѣмъ довольный, я убрался на свою половину. Въ тотъ же день вечеромъ ко мнѣ зашелъ хозяйскій сынъ и любезно передалъ, что компаньонъ для меня найденъ: это—престарѣлый мѣстный охотникъ Иванъ Терентьичъ, по прозвищу «Сусанинъ», лѣтъ уже болѣе 30 занимающійся охотой, и что завтра поутру онъ зайдетъ за мною на охоту.

Поблагодаривъ за любезность Павла, я съ вечера же приготовилъ все для предстоящей охоты.

На утро, часовъ около семи, едва я успѣлъ одѣться и выпить стаканъ чаю, какъ во дворѣ раздался звукъ охотничьяго рога съ различными переливами и вслѣдъ затѣмъ отчаянный лай собакъ. Бросивъ чай, я быстро подошелъ къ окну. Посрединѣ двора, ярко освѣщеннаго солнцемъ, стоялъ крохотный сѣденькій старичокъ съ длинными снѣжно-бѣлыми волосами, расчесанными по-старинному, и такого же колера бородкой, и изо всѣхъ силъ сдерживалъ на сворѣ громаднаго чернаго кобеля неизвѣстной, а можетъ быть и мѣстной, породы, рвавшагося къ моей собакѣ. Я мелькомъ, но внимательно оглянулъ своего будущаго компаньона и вожатаго. Крохотной фигуркѣ, судя по почтеннымъ сѣдинамъ и морщинамъ, можно было дать лѣтъ около 70. Благообразное личико Ивана Терентьича отчасти напоминало старинныя произведенія суздальскихъ богомазовъ; оно украшено было горбатымъ носомъ не-русскаго пошиба и черными бойкими глазками, въ данную минуту съ любопытствомъ скользившими по окнамъ моей квартиры. На старичкѣ надѣты были: черный суконный картузъ такихъ большихъ размѣровъ, что личико его казалось не болѣе кулака, темно-зеленый потертый и уже выслужившій всѣ сроки лампедронъ до колѣнъ, изъ бокового кармана котораго торчалъ уголъ цвѣтного кисета и кончикъ трубки, и высокіе на ремешкахъ сапоги. Если добавить сюда долгостволую фузею съ фигуристой ложей, перекинутую вышитою перевязью черезъ плечо, поясной патронташъ съ ножомъ, ягд-

ташъ, снабженный арапникомъ и множествомъ удавокъ для дичи съ кольчиками и безъ оныхъ, и огромный мѣдный рогъ, то вы получите точное представленіе о миніатюрной фигуркѣ Ивана Терентьича, отъ которой такъ и вѣяло чѣмъ-то патріархальнымъ.

Я быстро снарядился, приказалъ Степану вести собаку и вышелъ во дворъ.

Увидѣвъ меня, Иванъ Терентьичъ какъ-то засуетился, подтянулъ собаку, заморгалъ усиленно своими черными глазками и, скинувъ наотмашь картузъ, отвѣсилъ мнѣ поясной поклонъ, скороговоркой приговаривая:

— Здравствуйте, ваше бродіе!.. Очення пріятно познакомиться!..

Я поздоровался съ нимъ, протянувъ руку, при чемъ Иванъ Терентьичъ робко подержалъ концы моихъ пальцевъ.

— Куда прикажете вести? — ласково промолвилъ онъ, оглядывая мои новенькіе охотничьи доспѣхи.—Мѣстъ, изволите видѣть, здѣсь много, зайцевъ вездѣ найдемъ и досыта погоняемъ.

— Помилуйте, Иванъ Терентьичъ, куда вы желаете: я мѣстъ не знаю совсѣмъ, а потому буду очень благодаренъ вамъ, если вы познакомите меня съ окрестностями города.

— Тѣмъ лучше: на новыхъ-то мѣстахъ куда интереснѣе охотиться... Позвольте спросить, вы часто бываете свободны?

— Да всю осень!

— Ну-съ, тогда, значитъ, мы всю осень съ вами и проходимъ, а сегодня пойдемте хоть въ «Шапкино», тамъ, надо быть, нынче никто не былъ...

Сопутствуемые Степаномъ съ Догадкой, мы зашагали къ перевозу, переправились на паромѣ чрезъ Волгу и потянулись Орефинской дорогой въ «Шапкино», до котораго отъ города считалось верстъ 7. Несмотря на свой малый ростъ и преклонный возрастъ, Иванъ Терентьичъ не отставалъ отъ меня и часто-часто сѣменилъ своими развинченными ногами, слегка присѣдая на каждомъ шагѣ. Дорогой, конечно, разговорились. Компаньонъ мой оказался весьма

словоохотливымъ малымъ и, посасывая изъ своей глиняной трубки дунаевскіе «корешки», говорилъ не переставая. Онъ, видимо, доволенъ былъ, найдя во мнѣ внимательнаго собесѣдника.

— А вы давно здѣсь охотитесь?—между прочимъ, спросилъ я, желая услышать что-нибудь интересное отъ такого «патріарха», какъ назвалъ его хозяйскій сынъ, Павелъ.

— Давно-съ, безъ малаго лѣтъ 35... Послѣ отмѣны крѣпостного права я поселился здѣсь, да вотъ все и охочусь... Я вѣдь, ваше бродіе, изъ крѣпостныхъ... Да вы не изволили ли слыхать господъ Лѣсиныхъ? Нѣтъ? Ну, такъ вотъ я у нихъ былъ. Хо-о-рошіе господа были, нечего говорить, и намъ жилось привольно. И старый, и молодой баринъ пальцемъ не трогали дворовыхъ, а мало ли и за нами грѣха водилось!.. Съ-измалѣтства-то я у отца на деревнѣ былъ, а потомъ, когда сталъ подрастать молодой баринъ, Алексѣй Григорьичъ, меня и назначили къ нему въ казачки—ухаживать да потѣшать играми. Ну-съ, и зажилъ я въ барскомъ домѣ, да такъ привыкъ, что и къ отцу не хотѣлось: баринъ былъ ласковый, не наказывалъ никогда, а съ барчукомъ-то мы такъ сдружились, что и водой не разольешь. И чего только не продѣлывали мы съ нимъ!.. Леша да Ванюшка, бывало, съ языка не сходятъ ни у кого!.. Я и грамотѣ тамъ выучился вмѣстѣ съ барчукомъ. Подросъ барчукъ, отдали его въ науку въ Ярославль,—тамъ пансіонъ былъ, на манеръ гимназіи, — ну, и я съ нимъ уѣхалъ, да цѣлыхъ пять годковъ тамъ и прожили. По лѣтамъ-то домой, въ имѣніе, наѣзжали на отдыхъ. Тутъ барчукъ мой пристрастился къ охотѣ, завелъ разныхъ собакъ—борзыхъ, гончихъ и легавыхъ, накупилъ ружей, лошадей, а меня да еще трехъ дворовыхъ молодыхъ парней одѣлъ въ черкески да высокія шапки. Охотниковъ-то на выучку посылали либо къ генералу Дедюлину, либо къ Лихачеву, подъ Пошехонье. Такое веселье настало!.. Сосѣди-господа все охотники были, да заядлые, ну, мы вмѣстѣ съ ними и съѣзжались. Дичи и звѣря тогда было много и этихъ зайцевъ да лисицъ по десятку на день травили. Случалось, бирали и волковъ. Сперваначалу-то и я съ борзыми ѣздилъ, да разъ какъ-то

слетѣлъ съ лошади, повредилъ себѣ ногу, ну, меня барчукъ и опредѣлили въ ружейники. И вотъ какъ полюбилъ я охоту! Радъ былъ безъ пищи цѣлый день простоять въ лѣсу да наслушивать стаю!.. А и собачки же были, Господь ты мой милостивый!.. Вотъ гоняли!.. Повѣрите ли, оторопь какая-то находила и слезы на глазахъ выступаютъ, когда, бывало, начнутъ на тебя нажимать!.. Однако кончилъ барчукъ ученье, поселился въ усадьбѣ да лѣтъ пять и не выѣзжалъ никуда: то охота, то гости наѣдутъ, то съ собаками возятся на псарнѣ,—опомниться некогда. А въ эту пору умеръ старый баринъ, царство ему небесное! За нимъ черезъ годъ всего—барыня, а барышни-то вышедши ужъ замужъ были,—и остался мой барчукъ полнымъ хозяиномъ въ имѣніи. Вотъ тутъ и началась у насъ не жизнь, а кутерьма: сначала запилъ барчукъ, да такъ, что и остановиться не могъ, потомъ сталъ за одной сосѣдней барыней ухаживать, да должно быть больно упорно: барынинъ-то мужъ страсть какъ взбѣленился, а старый да ревнивый былъ: подкараулилъ разъ моего барчука на свиданьи съ женой въ паркѣ да чуть не убилъ... Бросилъ барчукъ сосѣдку и еще пуще закутилъ. Пересталъ и на охоту ѣздить. Прошло этакъ мѣсяца съ два, вдругъ слышимъ—умеръ старый баринъ, мужъ-то сосѣдки, да не самъ по себѣ: отъ дворовыхъ-то ихъ я живо выпыталъ, что баринъ умеръ, какъ-то случайно. Ну, барчукъ со мной сейчасъ туда, переговорили долго о чемъ-то съ барыней да мрачный такой до дому ѣхали: должно, не поладили что-нибудь.—Вотъ, говорю, Алексѣй Григорьичъ, теперь не опасно и къ сосѣдкѣ ѣздить.—А въ мысляхъ-то держу: жениться бы ему на ней.—«Нѣтъ, говоритъ, Ваня, не хочу я на нее теперь и смотрѣть: это вѣдь старикъ-то черезъ нее умеръ. А сами едва не плачутъ, да и за бутылку... Бѣда, что было!..

— А съ барыней что было?—съ любопытствомъ спросилъ я.

— Лучше и не говорить! — отвѣтилъ Иванъ Терентьичъ, махнувъ выразительно рукой:—на весь уѣздъ загудѣла!.. Молодые-то господа, что за ней сворой увивались, пе-

рессорились между собой да перестрѣлялись, а она въ самый-то разгаръ возьми да въ монастырь и поступи!.. Всѣхъ одурачила.

— Да она красавица, что ли, была?

— Ахъ, какъ красива!.. И сказать нельзя!.. Ужъ на что мы, дворовые, а и то глазъ отвести не могли... Да я вотъ, ваше бродіе, восьмой десятокъ началъ, а и похожую на нее не видалъ... Такъ вотъ-съ, запилъ мой баринъ и шибко. Наступила осень, да прехорошая: сухо, лѣса вокругъ нашей усадьбы озолотились... самая что ни на есть лучшая для охоты пора пришла. Заныла у меня душа, такъ въ лѣсъ и просится. Сталъ я полегоньку подговаривать барина.—Бросьте, говорю, Алексѣй Григорьичъ, эту канитель, здоровье попортите!.. Поѣдемте-ка лучше въ лѣсъ на охоту, возьмемъ стаю да и потѣшимся!.. А молодые-то, говорю, какъ гонятъ: просто заслушаешься!.. Уговорилъ вѣдь, изволите видѣть!.. Подумали, подумали они, да и приказали готовиться къ охотѣ. Слава Богу, думаю, теперь отведемъ душу! Вотъ и стали мы почти каждый день наѣзжать въ лѣсъ; только утро забрезжитъ, отправлю я на мѣсто гончихъ, линейку съ провизіей къ крыльцу и бужу барина: вставайте, молъ, все готово, пора ѣхать. Поѣдемъ, доберемся до мѣста, дамъ я рогъ, чтобы гончихъ бросили, и пошла потѣха!.. А стая была хорошая, штукъ до двадцати, да все по голосамъ подобрана, такую бывало музыку заведутъ, что шапка на головѣ приподымается, а самого трясетъ, какъ въ лихорадкѣ! Надо бы за ружья да въ лѣсъ, а баринъ и говорятъ мнѣ:

— Вотъ что, Ваня· ты поди себѣ, стрѣляй, а меня ужъ не трогай... Прикажи ка принести сюда погребецъ, — я полежу.

Принесемъ мы ему погребецъ съ винами да закусками, выберетъ онъ себѣ въ лѣсу поляну, расположится на ней да и выпиваетъ, а меня въ лѣсъ ушлетъ. Ружье рядомъ положитъ, а никогда не тронетъ, хоть тутъ ему по ногамъ лиса бѣги: лежатъ на буркѣ съ длинной трубкой, пьютъ да о чемъ-то раздумываютъ. А отчего груститъ, — Господь его вѣдаетъ! Барыня ли его больно задѣла по сердцу, либо

ужъ такая полоса нашла, — кто ихъ знаетъ... Ну, а я въ лѣсъ да и пострѣливаю. Побродишь часа три-четыре, выйдешь къ барину, а онъ ужъ готовъ: такъ набухнетъ, что только глазами поводитъ да приговариваетъ:

— Ахъ, Ваня, Ваня!.. Хорошо здѣсь, ахъ, какъ хорошо!..

Такъ каждый разъ съ безчувственнымъ тѣломъ домой и возвращался. Прошло этакимъ манеромъ два года, барину ужъ подъ тридцать подходило и вдругъ онъ повеселѣлъ. Раздарилъ сосѣдямъ всѣхъ собакъ, распродалъ ружья да лошадей, а самъ—съ чего ужъ?—поступилъ въ военную службу юнкеромъ. Тогда въ Рыбинскомъ уѣздѣ квартировалъ Владимірскій полкъ, а штабъ его стоялъ въ Орефинѣ, недалеко отъ насъ. Вотъ въ этомъ селѣ-то мы и зажили. Черезъ годъ барина произвели въ офицеры, а тутъ началась Севастопольская кампанія, полкъ нашъ туда погнали французовъ бить, — поплелся и я за нимъ. Съ годъ провели мы тамъ и всего натерпѣлись. Мѣсяца четыре никакъ по разнымъ траншеямъ выжили. Случилось такъ, что ранили моего барина, пришлось ему уйти въ отставку, и покатили мы къ себѣ домой въ имѣніе. Похужѣло тутъ барину: сталъ прихварывать, полежалъ сердечный съ полгода да и Богу душу отдалъ. А меня все-таки не забылъ передъ смертью покойникъ: отписалъ на волю, оставилъ двѣсти рублей денегъ да свое старинное ружье...

— Гдѣ же вы на волѣ жили?—спросилъ я.

— А вотъ ужъ позвольте, я вамъ доскажу,—промолвилъ Иванъ Терентьичъ, набивая трубку.—Получилъ я наслѣдство, сходилъ къ покойнику на могилку, помолился тамъ, да и покинулъ родныя мѣста. Вѣрите ли, всю дорогу до города слеза била: шутка ли вѣдь, тридцать пять лѣтъ выжилъ я тамъ и чего не испыталъ!.. Ну-съ, пришелъ я въ Рыбинскъ, снялъ вскорѣ лавочку на Волгѣ, сталъ поторговывать разными старыми вещами да охотиться. И вотъ ужъ и здѣсь-то тоже, надо быть, четыре десятка живу.

— А живо-ли то ружье, что баринъ вамъ отказалъ?

— Да вотъ оно-съ самое и есть!.. Извольте взглянуть: ста-а-ринное!..

Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ эту замѣчательную древность и подивился старинной работѣ Лепажа. Нигдѣ, ни на стволахъ, до половины граненыхъ, ни на ложѣ красиваго краснаго дерева, не было и слѣдовъ долголѣтней носки. Ружье было 16-го калибра съ тонкими очень длинными стволами свѣтло-коричневаго цвѣта, поражавшими своей казнистостью: между курками было добрыхъ полтора вершка. Ружье было очень тяжело, но прикладисто и отличалось прекраснымъ боемъ: не разъ при мнѣ впослѣдствіи Иванъ Терентьичъ укладывалъ зайцевъ на 70—80 шаговъ.

— А вонъ и «Шапкино» видно! — прговорилъ Иванъ Терентьичъ, указывая трубкой на виднѣвшійся за полями ельникъ. — Въ разговорахъ-то и незамѣтно, какъ дошли... Вотъ съ опушки-то и пустимъ собакъ: тутъ всегда около полей зайчишки ложатся.

— Откуда у васъ такой песъ?

— Бушуйко-то? Онъ давно у меня, лѣтъ десять. Я его щенкомъ купилъ, да вотъ самъ и нахаживалъ... Отмѣнно гонитъ, не хвастаясь, скажу!.. Паратъ только больно, но ужъ какъ примется гонять,—заяцъ мой!.. Вы не смотрите, что онъ черный и на легаша смахиваетъ: что̀ мнѣ въ красотѣ-то, вѣдь не на выставку! Вонъ въ городѣ мало ли гончихъ и ладныхъ по виду, а гонятъ такъ, что и не слушалъ бы... А вашу собачку я знаю: вы ее у Некрасова купили?.. Ну, она... повѣрьте мнѣ, старику, не продавайте ее: хорошо гонитъ и не парата. Я вѣдь съ Некрасовымъ не разъ бывалъ на охотѣ, знаю ее...

— Много же, я думаю, у васъ здѣсь знакомыхъ?

— Да всѣ почти знакомы... Вонъ теперешніе-то старики со мной подростками охотились, да и нынче часто ходятъ... Мало ли я тутъ мѣста исходилъ!.. Да вотъ старость, ваше бродіе, пришла, подряхлѣли мы съ Бушуйкой!.. И радъ бы другой разъ куда-нибудь подальше сходить, да ноги-то расхлябались.

— Что же, много берете за осень?

— А разно, годъ на годъ не приходится. На худой конецъ все штукъ 30 бѣляковъ возьму. Вотъ въ прошломъ году зайца много было, такъ я 40 штукъ зашибъ.

— Куда же вы ихъ дѣваете?

— Да котораго самъ поѣмъ, а больше продаю. Ну, за осень-то на свидѣтельство да припасы и выручу...

Но вотъ и симпатичное «Шапкино». Мы подошли къ огороду, покурили послѣдній разъ до гону (Иванъ Терентьичъ обыкновенно сосалъ свою носогрѣйку только «на крови» да въ походѣ), перевалили въ ельникъ и спустили собакъ. Тутъ мой спутникъ подробно ознакомилъ меня съ ходомъ зайцевъ въ «Шапкинѣ», указалъ дороги, просѣки и лощины, далъ направленіе и отдѣлился. Черезъ минуту изъ чащи раздался его звонкій голосъ, весело выкрикивавшій:

— Охъ-хо-хо-хо!.. Ухъ, его!.. Ой, собачки, откапывай косого!..

Хорошо порскалъ Иванъ Терентьичъ!.. Какихъ только нотъ не бралъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ, какихъ не выдѣлывалъ руладъ! Нынче вѣдь и на это немного мастеровъ осталось!.. Я съ своей стороны тоже не жалѣлъ голоса и отпускалъ во всю силу легкихъ различныя междометія, обхлопывая арапникомъ подозрительные кустики.

Не прошли мы и трехсотъ шаговъ, какъ впереди насъ раздался зычный басъ Бушуя, затѣмъ повторился еще и еще, а тутъ приспѣла Догадка, и черезъ пять минутъ заварился жаркій гонъ, удалявшійся въ осинникъ. Мы стянулись туда, перешли мокринку. Я сталъ на просѣкѣ, вслушиваясь въ голоса собакъ, зарядилъ ружье и ждалъ. Гонъ то усиливался, то замиралъ. Заяцъ, видимо, давалъ большого круга. Но вотъ голоса собакъ стали все слышнѣе и слышнѣе. Я насторожился, внимательно всматриваясь во внутренность лѣса, слабо освѣщенную солнцемъ. Вдругъ влѣво отъ меня что-то сѣрое замелькало между стволовъ осинъ. Матерый бѣлякъ, несясь во всю прыть, приближался къ просѣкѣ, но за нѣсколько шаговъ отъ нея скинулся въ сторону и перемахнулъ узенькую дорожку. Я не утерпѣлъ и ударилъ. Заяцъ наддалъ еще пуще и быстро скрылся въ зелени. Натекли собаки и еще жарче заревѣли по слѣду. Вскорѣ раздался хлопокъ, затѣмъ второй со стороны моего компаньона и послышались возгласы:

— Дошелъ, дошелъ, собачки!.. Ого-го-го!.. Вотъ, вотъ, вотъ!..

Я спустилъ курки и вернулся просѣкой въ низинку, посередь которой увидалъ фигурку Ивана Терентьича съ зайцемъ въ рукахъ. Бушуй и Догадка спѣли къ нему протокомъ.

— Съ полемъ, Иванъ Терентьичъ!.. Починъ дѣло краситъ!..

— Благодарствуйте, ваше бродіе! — отвѣтилъ онъ довольнымъ, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.—Вотъ тутъ и вышелъ на меня, да только далеконько!.. Отрыжь, вотъ я васъ!—закричалъ онъ на собакъ, кружившихся около него.

— А вы гдѣ стрѣляли?

Я пояснилъ.

— Эхъ, ваше бродіе!—съ сердцемъ промолвилъ онъ,— не тамъ встали: надо было влѣво съ просѣки-то податься,— тамъ перемычка есть и гонный заяцъ всегда проходитъ... Экая досада!.. А все я, старый дуракъ, виноватъ! Мнѣ надо было васъ поставить.

— Ну, полноте, найдемъ еще, день долгъ!

Иванъ Терентьичъ не торопясь выпотрошилъ зайца, приторочилъ его къ ягдташу, вымылъ въ ямкѣ руки и закурилъ свою трубку, пуская синія струйки кислаго дыма.

Перекинувшись нѣсколькими словами, мы опять вошли въ осинникъ, огласивъ его веселыми возгласами... Весь этотъ день мы такъ въ «Шапкинѣ» и проходили. Зайцевъ нашли дѣйствительно порядочно, до десятка погоняли и взяли 6 штукъ, изъ коихъ на мою долю досталась пара. Работой Бушуя я положительно былъ очарованъ. Онъ отлично шелъ верхнимъ чутьемъ по слѣду, рубилъ безъ остановки своимъ басищемъ и при этомъ никогда не скалывался и не вралъ. Невольно пришлось вспомнить поговорку: наружность обманчива. Я остался вполнѣ доволенъ охотой; вмѣстѣ съ тѣмъ я ни на минуту не переставалъ наблюдать за своимъ новымъ компаньономъ. Что меня особенно занимало въ Иванѣ Терентьичѣ, такъ это, если можно такъ выразиться, старинность, древность его фигуры, манеръ и всѣхъ охотничьихъ привычекъ. Не даромъ окрестили его мѣстные охотники

«патріархомъ» и «Сусанинымъ»! Послѣднее, вѣроятно, дано было ему за роль вожатаго въ совмѣстныхъ охотахъ. Проживши почти полжизни около господъ, Иванъ Терентьичъ отшлифовался, своеобразно развился и, мнѣ кажется, могъ служить типичнымъ представителемъ двороваго люда присно-памятной эпохи крѣпостного права. Онъ былъ безукоризненно вѣжливъ съ «господами». Такъ, напр., на привалѣ онъ никогда не сядетъ съ вами рядомъ, всегда поодаль, никогда не позволитъ себѣ сказать крѣпкое словцо и никогда не воспользуется вашимъ приглашеніемъ вмѣстѣ закусить или выпить. Водки на охотѣ я у него ни разу не видѣлъ, хотя и слышалъ отъ своей хозяйки, что онъ былъ подверженъ рѣдкимъ, но продолжительнымъ запоямъ, во время коихъ и охота и торговля шли по боку и онъ прокучивалъ по 50—100 рублей въ какую-нибудь недѣлю. Приглашалъ я его не разъ и къ себѣ на квартиру побесѣдовать объ охотѣ за самоваромъ, но онъ, хотя аккуратно и являлся, однако дальше порога комнаты не двигался, простаивая по часу на ногахъ и упорно отказываясь отъ чая. Еще щепетильнѣе былъ онъ въ денежномъ отношеніи и въ этомъ случаѣ во многомъ напоминалъ другого изъ моихъ прежнихъ сотоварищей—безкорыстнаго Лохматку, уже описаннаго мною.

Достаточно сказать, что за двѣ осени охоты съ Иваномъ Терентьичемъ мнѣ не удалось и рубля ему заплатить за проводы. Единственно, чѣмъ иногда я отплачивалъ ему за всѣ услуги—такъ это зайцами, въ особенности во вторую осень, когда, ознакомившись съ мѣстами, я началъ понемногу обстрѣливать своего спутника. Всего забавнѣе было видѣть оригинальную фигурку Ивана Терентьича на деревенскихъ бесѣдахъ (иногда мы ходили и съ ночевкой), гдѣ онъ, тряхнувъ стариной, пускался въ плясъ или выводилъ своимъ звонкимъ голосомъ разудалыя пѣсни. Какъ охотникъ, Иванъ Терентьичъ несомнѣнно обладалъ извѣстными дарованіями. Онъ отлично зналъ гончую охоту,—свою спеціальность, понималъ толкъ въ собакахъ, зналъ, какъ свой собственный ларь, всѣ окрестности города верстъ на 25 въ окружности и недурно стрѣлялъ по зайцамъ и птицѣ, хотя весной и лѣтомъ охотился рѣдко: весной—потому, что боялся простуды,

а лѣтомъ—за недосугомъ, ибо это время у него шла бойко торговля при огромномъ наплывѣ поволжскихъ рабочихъ. Еще одна черта меня поражала въ Иванѣ Терентьичѣ—это уваженіе къ охотничьему закону. Несмотря на свои мизерные достатки, онъ не только аккуратно каждый годъ запасался охотничьимъ свидѣтельствомъ, но даже иногда бралъ билеты на право охоты у нѣкоторыхъ подгородныхъ крестьянъ-маклаковъ. Это тѣмъ болѣе удивительно было въ простолюдинѣ, что здѣсь вообще добрыхъ двѣ трети интеллигентныхъ немвродовъ охотятся «безпатентно». Будучи религіознымъ, Иванъ Терентьичъ сильно побаивается смерти и одиночкой никогда не бродитъ по лѣсамъ, изъ боязни заблудиться и умереть безъ покаянія. Въ прежнее время Иванъ Терентьичъ чаще всего охотился съ такимъ же, какъ онъ, сѣдобородымъ старцемъ, Никитой Ивлевымъ, содержавшимъ тоже небольшую лавочку въ городѣ. Говорятъ, что совмѣстныя охоты ихъ всегда бывали очень дурны и презабавны, хотя и добычливы: Никита Ивлевъ, за старостью, едва передвигалъ ногами и обыкновенно всю дорогу пушилъ на всѣхъ діалектахъ русскаго языка своего богобоязненнаго спутника за быструю ходьбу, при чемъ Иванъ Терентьичъ, страшно сердясь, только отплевывался...

Но вернусь нѣсколько назадъ. Итакъ, пробродивши до вечера, усталые и довольные, мы поплелись домой и, конечно, тутъ же дорогой уговорились относительно слѣдующей экскурсіи за косыми. Съ этого-то вотъ дня и начались наши охотничьи шатанія. Въ назначенный день, аккуратно въ 7 час. утра, Иванъ Терентьичъ являлся ко мнѣ во дворъ, выводилъ нѣсколько затѣйливыхъ руладъ на своемъ рожкѣ, и мы отправлялись. Я не буду подробно останавливаться на этихъ охотахъ нашихъ, ибо онѣ ничѣмъ особеннымъ не отличались; скажу только, что за эту осень мы такъ исколесили окрестности Рыбинска, что я узналъ не только всѣ зайчиныя мѣста, лазы и перебѣги, но даже тѣ пункты, гдѣ любили ложиться косые пріятели наши. Насколько помню, «попами» мы ни разу не возвращались: если иногда я и не убивалъ ни одного зайчишки, то изо всѣхъ силъ старался мой сѣдовласый компаньонъ. Обыкновенно брали 5 — 6 штукъ

за день, иногда больше, при чемъ Иванъ Терентьичъ всегда меня обстрѣливалъ, что, видимо, доставляло ему большое удовольствіе. Въ результатѣ за эту осень я взялъ 25 шт., а Иванъ Терентьичъ — 30, кромѣ того, нѣсколько тетеревей, случайно. Наши путешествія до мѣста и обратно всегда сопровождались нескончаемыми разсказами Ивана Терентьича, которые я любилъ послушать. Излюбленной темой его повѣствованія была эпоха крѣпостного права.

Незамѣтно промелькнуло два осеннихъ мѣсяца. Наступила зима, кончилась моя свобода и гончая охота наша оборвалась до слѣдующаго года. Во избѣжаніе повтореній я не буду описывать охотъ второй осени, проведенной мною въ сообществѣ Ивана Терентьича. Мы такъ же часто ходили съ нимъ, такъ же исправно поколачивали косыхъ по разнымъ завѣтнымъ мѣстечкамъ, но неутомимый Бушуйка уже не такъ энергично работалъ: случилось, что какъ-то зимою на одной изъ собачьихъ свадебъ, что было довольно легкомысленно при его почтенномъ возрастѣ, его угостили изъ монтекристо, вслѣдствіе чего онъ захромалъ, не могъ по цѣлымъ часамъ безъ передышки гонять, иногда бросалъ на кругу зайца и жалобно вылъ, какъ бы сознавая свое безсиліе. Тяжело было смотрѣть въ эти минуты на Ивана Терентьича: ему и стыдно было за своего любимца, такого дивнаго гонца, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ себя безсильнымъ помочь бѣдѣ. Только наличность моей собаки нѣсколько скрашивала эти грустные моменты, и мы продолжали охоту...

Кончилась и вторая осень, и мы опять разстались на цѣлыхъ три четверти года. За это время я рѣдко видался съ нимъ: или, гуляя по городу, подойдешь къ его лавочкѣ и побесѣдуешь по душѣ, или, проѣзжая набережной, издали раскланяешься съ нимъ. Но вдругъ въ одинъ прекрасный день я потерялъ своего вѣрнаго сотоварища. Случилось это такъ. Стояли послѣднія числа августа. Желая вмѣстѣ съ Иваномъ Терентьичемъ брать первое поле, я зашелъ къ нему въ лавку уговориться, куда идти. Наконецъ, давно желанное первое сентября наступило. Въ условный часъ поутру за

мной зашелъ Иванъ Терентьичъ и мы, помкнувъ собакъ и сдавъ ихъ на попеченіе Степана, тронулись въ путь. Денекъ выдался чудный, ясный, тихій, но прохладный. Но, видно, не судьба была намъ въ этотъ день наслаждаться охотой. Незадачи посыпались съ перваго шага. Едва вышли мы изъ воротъ, какъ навстрѣчу намъ попали сразу двѣ духовныхъ особы. Я было и вниманія на это не обратилъ, но Иванъ Терентьичъ просто смутился: онъ съ досадой посмотрѣлъ на нихъ и, поровнявшись, промолвивъ:

— Ахъ!.. И куда такую рань потащились!.. Да еще двое!..

Онъ вообще былъ очень суевѣренъ и принималъ въ соображеніе массу примѣтъ, относящихся до охоты.

Я отъ души разсмѣялся, но, взглянувъ на него, положительно пораженъ былъ какимъ-то болѣзненно-тоскливымъ, безнадежнымъ выраженіемъ его физіономіи. Маленькое личико его было блѣдно, а бойкіе глаза смотрѣли уныло. Противъ обыкновенія, Иванъ Терентьичъ молчалъ всю дорогу, не выпуская изо рта трубки.

— Вы здоровы ли, Иванъ Терентьичъ?—освѣдомился я.

— Эхъ, ваше бродіе!.. Охотѣ моей конецъ выходитъ, вотъ что!..—тоскливо отвѣтилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Почему же конецъ?

Но Иванъ Терентьичъ поникъ головой и ничего не отвѣтилъ.

Такъ до самаго Трутнева мы и десяткомъ словъ не обмолвились, хотя я и старался прогнать невеселое настроеніе Ивана Терентьича. Онъ вздыхалъ, упорно смотрѣлъ подъ ноги и отмалчивался. Достигнувъ «Черной Горы», мы перешли ручеишко, втянулись въ большой вырубъ и бросили собакъ. Я закурилъ и присѣлъ на пенекъ, пока Иванъ Терентьичъ заряжалъ свою фузею. Долго онъ что-то возился и старательно прихлопывалъ шомполъ. Собаки, мелькая между валежникомъ, шныряли по сѣчѣ, то сходясь, то разбиваясь въ стороны и, наконецъ, скрылись въ рощѣ.

— Какъ пойдемъ?—спросилъ я.

— Да какъ гонъ будетъ...

Мы тронулись, но на этотъ разъ покрикивать приходилось мнѣ одному, ибо Иванъ Терентьичъ только изрѣдка

подавалъ голосъ. Едва мы добрались до тѣнистой еловой рощи, какъ въ глубинѣ ея раздалось отчаянное тявканье; я пріостановился; гонъ шелъ къ противоположной опушкѣ рощи. Вдругъ хлопнулъ выстрѣлъ, и все стихло. Не оставалось сомнѣнія, что заяцъ нашъ былъ убитъ кѣмъ-нибудь изъ болтающихся крестьянъ...

— Ваше бродіе, а вѣдь это со стороны кто-то стрѣльнулъ: Иванъ Терентьичъ вонъ гдѣ! — замѣтилъ Степанъ, подходя ко мнѣ.—Позвольте, я сбѣгаю туда?

— Не надо... Ты лучше покрикивай!..

Иванъ Терентьичъ далъ рогъ. Собаки стянулись въ нашу сторону и вскорѣ опять погнали, кружась подлѣ болотца. Я подвинулся туда и почти вплотную наткнулся на своего компаньона. Заяцъ далъ небольшого круга и выкатилъ прямо подъ ноги Ивану Терентьичу. Мнѣ видно было, какъ онъ шелъ болотинкой, изрѣдка пріостанавливаясь и прислушиваясь. Иванъ Терентьичъ, напустивъ его шаговъ на 20, поднялъ свою фузею, но вмѣсто выстрѣла какъ-то безнадежно махнулъ рукой и повернулся лицомъ въ сторону. Заяцъ сразу присѣлъ, далъ скачокъ вправо, влѣво и какъ стрѣла покатилъ въ мою сторону. Я убилъ его. Натекли собаки, но Бушуй уже не шелъ по переду, а, присаживаясь, изрѣдка подвывалъ. Но Иванъ Терентьичъ меня положительно удивилъ. Захвативъ зайца, я направился къ нему. Въ это время и Бушуй выбрался на болотечко.

— Что же вы не стрѣляли? — обратился я къ Ивану Терентьичу.

— А вотъ сейчасъ! — какъ-то странно отвѣтилъ онъ, щелкая курками. Потомъ поднялъ ружье, вскинулъ по разбиравшемуся въ слѣдахъ подлѣ насъ Бушуйкѣ и разъ за разомъ ударилъ. Бѣдный песъ, завертѣвшись на мѣстѣ, пронзительно визгнулъ и растянулся. Черезъ минуту отличнаго гонца какъ не бывало!.. Подбѣжала Догадка, обнюхала своего постояннаго спутника и, поджавъ хвостъ, отошла въ сторону. Я взглянулъ на Ивана Терентьича. Онъ стоялъ, понуря голову, держа въ одной рукѣ ружье, въ другой шапку; по сморщенному лицу его бѣжали слезы, скатываясь на сѣдые усы и бороду. Я нѣсколько растерялся

и не зналъ, что дѣлать. Степанъ недоумѣвающе смотрѣлъ то на меня, то на Ивана Терентьича.

— Пойдемте-ка къ дому, —предложилъ я, чтобы прервать эту тяжелую сцену.

— Вы извините меня, старика,—взволнованнымъ голосомъ промолвилъ Иванъ Терентьичъ,—идите съ Богомъ, а я вотъ только... зарою Бушуйку...

— Да и мы поможемъ!..

Я мигнулъ Степану. Общими силами мы оттащили Бушуя къ ракитнику, вырыли палками ямку, положили его туда и прикрыли мохомъ. Потомъ молча выбрались на дорогу и пошли къ дому.

— Охъ-хо-хо!—глубоко вздохнулъ Иванъ Терентьичъ.— Былъ Бушуйка — и нѣтъ его; былъ охотникъ Иванъ Терентьевъ—и нѣтъ его!..

— Да неужели вы совсѣмъ думаете бросать охоту?..

— И не бросилъ бы я ее до самой смерти, да, видно... судьба моя такая... Неволей бросишь... Что ужъ таить... вы видѣли: и я сталъ старъ, и Бушуйка-то не работалъ, да это бы все ничего, а вотъ бѣда-то въ томъ, что права-то меня лишили, виду-то нынче не дали!..

— Какого вида?

— А свидѣтельства... Одно къ одному... Пошелъ я съ недѣлю назадъ къ исправнику за свидѣтельствомъ: пора, думаю, приходитъ брать, честь-честью хотѣлъ сдѣлать, а онъ мнѣ и говоритъ: «Ты кто такой?.. Можетъ, ты ужъ судился за охоту?.. Достань, говоритъ, удостовѣренiе отъ полицiи о себѣ, а тогда и приходи!..» Такъ это меня поразилъ!.. Я говорю: ваше высокородiе, четыре ужъ года подърядъ беру, вотъ извольте и въ книжкѣ своей справиться,— меня всѣ здѣсь знаютъ!.. А онъ свое: «достань удостовѣренiе, тогда выдадимъ...» И такъ это обидно стало, ровно воръ я какой... Въ полицiю-то вѣдь надо прошенiе подавать, марки покупать, да кланяться, —ну, ихъ совсѣмъ!.. Подумалъ я, подумалъ, да и порѣшилъ вовсе бросить охоту...

— Отчего же вы мнѣ-то не сказали, я бы вамъ могъ достать.

— Не посмѣлъ безпокоить... Да нѣтъ, видно ужъ и Господь не хочетъ, чтобы я на старости лѣтъ безвинныя души губилъ...

Не весело вернулись мы въ городъ, распростились съ симпатичнымъ Иваномъ Терентьичемъ и разошлись по домамъ. Вскорѣ послѣ этой нашей послѣдней охоты Иванъ Терентьичъ запилъ и цѣлыхъ двѣ недѣли не могъ остановиться. Иванъ Терентьичъ живъ и теперь. Въ лѣтнее время, по вечерамъ, его постоянно можно видѣть разгуливающимъ по тѣнистымъ дорожкамъ городского сада съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ.

Л. Александровъ.

По Оби до сѣвернаго океана и обратно черезъ Большеземельскую тундру *).

13-е сентября.

Погода мѣняется безпрестанно: при с.-в. вѣтрѣ, отъ 0° вечеромъ наканунѣ доходило до +5°. Утромъ былъ дождь, къ вечеру сдѣлалось опять ясно. Часовъ въ 9 утра, къ моему удивленію, явился Самуилъ цѣлъ и невредимъ, привезъ шкурки и карту, которая оказалась составленною плоховато и для меня безполезною.

Начали подъѣзжать и другіе оленьщики, такъ какъ на разстояніи двухъ верстъ кругомъ избы съѣхалось пять чумовъ. Здѣсь былъ одинъ изъ пунктовъ убоя оленей, для чего съ Ижмы пріѣзжали на каюкахъ не могущіе уже кочевать сами старики, хозяева стадъ, и привозили съ собой работниковъ, или же работали одни. Я пригласилъ прибывшихъ пить чай и мы большой компаніей усѣлись кругомъ стола за самоваромъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ былъ одинъ рабочій изъ артели, нанятой купцомъ Сибиряковымъ для устройства конной дороги, соединяющей Обскую систему водъ съ Печорой. По его словамъ, съ начала весны работа пошла было хорошо, но потомъ приказчикъ началъ требовать, чтобы работали съ 3-хъ часовъ утра до 10-ти вечера, сталъ налагать огромные штрафы безъ всякаго повода и плохо кормилъ. Понемногу рабочіе начали уходить и, наконецъ, разошлись всѣ; но, какъ послѣ мнѣ разсказывали, это было нѣсколько иначе: рабочіе зыряне по условію должны были заработать 25 дней въ мѣсяцъ; а между тѣмъ начали

*) См. январь.

праздновать по 10 дней и больше въ мѣсяцъ, за что съ нихъ взяли штрафъ, что не понравилось и они бросили работу.

Сибиряковъ принесъ большую пользу Печорскому краю: прежде печорцы получали муку отъ чердынскихъ купцовъ, которые брали громадныя цѣны, такъ что мука цѣною въ 1½ рубля за пудъ, считалась дешевою. Сибиряковъ сталъ привозить хлѣбъ пароходомъ по рѣкѣ Оби, оттуда въ Сосьву и изъ нея по р. Щекурьѣ до Урала, откуда до притока Печоры—всего 180 верстъ, куда мука доставляется на лошадяхъ и оленяхъ, и теперь она по всей Печорѣ и тундрѣ около 75 коп. пудъ.

Ежели бы Сибиряковъ ограничился этой операціей, то имѣлъ бы вѣрный заработокъ и оказалъ бы благодѣяніе этому бѣдному краю; но это вышло у него между дѣломъ; а затѣялъ онъ ни больше ни меньше, какъ соединить Сибирь съ Европой, предполагая перевозить всѣ сибирскіе грузы въ Европу и европейскіе въ Сибирь. Много было писано объ этой затѣѣ, много было шуму въ газетахъ; нашелся даже такой корреспондентъ, который объявилъ на весь міръ, что теперь вотъ-де рѣшенъ всемірный вопросъ о соединеніи Сибири съ Европой, высчиталъ, какія будутъ обильныя выгоды, и, заявилъ, что съ р. Щекурьи, недалеко отъ Березова, суда попадутъ прямо по Уралу въ проливъ Маточкинъ Шаръ на Новой Землѣ.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ черезъ Уралъ пришлось перевозить гужомъ; а этимъ способомъ при огромныхъ затратахъ, едва ли можно перевезти болѣе 300 тысячъ пудовъ, и Сибирякову, пробившись нѣсколько лѣтъ, затративши не мало денегъ, пришлось отказаться отъ своей затѣи. По крайней мѣрѣ, уже давно ничего не слышно объ его дорогѣ. Во всякомъ случаѣ онъ заслуживаетъ большой благодарности, потому что, какъ человѣкъ богатый, не пожалѣлъ ни трудовъ, ни денегъ на общественное дѣло и принесъ большую пользу краю, что между нашими купцами большая рѣдкость, особенно, принимая въ разсчетъ, что за все это онъ не разсчитывалъ получить даже награды.

Нынѣшній день уѣхать не удалось: у Семена пропало

два оленя и онъ проискалъ ихъ цѣлый день. Вечеромъ зашелъ молодой красивый парень, лѣтъ 18-ти, Василій Филипповъ, очень развитой и, судя по разговору, какъ-будто читавшій; по крайней мѣрѣ, между зырянами я не встрѣчалъ подобнаго. Онъ разсказалъ, что учился въ Ижмѣ въ школѣ, гдѣ у нихъ было два учителя, кромѣ священника; преподавались: грамматика, ариѳметика, географія и исторія, хотѣлось ему учиться еще, но отецъ не согласился. Теперь отецъ умеръ, и у него учится младшій братъ, котораго онъ, въ случаѣ если тотъ пожелаетъ, будетъ непремѣнно учить дальше. Училище у нихъ было приходское, а теперь передѣлали въ сельское.

14-е сентября.

Около полудня дали знать, что Семенъ нашелъ оленей, мои проводники съ чумомъ перебрались уже за рѣку и ожидаютъ меня для дальнѣйшаго пути, до избы Попова на рѣкѣ Усѣ; а чтобы подвигаться скорѣе, они рѣшили оставить здѣсь женщинъ и лишнее имущество, а самимъ отправиться съ получумомъ, при чемъ оленей можно будетъ днемъ перемѣнять.

Игнатій приготовилъ двѣ лодки; на одну изъ нихъ поставили нарту съ моими вещами и вещами Митрофана, а на другую, меньшую, помѣстился я съ отцомъ Игнатія. Проѣхавъ съ версту, мы пристали къ берегу, гдѣ были мои проводники; но тутъ вышла задержка: сбруя Семена осталась верстахъ въ двухъ за рѣчкой въ чумѣ, и его жена должна была принесть, но по своей глупости, конечно, не сдѣлала; а теперь Семенъ побѣжалъ туда, а намъ пришлось его ждать.

Тутъ же на берегу я засталъ двухъ братьевъ-хозяевъ бившихъ своихъ оленей. Это были высокіе старики, уже лѣтъ по 70-ти; кромѣ нихъ у отца было еще два сына, и всѣ четыре брата долго держали стадо общее и только послѣдніе годы подѣлились, при чемъ на каждаго брата досталось болѣе 1000 оленей и порядочный капиталъ. Какъ мнѣ послѣ разсказывали, старикъ отецъ былъ до того скупъ, что никогда никого не подчивалъ обѣдомъ, а при видѣ нищаго запиралъ двери и не пускалъ во дворъ. Одинъ изъ стари-

ковъ, Петръ, какъ бы по секрету, началъ спрашивать у меня, не знаю ли я какого лѣкарства отъ боли въ груди, такъ какъ сынъ его, года два назадъ, сильно вспотѣвши, напился холодной воды и съ тѣхъ поръ время отъ времени у него побаливаетъ грудь, отчего онъ спасается, выпивъ рюмку или двѣ водки. Этотъ сынъ—мужчина лѣтъ 35-ти, богатырскаго сложенія, былъ тутъ же. Я посовѣтовалъ старику отправить сына въ Вологду полѣчиться у хорошаго доктора, говоря, что для единственнаго сына не грѣхъ пожертвовать сотни полторы оленей, такъ какъ иначе онъ вскорѣ можетъ умереть и тогда ничего не нужно. Бывшіе тутъ посторонніе, смѣясь, замѣтили, что старику продавать оленей не понадобится; а на лѣченіе сына найдутся съ избыткомъ деньги и безъ того, но только усомнились, чтобы старикъ разстался съ ними и употребилъ ихъ на лѣченіе сына.

Другой братъ старше Петра говорилъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ они, 18-го октября, ловили здѣсь рыбу неводомъ и погода была такая же, какъ сегодня, теплая и ясная, а въ прошломъ году въ этотъ день на рѣкѣ былъ уже ледъ. Онъ же указалъ, какого направленія надо держаться, чтобы попасть къ Попову. Сообразивши съ составленною мною черновою картою и компасомъ, я замѣтилъ, что онъ указываетъ сильно на востокъ и по моему мнѣнію нужно брать гораздо южнѣе; но онъ не согласился, говоря, что бывалъ здѣсь не разъ и знаетъ дорогу отлично. Поѣздивъ по тундрѣ, я имѣлъ случай убѣдиться, что кочевники дѣйствительно умѣютъ хорошо опредѣлять мѣста, и потому согласился съ его указаніемъ, о чемъ, впрочемъ, впослѣдствіи пришлось пожалѣть.

Наконецъ, явился Семенъ, все было готово и, распрощавшись со всѣми, мы тронулись въ путь. Погода была великолѣпная, олени отдохнули хорошо и шли полнымъ шагомъ, а мѣстами и рысью, такъ что послѣ завтра утромъ, по моему разсчету, мы обязательно должны были дойти до избы Попова. По пути обошли три чума и къ вечеру остановились ночевать у лѣса. Съ хорошими дровами, въ хорошую погоду, безъ женщинъ въ чумѣ, на просторѣ, перено-

чевали отлично, главное—доставляло удовольствіе хорошіе дрова, а не проклятыя ивовыя прутья, съ которыми, мы думали, уже разстались совершенно; но не далѣе, какъ на другой день пришлось разочароваться. Хотя я и сказалъ, что подошли къ лѣсу, но это была только пародія его, именно: короткія и кривыя полузасохшія елки, о какихъ я вспоминалъ раньше, хотя дровъ и насобирали довольно. Во всякомъ случаѣ это былъ первый еловый лѣсъ по пути съ сѣвера на югъ.

15-е сентября.

На другой день вѣтеръ потянулъ съ ю.-в., термометръ показывалъ $+1^{\circ}$ и скоро начался дождь, продолжавшійся съ промежутками цѣлый день. Днемъ пришлось переправляться черезъ вершину рѣчки Никита-ю; въ этомъ мѣстѣ хотя рѣчка и неширокая, но хлопотъ намъ надѣлала много: протекаетъ она по громаднымъ кочкамъ, поросшимъ густо ивовымъ кустарникомъ, глубина ея больше аршина, а ширина такова, что нарта съ берега на берегъ не хватаетъ; пришлось рубить ивнякъ, валить въ рѣчку и закидывать еще срубленными кочками. Устроилось что-то въ родѣ плотины, черезъ которую и начали переправляться, при чемъ нѣкоторые олени обрывались, но по обыкновенію быстро выскакивали. Впрочемъ, безъ приключенія не обошлось. Митрофанъ, не оглядывающійся никогда на привязанную сзади нарту съ нашими вещами, опрокинулъ ее, при чемъ часть вещей подмокла.

Днемъ пролетѣли четыре ворона, вѣроятно, въ Мамонтову курью, гдѣ много палыхъ оленей. Мнѣ показалось страннымъ, что они летятъ правѣе нашего пути, такъ какъ курья должна быть влѣво. Я сказалъ Николаю, но тотъ не придалъ этому никакого значенія. Ночевать пришлось опять безъ дровъ, въ чемъ виноватъ старикъ Петръ, указавшій дорогу; онъ увѣрялъ, что хотя лѣсъ по пути есть не вездѣ, но дровъ найти можно будетъ всегда; безъ этого увѣренія мы захватили бы дровъ со вчерашняго ночлега. Дѣлать было нечего; поставили чумъ подъ дождемъ и на мокрую землю, на которую натаскали ивняку, а сверху оленьи шкуры. Пришлось еще разъ провести вечеръ съ дымомъ отъ

мокраго ивняку; а ночью для большаго удовольствія вода потекла по наклоннымъ жердямъ чума, такъ что удалось уснуть немного.

16-е сентября.

Дождь пересталъ и пошелъ небольшой снѣгъ, только послѣ полудня началъ показываться вдали лѣсъ, за которымъ непремѣнно должна быть р. Уса; подъ вечеръ мы въ него въѣхали, но добраться до рѣки никакъ не могли и порѣшили разбить чумъ, а Николаю одному ѣхать искать избу Попова. Митрофанъ опять что-то не въ духѣ: сидитъ и постоянно вздыхаетъ, повторяя по обыкновенію: «охъ, Господи!» но сегодня что-то ужъ очень жалобно, какъ-будто у него умираетъ отецъ или самого его хотятъ вѣшать; тоску наводитъ страшную.

Уже стемнѣло совершенно, когда возвратился Николай, проѣздивши нѣсколько верстъ ниже, но избы не нашелъ и между прочимъ видѣлъ медвѣдя. Завтра хочетъ ѣхать вверхъ по рѣкѣ, но, вѣроятно, результатъ будетъ тотъ же: я начиналъ убѣждать его, что мы забрались слишкомъ влѣво, а именно, по моему, слѣдовало держаться на ю.-в. 40°, а по указанію старика мы шли на 70°. Съ пріѣздомъ Николая стали варить ужинъ, при чемъ Семенъ употребилъ новый способъ рѣзать мясо: беретъ край оленьей лопатки въ зубы, отрѣзаетъ кусокъ ножомъ и бросаетъ въ котелъ. Впрочемъ, это до меня не касалось, такъ какъ я давно уже варю для себя ѣду самъ.

У бѣднаго Семена вчера разболѣлась сильно грудь. Поставилъ горчичникъ и сдѣлалось легче, сегодня опять болитъ; выпросилъ рюмку водки и говоритъ, что теперь легче. Это у него послѣдствія носки мокраго невода, о чемъ я писалъ выше. Видно, онъ надорвался.

17-е сентября.

Ночью подстыло—$1\frac{1}{4}$°, тихо, выпало немного снѣгу, который не таетъ. Николай, когда было еще темно, уѣхалъ искать избу, но вмѣсто ея нашелъ чумъ. Теперь уже не было сомнѣнія, что мы заблудились и вышли на рѣку Усу верстъ 20 выше Мамонтовой курьи, слѣдовательно, отъ Попова 40 верстъ. Дѣлать было нечего, еще хорошо, что вы-

шли къ чуму, иначе пришлось бы ѣхать до Попова, а наши олени уже крѣпко устали. Я послалъ Митрофана съ Николаемъ въ чумъ уговориться насчетъ дальнѣйшей нашей поѣздки и тѣ, возвратившись, сказали, что за рѣкой верстахъ въ 4-хъ есть другой чумъ, куда насъ отвезутъ изъ ближайшаго.

Расчитавшись съ моими проводниками, мы собрались и отправились въ найденный чумъ. Здѣсь хозяинъ былъ старикъ съ четырьмя взрослыми сыновьями, изъ которыхъ двое были здѣсь: одинъ изъ нихъ былъ солдатъ, говорящій порусски. Попасть за рѣку сейчасъ же было невозможно: не было дома самого хозяина, оставшагося вверху съ каюкомъ и лодками, нагруженными тушами неблюевъ, съ которыми, впрочемъ, скоро долженъ былъ пріѣхать. Въ этотъ день такихъ лодокъ проплыло нѣсколько. Тѣ, которыя проѣхали недѣли полторы-двѣ раньше, въ числѣ коихъ, какъ мнѣ сказали, былъ и Аксентій, съ которымъ я поднимался по Усѣ отъ Александра, вѣроятно, уже подъѣзжали къ Ижмѣ, эти же дальше ближайшихъ зимовниковъ не доберутся, потому что начали показываться забереги.

При этомъ чумѣ живутъ три неблюя, выкормленные безъ матерей,—и дикій гусь; первыхъ хозяйки зазываютъ въ чумъ раза два въ день, чтобы покормить; при чемъ одинъ, во время питья похлебки изъ котла, старается его толкнуть, точно сосетъ грудь матери, такъ что иной разъ чуть не выбьетъ изъ рукъ котла. Гусь же самъ, какъ только захочетъ ѣсть, является въ чумъ и съ крикомъ начинаетъ всѣхъ долбить, требуя корма; кормятъ и его тоже вареньмъ мясомъ, но особенно онъ любитъ сахаръ: какъ только замѣтитъ, что пьютъ чай, сейчасъ же подходитъ, ищетъ сахарницу, опускаетъ туда голову и начинаетъ грызть сахаръ, но глотаетъ только маленькіе кусочки, которыми его подчуютъ. Въ этотъ день стадо гусей штукъ около 100 пролетѣло на югъ; это были послѣдніе, которыхъ видѣли нынѣшней осенью. Мило смотрѣть, какъ они летятъ, образуя уголъ, при чемъ уставшій передній замѣняется другимъ, а во время полета безпрестанно вскрикиваютъ, измѣняя крикъ на разные тоны, точно переговариваются. Здѣшніе жители не говорятъ,

что гуси *кричатъ*, а *наговариваютъ*. Да и въ самомъ дѣлѣ очень можетъ быть, что молодые разспрашиваютъ старыхъ о новыхъ, видѣнныхъ ими мѣстахъ.

Когда утромъ Митрофанъ съ Николаемъ еще собирались выѣзжать изъ чума Семена, къ намъ подъѣхалъ на четверкѣ мальчикъ лѣтъ 15-ти посмотрѣть, какіе олени у самоѣдовъ. Онъ былъ изъ здѣшняго чума и сегодня дежурнымъ; вечеромъ ему на смѣну пошелъ старшій братъ, но довольно поздно, такъ что за темнотою мальчикъ въ свой чумъ не возвратился, хотя его крѣпко ждали: такимъ образомъ онъ явился уже утромъ, продежуривъ больше полуторыхъ сутокъ. Хотя мать и жалѣла, что онъ поголодаетъ, но нисколько не безпокоилась насчетъ безопасности.

18-е сентября.

Утромъ похолоднѣло, но ясно и тихо; за ночь прибыло снѣгу, и теперь все бѣло. Попросилъ солдата, Аввакума, почистить винтовку, а самъ сталъ сушить бумаги, подмоченныя Митрофаномъ. Къ полудню пріѣхалъ старикъ, пообѣдали и стали переправлять за рѣку нарты на лодкѣ, а привязанныхъ за ней оленей—вплавь. Когда все было переплавлено, переѣхали и мы, а дальше отправились на нартахъ. Ѣхать пришлось берегомъ Усы, по довольно крутому каменистому косогору, но это для Аввакума ничего не значило; онъ мчался полной рысью, а за нимъ малый братъ, везшій меня, безпрестанно оглядывался и улыбался отъ удовольствія; это была первая поѣздка по снѣгу, когда олени могутъ бѣжать, много не утомляясь. Версты черезъ двѣ поднялись на гору и поѣхали тундрой. Пока добрались до чума пришлось переѣхать три ручья, изъ которыхъ на одномъ было не мало хлопотъ: ручей глубокій и широкій, берега крутые и, вдобавокъ, изрытые, а переѣхать надо. Такія мѣста много задерживаютъ, потому что часто приходится выпрягать оленей, а нарты перетаскивать самимъ.

У хозяевъ новаго чума было до 3.500 оленей. Къ ночи ихъ пригнали къ чуму и съ этого времени кругомъ не умолкалъ какой - то гулъ, — нѣкоторые олени ходятъ, молодые и важенки хоркаютъ, стискивая другъ друга, къ

этому примѣшивается звукъ, въ родѣ кастаньетъ, отъ стука копытъ и роговъ, такъ что трудно разслышать отдѣльные звуки, но это только для непривычнаго уха, въ чемъ я удостовѣрился въ этотъ вечеръ. Было поздно. Около меня сидѣлъ одинъ изъ братьевъ хозяевъ, солдатъ Меркурій, бывшій сегодня дежурнымъ, и разговаривалъ со мною. Для меня казалось, что все идетъ обычнымъ порядкомъ, но вдругъ онъ выскочилъ и бросился вонъ изъ чума. Удивленный я спрашиваю оставшихся о причинѣ этого исчезновенія и получаю въ отвѣтъ, что убѣжали олени. Сейчасъ же я вышелъ на дворъ и дѣйствительно оленей не было ни одного; только вдали, въ разныхъ сторонахъ, было слышно хорканье, топотъ, да голосъ Меркурія и работника: «гой! гой!» Ночь была темная, олени разбѣжались во всѣ стороны, но, несмотря на это, черезъ полчаса, при помощи собакъ, два человѣка собрали и пригнали къ чуму всѣхъ до единаго. Чего испугались олени, неизвѣстно, такъ какъ на другой день волчьихъ слѣдовъ нигдѣ не было видно. Надо замѣтить, что не всегда подобные случаи оканчиваются благополучно: въ прошломъ году у одного хозяина, впрочемъ, до снѣгу, испугалось стадо болѣе, чѣмъ въ 1.000 оленей, и пропали всѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

И. М. Воропай.

Лунный свѣтъ.

Не люблю я луны. Свѣтъ холодныхъ лучей
Мнѣ является странной загадкой,
Отраженьемъ моихъ безалаберныхъ дней
Безъ восторговъ, безъ горести сладкой.
Фальшь и фальшь, равномѣрный вокругъ полусвѣтъ,
Въ полусвѣтѣ не видны изъяны,
Это—рѣчи не рѣчи, не чувства, а бредъ,
Разъѣдающій скрытыя раны.
Подъ сіяньемъ луны дружбы нѣтъ и любви—
Все продажно, обманчиво, криво;
Ты на помощь къ себѣ при лунѣ не зови—
Лунный свѣтъ не допуститъ порыва.
Равномѣрный, онъ льется, какъ вѣчность сама,
Заключая въ фальшивыя рамки
Всю окрестность, и даже—и хлѣвъ, и изба,
Какъ волшебные высятся замки.

А. Дубинскій.

Изъ народныхъ повѣрій.

Ярко свѣтитъ мѣсяцъ,
Въ серебрѣ рѣка,
На берегъ ложатся
Тѣни тростника.
Узкою тропинкой
Въ полночь я иду,
За крутымъ изгибомъ
Плесо на виду.
Что-то тамъ маячитъ,
Не поймешь, вдали,
Длинною грядою
Камни полегли.
Подъ большимъ обрывомъ,
Гдѣ пучина спитъ,
Существо живое,
Скорчившись, сидитъ.
Пробираюсь ближе,
Что за чудеса?—
Женщина нагая,
До полу коса;
Тѣло въ водоросляхъ,
Ноги въ чешуѣ
Опустились съ камня,
Свѣтятся въ струѣ.
Круглыхъ глазъ змѣиныхъ
Неподвижный взоръ
Наведенъ съ тревогой
На меня въ упоръ.

Въ ужасѣ винтовку
Я съ плеча рванулъ,
Выстрѣла пронесся
Перекатный гулъ.
Чудище вздрогнуло,
Омутъ закипѣлъ.
Мигъ... и все спокойно,
Берегъ опустѣлъ.
Лишь волна кругами
Въ дальней сторонѣ,
Разбѣгаясь гребнемъ,
Блещетъ при лунѣ.

А. И. Дубинскій.

По поводу закономѣрностей въ рожденіи дикихъ животныхъ *).

езримое въ хаосѣ цифръ сухихъ.
Вдругъ брызнулъ, какъ чистый перлъ росы:
Изъ записей бездушныхъ и нѣмыхъ
Возникли образы чарующей красы.
Хаозъ исчезъ: въ рожденьи твари дикой,
Вступающей отъ вѣка въ міръ земной,
Всесильно властвуетъ одинъ законъ великій—
Пропорція въ числѣ, гармонія и строй.

Кн. Цертелевъ.

---

*) См. книгу Н. В. Туркина и К. А. Сатунина „Звѣри Россіи“.

Обычное охотничье право у нашихъ инородцевъ въ связи съ поземельнымъ владѣніемъ.

Лопари.

У лопарей существуетъ раздѣлъ всей земли и всѣхъ угодій по родамъ и наслѣдственное пользованіе, приписка къ каждой рѣчной тонѣ одного и того же поста одинаковаго числа ревизскихъ душъ. (Юридическіе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ, Арханг. г. Ефименко, стр. 43—45).

То же свидѣтельствуетъ Харузинъ.

Каждый родовой участокъ у лопарей подѣленъ между отдѣльными семьями, принадлежащими къ одному роду.

Родовой участокъ находится въ исключительномъ владѣніи рода и переходитъ въ предѣлахъ рода по наслѣдству.

При дѣленіи родового участка на семейные соблюдаютъ возможное равенство. Семейные участки, какъ и родовые, являются собственностью отдѣльной семьи, какъ родовая земля собственностью рода. Въ случаѣ увеличенія семьи, съ согласія всѣхъ членовъ рода, семьѣ нарѣзывается кусокъ земли изъ свободной (244).

Полное отсутствіе потребности пользованія лугами со стороны лопарей вызвали къ жизни новый институтъ для лопарей—отдачу своихъ луговъ въ аренду—Колянамъ и Кандалакшанамъ (245. Лопари. Харузинъ).

А. Я. Ефименко свидѣтельствуетъ, что лопари смотрятъ на обходъ звѣря въ чужомъ угодьѣ и на обловъ чужого озера какъ на большое преступленіе (стр. 46—53).

Право собственности свято уважается и даже выметы (выкинутые на берегъ мертвые киты) принадлежатъ тѣмъ обществамъ, въ урочищахъ которыхъ они найдены.

Самоѣды.

Относительно *самоѣдовъ* архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ говоритъ, что они болѣе другихъ инородцевъ Архангельской г. сохранили слѣды родового быта,—особенно болѣе удаленные самоѣды Большеземельской тундры («Русскій Сѣверъ», стр. 234).

А. Я. Ефименко указываетъ, что каждый родъ самоѣдовъ Большеземельской тундры имѣетъ опредѣленныя границы кочевки (стр. 217).

У Канинскихъ самоѣдовъ въ прежнее время дѣлилась тундра по родамъ и семьямъ, въ настоящее же время они владѣютъ ею сообща (ibidem, стр. 204).

Въ охотничьемъ промысловомъ дѣлѣ у самоѣдовъ существуетъ исконная артельная организація. Такъ, югорскіе самоѣды составляютъ артели отъ 5—8 человѣкъ для добычи моржей. Каждый членъ артели вноситъ часть провизіи, порохъ, свинецъ. Ружей берется отъ трехъ до 4-хъ въ лодку, которая завѣдуется кормщикомъ. (Промыслы югорскихъ самоѣдовъ. Е. С. «Моск. Вѣд.» 1885 г., № 287).

У Новоземельскихъ самоѣдовъ также артельное начало въ охотничьемъ промыслѣ. Артели слагаются изъ 2—3 человѣкъ. Добыча дѣлится поровну, при чемъ равную долю получаетъ и тотъ, кто не убилъ ни одного звѣря.

Признается обязанностью охотниковъ на оленей, появившихся въ окрестностяхъ какой-либо артели, дѣлиться съ нею, какъ мясомъ, такъ и шкурами. (Новая земля, Н. Кривошея «Вѣстн. Евр.» 1886 г., № 7, стр. 99).

У березовскихъ самоѣдовъ—владѣніе землею и всякими угодьями на общинно-родовомъ правѣ. Споры о землѣ разрѣшаются старшинами. (Дмитріевъ-Мамоновъ П. К. Тобол. г. 1884 г.).

Удоры.

Въ Удорскомъ краѣ земля и повинности распредѣляются по работникамъ. Путики составляютъ частную собственность промышленниковъ и переходятъ по наслѣдству. Выморочные путики переходятъ въ общественное пользованіе и сдаются въ аренду, а иногда передаются въ даръ церквамъ. (Удорскій край. П. Волкова. «Волог. Г. В.» 1879 г., № 33 и 34.

Маньсы.

У маньсовъ—вогуловъ Тобольской г., родовая собственность заключается въ томъ, что извѣстный родъ владѣетъ извѣстнымъ во-

дянымъ или земельнымъ участкомъ, границы которыхъ всѣмъ извѣстны. Чужая собственность считается неприкосновенною: если случится охотнику инородцу найти птицу въ участкѣ другого рода вблизи ловушекъ, онъ не сдѣлаетъ по ней выстрѣла, чтобы не отпугнуть птицы отъ ловушекъ и этимъ не причинить вреда сосѣду. Родовыми угодьями пользуются всѣмъ родомъ сообща, безъ раздѣла ихъ между членами рода. На мѣстахъ, не занятыхъ родовыми владѣніями, дозволяется свободная охота, но въ предѣлахъ родового владѣнія право охоты соблюдается свято. Собственникъ участка имѣетъ право на полученіе части звѣря, забѣжавшаго при преслѣдованіи въ предѣлы владѣнія его рода и тутъ убитаго. У вогулъ облава во владѣніяхъ чужого рода считается смертнымъ грѣхомъ. У нихъ существуетъ преданіе, что предки клялись другъ другу мордой медвѣдя уважать право родовыхъ владѣній. (Сборн. матер. по этногр., изд. при Дашков. музеѣ. Юрид. обыч. маньсовъ 1888 г. Вып. III).

Нуждающійся въ пищѣ охотникъ, найдя въ лѣсу чужой запасъ провизіи или попавшуюся въ ловушку птицу, беретъ себѣ нужное и дѣлаетъ на деревѣ засѣчку. Платы за это пользованіе, по объявленію, владѣльцу не полагается. Родовое владѣніе землею даетъ только родовое право ловли. Въ случаѣ вымиранія рода земля дѣлится между родами, или отходитъ въ общественное пользованіе (ibidem).

Остяки.

У остяковъ владѣніе землею и угодьями на общинно-родовомъ правѣ. Рѣками, озерами и лѣсомъ владѣютъ сообща пограничные владѣльцы. Выморочное имущество поступаетъ къ тому, кому оно завѣщано. Кто промышляетъ завѣдомо въ чужомъ имѣніи, съ того взыскивается половина добычи. Сѣнокосныя же и моховыя угодья у остяковъ не дѣлятся и ими имѣетъ право пользоваться каждый по своему усмотрѣнію. У лицъ, виновныхъ въ самовольномъ захватѣ чужихъ угодій, отбираются какъ самыя угодья, такъ и все, что на нихъ добыто. Лицъ же, вынувшихъ изъ чужихъ ловушекъ рыбу или звѣря, наказываютъ, какъ за кражу.

Охотничьи и рыболовныя орудія, чумъ, одежда и необходимый скотъ считаются неприкосновенными и не отбираются у должниковъ.

У Сургутскихъ остяковъ обычай запрещаетъ продавать родовыя

угодья. Права собственности у нихъ такъ же священны. Если кто дозволитъ себѣ, не зная владѣльца угодій, ловить на нихъ рыбу или бить звѣря, у того отбирается часть или половина добычи хозяиномъ угодій. (Тобол. губер. Статист. ком. П. К. Тоб. г. А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и К. М. Голодниковъ 1884. Также у Т. Полякова. Юридическіе обычаи остяковъ Березовскаго округа. «Тобол. губ. Вѣд.» 1882 г. 25—28 и въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ», 1871 г. Тобол. г.).

Остяки Нарымскаго края дѣлятъ лѣсъ, въ которомъ производится охотничій промыселъ, на участки. («Томскія Г. Вѣд.» 1869 г., № 25).

У всѣхъ остяковъ споры отдѣльныхъ лицъ разныхъ родовъ относительно пастбищъ, логовищъ и т. п. рѣшаются князьками. Права на владѣніе мѣстами для звѣриныхъ промысловъ или для рыбныхъ ловель считаются неприкосновенными; нарушившій считается воромъ и лишается сперва пойманной добычи, а во второй разъ, кромѣ того, подвергается тѣлесному наказанію. (Изданіе Министер. Внутр. Дѣлъ. Центр. Стат. Комит. Списки населенныхъ мѣстъ. L. X. Тобол. губ. 1871 г.).

Тунгусы.

На раздѣленіе мѣстъ для звѣриной ловли между тунгусами на отдѣльныя доли, находящіяся во владѣніи одного или нѣсколькихъ семействъ и на право каждаго семейства охотиться только на своемъ участкѣ, указываетъ г. С. Чудновскій (Енисейская губер. къ 300-лѣтнему юбилею Сибири. 1885 г.).

Алтайскіе инородцы.

Алтайскіе инородцы, кромѣ оффиціальнаго раздѣленія по дючинамъ и волостямъ, раздѣляютъ себя еще по родамъ или поколѣніямъ (сеокъ). Инородцы одного сеока не вступаютъ между собою въ супружество. Владѣніе землею общинно-родовое. Право собственности и промысловъ священно. (Правосл. Обозрѣніе. 1886. 1. Записки миссіонера Кузнецкаго отдѣленія, Алтайской дух. миссіи, за 1865 г. Также «Томск. Г. Вѣд». 1865, № 42. «Сеоки алтайцевъ»).

Буряты.

У бурятъ существуетъ родовая община и отдѣльныя юртовыя довольствія и право собственности считается неприкосновеннымъ. Бурятская община склонна къ артельности. Самое замѣчательное

выраженіе артельнаго начала представляетъ такъ называемая «аба». Аба—это большая звѣропромышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошіе, приплодные и урожайные годы. Послѣдняя аба была въ 1870 г.

Обыкновенно съ осени собираются буряты, человѣкъ по 1,000, 1,500 и болѣе. Всѣ одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собою лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собою въ общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и проч., и все это складываетъ въ общій артельный запасъ. Выбираютъ все изъ одного и того же рода наиболѣе опытнаго, всѣми уважаемаго старика и назначаютъ общимъ главнымъ старостой и судьею артели. Старикъ этотъ главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждаго провизію, *вѣситъ ее на рукѣ*,—возьметъ передъ всѣми на руку пудъ и трясетъ его на рукѣ, разузнавая такимъ образомъ, точно ли будетъ въ немъ пудъ. По старому обычаю, требуется вѣсить именно на рукѣ. Затѣмъ вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человѣкъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельнаго старшину. Передъ отправкой на промыселъ, на абу, каждая артель оставляетъ старику главному, общему артельному старостѣ и судьѣ по одной шапкѣ, въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыслѣ. Послѣ того всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій дружный артельный союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣпью охватывая большое пространство въ лѣсу. Вообще вся организація артели основана на строжайшемъ обезпеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельный староста и судья строго наблюдаетъ за согласіемъ и взаимною вѣрностію артельщиковъ. Въ случаѣ споровъ или вообще какого-нибудь нарушенія артельнаго согласія,—судитъ ихъ, разбираетъ несогласія, ссоры. Судъ происходитъ тогда, когда сходятся всѣ въ какомъ-нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чуть изъ артели кто провинится въ чемъ-нибудь, то на собраніи всей артели берутъ у виновнаго шапку, кладутъ ее посрединѣ стойбища,—и главный артельный староста, или судья-старикъ, обращая глаза къ небу, кричитъ, взывая къ тэнгэри-бурхану, заклинаетъ и обличаетъ виновнаго при всѣхъ и, наконецъ, стрѣляетъ изъ лука стрѣлою вверхъ, надъ самой шапкой: если стрѣла упадетъ въ шапку, значитъ обвиняемый дѣйствительно виноватъ. Точно также, если кто-

либо изъ артельщиковъ что-нибудь потеряетъ въ лѣсу, то нашедшій потерянную вещь непремѣнно долженъ представить общему артельному старостѣ. Тотъ опять, на общемъ сходбищѣ артели, кричитъ, громко спрашиваетъ, не потерялъ ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потерянная вещь. Потерявшій вещь артельщикъ выходитъ и получаетъ ее при всей артели. Въ лѣсу, на абѣ есть особые выборные, артельные хранители провизіи, выборные артельные приготовители пищи и т. п. Въ самомъ звѣроловствѣ артельномъ строго выдерживается первобытный, своеобразный альтруизмъ, дружба и взаимность съ ближнимъ, съ товарищемъ. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ или хоть въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлитъ звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ другому для вклада въ артельный уловъ, или застрѣленнаго первымъ звѣря долженъ схватить другой, кто посильнѣе: сильный схватываетъ и кладетъ его въ общій уловъ. Наконецъ, всѣ упромышленные звѣри между всѣми артельщиками дѣлятся поровну, подъ контролемъ артельнаго суглана и старосты. Такова въ общихъ чертахъ бурятская звѣропромышленная облавная артель, называемая *абой*. Хотя она нынѣ во многихъ бурятскихъ родахъ уже выходитъ изъ обычая, но все-таки буряты разсказываютъ объ ней съ живымъ воспоминаніемъ. (Извѣстія Сибир. Отдѣла Импер. Русскаго Геогр. Общества. 1875. 3, 4. Ивановъ. «Бурятская улусная родовая община». Извл. Якушкинъ).

У бурятъ Кудинскаго инородческаго вѣдомства Иркутской губерніи и округа охота производится на звѣрей облавой, въ которой участвуетъ нѣсколько сотъ человѣкъ. «Шкуры съ убитаго звѣря дѣлятъ по числу участвовавшихъ въ облавѣ; а если шкуръ не достанетъ на все число участвовавшихъ, то въ такомъ случаѣ поступаютъ такъ: всѣ шкуры оцѣниваются и такое количество цѣны или общей суммы раздѣляется по равной части на всѣхъ; шкуры же раскупаются однимъ лицомъ или нѣсколькими». («Иркут. Епарх. Вѣдом.» 1874 г. 14—167).

У Аларскихъ бурятъ также общинное начало владѣнія землею. Земля раздѣляется на пахотную и лѣтній выгонъ. Участки того и другого рода отдѣляются загородкой или поскотиной. Передѣлъ сѣнокосовъ по вѣдомству производится черезъ каждыя 20—15 лѣтъ, но сѣнокосы дѣлятся ежегодно по улусамъ самымъ точнымъ образомъ («Восточн. Обозрѣн.» 1882 г. 36. Инородческія общины въ Сибири).

Карагазы.

У карагазовъ вся тайга отъ Нижне-Удинска до китайской границы дѣлится на родовые участки, при чемъ каждый родъ имѣетъ право охотиться только на принадлежащемъ ему участкѣ. Тотъ, кто, гоняясь за звѣремъ, переходитъ въ чужой удѣлъ, строго преслѣдуется. (Сибирь. 1885 г. № 48).

Тунгусы.

У кочевыхъ тунгусовъ весь Баргузинскій край дѣлится на участки между семьями, при чемъ участки переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Существуютъ строгіе обычаи, запрещающіе охотиться на чужомъ участкѣ и убивать соболя, перебѣжавшаго изъ чужого участка. Въ послѣднемъ случаѣ охотникъ обязанъ предупредить хозяина участка для общей охоты и раздѣла добычи. Преслѣдованіе нарушителя этихъ обычныхъ правилъ доходитъ до убійства. («Русскій Архивъ» 1885. 4. Львовъ).

Якуты.

У якутовъ земли размежеваны самымъ точнымъ образомъ, имѣются подробные планы, при чемъ различается территорія улусовъ, наслеговъ и родовъ (Сѣрошевскій «Якуты» 480 и слѣд. 1896 г.).

Въ каждомъ обществѣ (наслегѣ) отдѣльно владѣютъ землею. Каждый членъ общества имѣетъ право на опредѣленный участокъ земли, при чемъ отводъ участка къ каждому двору производится соразмѣрно съ числомъ взрослыхъ мужскихъ душъ (Вост. Обозр. 1883 г. 23. Якутск. поземел. общества).

Что касается охотничьяго права, то оно также неприкосновенно. Такъ, у якутовъ верховьевъ Алдана и его притоковъ каждая пара бобровъ составляетъ частную собственность или одной якутской семьи или нѣсколькихъ семействъ, которыя и имѣютъ право вылавливать и промышлять шкуры и струю отъ приплода этой пары. Охота за чужими бобрами считается однимъ изъ самыхъ непростительныхъ грѣховъ. Никто не имѣетъ права начать охоту за приплодомъ раньше установленнаго срока; запрещено также поблизости жилища бобровъ промышлять другого звѣря съ собакою, или ставить на рѣкѣ рыболовныя снасти изъ опасенія повредить звѣря. Въ назначенный князцемъ день владѣльцы бобровъ собираются для

опредѣленія порядка охоты. Въ вылавленіи приплода участвуютъ не только владѣльцы пары, но и хозяева остальныхъ паръ. Такъ какъ весьма важно оставить въ покоѣ племенную пару и дать ей собрать запасъ на зиму, то порядокъ охоты, имѣющій большое значеніе, устанавливается жеребьемъ. Бобровъ князца вылавливаютъ раньше другихъ, затѣмъ переходятъ съ участка на участокъ по порядку жеребьевыхъ номеровъ. Отступаютъ отъ этого порядка только въ томъ случаѣ, если соблюденіе его повлечетъ большую потерю времени, что рѣдко обходится безъ споровъ. Всѣ охотники состоятъ на иждивеніи хозяина той пары бобровъ, за которой ведется охота, но и вся добыча принадлежитъ ему. По окончаніи охоты всю добычу свозятъ въ назначенное мѣсто, гдѣ подъ руководствомъ князца дѣлается оцѣнка шкуръ и бобровой струи и опредѣляется стоимость добычи каждаго хозяина. Товаръ продается въ Якутскѣ и затѣмъ дѣлятся вырученныя деньги. (Восточн. Обозр. 1883 г. 17. Изъ области обычнаго права сибирскихъ инородцевъ). У якутовъ также развиты охотничьи артели, но исключительно такія, въ которыхъ одни участвуютъ имуществомъ, другіе—трудомъ. Богатые снабжаютъ бѣдныхъ ружьями и припасами для промысла, при чемъ получаютъ большую часть добычи (Очеркъ юридич. быта якутовъ. Кн. Н. Л. Костровъ. Спб. 1878 г. Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. VIII).

Охотничьими угодьями, рѣками, озерами и пастбищами якуты владѣютъ сообща, при чемъ родъ, на чьей землѣ производится охота, имѣетъ право на часть добычи (Сибирь. 1885 г. 5 и 7). Но не всюду охота производится сообща и не на всѣхъ звѣрей. У устьевъ р. Лены почти всякій якутъ по наслѣдству владѣетъ нѣкоторымъ числомъ острововъ или извѣстнымъ протяженіемъ береговъ большихъ острововъ и только на нихъ имѣетъ право настораживать свои пасти на песцовъ. Въ дельтѣ Лены производится охота на сѣверныхъ оленей сообща пятью селеніями якутовъ. (Изв. Импер. Русскаго Геогр. Общ. 1885 г. № 4. 262 и 265).

Калмыки.

У калмыковъ кочевья точно опредѣлены и порядокъ пользованія ими строго намѣченъ. Для производства охоты складываются охотничьи артели. (Зап. Импер. Новор. Унив. Одесса 1880, 29. Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Леонтовичъ).

Киргизы.

У киргизовъ земля подъ лѣтними пастбищами, дороги, озера, рѣки признаются общею собственностью, почему каждый киргизъ имѣетъ право на рыбные и звѣриные промыслы. Осеннія же пастбища, зимовки, колодцы при нихъ и близлежащіе сѣнокосы и лѣса считаются частною собственностью отдѣльныхъ семействъ. То же право частной собственности распространяется на участки, занятые хлѣбопашествомъ, канавы и рѣки, служащія орошеніемъ, причемъ устанавливаются граничные знаки. Охотничьи артели еще недавно существовали у киргизовъ. (Матеріалы для изученія юридич. обычаевъ киргизовъ. Вып. I. Матеріальное право. П. Е. Маковецкій. Изд. Семипал. Обл. Статист. комитета 1886 г.).

У семирѣченскихъ киргизъ мѣста кочевокъ для каждой волости, иногда для каждаго аула, строго опредѣлены, равнымъ образомъ и охотничьи угодья. (Извѣст. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1887. Очеркъ быта семирѣченскихъ киргизъ А. Н. Красновъ). (Ядринцевъ. Юридическіе обычаи инородцевъ).

Н. В. Туркинъ.

Бездымные охотничьи пороха, ихъ фабрикація, баллистическія свойства и примѣненіе къ стрѣльбѣ въ дробовыхъ и нарѣзныхъ ружьяхъ *).

С. А. Броунсъ отводитъ не малозначущее мѣсто въ качествѣ нитро-пороховъ влажности, содержащейся въ этихъ порохахъ и въ нѣкоторомъ количествѣ воды и, главнымъ образомъ, въ летучемъ веществѣ растворителя, служащаго для желатинированія пироксилина во время приготовленія тѣста для пороховъ коллоидальнаго типа, какъ, напр., Ф. Ферстера, Лишева, «Соколъ» или для образованія твердой оболочки зерна въ порохахъ полуколлоидальнаго типа, какъ порохъ Шульца.

Влажность, имѣетъ непосредственное вліяніе на баллистическія свойства пороха, по доводамъ автора, объясняющаго это такъ: каждое пороховое зерно или пластинка состоятъ изъ тѣсно связанныхъ между собой частичекъ и какъ ни близко соприкасаются эти отдѣльныя частички, все же между ними существуютъ небольшіе промежутки или поры, заполненные во влажномъ порохѣ водой и летучимъ растворителемъ. При воспламененіи пороха въ ружьѣ образующіеся газы стремятся проникнуть въ промежутки между отдѣльныхъ частицъ порохового вещества, но при его влажности жидкость, заключающаяся въ порахъ, въ извѣстной степени препятствуетъ прониканію, слѣдствіемъ чего является сравнительно медленное горѣніе пороха, а значитъ, и медленное развитіе газовъ.

При воспламененіи высушеннаго пороха препятствіе къ прониканію газовъ въ поры зерна будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ меньше

*) См. сентябрь, 1901 г.

влажности въ порохѣ, и горѣніе будетъ тѣмъ быстрѣй, развивая и большее давленіе, что должно отражаться на скорости снаряда.

Для опредѣленія вліянія влажности на баллистическія свойства, Фильдомъ произведенъ рядъ опытовъ съ порохомъ: чернымъ № 4, марки С. А. Н., Шульце, Е. И. и Ферстера.

Результаты опытовъ приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Таблица № 13.

Сортъ пороха.	При условіяхъ нормальныхъ		Послѣ 12 часовъ сушки.	Послѣ увлажненія въ теченіе 14 часовъ.
	Скорость.	Давленія.	Давленія.	Давленія.
Черный № 4.				
С. А. Н. . .	250 метр.	350 атмос.	335 атмос.	280 атмосферъ
Шульце . . .	254 „	190 (250)	475 „	100 „
„Е. С.“. . .	252 „	260 „	465 „	200 „
Ф. Ферстера .	250 „	меньше 150	315 „	меньше 150 атмос.

Цифры въ этой таблицѣ ясно указываютъ, какое громадное вліяніе на величину давленія оказываетъ содержаніе влажности въ бездымномъ порохѣ.

На этомъ мѣстѣ я нѣсколько отступлю отъ послѣдовательности реферата и долженъ задаться вопросомъ: г. Броунсъ, выводя заключеніе о сравнительномъ достоинствѣ пороховъ, находитъ, что пороха полуколлоидальнаго типа менѣе плотны коллоидальныхъ и потому при воспламененіи,—одновременнымъ сгораніемъ пороховаго зерна,—развиваютъ давленіе сильнѣе, что вредно должно вліять на службу и прочность стволовъ, тогда какъ пороха коллоидальнаго типа, наоборотъ, въ силу плотности зерна, воспламеняющагося съ нѣкоторой постепенностью,—развиваютъ давленіе не сразу, сдвигаютъ снарядъ съ мѣста, вслѣдствіе чего газы въ своемъ развитіи находятъ уже болѣе обширную площадь, и давленія на стѣнки ствола, понятно, значительно ослабѣваютъ. Этимъ качествомъ большей безопасности отмѣчены пороха Ферстеръ, Лишева, «Соколъ» и признаны авторомъ болѣе совершенными. Пороха заграничные—Шульце и др., обработанные въ меньшей плотности зерна, являются поэтому болѣе опасными и безъ просушки. Какъ же должны они вліять на прочность и цѣлость ружья въ просушенномъ видѣ, когда

желатинированная оболочка, освобожденная отъ влаги, дѣлается доступнѣе проникновенію огня въ средину зерна, воспламененіе котораго должно уже произойти одновременно во всей его массѣ?

Кромѣ того высушенныя зерна пороха, естественно, болѣе способны къ дробленію и перетиранію при снаряженіи гильзъ, пересыпаніи пороха и пр.; при этихъ случаяхъ воспламеніе пороха и одновременное образованіе газовъ должны вызвать громадное давленіе съ отдачами и опасностями при стрѣльбѣ. А между тѣмъ просушка можетъ и не зависѣть отъ охотника, а отъ температуры въ мѣстѣ храненія и употребленія пороха, что должно постоянно встрѣчаться охотнику въ его охотничьей дѣятельности.

Эти выводы, не утѣшительнаго характера, даютъ желать очень многаго въ усовершенствованіи этихъ пороховъ.

Изъ приведенной таблицы (№ 13) усматривается, между прочимъ, что дѣйствіе просушки чернаго пороха совсѣмъ противуположно порохамъ цвѣтнымъ.

Русскіе пороха генерала А. А. Лишева и «Соколъ» испытывались С. А. Броунсъ въ теченіе полутора года 1897—98 и изложенія объ этихъ испытаніяхъ представляютъ несомнѣнный интересъ въ чисто научномъ отношеніи. За неимѣніемъ возможности составить хотя бы приблизительный рефератъ обширнаго научнаго труда, построеннаго на массѣ цифръ, математическихъ формулъ, уравненій, лагарифмъ, мы позволимъ себѣ ограничиться лишь незначительными выдержками болѣе изъ практической части наблюденій автора, поддержанными и научными выводами, и именно тѣми, которые окажутся полезными для охотниковъ въ ихъ, такъ сказать, обыденномъ обиходѣ, такъ какъ г. Броунсъ не упустилъ изъ вида ни малѣйшей мелочи, производя свои испытанія при различныхъ условіяхъ, матеріалѣ и проч., и всесторонне, съ упорной тщательностью разбирался въ каждомъ предметѣ, каждомъ дѣйствіи, каждой причинѣ, приводя все въ ясный и обстоятельный видъ.

Отрывочныя сообщенія о новыхъ порохахъ, можно сказать, случайныя,—были и рѣдки въ охотничьей литературѣ и не подкрѣплены научными доводами, какъ находимъ у г. Броунсъ, и потому къ его труду слѣдуетъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ.

Испытаніе русскихъ пороховъ при дробовомъ снарядѣ производились авторомъ изъ ружья Пиперъ (Grand Prix) 12 кал., патроны же употреблялись: 1) красные бумажные—Торбека, съ закрытымъ

капсюлемъ Жавело, 2) Жавело (Société Française de Munitions, Paris), 3) спеціальныя гильзы для пороха «Е. С.», фабрики Элея, съ большимъ капсюлемъ для бездымнаго пороха, 4) Бахмана и 5) Торбека синіе, однострѣльные съ капсюлемъ Унтердорфера.

Пыжи: Элея, «старый сибирякъ», фабрики Казицина, Ушкова. Основной зарядъ къ ружью сказаннаго калибра былъ принятъ съ разсчетомъ на среднее давленіе въ 450—500 атмосферъ, т.-е. не превышающее давленіе, развиваемое чернымъ порохомъ при среднемъ зарядѣ, и опредѣленъ въ 47 долей (2,088 граммъ), при зарядѣ № 6 дроби 8 золотниковъ 72 доли (37,33 грамма).

Гильзы Торбека признаны г-мъ Броунсъ стоящими выше заграничныхъ по своимъ качествамъ *). Въ нихъ картонная коробка прочнѣе, не такъ скоро поддается смятію и прогоранію, дно гильзъ толще, почему конецъ трубки капсюля не выступаетъ, какъ у французскихъ напр., надъ поверхностью дна гильзы, и при выстрѣлѣ не расширяется давленіемъ пороховыхъ газовъ, что затрудняетъ перемѣну стрѣляннаго капсюля, который при выколачиваніи его стерженькомъ,—расширяетъ свое гнѣздо въ днѣ гильзы, а вставленіе новаго капсюля въ разработанное отверстіе сопрягается съ надобностью обворачивать его бумажкой, дабы держался на своемъ мѣстѣ.

Единственный недостатокъ въ гильзахъ Торбека,—это металлическая часть,—латунь, изъ которой выдѣлывается шляпка; она не высокаго качества и мало упруга, такъ что при обжатіи стрѣлянной гильзы плотной обжимкой, въ которую гильзу приходится заколачивать сильными ударами молотка, закраина гильзы ослабляется настолько, что при слѣдующемъ выстрѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, даетъ трещину. При каморѣ не очень большого діаметра стрѣлянная гильза не расширяется настолько, чтобы ее необходимо было обжимать, и случаевъ разрыва закраинъ не наблюдалось, а гильза свободно выдерживала до шести и болѣе выстрѣловъ безъ измѣненія, французскія же—лишь два-три и становятся вовсе негодными; при всемъ этомъ гильзы Торбека въ полтора раза дешевле.

Лучшій капсюль къ картоннымъ гильзамъ признается авторомъ—«закрытый капсюль Жавело».

---

*) Ранѣе долгое время считались единственно пригодными для стрѣльбы порохомъ Лишева—гильзы Жавело, „Société Francaise de Munitions, Paris“.

Затѣмъ г. Броунсъ производитъ рядъ опытовъ со способами снаряженія патроновъ, что служитъ для опредѣленія вліянія на скорости дроби и давленія пороховыхъ газовъ,—именно: закрутки гильзы, плотности заряжанія, а также дѣйствія разныхъ пыжей. Это предпринято авторомъ и потому еще, что въ продажѣ имѣется много сортовъ пыжей и здѣсь важно опредѣлить—какіе могутъ быть пригодными для снаряженія патроновъ при стрѣльбѣ бездымнымъ порохомъ. Кромѣ же того, въ виду невозможности иногда охотнику пріобрѣтать готовые пыжи, — авторъ изслѣдуетъ и такіе, какіе могутъ быть приготовлены у себя на дому.

Пыжи «русскій Элей», фабр. Ушкова, сдѣланы изъ очень неоднороднаго по плотности войлока, потому не могутъ дать однообразныхъ результатовъ стрѣльбы, что подтвердили опыты, которыми установлено, что при значительномъ подъемѣ давленій не увеличена соотвѣтственно начальная скорость. Папковые пыжи Ушкова, подъ названіемъ «національные», очень мягки и плохо калиброваны по высотѣ. Снаряженіе патроновъ этими пыжами довольно затруднительно, такъ какъ они сильно мнутся и плохо ложатся въ гильзѣ, что вызываетъ колебанія въ начальныхъ скоростяхъ разницею до 18 метровъ. Давленіе ушковскіе пыжи повышаютъ до 630 атмосф., что весьма значительно для ружья средняго вѣса. Для стрѣльбы круглыми пулями ушковскіе пыжи имѣютъ удобство въ томъ, что на плоской поверхности пыжа имѣется небольшое углубленіе, въ которое ложится пуля, а если положить на нее другой такой же пыжъ, углубленіемъ внизъ, то пуля, сжатая между пыжей, будетъ двигаться по стволу безъ сильныхъ колебаній, что дастъ мѣткость стрѣльбы.

Пыжи Казицина № 0 и «старый сибирякъ», по своимъ свойствамъ почти одинаковы съ пыжами Элея, но имѣютъ преимущество въ дешевизнѣ. Его № 1, вызвавшій умепьшенія нач. скорости на 11 метровъ и увеличеніе давленія на 15 атмосферъ сравнительно элеевскихъ,—очень тверды и тяжелы, почему представляютъ большое сопротивленіе смѣщенію, чѣмъ увеличивается давленіе. Снаряженіе этимъ №, по причинѣ его твердости и малой упругости, затруднительнѣе, чѣмъ другими №№ пыжей той же фабрики.

Пыжи, такъ сказать домашніе, изготовляются такъ: на желѣзный противень, поставленный на горячую плиту, наливается приготовленный ранѣе составъ изъ 40 частей стеарина, 4—воска и

3—несоленаго свиного сала, затѣмъ на противень укладывается листъ ровнаго, толстаго войлока. Состава надо наливать такое количество, чтобы войлокъ погружался въ него до половины своей толщины. Войлокъ прокатывается на противнѣ тяжелымъ желѣзнымъ или деревяннымъ каткомъ (скалкою), и когда нижняя половина достаточно пропитается, перевернуть и также прокатывать съ верхней стороны до полнаго пропитанія войлока. Послѣ этого войлокъ вынимается, кладется между двумя листами бумаги и снова прокатывается для уплотненія его и удаленія избытка состава.

Пыжи, такъ называемые дегтярные, не употреблялись авторомъ, потому что деготь, заключающій въ себѣ свободныя кислоты, способствуетъ разложенію пороха, при долгомъ храненіи снаряженныхъ патроновъ. Обыкновенный картонный 2 mm. пыжъ прекрасно предохраняетъ порохъ отъ пропитыванія его саломъ. Даже 1 mm. пыжи способны долго не пропускать сала.

Пыжи имѣютъ непосредственное вліяніе въ развитіи пороховыхъ газовъ и давленій. Меньшій діаметръ пыжа оказываетъ меньше сопротивленія смѣщенію и служитъ пониженію давленія. Такъ, величина средняго давленія при пыжахъ 12 калибра на 55 атмосферъ меньше средняго же давленія, развиваемаго при стрѣльбѣ патронами, снаряженными пыжами 10 кал. Дробовые пыжи ни съ какой стороны не вліяютъ на давленіе.

Мягкіе войлочные пыжи, не проклеенныя, даютъ очень хорошій результатъ въ давленіи, выражающемся въ 400—430 атмосферахъ, а дѣйствіе пороха—довольно однообразно. Въ этихъ пыжахъ, для прижатія войлока и плотнаго закупориванія гильзъ, необходимъ тонкій картонный. Одинъ войлочный, въ $^1/_4$ дюйма, не достаточенъ для обезпеченія отъ прорыва газовъ, потому кладется по два. При удовлетворительности этихъ пыжей въ стрѣльбѣ, удобствѣ снаряженія патроновъ,—они еще и очень дешевы.

Пробковые пыжи даютъ слабое сопротивленіе смѣщенію и легковѣсны. Для поднятія давленія при этихъ пыжахъ, является необходимость увеличивать зарядъ процентовъ на 10, что не выгодно въ излишнемъ расходѣ пороха. Дробовые же пробковые пыжи хороши въ своемъ назначеніи, такъ какъ по своей упругости прекрасно держатся въ гильзѣ. Конечно, употребленіе ихъ является крайностью вслѣдствіе неимѣнія другихъ болѣе подходящихъ пыжей.

Пороховой зарядъ г. Броунсъ находитъ нужнымъ непремѣнно

отвѣшивать. Отмѣриваніе зависитъ отъ способа насыпки и утряски, при чемъ можетъ составить разницу на 4 доли, т.-е. около 10% отъ меньшаго заряда, а это влечетъ за собой неравномѣрные результаты стрѣльбы. Одинаково и по отношенію дроби, которую для точной стрѣльбы слѣдуетъ отвѣшивать, но менѣе обязательно, чѣмъ порохъ.

Пыжъ, при снаряженіи патрона бездымнымъ порохомъ большой плотности, долженъ быть прижатъ сильнымъ давленіемъ руки, что способствуетъ лучшему воспламененію, особенно при слабыхъ капсюляхъ. Сила нажима прибойника должна равняться для 12 калибра—30 фунтамъ, для 16—25 ф., прибойникъ же долженъ быть аккуратно равнымъ по діаметру съ внутреннимъ діаметромъ гильзы.

О закруткѣ гильзъ авторъ говоритъ, что закрутка, при стрѣльбѣ порохомъ Лишева, почти не оказала никакого вліянія ни на давленіе пороховыхъ газовъ, ни на скорость дроби, отъ которой зависитъ рѣзкость боя. При порохѣ же «Соколъ» результаты показали, что закрутка дала нѣсколько большую скорость, безъ измѣненія давленія.

Для хорошаго закручиванія гильзы достаточно оставить край въ ¼ дюйма, при болѣе же низкомъ помѣщеніи дробового пыжа закрутка поведетъ къ смятію стѣнокъ гильзы и переснаряженіе такой гильзы станетъ затруднительнымъ. Въ этомъ случаѣ можно поднять дробовой пыжъ, положивъ еще одинъ мягкій, вырубленный изъ непроклееннаго войлока, каковой, не оказывая вліянія на скорость и давленіе, смягчитъ первоначальный толчокъ дроби въ моментъ ея смѣщенія при воспламененіи заряда. Лучше же вовсе устранить закрутку, что имѣетъ большое значеніе въ экономическомъ смыслѣ. Въ стрѣлянную гильзу Торбека, съ незакрученными краями, съ помощью металлическаго или деревяннаго цилиндра съ воронкой, можно совершенно свободно, не опасаясь за смятіе краевъ гильзы, вставить просаленный, плотный пыжъ на два калибра большій калибра гильзы, что неотразимо вліяетъ на рѣзкость боя.

Среди охотниковъ распространено мнѣніе, поддерживаемое также и спеціально охотничьей печатью, что при снаряженіи патроновъ порохомъ Лишева, гильзы необходимо какъ можно сильнѣе закручивать. Требованіе закручивать гильзы высказано и въ печатномъ наставленіи, прилагаемомъ при каждой жестянкѣ выпускаемаго съ завода пороха. Очевидно, что на заводѣ не было произве-

дено подробнаго испытанія вырабатываемаго пороха, а что касается до лицъ, помѣщающихъ свои наблюденія о новыхъ порохахъ на страницахъ охотничьихъ изданій, то эти лица, собственно говоря, и не могутъ произвести всесторонне испытаній свойствъ пороха, въ виду неимѣнія подъ руками тѣхъ баллистическихъ приборовъ, безъ которыхъ испытаніе и точное выясненіе свойствъ пороха—совершенно немыслимо, какъ, напр., хронографа, приборовъ для измѣренія давленій и т. п.

Кромѣ же того въ немаломъ употребленіи между охотниковъ и металлическія гильзы, которыя, правда, менѣе благопріятны въ сравненіи съ бумажвыми по условіямъ сопротивленія смѣщенію пыжа и дроби,—но онѣ способнѣе на продолжительность службы, а, слѣдовательно, выгоднѣе въ этомъ отношеніи.

Для удержанія на мѣстѣ дробового пыжа, который долженъ быть плотно прижатъ, слѣдуетъ залить его воскомъ, если гильза не закручивается, конечно.

Пустивъ нѣсколько капель расплавленнаго воска въ наклонно поставленную гильзу и вращая ее, воскъ распредѣлится по краямъ пыжа и смежной цилиндрической части края гильзы.

Залитый такимъ образомъ пыжъ не отходитъ ни при сильной встряскѣ, ни при выстрѣлѣ одного изъ стволовъ. Класть въ этомъ случаѣ пыжъ увеличеннаго діаметра также не представляется необходимымъ, если только гильза не разстрѣляна такъ, что калиберный пыжъ не проваливается въ нее свободно. При нѣкоторомъ навыкѣ, въ часъ можно залить до 100 патроновъ. Для изслѣдованія вліянія на скорость дроби и давленіе пороховыхъ газовъ концентраторовъ, г. Броунсъ произвелъ стрѣльбу съ зарядомъ въ 45, 47 и 49 долей, при чемъ величины нач. скоростей и давленія пороховыхъ газовъ получались совершенно одинаковыми. При сравненіи же съ опытами стрѣльбы безъ концентраторовъ получалось, что послѣднія понизили скорость на 5 метровъ, а давленіе увеличили на 30 атмосферъ. Это легко объясняется такъ: вставленный въ гильзу концентраторъ увеличиваетъ сопротивленіе смѣщенію дроби, почему давленіе газовъ увеличивается, скорость же понижается отъ возрастанія тренія при движеніи дробового заряда съ концентраторомъ по стволу. Несмотря на это не должно считать употребленіе концентратора опаснымъ при стрѣльбѣ порохомъ Лишева, даже и нѣсколько увеличенными зарядами, по сравненію съ основнымъ.

О вліяніи плотности заряжанія на скорость и давленія, авторъ говоритъ, что при обыкновенномъ способѣ заряжанія, т.-е. не механическомъ (рычажнымъ или винтовымъ прессомъ), сжатіе заряда не представляетъ почти никакой разницы, напримѣръ, пыжъ, только досланный до пороха, далъ давленіе 470 атмосферъ и 290,8 мм. скорости, пыжъ же, сжатый давленіемъ въ 30 фунтовъ, показалъ давленіе даже менѣе на 20 атм., при такой же скорости въ 290,8 мм. Зарядъ, сжатый въ гильзѣ на 8 мм. *), увеличилъ давленіе до 535 атмосферъ и скорость—299,4 мм., но и въ этомъ случаѣ опасности для прочности ружья не представляется, такъ какъ давленіе превысило лишь на 35 атмосф. давленіе основного заряда (500 атм.).

Стрѣлянныя гильзы, передъ слѣдующимъ снаряженіемъ, нужно обжать съ той цѣлью, чтобы металлическая шляпка свободно входила въ камору ружья. Послѣ обжатія гильзу слѣдуетъ протереть внутри сухой тряпкой для удаленія оставшагося нагара. Стрѣлянныя гильзы, при опытахъ, дали совершенно одинаковые результаты, какъ и новые, что наглядно показываетъ полную возможность производить стрѣльбу бездымнымъ порохомъ изъ переснаряженныхъ гильзъ, что имѣетъ важное значеніе въ отношеніи удешевленія стрѣльбы.

При изученіи свойствъ бездымнаго пороха авторъ заинтересовался ознакомленіемъ—насколько мѣняются свойства пороха въ зависимости отъ времени и способа храненія пороха, или снаряженныхъ патроновъ. Для этого г. Броунсъ разстрѣливаетъ партію патроновъ тотчасъ послѣ снаряженія ихъ, вторую помѣщаетъ въ теплую комнату, при температурѣ до 20° R и третью—въ ледникъ и обѣ послѣднія серіи испытываетъ по истеченіи $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ.

Результаты таковы: патроны, хранившіеся въ тепломъ помѣщеніи, увеличили давленіе на 50 атмосф. противъ первой партіи, что произошло вслѣдствіе уменьшенія влажности пороха; скорость почти одинакова; хранившіеся же въ ледникѣ понизили давленіе противъ первой партіи на 50 атмосф., а скорость на 24 метра, на что несомнѣнно вліяетъ увеличившаяся влажность пороха. Въ общемъ же разности и давленій и скоростей весьма не значительны, что заставляетъ вывести заключеніе о постоянствѣ пороха Лишева, почти не измѣняющаго своихъ баллистическихъ свойствъ, несмотря на совершенно противоположные способы храненія его.

*) Болѣе чѣмъ въ два раза противъ предыдущаго.

Что еще слѣдуетъ замѣтить въ качествѣ этого пороха, это то, что патроны, хранившіеся въ сыромъ помѣщеніи, покрылись сильнымъ налетомъ зелени, но при стрѣльбѣ не было ни одного случая затяжки или осѣчки.

Для опытовъ въ опредѣленіи давленія при пульной стрѣльбѣ порохомъ Лишева, г. Броунсъ взялъ все то же ружье (12 калиб. Пиперъ, Grand Prix), которое служило для испытаній при стрѣльбѣ дробовыми патронами.

Патроны снаряжались слѣдующимъ образомъ: на порохъ клался тонкій картонный калиберный пыжъ и затѣмъ мягкій папковый Ушвова—«національный», о которыхъ было говорено выше, какъ удобныхъ для снарядки пуль.

Такъ какъ на охотѣ стрѣльба пулями производится болѣе въ холодное время года, то испытанія производились при температурѣ въ 0°.

Рама - мишень располагалась на 50 метровъ отъ дула ружья, почему измѣренія скорости относятся къ точкѣ, отстоящей на 25 мм. отъ дульнаго срѣза.

Для круглой пули заряды пороха брались: 48, 54 и 60 долей въ картонныхъ гильзахъ Торбекъ, съ капсюлемъ Жавело, и результаты показали, что давленія при первыхъ двухъ зарядахъ, выразившіеся въ 470 и 490 атмосф., дали скорость въ 318,4 и 334,3, не превзошли тѣхъ давленій, какія опредѣлены при стрѣльбѣ дробью зарядомъ пороха въ 50 долей, а это даетъ право считать стрѣльбу порохомъ Лишева круглой пулей совершенно безопасной. При стрѣльбѣ зарядомъ въ 60 долей давленіе развилось въ 650 атм., каковое развилось при стрѣльбѣ дробью зарядомъ пороха въ 54 доли, что еще болѣе подтверждаетъ безопасность пороха.

Кромѣ того были испытаны ружья калибровъ 17 и 20, зарядами для перваго 36, 42 и 48 и второго 32, 36 и 40 долей.

Въ этихъ случаяхъ оказалось, какъ должно и быть по теоріи, что съ уменьшеніемъ калибра ружья увеличивалось и возрастаніе скорости, такъ какъ одному и тому же заряду въ количественномъ отношеніи приходится дѣйствовать на меньшія массы въ меньшемъ калибрѣ, слѣдовательно, приращеніе скоростей у меньшихъ массъ должно быть больше.

Во всѣхъ этихъ калибрахъ порохъ Лишева дѣйствуетъ вполнѣ однообразно и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы при

испытанныхъ зарядахъ онъ оказался бы опаснымъ для прочности ружья.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ вопросъ о возможности стрѣльбы порохомъ Лишева изъ нарѣзныхъ ружей часто поднимался въ печати, при чемъ много лицъ высказывалось за полную непригодность этого пороха для указанной цѣли, другіе же находили возможныя его примѣненія, но въ большинствѣ случаевъ точныхъ доказательствъ того или другого положенія не приводилось, за неимѣніемъ въ распоряженіи лицъ, взявшихъ на себя рѣшеніе этого вопроса, тѣхъ средствъ, безъ которыхъ выясненіе сути дѣла фактически невозможно. Рѣшить вопросъ можно только путемъ точнаго опыта съ необходимыми приспособленіями и аппаратами, стрѣляя различными зарядами и опредѣляя для каждаго выстрѣла, какъ скорость снаряда, такъ и давленіе пороховыхъ газовъ.

Для производства опытовъ при стрѣльбѣ продолговатыми пулями при изслѣдованіи свойствъ пороха Лишева, было взято ружье 20 калибра, съ затворомъ Бердана. Приборъ Родмана служилъ для опредѣленія давленія пороховыхъ газовъ.

Вѣсъ экспрессной пули изъ сплава свинца съ оловомъ 7 золот., боковая поверхность ея имѣетъ два желобка, которые при вставленіи пули въ гильзу заполнялись смѣсью сала съ воскомъ.

Снаряженіе производилось такъ: на порохъ былъ положенъ тонкій картонный пыжъ 20 кал., затѣмъ просаленный войлочный того же калибра и, наконецъ, толстый пробковый. Такое количество пыжей было взято для того, чтобы пуля не сидѣла слишкомъ глубоко въ гильзѣ, что было бы неудобно при заряженіи ружья.

Гильзы желтыя французскія съ капсюлемъ Жавело.

Заряды, съ которыми производились испытанія, были въ 30, 32, 35 и 40 долей.

И здѣсь порохъ Лишева показалъ себя доступнымъ къ стрѣльбѣ, безъ всякаго риска для прочности оружія, если, конечно, оно способно по своему качеству на службу, выдерживая давленія до 700 атмосферъ.

Зарядъ въ 35 долей можетъ быть вполнѣ допускаемъ къ штуцеру въ $8^1/_2$—9 фунт., въ 40—для тяжелыхъ и при стрѣльбѣ въ очень сильные морозы изъ штуцеровъ, для которыхъ зарядъ опредѣленъ въ 35 долей.

Плотность заряжанія имѣетъ значеніе въ пульной стрѣльбѣ та-

кое же, какъ и при дробовой, но самое большое значеніе въ отношеніи увеличенія давленія въ нарѣзномъ оружіи ложится на долю вѣса пули. Вѣсъ пули относительно калибра долженъ высчитываться, такъ, напримѣръ, если вѣсъ пули для ружья 20 калибра, имѣющаго діаметръ канала ствола 15,9 мм., равенъ 7 золотникамъ, то пуля къ 12 калибр. должна приблизительно вѣсить 11 золотн. 19 дол. $\left(\frac{18,6}{15,9}7=11,2\right)$.

Такимъ образомъ всегда можно вывести пропорцію вѣса пули къ извѣстному калибру.

Круглыя пули авторъ не рекомендуетъ обворачивать просаленными тряпками, такъ какъ это вліяетъ на увеличеніе давленія.

Многіе охотники, говоритъ г. Броунсъ, стрѣляющіе бездымнымъ порохомъ, приписываютъ продуктамъ разложенія послѣдняго свойства образовывать въ стволѣ ржавчину, которой не замѣчается при стрѣльбѣ чернымъ порохомъ.

Произведеннымъ химическимъ анализомъ выяснилось, что главной частью пороха Лишева является, какъ уже извѣстно, пироксилинъ. Для увеличенія воспламеняемости къ пороху, при фабрикаціи его, прибавляютъ около $1^1/_2$—2% селитро-угольной смѣси.

Теоретически разложеніе пироксилина при взрывѣ даетъ: окись углерода CO; угольный ангидридъ CO^2; водородъ H^2; азотъ N^2 и водяные пары H^2O.

Эти вещества, какъ вполнѣ нейтральныя, не могутъ произвести окисленія. Помимо перечисленныхъ продуктовъ разложенія пироксилина, въ пороховомъ остаткѣ найдены еще и слѣдующія тѣла: амміакъ NH^3; азотистая кислота HNO^2 и азотная кислота HNO^3. При анализѣ продуктовъ разложенія пороха обѣ кислоты найдены въ видѣ соединеній ихъ съ амміакомъ (амміачныя соли).

Кромѣ перечисленныхъ веществъ, въ стволѣ послѣ выстрѣла должны находиться еще продукты разложенія капсюля, ударный составъ котораго, въ большинствѣ, состоитъ изъ гремучей ртути, антимонія и бертолетовой соли.

При выстрѣлѣ газообразные продукты разложенія пороха выносятся вонъ изъ ствола, на стѣнкахъ же его осаждается твердый остатокъ, подъ вліяніемъ котораго и можетъ происходить измѣненіе поверхности канала ствола.

Изслѣдованные отдѣльными анализами всѣ остатки не пока-

зали, что въ нихъ содержатся свободныя кислоты или щелочи, которыя могли бы вызвать непосредственно окисленіе металла ствола. Однакоже замѣчено, что послѣ стрѣльбы, особенно когда воздухъ очень влаженъ, если оставить стволъ не вычищеннымъ на нѣкоторое время, то въ немъ появляется ржавчина, главнымъ образомъ, близъ каморы.

Образованіе ржавчины слѣдуетъ отнести къ дѣйствію на желѣзо продукта разложенія ударнаго состава капсюля. Остатокъ, даваемый капсюлемъ, трудно удалить со стѣнокъ ствола. Для опыта авторъ стрѣлялъ разными капсюлями (безъ пороха) изъ новаго ружья. Послѣ стрѣльбы ружье тщательно было вычищено, но на слѣдующій день появилась ржавчина на протяженіи до 6 дюймовъ за каморой. Ружье снова было вычищенно, но черезъ нѣкоторое время явленіе образованія ржавчины повторилось. Чтобы избѣгнуть дальнѣйшаго ржавленія ствола, сдѣлано по выстрѣлу изъ каждаго ствола снаряженнымъ патрономъ и, послѣ чистки ружья,—ржавчина пропала и болѣе не появлялась.

Причину образованія ржавчины слѣдуетъ приписать особенно энергичному дѣйствію влажности на металлъ ствола въ присутствіи найденныхъ въ пороховомъ остаткѣ веществъ.

Кромѣ сказанныхъ веществъ, при анализѣ нерастворившагося въ водѣ остатка былъ найденъ свинецъ и слѣды желѣза. Присутствіе свинца объясняется истираніемъ дробинъ при движеніи ихъ по стволу, а причины появленія желѣза могутъ быть отнесены къ разнымъ случаямъ: 1) отъ образовавшейся окиси во время промывки ствола водою, 2) присутствіе нѣкотораго количества желѣза въ дроби и 3) при горѣніи пороха образовавшіяся азотная и азотистая кислоты подѣйствовали на желѣзо или сталь ствола и образовали соли.

По тщательномъ изслѣдованіи этихъ причинъ путемъ химическихъ анализовъ, равно и послѣдствій, должныхъ идти вслѣдъ за дѣйствіемъ окисей и солей,—единственно правильный выводъ, что появленіе слѣдовъ желѣза слѣдуетъ отнести или къ присутствію его въ свинцѣ, или къ образованію ничтожнаго количества окиси желѣза во время промывки ствола водой при собираніи порохового остатка, но ни какъ не отъ дѣйствія продуктовъ разложенія пороха на поверхность канала ствола, иначе полировка ствола должна уничтожиться и стволъ станетъ матовымъ. На самомъ дѣлѣ явленія этого не замѣчено при конечномъ условіи чистки ружья послѣ каждой стрѣльбы.

Подтвержденіемъ этому служитъ ружье, служившее при испытаніяхъ и изъ котораго сдѣлано около трехъ тысячъ выстрѣловъ дробью и пулями; въ нѣкоторые дни испытаній ружье выпускало болѣе ста выстрѣловъ подъ рядъ и по окончаніи всѣхъ опытовъ поверхность канала ствола на всемъ своемъ протяженіи не потеряла полировки и не имѣла ни одного матоваго или ржаваго пятна.

Окисленіе и ржавчина въ стволѣ появляются только при условіи, когда въ него попадетъ вода или водяные пары. Для избѣжанія этого послѣ охоты, если нѣтъ возможности прочистить немедля стволъ хотя бы сухой тряпкой, слѣдуетъ ружье уложить въ чехолъ или ящикъ, куда прониканіе влажности будетъ затруднено.

Въ зимнее время укладку слѣдуетъ произвести на дворѣ, послѣ чего ружье можно внести и въ комнату.

При чисткѣ ружья нѣтъ никакой надобности употреблять нашатырный спиртъ, равно какъ и примѣнять для снаряженія патроновъ содированные или обмотанные мыломъ пыжи, а самый простой и лучшій способъ, — это протереть сначала сухой тряпкой, удалить весь нагаръ, а затѣмъ тряпкой смоченной керосиномъ, послѣ чего протереть стволъ насухо. Если при послѣдней чисткѣ тряпка будетъ покрываться налетомъ, то это укажетъ только на присутствіе въ стволѣ свинца. Въ смазкѣ вычищеннаго ствола не представляется надобности. Смазка можетъ скрывать могущую образоваться по какимъ-либо причинамъ ржавчину, да и въ самихъ застоявшихся маслахъ встрѣчаются кислоты, могущія вызвать ржавчину. Лучшій смазочный матеріалъ—вазелиновое масло.

Въ охотничьей литературѣ неоднократно разбирался вопросъ о рѣзкости боя ружей съ цилиндрической сверловкой и чоковой сверловкой стволовъ. Рѣзкость боя измѣрялась числомъ пробитыхъ картонныхъ листовъ опредѣленной толщины. Однако точность такого способа опредѣленія рѣзкости боя весьма сомнительна, хотя бы уже по той причинѣ, что плотность и сопротивленіе картона весьма различны.

При испытаніи выяснилось, что скорость дроби при стрѣльбѣ чока на 3, 5 метровъ *) больше, т.-е. рѣзкость боя чока больше рѣзкости цилиндра, что объясняется такъ. дробь при движеніи

*) Капитаномъ Журие скорость чока опредѣлена на 5 метр. болѣе цилиндровой и это понятно, такъ какъ Журие примѣнилъ ее къ 16 калибру, наиболѣе распространенному во Франціи.

своемъ по каналу ствола встрѣчаетъ передъ вылетомъ изъ дула значительное сопротивленіе, вслѣдствіе съуженія конца ствола, что отразится на ея скорости, которая уменьшится. Задержка дроби сейчасъ же увеличитъ давленіе и это увеличеніе будетъ въ чокѣ настолько сильно, что, преодолѣвъ встрѣтившееся на пути дроби препятствіе, пороховые газы сообщатъ дроби толчокъ такой силы, который дастъ снаряду увеличенную скорость.

Чоки разстрѣливаются очень быстро, если въ нихъ не соблюдены такія условія строенія: необходимо переходъ отъ большого діаметра ствола къ меньшему—дѣлать на возможно большемъ протяженіи, тогда возрастаніе давленій будетъ происходить постепенно, безъ сильныхъ ударовъ, разрушительно дѣйствующихъ на металлъ ствола.

Изнашиваніе чока зависитъ также отъ твердости пыжа. Твердый пыжъ, затрудняя переходъ въ съуженную часть ствола, вызываетъ большее давленіе, заставляя пороховые газы разрушительно дѣйствовать на тонкую часть ствола.

При испытаніяхъ г. Броунсъ не упустилъ изъ вида испробовать вліяніе длины стволовъ на бой и выводитъ такое заключеніе, что длина стволовъ 12 кал. обыкновенно равняется 30 дюймамъ (76,2 сант.). Если стволъ укоротить на 2 д., то начальная скорость понижается на 6,6 метра. Желая же получить ту же скорость, что и при стволахъ въ 30 д., приходится увеличить зарядъ на 1,4 д., что увеличитъ давленіе на 25 атмосферъ, а это должно вліять на службу ружья. Для этого вѣсъ 2 д. слѣдуетъ распредѣлить на болѣе слабыя части ствола, напр., дульную и среднюю, что значительно увеличитъ его прочность, а слѣдовательно, и срокъ службы.

Ружье съ длинными стволами — неудобно, къ короткимъ же охотники относятся недовѣрчиво, полагая, что ихъ бой долженъ быть слабѣе, но по высказанному авторомъ соображенію стволы 28 д. при одинаковомъ вѣсѣ съ 30 д. и нѣсколько увеличенномъ зарядѣ дадутъ такіе же результаты боя, не уступятъ въ прочности, но болѣе удобны въ употребленіи.

По сравненію русскихъ пороховъ Лишева и «Соколъ» — г. Броунсъ говоритъ, что порохъ «Соколъ»,—какъ показалъ цѣлый рядъ точныхъ опытовъ, произведенныхъ надъ нѣсколькими партіями, полученными изъ разныхъ мѣстъ, — будучи вполнѣ безопаснымъ для стрѣльбы при различныхъ способахъ снаряженій, а также при упо-

требленіи концентратора, имѣетъ, однако, весьма существенный недостатокъ, выражающійся въ его крайне неоднообразномъ дѣйствіи, чего въ порохѣ Лишева не встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ такой значительной степени.

Выпуская приготовленную партію пороха, заводъ, вѣроятно, не опредѣляетъ ея баллистическихъ свойствъ, такъ какъ при исполненіи этого, въ продажу не могли бы поступать столь разнящіеся между собою по своимъ свойствамъ образцы пороха.

Можно сказать съ увѣренностью, что если бы на заводѣ каждая партія пороха «Соколъ» доводилась до опредѣленнаго содержанія влажности и порохъ не полировался бы графитомъ, затрудняющимъ воспламеніе, то результаты, получаемые при стрѣльбѣ, были бы гораздо однообразнѣе.

На этомъ авторъ и кончаетъ свой обширный трудъ, изъ котораго мы позволили себѣ взять, въ сжатомъ видѣ, только то, что должно болѣе заинтересовать охотника, въ смыслѣ примѣненія къ практикѣ стрѣльбы, по выводамъ г. Броунсъ.

На сколько цѣненъ научный вкладъ почтеннаго автора—излишне и говорить. Пока еще это есть первый основательно разработанный трудъ, появившійся въ охотничьей литературѣ. Опыты, такъ тщательно и всесторонне произведенные г. Броунсъ, должны положить конецъ разнообразнымъ толкованіямъ о новыхъ порохахъ, толкованіямъ, основаннымъ на гипотезахъ и не давшимъ до сихъ поръ никакого правильнаго понятія о болѣе или менѣе живомъ вопросѣ въ охотничьемъ дѣлѣ.

Общій выводъ изъ всего труда г. Броунсъ тотъ, что порохъ Лишева—выше всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ бездымныхъ пороховъ. Жаль, что цѣна его слишкомъ высока (4 р. фунтъ), что не мало вліяетъ на его слабое распространеніе.

К. К. Колоссовскій.

Къ вопросу о весенней охотѣ.

Въ теченіе послѣднихъ 2—3 лѣтъ на страницахъ «*Охотничьей Газеты*» появлялось много весьма интересныхъ статей и замѣтокъ на тему о подъемѣ нашего оскудѣвающаго охотничьяго хозяйства. Въ доброй долѣ этихъ статей основнымъ тезисомъ былъ вопросъ: «*быть, или не быть весенней охотѣ*». Прибавить что-либо отъ себя къ тѣмъ этическимъ, зоологическимъ и инымъ теоретическаго свойства соображеніямъ, которыя широко захвачены въ статьяхъ, я рѣшительно не могу, но зато, надѣюсь, читатели не безъ интереса узнаютъ о результатахъ наблюденій надъ состояніемъ охоты въ мѣстности, гдѣ весенняя охота безусловно воспрещена закономъ (даже на перелетную дичь) и гдѣ, по твердому чувству законности массы населенія, она дѣйствительно не производится. Я говорю о Финляндіи, приковывающей въ настоящее время къ себѣ вниманіе коренной Россіи по совершенно другимъ обстоятельствамъ.

Лѣтомъ 1888 года я получилъ отъ стариннаго пріятеля, поселившагося въ порядочной глуши на берегу одного изъ многочисленныхъ финляндскихъ озеръ, приглашеніе обслѣдовать окружающую его мѣстность въ охотничьемъ отношеніи, да кстати побывать и на знаменитомъ Еуропя-Ярви *)—въ утиномъ царствѣ. Утаивъ

*) Громадная площадь спущенныхъ въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія смежныхъ озеръ, съ цѣлью луговой культуры ихъ дна. Дѣло въ главномъ сдѣлано болѣе, чѣмъ примитивно: кромѣ удаленія воды, больше ничего не предпринято: теченіе рѣчекъ не выправлено, дно ихъ не углублено, водосборныхъ магистральныхъ канавъ нѣтъ. Но на сколько плохи условія для луговой культуры (преобладающая трава—хвощъ), настолько же великолѣпны условія для размноженія водоплавающей и болотной дичи; особенно обильно утиное гнѣздованіе; затѣмъ много кроншнепа, порядочно бекаса, есть и дупель, который въ Финляндіи выводится вообще мало. Еуропя-Ярви сверхъ того служитъ „первоклассною станціею съ буфетомъ“ для массы разныхъ путешественниковъ весною на сѣверъ и осенью обратно на югъ. Охота на гусей здѣсь позднею осенью была описана въ „Природѣ и Охотѣ“.

отъ пріятеля, что его *«кстати»* для меня превращается въ *«главное»*, я пообѣщалъ быть непремѣнно; вскорѣ для посѣщенія представился и подходящій случай. Что съ перваго же выхода отъ пріятеля на охоту, я, вмѣсто его палестинъ, очутился на Европѣ, вѣроятно, будетъ ясно изъ сказаннаго выше.

Не входитъ въ задачу настоящей замѣтки описаніе первой моей охоты въ утиномъ эльдорадо; скажу только, что трофеями было 24 крякуши, одна лучше другой и что возможность повтореній ея было для меня однимъ изъ подталкивающихъ мотивовъ сдѣлаться ближайшимъ сосѣдомъ пріятеля.

Переходъ отъ мечты къ дѣйствительности совершился гораздо быстрѣе, чѣмъ я ожидалъ самъ, и уже съ весны 1889 года начинается моя осѣдлость въ Финляндіи, въ верстахъ 80 отъ Петербурга, а съ осени того же года—правильныя наблюденія за количествомъ лѣсной дичи на площади, примѣрно, 2000—3000 десятинъ.

Лѣтнія экскурсіи по району будущей *моей охоты* (впрочемъ, по стольку моей, по скольку и всякаго другого мѣстнаго жителя, ибо у насъ пока охота—Божій даръ) показали, что мѣстность представляетъ наилучшія условія для размноженія лѣсной дичи. Нѣсколько рядовъ возвышенностей, идущихъ параллельно озеру, перерѣзанныхъ оврагами, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, съ молоднякомъ по вырубкамъ, съ укромными уголками—по окружности угодья и огромное болото, видимо, нѣкогда дно прилегающаго озера, съ самою разнообразною почвою, начиная отъ моховыхъ пространствъ до оазисовъ прочной сухой земли, очевидно, острововъ бывшаго озера, съ массою хвойной и лиственной поросли—по срединѣ угодья,—вотъ его общая картина. Если присоединить къ этому обиліе сухолѣсныхъ и болотныхъ ягодниковъ, кажется, что и желать лучшаго не остается.

Не менѣе благопріятны были данныя относительно числа мѣстныхъ охотниковъ.

— Вашъ торпарь В... «рѣляетъ тички и лисицына, больше ружья нѣту», говорили въ одинъ голосъ спрошенные финны.

Кстати, замѣчу, что финны старики, живущіе по деревнямъ отъ Петербурга до Выборга, говорятъ, хотя по нѣсколько фразъ, порусски, молодое же поколѣніе—ни слова. Въ числѣ причинъ упадка знанія русскаго языка указываютъ на финляндскія ж. дороги, которыя, давъ мѣстнымъ жителямъ извозный и иной заработокъ, от-

влекли ихъ отъ отходныхъ промысловъ въ Петербургѣ, въ особенности зимою.

Что касается количества дичи, то опросы людей несвѣдущихъ приводили къ отвѣту: «много», а иногда даже: «очень много». Свѣдущій же В... упорно отмалчивался, что меня не удивляло, такъ какъ кто же радъ конкуренту.

Въ умѣ я рѣшилъ посвятить первую осень не столько стрѣльбѣ, сколько изученію мѣстъ вывода и осѣдлости лѣсной дичи.

Насталъ сезонъ охоты. Правильно и методически сталъ я обшаривать съ своимъ Гератомъ всѣ углы и закаулки; утренній выходъ посвящался обыкновенно дальнимъ экскурсіямъ, послѣобѣденный—около дома. Почти два мѣсяца было употреблено на поиски. Что-же было обнаружено? Увы! болѣе плачевнаго, болѣе скорбнаго, такъ мало отвѣчающаго пространству результата трудно было представить себѣ. Итогъ: два выводка тетеревей (оба у самаго дома), одинъ выводокъ бѣлыхъ куропатокъ и 2—3 выводка рябковъ... Но что рѣдко бросалось въ глаза,—это относительно большое число холостыхъ тетеревиныхъ матокъ и, главнымъ образомъ, на возвышенностяхъ; сколько ихъ было, сказать, конечно, трудно, такъ какъ одна и та же особа могла быть поднимаема по нѣскольку разъ, но фактъ ихъ частой встрѣчи явно вырисовывался.

Обшаривая болото, я нашелъ въ двухъ мѣстахъ остатки шалашей, которые, по мѣсту положенія, могли одинаково служить какъ для стрѣльбы, такъ для охотъ на чучела.

Фактъ этотъ въ связи съ малымъ количествомъ дичи невольно сталъ наводить меня на мысль, ужъ не составляетъ г. В... исключеніе изъ населенія «съ твердо установившимся чувствомъ законности» и не выколачиваетъ ли онъ нещадно тетеревей на току и на чучелахъ? Выселить бы молодчика на всякій случай, стало съ перваго года финляндской жизни моей завѣтной мечтой, тѣмъ болѣе что и заарендованная имъ земля являлось большой помѣхой затѣянному въ миніатюрѣ сельскому хозяйству.

Кончилась осень, стало подмораживать, а тамъ не заставилъ себя ждать и снѣгъ. Тетерева стали табуниться... Оказалась небольшая стайка тетеревей, какъ разъ въ той части болота, гдѣ были найдены выводки... Въ стайкѣ какъ будто бы чернышей было больше, чѣмъ матокъ.

Настала весна 1891 года. Увы! о тетеревиныхъ токахъ и поми-

на не было; однако на обширномъ болотѣ въ разбродъ чуфыкало порядочно пѣтуховъ, больше, чѣмъ можно было ожидать послѣ осеннихъ подвиговъ В. (шалашъ онъ ремонтировалъ во время и основательно). Весной онъ ихъ оставилъ въ покоѣ, часто отлучаясь куда-то...

— Баринъ, хочешь рѣлять метца (глухарь)?.. — обратился ко мнѣ таинственно г. В. въ одинъ изъ пасмурныхъ и теплыхъ вечеровъ. «А, вотъ куда ты такъ часто отлучался въ послѣднее время, подумалось мнѣ».

Принялъ или не принялъ я предложеніе, позвольте умолчать, (разсказывать про весеннія охоты, запрещенныя закономъ, неудобно, какъ разъ предстанешь передъ ясныя очи финскаго судьи, который, вмѣсто свидѣтелей, представитъ книгу «Природы и Охоты» съ собственнымъ сознаніемъ), но что г. В. съ этого момента сдѣлался для многихъ несомнѣннымъ браконьеромъ, могу сказать открыто.

Во что бы то ни стало необходимо выселить этого господина, вотъ мысль, съ тѣхъ поръ уже гвоздемъ засѣвшая въ моей головѣ.

Полагаю, что я сдѣлалъ бы это не медля, но осенью 1891 г. волею служебныхъ судебъ я очутился... въ Севастополѣ, гдѣ пришлось забыть про сѣверныя охоты и въ рѣдкіе часы свободы отводить душу на перепелахъ...

Возвратился я опять подъ Петербургъ въ мартѣ 1894 года и, разумѣется, тотчасъ принялся за прерванныя наблюденія.

Весеннія наблюденія надъ поющими тетеревами не показали никакой разницы сравнительно съ 1891 годомъ; число пѣтуховъ, повидимому, не уменьшилось; точно такъ же они пѣли на болотѣ вразбродъ... Ничего хорошаго на осень ожидать нельзя было.

Но зато я былъ чрезвычайно обрадованъ г. В.: онъ самъ явился съ предложеніемъ выкупить его долгосрочный контрактъ, такъ какъ рѣшился переселиться на р. Вуоксу, гдѣ между сельскохозяйственными благами и «много тички съ линными носами, господа ѣдутъ рѣлять»...

Переговоры наши длились очень не долго, и еще съ весеннимъ снѣгомъ этого отчаяннаго браконьера въ нашей мѣстности не стало. Ну, думалось мнѣ, теперь уже ничто не мѣшаетъ сдѣлаться лѣсной охотѣ на-славу... Увы! какъ увидитъ читатель дальше, мечта и понынѣ все еще остается мечтой!

Августовскія и сентябрьскія наблюденія 1894 года подтвердили

точка въ точку, что можно было ожидать по опыту прежнихъ лѣтъ: два-три выводка тетеревей на болотѣ, сравнительно много холостыхъ матокъ въ лѣсу; рябокъ—рѣдкость; въ осеннемъ табункѣ тетеревей преобладаніе, уже несомнѣнное, чернышей надъ самками. Исчезновеніе безслѣдное бѣлой куропатки явилось сверхъ ожиданія!

Дѣло, которое падало годами, не можетъ, разумѣется, подняться сразу. Исходя изъ этого положенія, я рѣшилъ охоту въ окружности дома прекратить года на два почти совсѣмъ, а вмѣсто того расширить раіонъ охоты выѣздами на другой берегъ озера, на островъ, расположенный на томъ же озерѣ, и въ другія мѣстности. Несмотря на малое знакомство съ новыми мѣстами, внѣшнія охоты сопровождались иногда удачами, въ особенности на островѣ, который при площади не болѣе 1 кв. версты ежегодно однако давалъ два-три выводка тетеревей.

Весна 1895 года показала на болотѣ не лучшіе результаты, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, что уже являлось нѣсколько страннымъ, такъ какъ осенью никто не охотился на тетеревей, и можно было ожидать болѣе многоголоснаго пѣнія.

Осень 1895 года была также не лучше осени 1894 года; тѣ же выводки около дома и та же масса (сравнительная) холостыхъ матокъ въ сухомъ лѣсу, впрочемъ, поздней осенью я наблюдалъ уже два табуна тетеревей на болотѣ.

1896 годъ, къ ужасу моему, былъ хуже предшествовавшаго года; съ весны пѣтуховъ на болотѣ было очень мало; въ отношеніи же выводковъ однако безъ перемѣны. Ясно и рѣзко бросалась въ глаза обратная сторона удаленія г. В., этого единственнаго систематическаго истребителя лисицъ,—лисицы размножились изрядно, что наблюдалось по зимнимъ слѣдамъ, а еще яснѣе весною 1897 года, когда на падали лошади моего пріятеля, по словамъ финновъ, лисицы устраивали форменныя свалки. Рѣшилъ предпринять и противъ нихъ нѣкоторыя мѣры, окончившіяся для меня, между прочимъ, довольно куріозно, знакомствомъ съ судебными учрежденіями Финляндіи.

Дѣло въ томъ, что весною 1898 года стали дохнуть у сосѣднихъ финновъ свиньи, вслѣдствіе какихъ болѣзней, неизвѣстно, но финны упорно стояли (и это вполнѣ понятно) на томъ, что милыя ихъ животныя отравились лисиными пилюлями, употреблявшимися

моимъ охотникомъ зимою и будто бы оставшимися неубранными во время.

Какъ я ни доказывалъ противное, какъ я ни упиралъ, что свинья издохла даже у самого судьи, внѣ сомнѣнія не кушавшая моихъ пилюль, тѣмъ не менѣе я былъ присужденъ къ уплатѣ 120 марокъ, въ возмѣщеніе убытковъ и судебныхъ издержекъ. Любопытная подробность на судоговореніи: я, отвѣтчикъ, держалъ рѣчь по-нѣмецки, истецъ по-фински, судья передавалъ приказанія протоколисту по-шведски...; а гдѣ же языкъ государственный, быть можетъ, спроситъ недоумѣвающій читатель? Прибавлю еще, что хотя мой личный опытъ и былъ не въ пользу безпристрастія финскаго суда, тѣмъ не менѣе я долженъ отмѣтить его бытовыя, въ высшей степени симпатическія черты. Во-первыхъ, судъ этотъ не единоличный, а коллегіальный, по крайней мѣрѣ, въ теоріи: рядомъ съ судьей сидятъ нѣсколько (не помню 5 или 7 человѣкъ) «*лаудамистовъ*», нѣчто въ родѣ присяжныхъ засѣдателей, лицъ, выборныхъ отъ общества, обязанныхъ помогать судьѣ въ разъясненіи дѣла, во-вторыхъ, сессіи суда назначаются только дважды въ годъ, въ самое безрабочее время осени и весны. Кто былъ зрителемъ дѣятельности нашихъ мировыхъ судей въ страдное время и видѣлъ столько людей, отвлеченныхъ иногда изъ-за пустяковъ отъ дѣла, тотъ пойметъ благодѣтельность этой мѣры. Кстати, финны большіе любители судиться, и сутяжничество между ними развито въ высокой степени.

1897 годъ по количеству весенней и осенней дичи не отличался особенно отъ своего предшественника, въ общемъ дичи было точно такъ же очень скудно.

1898 годъ слѣдуетъ отмѣтить однимъ очень полезнымъ для охоты мѣстнымъ распоряженіемъ, отданнымъ однако вовсе не въ видахъ улучшенія охоты: введенъ налогъ на деревенскихъ собакъ и постановлено лѣтомъ держать собакъ на цѣпи внутри дворовъ; послѣднее, конечно, никѣмъ не исполняется, но налогъ, несмотря на незначительность его (1 марка въ годъ), заставилъ чухонъ значительно поубавить друзей человѣка: вмѣсто десятка собакъ въ деревнѣ остались двѣ-три.

Весеннее токованіе 1898 года было совершенно прежняго характера: чуфыкало вразбродъ на болотѣ нѣсколько пѣтуховъ; число ихъ пошло какъ-будто бы на прибыль.

Августовская провѣрка уже достаточно изученныхъ мѣстъ гнѣз-

дованія тетеревей привела къ цифрѣ *пять* выводковъ; одинъ, около самаго дома, особенно радовалъ охотничье сердце своимъ количествомъ; я взялъ изъ него только три штуки; больше въ эту осень я не охотился, но молва разнеслась о выводкахъ, и болото посѣтили палилы съ близъ лежащей желѣзнодорожной станціи; говорили, что они взяли семь штукъ, но изъ болѣе дальнихъ выводковъ. Въ сухомъ лѣсу неизмѣнныя холостыя матки. Рябковъ уже порядочно. На болотѣ, на моховомъ мѣстѣ, встрѣтилъ глухарку-одиночку. Неужели въ будущемъ опять будутъ гнѣздиться глухари на болотѣ?

Позднею осенью на болотѣ было два табуна тетеревей, оба весьма многочисленные. На нихъ охотились очень мало, но къ веснѣ они исчезли какъ-то сами собою. Мои люди, чистившіе лѣсъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ держался одинъ изъ табуновъ, и наблюдавшіе почти ежедневно птицъ, удивлялись, какъ быстро уменьшалась партія.

Лисицъ, судя по слѣдамъ, несмотря на отраву финновъ-промышленниковъ, въ томъ числѣ и стараго пріятеля моего г. В., явившагося изъ мѣстъ не столь удаленныхъ на побывку, было изрядное количество. Видимо, имъ хорошо были извѣстны мѣста ночевки тетеревей, и знаніе свое примѣняли къ практикѣ съ успѣхомъ.

Два послѣдующихъ года по количеству весенней и осенней дичи были почти копіями съ 1898 года, пожалуй, съ самою легкою наклонностью къ повышенію.

Качество дичи на описываемомъ участкѣ земли, образовавшееся за періодъ съ 1894 г. по настоящее время, повидимому, достигло своего *maximum*'а при наличныхъ факторахъ существованія охоты. Въ общемъ это количество не соотвѣтствуетъ (умолчимъ объ ожиданіяхъ), ни содѣйствующимъ размноженію дичи условіямъ, неизмѣнно существовавшимъ въ теченіе ряда лѣтъ, ни пространству, коего вѣдь около 25 кв. верстъ, и на которомъ, ну, хоть десятокъ выводковъ тетеревей, пожалуй, не преувеличенная норма.

Надо думать, что за разсматриваемый періодъ причины, помогавшія размноженію дичи, уравновѣшивались причинами, уничтожавшими дичь.

Первыя, какъ мы видѣли, были весьма солиднаго свойства: полное отсутствіе весенней охоты, умѣренность осеннихъ охотъ и приволье для вывода потомства; на эти факторы многіе смотрятъ какъ на безотказныя средства возстановленія разрушенныхъ охотъ.

Несомнѣнно, что и отрицательно дѣйствовавшія причины были

тоже очень вѣскаго характера. Какія же это причины? Суть ли онѣ мѣстнаго, присущаго только Финляндіи свойства, или болѣе общаго, встрѣчающагося и въ остальной Россіи? Я полагаю, что съ небольшими видоизмѣненіями онѣ одинаково распространены во всей полосѣ обитанія у насъ лѣсной дичи. Первая и самая главная— *пастьба скота повсемѣстно по лѣсамъ*, которая у насъ начинается съ самой ранней весны и продолжается до глубокой осени; когда снѣгъ еще лежитъ по оттѣненнымъ мѣстамъ, а крестьянскій скотъ давно уже бродитъ по лѣсу. Въ сѣверной полосѣ Россіи скотъ по лѣсу ходитъ почти безпризорно: дѣло пастуха только выгнать утромъ, да загнать вечеромъ стадо домой; скотъ же въ лѣсу отыскивается по звуку бубенцовъ, коими обязательно снабжается каждая особь, отъ великой до малой. Легко представить себѣ тотъ шумъ, который производится деревенскими стадами въ сѣверныхъ лѣсахъ. Трудно допустить, чтобы птица, сидящая на гнѣздѣ, оставалась равнодушною къ тому, когда мимо, а вѣроятно, нерѣдко и черезъ, не одинъ разъ пройдетъ тотъ или другой звонарь. Вотъ, гдѣ, по моему, лежитъ причина нахожденія массы холостыхъ матокъ въ сухомъ лѣсу, который, пока болота еще залиты весеннею водою, служитъ исключительнымъ выгономъ для скота.

Затѣмъ слѣдуетъ поставить враговъ дичи—хищниковъ: четвероногихъ и пернатыхъ. Изъ первыхъ въ Финляндіи встрѣчаются въ изрядномъ числѣ лисица и хорекъ; не думаю, чтобы барсукъ, ласка, горностай, которыхъ я наблюдалъ въ окрестности, приносили бы существенный вредъ лѣсной дичи. Изъ пернатыхъ враговъ преобладаютъ ястреба и копцы. Болѣе или менѣе систематическому истребленію подвергаются только лисицы, за которыми охотятся какъ въ виду цѣнности мѣха, такъ и преміи, которая выдается правительствомъ; остальные же хищники, несмотря на существованіе преміи и за нихъ (отъ охотничьихъ обществъ), живутъ себѣ въ полное удовольствіе, безъ всякаго риска за жизнь.

Далѣе активную роль въ уничтоженіи дичи принимаютъ деревенскія собаки; зло отъ нихъ тѣмъ больше, что подъ Петербургомъ почти всякая деревенская собака напоминаетъ ту или другую породу охотничьихъ собакъ; сеттериные ублюдки особенно часты. Прибавьте къ этому, что финнъ не считаетъ необходимымъ кормить собаку, и вы легко оцѣните вредъ, наносимый пернатому царству этими друзьями человѣчества.

Не менѣе дѣятельную роль въ истребленіи дичи играютъ, наконецъ, пастухи и ихъ многочисленные подпаски. Мнѣ извѣстно многіе случаи яичницы изъ тетеревиныхъ яицъ!

Къ этимъ «одушевленнымъ» причинамъ, разрѣжающимъ полезное царство пернатыхъ, слѣдуетъ присоединить стихійныя: холодныя весны и дождливую и холодную погоду въ періодъ вылупливанія птенцовъ, какъ, напримѣръ, было въ 1900 году, когда весь май отличался низкою температурою и сѣверными вѣтрами. Въ такія погоды всякая потревожка насѣдки особенно вредна для гнѣзда, а именно въ такіе періоды скотъ въ лѣсахъ, въ поискахъ за кормомъ, и не оставляетъ ни одного укромнаго уголка.

На основаніи всего вышеизложеннаго, говоря канцелярскимъ языкомъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ дѣлѣ поднятія охоты мѣры одностороннія значенія не имѣютъ и сопровождаться благопріятнымъ результатомъ не могутъ. Лишь совокупностью мѣръ, направленныхъ къ развитію причинъ, благопріятствующихъ размноженію дичи, и къ сокращенію причинъ отрицательнаго характера можно достигнуть успѣха.

Вопросы эти гораздо сложнѣе, чѣмъ кажутся съ поверхности; мѣропріятія для поддержанія охоты могутъ встрѣтиться съ интересами сельскаго хозяйства, напримѣръ, при упорядоченіи лѣсныхъ выгоновъ, могутъ потребовать крупныхъ затратъ, напримѣръ, для борьбы съ хищниками... Успѣете съ этой стороны, переходите и къ запрету весенней охоты... Если идти обратнымъ ходомъ, боюсь, чтобы вездѣ не получилось то же, что въ описанной мною охотѣ.

Н. Чижиковъ.

Истребленіе фазановъ и другой дичи близъ урочища Геокъ-Тапа и сел. Пришиба, Ленкоранскаго уѣзда, Бакинской губерніи.

Еще въ 1897 году въ окрестностяхъ упомянутаго урочища фазаны водились въ достаточномъ количествѣ. За каждую охоту, или скорѣе—прогулку съ ружьемъ, въ теченіе 2—3 часовъ, можно было взять 3—4 фазановъ, да кромѣ того и зайчишку, вывернувшагося изъ-подъ самыхъ почти ногъ. Въ концѣ 1900 года, послѣ 4-лѣтняго пребыванія въ горахъ, волею судебъ и мачехи-службы, намъ пришлось спуститься на прибрежную полосу Каспія.

Боже мой, какъ все измѣнилось здѣсь съ тѣхъ поръ! Сѣверные и сѣверо-восточные склоны горъ, покрытые назадъ тому 4 года густыми зарослями всевозможныхъ породъ лиственнаго лѣса, зачернѣли теперь повсюду черными вывороченными пластами земли... И только въ недоступныхъ мѣстахъ по обрывамъ ущелій и на днѣ ихъ сохранились чащи прежнихъ охотничьихъ угодій. На востокъ отъ урочища вся низменность до сел. Пришиба стала пустыремъ, съ проложеннымъ по нему разухабистымъ шоссе, заросшимъ сплошь отъ самаго ур. Геокъ-Тапа до сел. Пришиба бѣленой *), дурманомъ **) и прочими сорными травами. Непроходимыхъ кустовъ держи-дерева, терновника, боярышника и другихъ, служащихъ 3—4 года тому назадъ притономъ множества фазановъ, вальдшнеповъ, зайцевъ, лисицъ, барсуковъ, дикообразовъ и другой дичи, какъ не бывало. Досужіе и недремлющіе люди пораспродали эти угодья татарамъ сосѣднихъ селеній за безцѣнокъ. Громадный возъ

*) Hyosciamus.
**) Datura Strammonis.

драгоцѣннаго топлива продавался по 20—25 коп. на удовлетвореніе ненасытныхъ аппетитовъ нѣкоторыхъ служилыхъ людей урочища.

Конечно, оскудѣніе дичи и особенно фазановъ, какъ осѣдлой здѣсь птицы, въ окрестностяхъ сел. Пришиба и ур. Геокъ-Тапа, нужно приписывать этому хищническому истребленію растительности, но также и, пожалуй, главнымъ образомъ, хищническимъ способамъ охоты да еще и въ запретное время. Мѣстная интеллигенція охотится исключительно съ ружьями, но времени охоты также мало придерживается, какъ и мѣстные татары, которыхъ по хищничеству безошибочно можно приравнять къ шакаламъ, въ громадномъ изобиліи водящимся и въ лѣсахъ, и кустахъ, и камышахъ, и виноградныхъ садахъ: Дерзость этихъ ночныхъ разбойниковъ стала доходить до невѣроятныхъ предѣловъ. Они, не стѣсняясь, стали таскать со дворовъ домашнюю птицу, поросятъ, ягнятъ и прочую мелкую живность. Это объясняется тѣмъ, что шакалы никѣмъ не преслѣдуются, такъ какъ, по выраженію русской поговорки, отъ шакала, «какъ отъ козла—ни шерсти, ни молока», и тѣмъ еще, что подходящая дичь для нихъ,—фазаны, курочки, зайцы и проч., порѣдѣла до minimum'а, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, наприм., между урочищемъ Геокъ-Тапа и сел. Пришибомъ, исчезла совершенно.

Мы не замѣчали, чтобъ для охоты на фазановъ здѣшними татарами примѣнялся бы особый какой-либо способъ охоты, кромѣ стрѣльбы изъ ружья и ловли силками *), но фазаны съ непомѣрною быстротою все исчезаютъ и исчезаютъ. Насколько здѣшняя татарва не лакома до зайцевъ и кабановъ, настолько она лакома до этихъ несчастныхъ красавцевъ, пожирающихся ею тамъ же на мѣстѣ ихъ ловли.

Съ началомъ теплыхъ весеннихъ дней, совпадающихъ съ началомъ устройства гнѣздовій фазанами, все татарское населеніе окрестныхъ зимовниковъ отъ мала до велика выползаетъ изъ грязныхъ и вонючихъ своихъ ханушекъ на кочевки и буквально наводняетъ окрестные лѣса. Съ ранняго утра и до поздняго вечера раздается по лѣсу несмолкаемый характерный татарскій гамъ, крикъ ихъ полунагихъ ребятишекъ и лай голодныхъ собакъ, этого бича гнѣздовій фазановъ, курочекъ, куропатокъ и всѣхъ мелкихъ птицъ,

*) Богатый классъ татаръ, къ которому принадлежатъ по большей части „беки", охотится на фазановъ и курочекъ съ ястребами и сопровождается обыкновенно на этихъ охотахъ голодными стаями собакъ. См. „Охот. Газета" за 1899 г. №№ 16 и 18.

вьющихъ свои гнѣзда на землѣ. Съ наступленіемъ тепла масса бездѣльниковъ-татаръ обращается также и въ бродягъ, уходитъ въ горы и охотится изъ-за кустовъ и камней на солдатъ пограничной стражи для добыванія себѣ «казенныхъ» винтовокъ и сбыта ихъ въ Персію *). Татары, разсыпавшіеся по лѣсамъ, конечно, не щадятъ фазанныхъ гнѣздовій, истребляя ихъ вперегонки съ своими голодными псами, а съ появленіемъ молодняка, и взрослые, и мальчишки начинаютъ ставить повсюду силки. Не летающіе, а бѣгающіе только фазанята, массами попадаются этимъ бездѣльникамъ, а также шакаламъ и собакамъ, не дожидающимся прихода хозяевъ силковъ. Для большаго успѣха въ этой разбойнической ловлѣ около силковъ посыпаются зерна пшеницы или ячменя.

Ловля фазановъ силками практикуется и въ другія времена года, но не съ такимъ успѣхомъ, когда фазанки на гнѣздахъ, или когда молодь не научилась еще летать.

Намъ лично не разъ приходилось освобождать осенью прошлаго года фазановъ и фазанокъ изъ этихъ коварныхъ силковъ, а также ловить и татарчатъ съ этими силками на мѣстѣ преступленія. Правда, что доставалось тогда этимъ разбойникамъ головомойка, но тѣмъ дѣло и ограничивалось. Ни на какія заявленія и убѣжденія мѣстная администрація не обращаетъ вниманія. Напротивъ, многіе господа изъ высшихъ чиновъ ея дѣлаютъ татарамъ заказы на доставку извѣстнаго количества фазановъ черезъ своихъ подчиненныхъ лѣсныхъ объѣздчиковъ и старшинъ.

Никогда не забыть намъ той возмущающей душу картины, которую пришлось видѣть въ прошломъ октябрѣ, и того грустнаго случая убійства, виновникомъ котораго мы невольно явились сами. Мы шли по опушкѣ небольшой лѣсной полянки, зорко поглядывая за бѣжавшимъ шагахъ въ 30-ти «Мухтаромъ». Вдругъ «Мухтаръ» сталъ и замеръ на стойкѣ. Курокъ взведенъ и произнесено приказаніе «взять»... и взлетѣвшій въ полдерева фазанъ, направившій свой полетъ въ чащу, комочкомъ свернулся и повисъ на кустахъ опушки. Какова же была наша досада, какова была злоба на этихъ разбойниковъ и бездѣльниковъ татаръ, когда намъ пришлось вынимать этого несчастнаго красавца изъ силка и уже съ ободранною

*) У приграничныхъ татаръ сложилось мнѣніе, что лучше нашей казенной винтовки, хотя бы берданки или 3-хлинейки, другой уже и нѣтъ по дальности и мѣткости боя.

до костей кожею на лапкахъ. Фазанъ оказался довольно тощимъ. Вѣроятно, не однѣ сутки онъ сидѣлъ въ этомъ проклятомъ силкѣ, но благодаря длинѣ его не попался на зубы шакалкамъ, такъ какъ могъ взлетать на высоко растущія отъ земли вѣтки. Найденные нами въ разное время въ силкахъ фазаны и фазанки большею частью были настолько уже заморены, что высвобожденные изъ нихъ заботливой и ласковой рукою, безпомощно ложились на бокъ съ поджатыми израненными лапками, отказывались летѣть и умоляющимъ взглядомъ какъ бы просили защиты и милосердія...

Здѣсь мы позволимъ себѣ нѣсколько отдалиться отъ главнаго предмета и познакомить нашихъ уважаемыхъ читателей съ личностью и характеристикой закавказскаго татарина. Прежде всего это исконные враги всего русскаго. Для закавказскаго татарина ровно ничего не составляетъ отправлять на тотъ свѣтъ русскаго солдата или крестьянина. Мы не будемъ перечислять, сколько случаевъ убійствъ нашихъ пограничныхъ солдатъ должно было бы лежать на совѣсти этихъ извергокъ, хотя бы съ основанія одной только Бакинской бригады, т.-е. съ 1883 года, но скажемъ только, что въ теченіе послѣднихъ 6-ти мѣсяцевъ до февраля 1901 года, татарами убито изъ-за кустовъ самымъ звѣрскимъ и подлымъ образомъ 12 человѣкъ солдатъ!.. Обыкновенно, татары въ числѣ 10—12 человѣкъ, въ иныхъ случаяхъ и болѣе, располагаются въ кустахъ и за камнями у самой патрульной дороги и стрѣляютъ по слѣдуемому разъѣзду или расходу, состоящему изъ 3 — 4 человѣкъ солдатъ, почти въ упоръ—не далѣе 5—6 шаговъ, а затѣмъ забираютъ винтовки и разбѣгаются во всѣ стороны по лѣсу. Часто въ каждомъ трупѣ бываетъ до 7 пулевыхъ ранъ. Если убійцы видятъ, что опасаться скораго прибытія разъѣзда солдатъ нельзя, то раздѣваютъ трупы донага, утаскивая съ собой и одежду, и позволяютъ, иной разъ, производить надъ трупами безчинства. И всѣ эти убійства совершаются только ради пріобрѣтенія «казенныхъ» винтовокъ. А какія безобразія, безчинства и издѣвательства продѣлываются татарами надъ трупами убитыхъ ими солдатъ, если къ тому представляется возможность! У труповъ вырываютъ языки и глаза отрѣзаютъ носы... До сихъ поръ между пограничниками вспоминается случай изъ недавняго прошлаго, какъ одна изъ татарокъ у не умершаго еще солдатика, вырвала глазъ и съ дикими воплями проглотила его!.. О нѣкоторыхъ же безчинствахъ и издѣватель-

ствахъ надъ трупами солдатъ, по ихъ гадкому неприличію и мерзости, мы не рѣшаемся говорить въ печати и предоставляемъ догадываться самимъ читателямъ.

Да, несносный это и при томъ лѣнивый народъ. Людьми этими можно управлять только съ бранью и палкой въ рукахъ, такъ какъ, будучи нанятыми на какую-либо работу, они считаютъ священнѣйшею своею обязанностью стоять, сложа руки, въ отсутствіи своего хозяина. А стоитъ только этому хозяину показаться съ хорошею плетью въ рукахъ, какъ они съ самымъ невиннымъ видомъ принимаются за работу. Для болѣе характернаго очерка лѣни этихъ бездѣльниковъ представимъ слѣдующую картину.

Утро. Весеннее солнце привѣтливо свѣтитъ съ безоблачнаго неба, обогрѣвая небольшую полянку, покрытую свѣжей зеленою травкой. На полянкѣ расположилась группа оборванныхъ татаръ разныхъ возрастовъ и въ разныхъ позахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, флегматично поглядывая въ пространство, засовываютъ то правую, то лѣвую руку за пазуху, извлекаютъ оттуда насѣкомыхъ и раскусываютъ ихъ на зубахъ съ самымъ заботливымъ и смирнымъ видомъ. Другіе, помоложе, сидя на корточкахъ, выкапываютъ изъ земли заостренными палочками или просто ножами луковицы и корни растеній и тутъ же пожираютъ ихъ съ аппетитомъ. Часовъ черезъ 6 группа расходится и бредетъ въ свои ханушки версты за 2 за 3 отъ мѣста ихъ пикника...

Несмотря на всеобщее движеніе впередъ народной культуры, пограничные наши татары, въ Закавказьѣ, какъ кочевые, такъ и осѣдлые стоятъ на самомъ низкомъ уровнѣ умственнаго развитія. Они лживы, каварны, хитры, жестоки и хищны! Въ нихъ заключены хитрость лисицы, коварность кошки, жестокость вепря и хищность тигра! Мы нисколько не преувеличиваемъ, очерчивая такими рѣзкими штрихами характеристику этого народа. Это коварный и отверженный отъ культурнаго міра народъ. Отъ одного берега онъ не отсталъ и къ другому не присталъ. Доколѣ на этотъ народъ не перестанетъ дѣйствовать вліяніе пограничныхъ провинцій Персіи, до тѣхъ поръ народъ этотъ, входящій въ постоянное общеніе съ персидскими татарами, своими кунаками и родственниками, не подвинется ни на шагъ въ культурѣ.

Вліяніе мусульманскаго міра пограничной Персіи на нашихъ подданныхъ татаръ пока во всемъ сильнѣе нашего. Живя бокъ-о-

бокъ съ нашими субботниками, баптистами и молоканами, у которыхъ давнымъ давно имѣются уже сельскохозяйственныя орудія послѣдней конструкціи, они обрабатываютъ землю самымъ примитивнымъ способомъ, употребляя для вспашки не то соху, не то какой-то деревянный рычагъ! Нѣтъ ничего гаже и грязнѣе ихъ жилищъ, называемыхъ «ханушками», въ которыхъ они проводятъ вмѣстѣ со скотомъ недолгую зиму. Ханушки ихъ сложены изъ дикаго нетесаннаго камня на глинѣ, съ пристройками для скота. Пристройки эти нисколько не отличаются отъ жилищъ самихъ татаръ. У одной изъ стѣнъ внутри ханушки имѣется подобіе камина, въ которомъ день и ночь тлѣютъ уголья, служащіе для безпрерывнаго кипяченія воды въ грязномъ кунганѣ для чаю, да для закуриванія кальяна. Внутреннія стѣны и потолокъ ханушки покрыты толстымъ слоемъ копоти, кругомъ грязь, соръ, насѣкомыя, вонь... Сами татары, богаты они, или бѣдны, ходятъ въ лохмотьяхъ и носятъ эти лохмотья, не мѣняя на другой костюмъ, зиму и лѣто. Пищу ихъ составляютъ—«чурекъ»—лепешка, испеченная въ цилиндрической ямѣ, называемой «тундырь» или «тындырь», вырытой тутъ же во дворѣ и вымазанной внутри глиною. Въ ямѣ этой раскладывается костеръ и когда дрова прогорятъ и останутся одни только горячіе уголья, татарка раскатываетъ тутъ же на грязной доскѣ тѣсто толстыми лепешками, кладетъ ихъ на смоченную водой овальную и слегка выпуклую другую доску и прилепляетъ при помощи ея къ отвѣснымъ стѣнкамъ ямы. Черезъ нѣсколько минутъ чуреки готовы и извлекаются изъ «тундыря». Изъ другихъ пищевыхъ продуктовъ заслуживаетъ вниманія по своей распространенности «панырь» — твердый, вонючій и грязный сыръ, приготовляемый изъ овечьяго молока. Затѣмъ само молоко коровы, буйволовое и овечье. Масло приготовляется изъ всѣхъ 3-хъ видовъ молока, но до того грязно и не опрятно, что послѣ перетопки фунта этого масла, остается ¼ фунта всякой грязи, песку, волосъ...

Несмотря на всю эту грязь въ жилищахъ, одеждѣ и пищѣ закавказскихъ татаръ—они ни за что не будутъ ѣсть или пить изъ русской посуды. Свою же посуду, если изъ нея пришлось бы ѣсть русскому, они тщательно вымываютъ и вытираютъ, а то и просто забрасываютъ. Баранта составляетъ все ихъ богатство, а шашлыкъ или пловъ, приготовляемые въ экстренныхъ случаяхъ, на свадьбахъ, или большихъ праздникахъ—роскошь.

Вотъ общая и частная картина нашихъ закавказскихъ пригpaничныхъ татаръ. Конечно, подъ напоромъ цивилизаціи, являются исключенія, въ видѣ зажиточныхъ семей, но все-таки и въ этихъ зажиточныхъ семьяхъ господствуетъ та же грязь, та же вонь и та же ненависть по всему русскому, скрытая подъ личиной смиренія и подобострастности...

Прилетъ стрепетовъ зимою 1900 и 1901 года былъ не обильный и совпалъ съ выпаденіемъ снѣга. Съ появленіемъ ихъ, татары толпами начали высыпать на избіеніе несчастныхъ птицъ. За недостаткомъ корма стрепета продержались только 4 дня, но и за это короткое время погибла масса несчастныхъ птицъ, передушенная татарами. Стрепета были настолько худы и слабы отъ голода, что многіе изъ нихъ, опустившись на снѣгъ, не могли уже взлетать и дѣлались жертвами татарскихъ голодныхъ собакъ, сопровождавшихъ на этой легкой охотѣ своихъ не менѣе кровожадныхъ хозяевъ.

Вальдшнепы и перепела держались вмѣстѣ, но были очень рѣдки, а съ выпаденіемъ снѣга исчезли совершенно. Большое количество зайцевъ переселилось въ виноградные сады селеній Пришиба и Привольнаго, гдѣ имъ живется теперь нѣсколько спокойнѣе, такъ какъ ни татарами и ни ихъ голодными псами сады эти, принадлежащіе нашимъ субботникамъ и молоканамъ, не посѣщаются вовсе. Сами же субботники и молокане охотою занимаются за очень рѣдкими исключеніями.

Путникъ.

12-го марта 1901 г.

Норвежскіе законы объ охотѣ.

Законъ 22 іюня 1863 года.

Въ виду пересмотра закона объ охотѣ интересно разсмотрѣть, каковы законы въ другихъ государствахъ. Мы уже представили въ прошломъ году рядъ законовъ объ охотѣ въ европейскихъ и азіатскихъ странахъ, теперь же ознакомимся съ остальными государствами, по матеріаламъ, имѣющимся въ Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Преміи за истребленіе вредныхъ животныхъ въ Норвегіи устанавливаются: а) въ размѣрѣ 27 франковъ за медвѣдя, волка, рысь, россомаху, какъ за взрослое животное, такъ и за молодое; б) въ размѣрѣ 1 франка 70 сант. за орла и перепелятника, равно и за ихъ птенцовъ, если они только покрыты перьями.

Преміи выдаются въ томъ округѣ, въ которомъ животное было убито. Если власти желаютъ удостовѣриться въ дѣйствительности истребленія до выдачи преміи, лица заинтересованныя должны исполнить это желаніе. Во всякомъ случаѣ, чтобы получить премію, обязательно предъявлятъ общиннымъ властямъ шкуру убитаго звѣря и вырѣзать въ ихъ присутствіи два среднихъ когтя передней правой лапы.

Хищную птицу слѣдуетъ предъявить въ цѣломъ видѣ, въ перѣ, и въ присутствіи властей отрѣзать ноги. Свидѣтельство на право полученія преміи выдается безплатно.

Охота на лося, оленя и бобра разрѣшается съ 1-го августа по 31-е октября, однако исключительно владѣльцу земли, который въ каждомъ изъ своихъ владѣній, внесенныхъ въ списокъ, имѣетъ право убивать по одному лосю и бобру и по два оленя. Правительство, по представленію мѣстныхъ властей, можетъ выдать владѣльцу осо-

бенное полномочіе на устройство облавы, съ цѣлью убіенія болѣе значительнаго числа этихъ животныхъ.

Ограниченія, относящіяся къ сроку охотѣ и къ числу убиваемыхъ животныхъ, не имѣютъ силы для острововъ и огороженныхъ мѣстностей.

Правительство рѣшаетъ вопросъ о пользованіи правомъ охоты по помянутымъ животнымъ на земляхъ, принадлежащихъ казнѣ или общинамъ, по выслушаніи по этому вопросу мнѣнія мѣстныхъ властей.

До объявленія такого рѣшенія охота въ этихъ мѣстахъ воспрещается. Охота по лосю и оленю съ помощью ямъ воспрещается.

Воспрещается охота по сѣверному оленю съ 1-го апрѣля по 1-е августа.

Охота на зайца воспрещена съ 1-го іюня по 15-е августа.

Владѣлецъ земли имѣетъ право, во всякое время года, ловить и стрѣлять оленя, бобра и зайца въ неограниченномъ количествѣ, если эти животныя наносятъ вредъ его садамъ, полямъ, лугамъ или паркамъ. Никто въ запрещенное время не имѣетъ права, безъ разрѣшенія владѣльца, производить охоту на земляхъ этого владѣльца, какъ съ собакой, такъ и безъ оной. Только владѣлецъ земли можетъ, однако безъ собаки, производить въ разрѣшенное время охоту по дичи, находящейся подъ покровительствомъ закона, на земляхъ обработанныхъ, въ маленькихъ рощахъ или паркахъ.

Охота по дичи безъ собаки открыта для всѣхъ въ разрѣшенное закономъ время, на земляхъ не обработанныхъ и удаленныхъ отъ полей.

Запрещается охота во время снѣжнаго покрова, когда, благодаря снѣгу, легко идти по слѣдамъ дичи.

Охота на самку тетерева запрещена съ 15-го марта по 15-е августа, на самца тетерева, на рябчика и бѣлую куропатку съ 15 мая по 15-е августа, на гагу съ 15-го апрѣля по 15-е августа, на перепела съ 1-го января по 1-е сентября. Употребленіе силковъ, петлей и подобныхъ снарядовъ запрещается въ лѣсахъ и другихъ угодіяхъ съ 15-марта по 15-е сентября; этотъ запретъ не относится къ лову бѣлой куропатки. Запрещается вынимать яйца птицъ, поименованныхъ въ настоящемъ §, за исключеніемъ яицъ гаги.

Лица, нарушившія настоящій законъ, если только нарушенія не относятся къ § 6, т.-е. къ незаконной охотѣ со стороны владѣльца

земли, подлежатъ за каждое пойманное или убитое животное слѣдующимъ денежнымъ взысканіямъ: за лося 324 фр., за оленя и бобра 108 фр., за сѣвернаго оленя 54 фр., за зайца 10 фр. 80 сант. Лица, принимавшія участіе въ этихъ незаконныхъ охотахъ, подлежатъ тому же взысканію, какъ то лицо, которое поймало или убило звѣря.

Лица, поймавшія или убившія птицу въ запретное время, подвергаются денежному взысканію въ размѣрѣ 5 фр. 40 сант. Лица, нарушившія запретъ ставить силки или другіе снаряды для ловли птицъ въ запертное время, подвергаются денежному взысканію въ размѣрѣ отъ 10 фр. 80 сант. до 27 фр. Выниманіе яицъ, наказывается денежнымъ штрафомъ въ 5 фр. 40 сант.

Продажа звѣрей и птицъ, находящихся подъ защитой закона, въ запрещенное время не дозволяется, и лицо, получившее таковыхъ животныхъ либо даромъ, либо путемъ покупки, подлежитъ тому же наказанію, какъ и лицо, убившее ихъ.

Правительствомъ могутъ, по отношенію къ запретному времени, установленному въ настоящемъ законѣ, быть введены слѣдующія измѣненія даже для одной только общины, по представленію мѣстныхъ властей:

1) Запретъ въ теченіе всего года для лося, оленя, бобра, дикой козы, куропатки и гаги, каковой запретъ не можетъ быть продленъ на 10 лѣтъ.

2) Удлиненіе запретныхъ сроковъ, установленныхъ закономъ.

3) Сокращеніе этихъ сроковъ относительно охоты по благородному и сѣверному оленю, лѣсной дичи, рябчику и бѣлой куропаткѣ.

4) Запрещеніе способовъ ловли дичи, могущихъ вредить ея размноженію.

Лица, производящія охоту по дикимъ козамъ въ запретное время, подвергаются штрафу въ размѣрѣ 54 фр. за каждое убитое или пойманное животное.

Въ дополненіе къ этому закону 26 мая 1877 года изданы слѣдующія правила. Иностранецъ, т.-е. лицо, рожденное внѣ границъ Норвегіи и не состоящее въ Норвежскомъ подданствѣ, желающій производить охоту на земляхъ, принадлежащихъ казнѣ, на земляхъ общинныхъ или въ горныхъ частяхъ Норвегіи (Haute Norvège), на земляхъ, не принадлежащихъ частнымъ лицамъ, можетъ получить это право, взявъ съ этою цѣлью свидѣтельство.

Если иностранецъ желаетъ производить охоту на земляхъ, составляющихъ частную собственность, онъ долженъ быть снабженъ разрѣшеніемъ со стороны владѣльца земли.

Свидѣтельство сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года для той мѣстности, для которой оно взято, и притомъ для всякой охоты на всякую дичь, за исключеніемъ лося, благороднаго оленя и бобра.

За полученіе свидѣтельства вносится отъ 270 до 675 франковъ въ пользу казны.

Лица, нарушившія настоящій законъ, подвергаются денежному штрафу отъ 270 до 1.350 франковъ, смотря по тому, относится ли нарушеніе относительно общинныхъ земель или частныхъ. Преслѣдованіе составляетъ обязанность Министерства (Ministère public).

Лица, нарушившія частную собственность, точно такъ же преслѣдуются помянутымъ Министерствомъ, но только въ случаѣ требованія владѣльца или арендатора земли.

Жалобы подаются въ полицію.

Половина вырученныхъ штрафныхъ денегъ выдается лицу, донесшему о нарушеніи, если оно принадлежитъ къ полиціи или къ чинамъ государственнаго лѣсного вѣдомства.

Настоящій законъ вступаетъ въ силу съ 1-го января 1878 г.

20-го мая 1882 года изданы были еще дополненія, именно, закономъ 20-го мая 1882 года измѣненъ размѣръ премій за уничтоженіе вредныхъ животныхъ слѣдующимъ образомъ: за обыкновенную и чернобурую лисицу—5 фр. 40 сант., за орла, перепелятника, равно и за ихъ птенцовъ (въ перу) 2 фр. 70 сант. Въ нѣкоторыхъ общинахъ южныхъ и юго-западныхъ премія за медвѣдя составляетъ 81 фр., въ другихъ 54 фр. за медвѣдя или волка; 40 фр. 50 сант. за рысь; 4 фр. 5 сант., 2 фр. 70 с.; 1 фр. 25 сант. за лисицу; 10 фр. 80 сант. за красную лисицу; 5 фр. 40 сант. за орла и перепелятника; 1 фр. 35 с. за филина; 2 фр. 70 с. за сокола.

Различными постановленіями, кромѣ того, воспрещается употребленіе сѣтей, силковъ и т. д. для нѣкоторыхъ мѣстностей въ теченіе всего года; отрава, какъ средство истребленія вредныхъ животныхъ, допускается лишь съ разрѣшенія владѣльца или арендатора земли или лица, имѣющаго право пастбища въ данной мѣстности.

Закономъ отъ 9-го марта 1887 года воспрещается ввозъ собакъ

изъ Даніи, Германіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи, Великобританіи, Исландіи, изъ портовъ Балтійскаго моря, принадлежащихъ Россіи, и изъ Финляндіи.

Закономъ отъ 27-го іюня 1889 года воспрещена охота по сѣверному оленю съ 16-го сентября по 16-е августа и совершенно воспрещена охота по молодымъ сѣвернымъ оленямъ.

Цѣлымъ рядомъ *другихъ законовъ* установлены запретные сроки охоты, изъ коихъ слѣдующіе относятся ко всему государству: на лося—съ 1-го ноября по 1-е августа, на благороднаго оленя—съ 1-го ноября по 15-е сентября, на зайца—съ 1-го іюня по 15-е августа, на глухаря-самца—съ 15-го мая по 15-е августа, на глухаря-самку—съ 15-го марта по 15-е августа, на тетерева-самца—съ 15-го мая по 15-е августа, на тетерева-самку—съ 15-го марта по 15-е августа, на рябчика—съ 15-го мая по 15-е августа, на бѣлую куропатку—съ 15-го мая по 15-е августа, на перепела—съ 1-го января по 1-е сентября, на гагу—съ 15-го апрѣля по 15-е августа.

Н. В. Туркинъ.

Охота и натаска таксъ и фокстерьеровъ.

Чтобы не говорили противники охоты съ таксами и фокстерьерами, все же въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Россіи охота эта и ея распространеніе не только желательны, но и прямо необходимы. Подъ охотой въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова подразумѣваютъ добываніе звѣрей, птицъ и рыбъ. Для нѣкоторыхъ она составляетъ главный источникъ существованія, для другихъ же является посилѣ привычки и врожденной наклонности однимъ изъ главныхъ удовольствій. Сообразно географическихъ условій той или другой страны въ ней и процвѣтаетъ соотвѣтствующая охота; такъ, въ Россіи, въ виду громадныхъ незаселенныхъ пространствъ и существовавшаго крѣпостного права, развилась и особенно любима псовая охота, преимущественно съ борзыми. Въ Англіи же наиболѣе любима парфорсная охота на лисицъ, находящаяся подъ особымъ покровительствомъ закона. Въ Германіи, гдѣ право частныхъ собственниковъ и уваженіе къ земельной собственности болѣе привилось и правильно усвоено себѣ народомъ, владѣльцы имѣній (хотя бы крестьяне) всегда имѣли право запретить постороннимъ доступъ въ ихъ имѣнія и такимъ образомъ фактически не допускать къ охотѣ въ своихъ владѣніяхъ, поэтому тамъ и не могла привиться и процвѣтать ни псовая, ни парфорсная охота, тѣмъ болѣе, что тотъ громадный ущербъ, причинявшійся крестьянамъ потравами охотниковъ и ихъ командъ, дикихъ звѣрей, тяжкія повинности по корму собакъ и лошадей, при ограниченности территоріи Германіи и ея многочисленнаго народонаселенія, не могло создать столь удачныя условія для процвѣтанія псовой охоты, по сравненію съ другими странами, гдѣ особенно долго держались или охотничьи регаліи

или же подавленіе однимъ сословіемъ другого—часто доходившее до крѣпостничества. Правильность вышеприведенной мысли подтверждается настоящимъ положеніемъ псовой охоты, которая неоспоримо ограничивается и вскорѣ станетъ исключительнымъ удовольствіемъ богатѣйшихъ земельныхъ собственниковъ.

Въ силу указанныхъ причинъ въ Германіи пришлось во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, въ виду отсутствія общеимперскаго законодательства объ охотѣ, издавать мѣстныя положенія и такимъ путемъ оберегать правильное веденіе охоты. Результатомъ этихъ мѣръ явилось запрещеніе добывать дичь не оружіемъ или собаками, а петлями, тенетами, ловушками и другими снарядами, точно такъ же какъ не во всякое время разрѣшалась вообще охота. Впослѣдствіи оказалось однако, что этихъ мѣръ не достаточно для сохраненія дичи и народнаго сельскаго благосостоянія, пришлось обратить вниманіе и на хищниковъ, при чемъ въ виду громаднаго количества послѣднихъ, а также и нежеланія не спортивнымъ способомъ уничтожать враговъ особенно пернатаго царства, нѣмцы сами собою создали первые у себя подземную охоту, а вмѣстѣ съ нею и таксъ, къ послѣднимъ впослѣдствіи присоединились и любители охоты съ фокстерьерами, собственно искусственно и еще недавно выведенною породою собакъ съ исключительною цѣлью создать грозу грызунамъ, хищникамъ, лисѣ и барсукамъ,—пищей которымъ служатъ всевозможныя животныя отъ молодыхъ косуль, зайцевъ и крупныхъ птицъ до насѣкомыхъ, а при случаѣ и раковъ.

Попутно рѣшаюсь затронуть наболѣвшій вопросъ о лисицѣ, какъ вредномъ звѣрѣ, думаю, что не ошибусь, если рѣшусь смѣло высказать уже ранѣе мною высказанное мнѣніе, что въ *лѣсныхъ мѣстностяхъ* Россіи—лисица представляетъ настоящій бичъ для тетеревей, глухарей, рябчиковъ, зайчать и даже домашней птицы, за которою особенно усиленно охотятся самки въ періодъ воспитанія дѣтенышей, которыхъ у каждой бываетъ до семи. Истребленіемъ дичи и домашней птицы лиса приноситъ значительный вредъ, но, съ другой стороны, въ *степной* полосѣ Россіи лисица полезна массовымъ истребленіемъ мелкихъ грызуновъ, тѣмъ болѣе, что ловитъ и умерщвляетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ можетъ съѣсть. Наша же *сѣверная, лѣсистая* полоса требуетъ не только охоты на лисицъ, но и уничтоженія ихъ, т.-е. другими словами поощренія под-

земной охоты на нихъ съ таксами и фокстерьерами, въ той мѣрѣ, какъ это дѣлается въ Германіи, къ которой ближе всего по своимъ географическимъ условіямъ и подходитъ нашъ сѣверный районъ; конечно, съ другой стороны, я ничего подобнаго не рѣшусь проповѣдывать по отношенію южныхъ окраинъ нашего отечества. Этой послѣдней истины не хотятъ понять наши охотники, огуломъ и легкомысленно судящіе подземную охоту, къ тому же въ большинствѣ случаевъ, зная о ней лишь по наслышкѣ или же судя по смутнымъ откликамъ о ней въ печати. Охотники же, оберегающіе свои лѣсныя дачи и дорожащіе приростомъ дичи, познали пользу, каковую могутъ имъ оказать таксы и фокстерьеры, а потому и заинтересовались этою охотою—многіе уже имѣютъ у себя собакъ этихъ породъ; къ сожалѣнію, у насъ не знаютъ, какъ пріучить собакъ къ отыскиванію и обслѣживанію норъ и самой подземной охотѣ. Правда, нерѣдко случается, что такса или фокстерьеръ, взятые въ лѣсъ сами собою, такъ сказать, натаскиваются, но все же правильная постановка этого рода охоты необходима и у насъ.

Кстати затрону и другой вопросъ: нѣкоторые (опять-таки не зная подземной охоты) смѣло утверждаютъ, что охота съ таксами и фокстерьерами шкурятничество и не спортивна. Напрасно. Мнѣніе это безусловно ошибочно, и иначе составиться и не могло, какъ только у лицъ, не знакомыхъ съ этого рода охотою и судящихъ по наслышкѣ. Если мы считаемъ особою удалью псовой собаки, когда загнанный гончими звѣрь (часто болѣе слабый, нежели каждая гончая или борзая въ отдѣльности) въ концѣ концовъ попадается въ зубы одной, а то и парѣ псовыхъ борзыхъ; то какъ же не признать точно такою же удалью (если не большею), когда собака (много двѣ) исколесивъ лѣсъ, найдя нору—часто по часу и больше пропадаетъ въ норѣ, обслѣживая ее, нерѣдко спускаясь по незнакомымъ, предательскимъ корридорамъ на сажень и ниже уровня земли, и найдя тамъ звѣря, ни въ какомъ случаѣ не слабѣй себя, если это лиса, а часто даже еще болѣе сильнаго—предположивъ, что это барсукъ или нѣсколько таковыхъ, вступаетъ въ ожесточенную съ нимъ борьбу, продолжающуюся довольно долго, пока охотникъ или не прокопаетъ нору и такимъ путемъ придетъ на помощь собакѣ, или же собака не выгонитъ звѣря изъ норы или, наконецъ, что весьма рѣдко случается, и то только при не глубокихъ норахъ и слабыхъ хищникахъ—вытащитъ сама звѣря изъ норы.

Согласитесь, что много надо чутья, энергіи, сообразительности и отваги, граничащей съ безумною храбростью, собакѣ, чтобы оказаться способной къ такого рода подземной охотѣ. Если борзая, падая жертвою неудачной охоты или зубовъ волка, кончаетъ свое существованіе геройскимъ подвигомъ, то и фокстерьеръ, попавшись въ западню въ незнакомой ему норѣ парѣ барсуковъ или семейству лисицъ, погибаетъ героемъ. Собственно это такъ ясно, что странно, что это приходится еще объяснять. Впрочемъ, если люди судятъ о томъ, чего не понимаютъ съ заранѣе составившимся предубѣжденіемъ, то ихъ не увѣришь ни доводами ни сравненіями, одно только время убѣдитъ ихъ, что они были не правы, судя о томъ, чего не знали и не старались узнать.

Насколько необходимымъ и важнымъ представляется натаскивать пойнтера или сеттера, точно такъ же необходимо пріучить къ подземной охотѣ таксу или фокстерьера. Мнѣ приходилось не мало натаскивать собакъ, многія изъ нихъ первоначально вовсе отказывались идти въ нору и даже видя лису или барсука въ клѣткѣ, не высказывали особой злобности и желанія вступить съ хищникомъ въ борьбу, и тѣмъ не менѣе мало-по-малу все же удавалось приготовить изъ нихъ отличныхъ охотниковъ. Правда, что лучшихъ результатовъ скорѣе возможно достичь съ болѣе горячими по темпераменту псами, но все же, при правильной постановкѣ дѣла (натаска), почти не встрѣчается собакъ неспособныхъ къ подземной охотѣ. Прежде всего необходимо имѣть искусственную, такъ сказать, учебную нору, которая должна прежде всего отвѣчать тремъ условіямъ:

1) занимать какъ можно меньше мѣста,

2) не дорого стоить и легко разбираться и

3) представлять большое удобство впускать и вынимать хищника (будь то лиса или барсукъ) изъ учебной норы.

Можно сообразуясь съ вышеприведенными требованіями построить нору съ трубою длиною 3—4 аршина, оканчивающуюся котломъ, передъ которымъ устраивается родъ заслонки, посредствомъ чего возможно отдѣлять звѣря, находящагося въ котлѣ, отъ трубы; точно такая же заслонка необходима и при входномъ отверстіи норы. Заслонку у котла нужно сдѣлать такъ, чтобы она представляла собою прочную деревянную раму, переплетенную крестообразно прочною проволокою и легко вкладывалась и вынималась

въ отверстіе между котломъ норы и трубою. Необходимо отдѣлять первое время проволочною сѣткою (въ видѣ заслонки) собаку отъ находящагося звѣря въ котлѣ, по двумъ причинамъ, во-первыхъ: впуская собаку въ нору или отзывая ее, можно быть увѣреннымъ, что звѣрь не ускользнетъ изъ котла; во вторыхъ, молодая собака, слишкомъ неосторожно и неумѣло приблизившись къ хищнику, не пострадаетъ отъ ударовъ или покусовъ послѣдняго, а напротивъ, пріучится долго и упорно лежать передъ звѣремъ, все время не переставая злобно лаять.

При входномъ отверстіи труба дѣлается шириною приблизительно 25—30 центиметровъ и 25 центим. вышиною, чѣмъ же ближе къ котлу, тѣмъ труба понемногу суживается. Когда нора готова, сколочена, она врывается въ землю. Доска же, служащая крышкою, какъ на трубѣ, такъ и котлѣ, не должна быть приколочена накрѣпко по краямъ къ стѣнкамъ (доскамъ), а или прикрѣплена къ послѣднимъ крюками, или же просто прижата наваленнымъ на нее въ изобиліи пескомъ или мѣшками, наполненными землею или пескомъ,—это необходимо по той причинѣ, чтобы возможно было, приподнявъ крышку норы, видѣть, что дѣлаетъ собака или звѣрь и въ случаѣ желанія легче было вынуть того или другого; для того же, чтобы ни собака ни звѣрь спиной не приподнимали крышку и дѣлаются крючки или наваливаются на крышку мѣшки съ землею. Итакъ, нора готова, приступимъ къ работѣ. Подымаютъ сперва обѣ заслонки (шибера), такъ чтобы звѣрь, пущенный со входнаго отверстія трубы могъ пройти въ котелъ. Затѣмъ держа собаку на привязи не въ далекѣ отъ норы, на глазахъ ея, пускаютъ въ нору чрезъ входное отверстіе лисицу, которая сейчасъ проходитъ обыкновенно въ котелъ, послѣ чего опускаютъ заслонку (рѣшетку) между котломъ и трубой, снимаютъ потихоньку съ собаки ошейникъ, предварительно подведя ее къ норѣ, и предоставляютъ ее самой себѣ. Самое неблагоразсудное—это силиться силою втолкнуть собаку въ нору. Обыкновенно собака осторожно входитъ въ нору «schliept ein», какъ говорятъ нѣмцы, и найдя звѣря въ котлѣ за рѣшеткой, начинаетъ усиленно лаять, въ случаѣ же бы, если собака не рѣшалась близко подойти къ котлу со звѣремъ, то слѣдуетъ, приподнимая крышку норы надъ собакой, голосомъ поощрять и наускивать ее на звѣря—стараясь, чтобы она залегла со злобнымъ лаемъ вплотную передъ звѣремъ. Болѣе 10—15 минутъ пер-

все время не надо оставлять собаку лежать передъ звѣремъ, затѣмъ слѣдуетъ ее вынуть (но не выгнать) изъ норы за хвостъ или заднюю лапу и снова впустить чрезъ входное отверстіе въ нору; это повторить можно нѣсколько разъ, но такъ, чтобы каждый урокъ не длился болѣе 1 часу. Конечно, повторяя натаску во второй разъ, нужно уже сажать лисицу въ нору не на глазахъ собаки, при чемъ если она войдетъ въ нору осторожно, а не стремглавъ—то это весьма пріятно, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ собаки стремительно, какъ пули, влетающія въ нору, впослѣдствіи схватываютъ звѣря, вовсе не залаявъ, а это считается глухой работой и крайне нежелательно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Константинъ Беню.

С.-Петербургъ, 16 марта 1901 г.

Садки на рѣзвость.

Вновь переработанныя правила Императорскаго Общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты для призовыхъ садокъ на рѣзвость. *)

§ 1. Всѣ *распоряженія* касательно садокъ зависятъ исключительно отъ псоваго отдѣла Императорскаго Общества правильной охоты.

§ 2. Члены псоваго отдѣла не принимаютъ такого участія въ обсужденіи и рѣшеніи спорныхъ вопросовъ, касающихся принадлежащихъ имъ собакъ.

§ 3. Псовый отдѣлъ, совмѣстно съ совѣтомъ Имп. Общ., назначаетъ одного *судью* на все время призовыхъ садокъ. Рѣшеніе судьи безапелляціонно. Въ случаѣ неприбытія судьи или невозможности для него продолжать исполеніе своихъ обязанностей, псов. отдѣлъ назначаетъ другого.

§ 4. У судьи не должно быть своихъ собакъ на садкахъ.

§ 5. Порядокъ записи собакъ и взноса подписныхъ денегъ объявляется своевременно псов. отдѣломъ посредствомъ публикацій.

§ 6. Имена владѣльцевъ, клички, окрасъ, полъ, порода, происхожденіе и возрастъ каждой изъ собакъ, участвующихъ въ призовыхъ садкахъ, заносятся въ особую книгу, которая ведется при отдѣлѣ, при чемъ на садки допускаются лишь борзыя собаки, а не помѣси отъ нихъ и собакъ другихъ породъ.

§ 7. Собаки, записанныя на одинъ и тотъ-же призъ, распредѣляются по-сворно (по 2 собаки) наканунѣ, или въ случаѣ необходимости, за нѣсколько дней до начала садокъ, посредствомъ жребія въ присутствіи владѣльцевъ или ихъ замѣстителей, которые опо-

*) Правила основаны на англійскихъ „Rules of the National Coursing Club", принятыхъ на публичныхъ садкахъ въ Англіи.

щаются о времени и мѣстѣ собранія. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: на особыхъ билетахъ записываются клички собакъ и имена владѣльцевъ; билеты перемѣшиваются и вынимаются одинъ за другимъ. Собака, записанная на первомъ билетѣ, назначается на одну свору съ собакой, записанной на второмъ билетѣ, третья съ четвертою и т. д. При пересадкахъ также соблюдается порядокъ нумерацій, т. е. выигравшая собака первой своры сажается съ выигравшею собакою второй своры и т. д. Опредѣлившійся такимъ образомъ порядокъ можетъ быть измѣненъ только въ случаяхъ, указанныхъ въ §§ 8 и 9.

§ 8. Собаки одного bona fide владѣльца, а равно, записанныя однимъ номинаторомъ, другъ съ другомъ не сажаются. Посему, если окажется во время жеребьевки, что свора составилась изъ двухъ собакъ одного владѣльца, то поступаютъ слѣдующимъ образомъ: билетъ съ кличкой второй изъ собакъ откладывается въ сторону, вынимается еще одинъ, а въ случаѣ необходимости третій и т. д. до тѣхъ поръ, пока не вытянется билетъ съ кличкою собаки другого владѣльца (или номинатора), которая и замѣняетъ собаку, записанную на отложенномъ билетѣ.

Собака, записанная на отложенномъ билетѣ, сажается со слѣдующею изъ опредѣлившихся по жребію собакъ, опять подъ условіемъ, чтобы она принадлежала другому владѣльцу. Во время пересадокъ также принимаются всѣ мѣры, чтобы собаки одного владѣльца не встрѣчались по возможности до послѣдней пересадки. Для этого низшая по нумераціи изъ двухъ собакъ одного владѣльца мѣняется мѣстомъ съ слѣдующею по нумераціи собакою другого владѣльца, даже и въ томъ случаѣ, когда эта низшая по нумераціи собака другого владѣльца должна была бы скакать на этой пересадкѣ съ подставною (§ 9).

§ 9. Принимается за основное правило, что въ пересадкѣ не можетъ участвовать собака, не скакавшая на предыдущей садкѣ или пересадкѣ, а потому, если общее число собакъ, записанныхъ на одинъ и тотъ же призъ, окажется нечетнымъ, то собака, записанная на послѣднемъ изъ вынутыхъ по жребію билетовъ, или оказавшаяся послѣднею вслѣдствіе перемѣщеній, указанныхъ въ § 8,—должна быть посажена съ подставною.

Пріискивать подставную къ своей собакѣ обязанъ владѣлецъ. Подставная собака можетъ принадлежать другому владѣльцу, но

по возрасту и по породѣ она должна подходить подъ условія приза.

При нечетномъ числѣ собакъ, оставшихся на пересадку, соблюдается тоже самое правило, причемъ съ подставною собакою сажается низшая по нумераціи собака.

Только въ случаѣ крайности допускается, чтобы одна и та же собака два раза скакала съ подставною, при розыгрышѣ одного и того же приза, а потому, если передъ пересадкою окажется, что низшая по нумераціи собака уже скакала съ подставною, то преимущество переходитъ къ предпослѣдней по нумераціи собакѣ, мѣсто которой занимаетъ собака уже скакавшая съ подставной. При этомъ перемѣщеніи наблюдается, чтобы § 8 не былъ нарушенъ.

Собака, посаженная съ подставною, проиграть ей не можетъ, но судья имѣетъ право признать садку недостаточною и потребовать повторенія испытанія.

§ 10. Во время садокъ строго соблюдается опредѣлившаяся по жребію (съ соблюденіемъ правилъ, указанныхъ въ §§ 8 и 9) очередь по-сворной посадки собакъ. Владѣльцы или ихъ замѣстители должны сами заботиться о томъ, чтобы собаки своевременно и въ должной очереди подводились къ борзятнику, который ихъ сажаетъ, За неисполненіе сего правила отдѣлу предоставляется лишать собаку права продолжать состязаніе, руководствуясь нижеслѣдующимъ, или налагать штрафъ.

Если между приводкою двухъ собакъ, назначенныхъ на одну свору, пройдетъ болѣе десяти минутъ, то владѣлецъ собаки, приведенной своевременно, можетъ заявить о задержкѣ распорядителю при спускѣ собакъ, послѣ чего псовый отдѣлъ можетъ наложить штрафъ до 10 р. с. на владѣльца неприведенной вó-время собаки или лишить собаку права продолжать участіе въ состязаніи, при чемъ на ея мѣсто ставится подставная.

Если по прошествіи десяти минутъ съ момента окончанія предыдущей садки не окажется налицо ни одной изъ очередныхъ собакъ, то псовый отдѣлъ можетъ или обѣихъ лишить права скакать, или допустить ихъ по внесеніи 10 р. штрафа за каждую. Если по ошибкѣ, своевременно не усмотрѣнной при посадкѣ собакъ, будетъ посажена собака не того владѣльца, которая должна быть по очереди, то садка эта считается недѣйствительной и собаки должны скакать вновь въ томъ порядкѣ, какъ имъ опредѣлено по

жребію. Если по ошибкѣ, своевременно не усмотрѣнной при посадкѣ собакъ, будетъ посажена не та собака извѣстнаго владѣльца, которая слѣдовала по очереди, а другая собака того же владѣльца, то первая собака считается какъ бы неявившейся своевременно къ садкѣ и лишается права продолжать участіе въ состязаніи; вторая же собака считается скакавшею, какъ подставная, и обязана опять скакать въ свою очередь, опредѣленную ей по жребію.

§ 11. Безъ согласія владѣльца или его замѣстителя нельзя вновь сажать собаку до истеченія 30-ти минутъ съ момента окончанія послѣдней садки или пересадки, въ которой эта собака участвовала. Изъ этого правила исключаются пересадки между одними и тѣми же собаками послѣ нерѣшенной или недѣйствительной садки. (См. §§ 25 и 26).

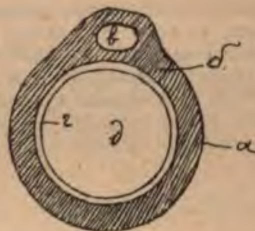
(Окончаніе слѣдуетъ).

Старшій членъ псоваго Отдѣла Мятлевъ.

Очерки по анатоміи, физіологіи и питанію собакъ *).

По мѣрѣ развитія зародыша по бокамъ его и со стороны хвостовой части три основные пласта поднимаются въ складки, которыя имѣютъ форму капюшоновъ и соотвѣтствуютъ уже упоминавшейся головной шапкѣ. Всѣ онѣ, не исключая и послѣдней, сливаются въ одинъ кольцеобразный валикъ, который растетъ вверхъ по направленію къ спинной части зародыша и утончаясь образуетъ закрытый со всѣхъ сторонъ мѣшокъ—зародышевую сорочку—amnion. Эта сорочка выполняется серозною жидкостью, называемою окологлазною жидкостью; пока amnion еще не закрытъ, роговой слой попрежнему переходитъ непосредственно въ эпителіальную оболочку зародышеваго пузыря (рис. 18). Съ закрытіемъ амніотическаго мѣшка исчезаетъ всякая связь между этими тканями.

Рис. 17.



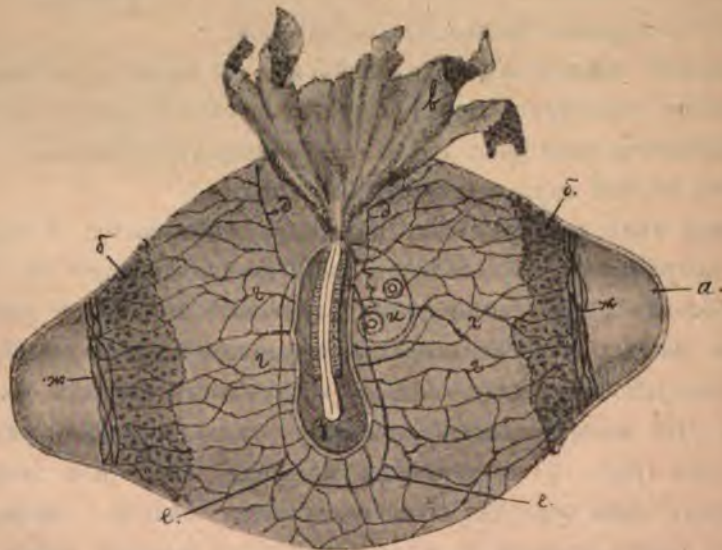
Между тѣмъ zona pellucida начинаетъ всасываться, а серозная плева покрывается отросточками, которые внѣдряются въ слизистой оболочкѣ матки — uteri,—это вторичный хоріонъ, у хищныхъ въ томъ числѣ и у собаки сосочки сосудистой плевы сгущаются на части поверхности яйца и образуютъ скученный послѣдъ—placenta discreta. Эти полые отростки являются только на срединѣ удлиненнаго яичка (рис. 19) и образуетъ на немъ поясъ или кольцо, а на концахъ яйца серозная оболочка остается гладкою. Сосочки сосудистой плевы входятъ въ увеличивающіяся железки матки и такимъ образомъ яичко увеличивается на счетъ питательныхъ веществъ, получаемыхъ посредствомъ всасыванія изъ тѣла матери.

*) См. февраль.

Рис. 18.

Яичные покровы зародыша: а) головная часть зародыша, б) хвостовая часть зародыша, в) покровъ желтка, превращающійся въ пупочный пузырь, г) желтокъ, д) желточный проходъ, ведущій въ кишку зародыша, и преобразующійся въ стебелекъ пупочнаго пузырька, е) и ж) передняя и задняя накрывающая складки амніона, з) мочевой пузырь и) ворсистая сосудистая оболочка, chorion.

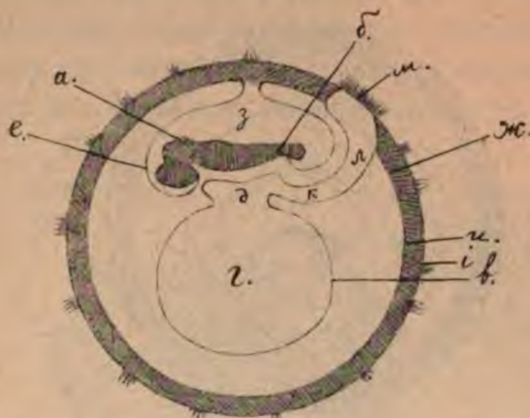
Рис. 19.



Яичко собаки, приблизит. чрезъ 27 дней послѣ оплодотворенія. Увелич. въ 5 разъ: а) серозная плева съ сосочками, б) сосочки серозной плевы, в) средняя часть серозной плевы, соединенная съ амніономъ и поднятая вверхъ, гг) желточныя артеріи, дд) переднія желточныя вены, ее) заднія желточныя вены, ж) venaterminalis, з) тѣло зародыша спиною вверхъ, и) изогнутая голова зародыша.

Во время развитія зародышевой сорочки изъ нижней стѣнки кишечно-тазовой полости выростаетъ мѣшетчатое образованіе —мочевой мѣшокъ — allantois (рис. 20). Полость аллантоиса выполнена

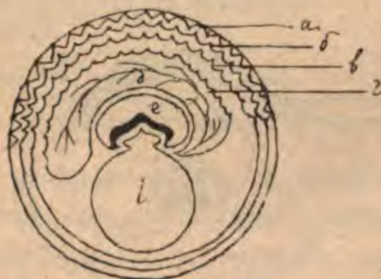
Рис. 20.



Схематическій поперечный разрѣзъ яичка собаки: а) головная часть зародыша, б) хвостовая часть зародыша, в) покровъ желтка, г) желтокъ, д) желточный проходъ, е) и ж) передняя и задняя накрывающая складка амніона, з) внутренній мѣшокъ амніона, и) внѣшній мѣшокъ амніона, сросшійся съ сосудистою оболочкою і, к) стебелекъ мочеваго мѣшка, л) мочевой мѣшокъ, м) ворсинки мочеваго мѣшка.

жидкостью, содержащей выдѣленіе Вольфовыхъ тѣлъ. Мочевой мѣшокъ по выходѣ изъ тѣла зародыша заворачивается по правую сторону, ростетъ, огибаетъ амніонъ подъ спиною зародыша, потомъ

Рис. 21.



Схематическій поперечный разрѣзъ яичка собаки: а) placenta uterina, б) серозная плева съ сосочками, в) волокнистый пластъ мочевого мѣшка, г) эпителіальный пластъ мочевого мѣшка, д) мочевой мѣшокъ, е) полость амніона, і) полость желточнаго пузыря.

идетъ по лѣвой сторонѣ и окружаетъ такимъ образомъ весь зародышъ съ амніономъ и желточнымъ пузыремъ (рис. 21, 22 и 23), проходя только подъ тою частью серозной плевы, которая несетъ сосочки (рис. 23). Та сторона аллантоиса, которая прилегаетъ къ

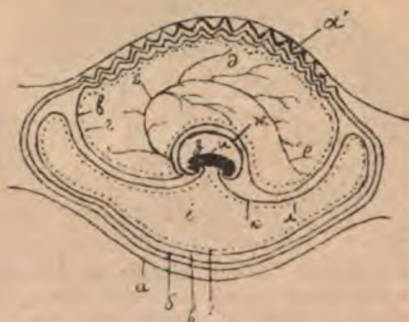
амніону и желточному пузырю, несетъ кровеносные сосуды, но остается гладкою. Широкій отрѣзокъ аллантоиса, лежащій между желткомъ и амніонъ, непомѣрно разростается и плотно прилегаетъ

Рис. 22.

Схематическій поперечный разрѣзъ яичка въ маткѣ собаки: а) placenta uterina, маточный послѣдъ, съ сосочками, б) серозная плева съ сосочками, в) волокнистый пластъ мочевого мѣшка, г) эпителіальный пластъ мочевого мѣшка, д) мочевой мѣшокъ съ находящимися въ немъ е) кровеносвыми сосудами, ж) амніонъ, з) полость амніона, и) тѣло зародыша, і) желточный пузырь, к) волокнистый слой желточваго пузыря, л) эпителіальный слой желточнаго пузыря.

къ внутренней поверхности серозной плевы и изъ него происходитъ третичный хоріонъ, изъ котораго и образуется зародышевый послѣдъ—placenta foetalis (рис. 22). То же мѣсто разросшейся сли-

Рис. 23.



Схематическій продольный разрѣзъ яичка собаки: а') сосочки въ маточномъ послѣдѣ, а) слизистая оболочка матки. Значеніе остальныхъ буквъ то же, что на рисункѣ 22.

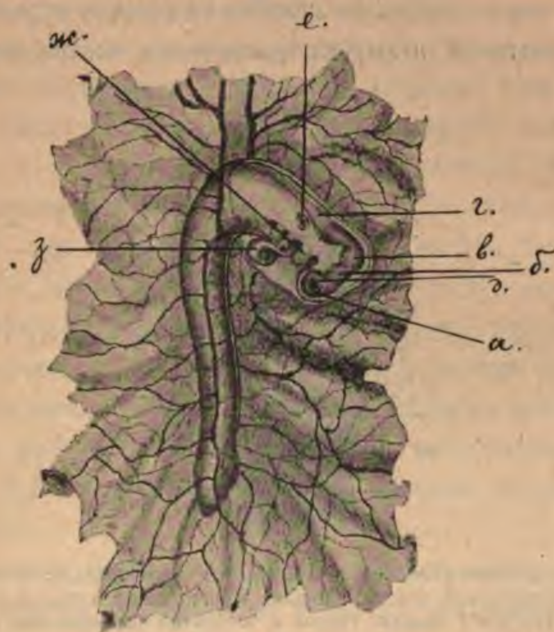
зистой оболочки матки, которое принимаетъ въ себя ворсинки третичнаго хоріона, называется маточнымъ послѣдомъ—placenta uteri. Оба послѣда у хищныхъ, въ томъ числѣ и у собаки, такъ плотно

срощены между собою, что при родахъ выходятъ вмѣстѣ, въ видѣ одной массы, извѣстнаго подъ именемъ дѣтскаго мѣста.

Развитіе самаго зародыша, по описанію пр. Масловскаго и Руcсдорфа, происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Послѣ отдѣленія зародыша отъ желточнаго пузыря, на переднемъ концѣ зародыша образуются носовыя отверстія и отверстіе рта, а съ боковъ глоточной полости являются одна за другою четыре жаберныя или глоточныя щели. Промежутокъ между отвер-

Рис. 24.



Зародышъ собаки, въ возрастѣ около 30 дней. Увел. въ 5 разъ: а) передній мозгъ, б) промежуточный мозгъ, в) средній мозгъ, г) третья первоначальная мозговая щель, д) глазъ, е) ухо, ж) жаберныя или висцеральныя дуги, з) сердце.

стіемъ рта и первою жаберною щелью, а также промежутки между прочими щелями утолщаются и образуютъ четыре жаберныя, глоточныя, висцеральныя дуги. Сзади четвертой щели стѣнки глоточной полости не утолщаются и составляютъ зачатокъ пятой жаберной дуги. При дальнѣйшемъ развитіи зародыша всѣ глоточныя щели исчезаютъ за исключеніемъ первой, которая уменьшаясь составляетъ наружное слуховое отверстіе. (Рис. 24).

Изъ первой жаберной дуги образуется нижняя и верхняя челюсти съ небнымъ сводомъ, молоточекъ mabus и наковальня — incus (внутренніе части слухового органа); подъ второю парою жа-

берныхъ дугъ развивается изъ верхняго пласта слуховой пузырекъ, превращающiйся въ лабиринтъ уха, а самая вторая пара дугъ служитъ для образованiя стремени stapes, малыхъ роговъ подъязычной кости и тѣхъ частей, посредствомъ которыхъ онѣ соединяются съ черепомъ. Изъ третьей пары дугъ развиваются большiе рога и тѣло подъязычной кости. Остальныя глоточныя дуги служатъ для образованiя различныхъ мягкихъ частей тѣла.

Начатки мозговой массы появляются въ видѣ трехъ пузырьковъ въ головной части зародыша, пузырьки эти расположены въ трехъ углубленiяхъ первоначальнаго желобка на мѣстахъ образованiя мозга.

Средней мозговой пузырекъ развивается весьма незначительно,

Рис. 25.

Головная часть зародыша собаки, въ возрастѣ около мѣсяца: а) переднiй мозгъ, б) глаза, в) промежуточный мозгъ, г) первая висцеральная дуга, д) переднiй придатокъ этой дуги, е, е′, е″) вторая, третья и четвертая висцеральныя дуги, ж, з) правое и лѣвое сердечное ушко, и, i) правый и лѣвый желудочекъ сердца, к) аорта съ дугою.

преобразуясь впослѣдствiи въ четыреххолмiе, лежащее въ нижней части вполнѣ образовавшагося мозга; переднiй мозговой пузырекъ превращается въ глазъ и въ два большiя полушарiя мозга. Третiй мозговой пузырекъ преобразуется въ малый мозгъ (рис. 24 и 25).

Въ перiодъ своего развитiя передняя часть мозгового пузырька сначала бываетъ вдавлена на подобiе сердца, но потомъ это вдавленное мѣсто выдается впередъ на подобiе хобота; этотъ хоботокъ продольною трещиною дѣлится на двѣ части и необыкновенно быстро растетъ кверху и кзади, и составляетъ большiя полушарiя мозга. Напротивъ, остальная часть передняго пузырька мозга употребляется исключительно на образованiе органа зрѣнiя, она раз-

дается въ стороны и ростетъ до тѣхъ поръ, пока не образуются по сторонамъ ея два стебельчатыхъ пузырька. Эти пузырьки преобразуются въ глаза, а стебельки—будущіе двигательные нервы, а средняя часть передняго мозгового пузырька образуетъ, въ развитомъ мозгѣ, зрительные бугорки.

На средней части тѣла зародыша сначала находится большая брюшная щель—fissura abdominalis, но потомъ она постепенно суживается и превращается въ пупочное отверстіе—umbilicus cutaneus. Черезъ нее выдается въ видѣ петли часть кишки, соединяющаяся съ желточнымъ пузыремъ; но потомъ эта петля входитъ постепенно внутрь тѣла зародыша по мѣрѣ уменьшенія пупочнаго отверстія.

Изъ всѣхъ внутреннихъ органовъ зародыша кишечная трубка развивается ранѣе и яснѣе другихъ, въ видѣ простого канала, весьма короткаго и съ толстыми стѣнками. Этотъ каналъ образуется при отдѣленіи позвоночной системы отъ желточнаго пузыря, къ которому долгое время она бываетъ прикрѣплена. Сначала безъ рта и задняго отверстія, эта трубка, при быстромъ ростѣ, очень скоро измѣняется, открывается спереди, образуя отверстіе рта въ одной изъ жаберныхъ щелей, и, наконецъ образуетъ и нижнее отверстіе прямой кишки, въ нижнюю часть которой открывается мочевой пузырь; впослѣдствіи, при развитіи зародыша, это такъ называемая клоака исчезаетъ и отверстія прямой кишки и мочевого пузыря обособляются (рис. 26).

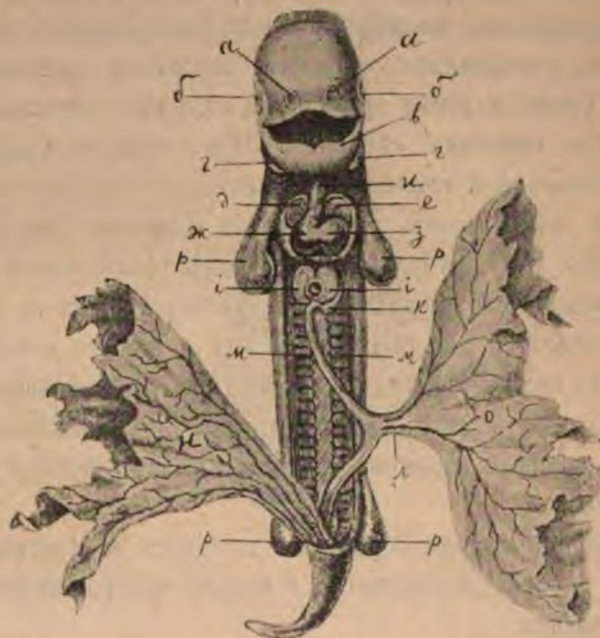
Изъ кишечной трубки образуется желудокъ вслѣдствіе того, что стѣнки этой трубки расширяются и потомъ это расширеніе принимаетъ видъ мѣшка.

Развитіе железъ начинается въ видѣ скопленій клѣточекъ, каналы железъ являются какъ межклѣточныя пространства, какъ полые промежутки въ такихъ скопленіяхъ клѣтокъ; въ легкихъ однакоже весь процессъ образованія происходитъ въ бутылковидномъ мѣшкѣ, сидящемъ на стебелькѣ.

Сердце сначала не представляетъ никакой связи съ другими внутренними органами зародыша, именно, съ легкими и кровеносными сосудами; сердце начинаетъ развиваться совершенно отдѣльно и самобытно по типу железъ, т.-е. изъ скопленія клѣточекъ. На мѣстѣ, гдѣ уже начинаютъ показываться верхнія конечности зародыша, между двумя пластинками зародышевой оболочки толстый слой клѣтокъ начинаетъ расширяться въ обѣ стороны, образуя нѣ-

что въ родѣ цилиндра. Сначала клѣточки внутри этого цилиндра исчезаютъ, вслѣдствіе чего образуется полый рукавъ; потомъ какъ скоро это полое пространство образовалось, ограничивающія его стѣнки самостоятельно сокращаются подобно сердцу, и вслѣдствіе этого жидкость сердечнаго мѣшка движется туда и сюда, не имѣя возможности выйти ни впередъ, ни назадъ. Для соединенія съ кровеносными сосудами этотъ мѣшокъ сердца загибается на концахъ въ видѣ латинской буквы S (рис. 24); впослѣдствіи отгибы эти пре-

Рис. 26.



Зародышъ собаки, въ возрастѣ около мѣсяца. Увел. въ 2 раза: а) отверстія носа, с) глаза, в) первая висцеральная дуга, г) вторая висцеральная дуга, д, е) правое и лѣвое сердечное ушко, ж, з) правый и лѣвый желудочекъ сердца, и) аорта, і) печень, к) желудокъ, л) кишечная петля, м) вольфовы тѣла, н) алантоисъ, о) пупочный пузырь, р) конечности.

образуются въ большіе и широкіе зачатки кровеносныхъ сосудовъ, изливающихся въ сердце, а средняя часть служитъ матеріаломъ, изъ котораго мало-по-малу вырабатывается сложная анатомическая форма сердца (рис. 26).

Вся система кровеносныхъ сосудовъ, изъ которыхъ здѣсь будутъ разсмотрѣны только артеріи, бьющіяся жилы и вены, какъ болѣе широкія трубки отъ волосныхъ, капиллярныхъ сосудовъ, въ высшей степени тонкихъ,—слѣдуютъ въ своемъ развитіи двойному типу.

Сосудистая пластинка, находящаяся между серозною и растительными пластинками зародышевой оболочки, служитъ мѣстомъ образованія кровеносныхъ сосудовъ. Когда мѣшокъ сердца уже начинаетъ биться, въ срединѣ скопленія клѣточекъ на сосудистомъ пластѣ появляются темно окрашенныя тѣльца и бороздки, образуемыя промежутками клѣтокъ; эти промежутки вскорѣ начинаютъ принимать видъ сѣтки. Подобно тому какъ въ железахъ, процессъ образованія большихъ кровеносныхъ сосудовъ состоитъ въ томъ, что стѣнки образовательныхъ клѣтокъ совершенно облекаютъ промежутки, служившіе первоначальными каналами крови и такимъ образомъ эти послѣдніе измѣняются въ замкнутыя трубки.

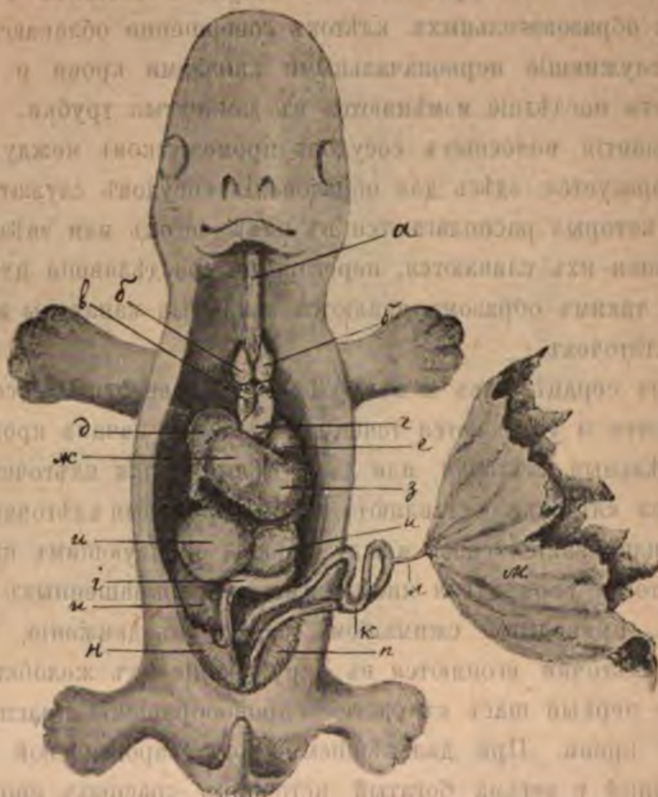
Для развитія волосныхъ сосудовъ промежутковъ между клѣточекъ не образуется; здѣсь для образованія сосудовъ служатъ сами клѣточки, которыя располагаются въ видѣ четокъ или звѣздочекъ; потомъ стѣнки ихъ сливаются, перегородки, раздѣлявшія ихъ, пропадаютъ и такимъ образомъ являются закрытыя канальцы изъ одиночныхъ клѣточекъ.

Какъ въ сердцѣ, такъ и въ большихъ кровеносныхъ сосудахъ освобождаются и увлекаются теченіемъ, еще до начала кровообращенія, отдѣльныя клѣточки, или даже цѣлые пучки клѣточекъ; эти двигающіяся клѣточки составляютъ первыя кровяныя клѣточки. Какъ скоро устанавливается связь между слоемъ, образующимъ кровь, и сердцемъ, тогда упомянутая масса клѣточекъ, окрашенныхъ въ темный цвѣтъ, приводится сжиманіемъ сердца въ движеніе; темныя кровяныя клѣточки вгоняются въ окружающіе ихъ желобки сосудовъ и это первый шагъ къ системѣ кровообращенія красной артеріальной крови. При дальнѣйшемъ ходѣ зародышевой жизни самый главный и весьма богатый источникъ красныхъ кровяныхъ клѣточекъ составляетъ печень.

Развитіе кровеносной системы начинается изъ передняго конца сердца, изъ котораго образуется всего пять паръ аортическихъ дугъ; но вмѣстѣ, одновременно, бываютъ только три пары дугъ (рис. 25). Первая изъ заднихъ трехъ паръ дугъ даетъ сосуды въ переднюю часть тѣла зародыша и теряетъ сообщеніе съ нисходящею аортою. Вторая дуга лѣвой стороны образуетъ постоянную дугу начальной артеріи, а изъ правой развиваются артеріи переднихъ частей тѣла. Третья дуга на правой сторонѣ исчезаетъ, а на лѣвой превращается въ ligamentum arteriosum. Изъ оставшейся правой,

называемой желточной, артерiи — art. omphalo-mesenterica, развивается, какъ вѣтвь, верхняя брыжжеечная артерiя, art. mesenteria superior, которая увеличивается по мѣрѣ того, какъ уменьшается артерiя на желточномъ пузырѣ. Обѣ пупочныя артерiи, art. umbillicales, послѣ рожденiя теряютъ полость и образуютъ боковыя связки мочевого пузыря, ligamenta lateralia vesicae urinariae, средняя же

Рис. 27.



Зародышъ собаки, въ возрастѣ около 4 недѣль. Увел. въ 5 разъ: а) дыхательное и пищевое отверстiе, б) зобныя железы, в) лѣвая аорта, г) правая аорта, д) правое предсердiе, е) лѣвое предсердiе, ж) правый желудочекъ сердца, з) лѣвый желудочекъ сердца, и, и, и) три лопасти печени, i) желудокъ, к) кишечная петля, л) соединенiе съ пупочнымъ пузыремъ м, н) вольфовы тѣла.

связка мочевого пузыря, ligamenta suspensorium vesicae urinariae, есть отростокъ пуповины, urachus (рис. 27).

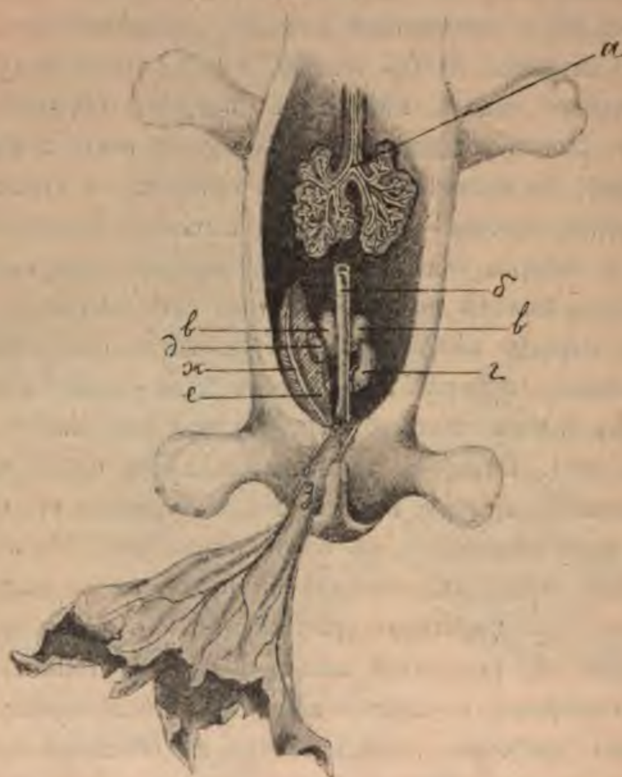
Венозная кровь изъ тѣла зародыша несется къ сердцу двумя передними и двумя задними кардинальными венами; впослѣдствiи первые—venae cardinales anteriores, образуютъ наружныя яремныя вены—venae jugurales externae, а вторыя—venae cardinales poste-

riores, переднюю часть непарной вены — venae azigos; внутренняя яремная вена — vena jugularis interna, развивается позже, какъ и вены переднихъ конечностей. Нижняя полая вена, vena cava inferior, seu ascendens, въ задней части развивается отдѣльно, передняя же ея часть образуется изъ удлинившагося общаго ствола желточныхъ венъ—venae omphalo-mesentericae. Эта вена принимаетъ вѣтвь отъ пищеварительнаго канала, обхватывается печенью, вѣтвится въ ней и затѣмъ соединяется съ заднимъ концомъ нижней полой вены. Самый стволъ вены, охваченный печенью, превращается въ венозный протокъ Аронція, ductus venosus Arontii, а вена, ведущая изъ пищеварительнаго канала, вѣтвится въ печени и образуетъ воротную систему. Послѣ рожденія часть желточной вены, лежащая внѣ тѣла зародыша, на желточномъ пузырѣ исчезаетъ, а пупочная вена образуетъ связку печени — ligamentum rotundum hepatis. Начиная отъ печени до сердца, бывшій стволъ желточной вены составляетъ переднюю часть нижней полой вены, vena cava inferior.

Въ тотъ періодъ развитія зародыша, когда отверстія прямой кишки и мочевого пузыря, какъ о томъ было сказано выше, обособляются, въ заднюю часть мочевого пузыря открываются каналы Вольфовыхъ тѣлъ. Вольфовы тѣла представляютъ собою двѣ большія продолговатыя железы, простирающіяся сначала отъ сердца по бокамъ среднихъ пластинокъ, въ полость таза (рис. 26); но потомъ, при увеличеніи зародыша, онѣ какъ бы отодвигаются назадъ и потому кажутся очень короткими (рис. 28). На наружномъ краѣ Вольфовыхъ железъ ихъ выносящій каналъ и въ него открываются трубочки, расположенныя въ железѣ поперегъ тѣла зародыша; въ слѣпыхъ концахъ трубочекъ лежатъ такимъ же образомъ, какъ и въ почкахъ, мальпигіевы клубочки. Вверху, на внутреннемъ краѣ Вольфовыхъ тѣлъ развиваются сѣменныя железы или яичники и вмѣстѣ съ тѣмъ являются также на внутреннемъ краѣ Вольфовыхъ тѣлъ Мюллеровы каналы, открывающіеся сзади въ нижній конецъ мочевого пузыря. При развитіи сѣменныхъ железъ у особей мужского пола Мюллеровы каналы въ верхней своей части исчезаютъ, а остаются только внизу, образуя uterus masculinus. Вмѣстѣ съ этимъ часть Вольфовыхъ железъ всасывается и исчезаетъ, а часть превращается въ epidydymis; весь Вольфовъ каналъ образуетъ выносящій каналъ сѣмени — vas deferens. При развитіи яичниковъ у особей женскаго пола, напротивъ, развиваются Мюллеровы каналы и обра-

зуютъ яйцеводы и матку. Сначала сѣменныя железы и яичники лежатъ высоко въ полости брюха, но потомъ сѣменныя железы спускаются и выходятъ въ мошонку. Такъ какъ въ нижнюю часть мочевого пузыря открываются мочеточники и выносящіе каналы железъ размноженія, то, слѣдовательно, въ періодъ зародышевой жизни у всѣхъ млекопитающихъ находится canalis uregenitalis; при

Рис. 28.



Тотъ же зародышъ собаки, у котораго удалены сердце, кишки и печень: а) воздушные пути и легкія, б) выводная кишка, в) почечныя железы, г) лѣвая почка, д) сѣменная железа или яичникъ, е) правое вольфово тѣло и, ж) его выводной протокъ, з) ножка алантоиса.

концѣ развитія зародыша каналъ этотъ превращается въ vestibulum vaginae у особей женскаго пола, или же у зародышей мужского пола удлиняется и переходитъ въ мочеиспускательный каналъ.

Для большей наглядности взаимнаго положенія зародыша въ яйцѣ, среди окружающихъ его оболочекъ, на рис. 29 изображенъ зародышъ собаки, при чемъ серозная оболочка вскрыта во всю ея длину, а оболочка алантоиса вскрыта въ видѣ треугольнаго лоскута,

который отогнутъ кверху, и на открытой части зародыша виденъ амніонъ.

Одновременно съ развитіемъ зародыша матка претерпѣваетъ длинный рядъ измѣненій; объемъ ея увеличивается, при чемъ развивается не только одна мускулатура, но всѣ ткани, входящія въ ея составъ; внутренняя или слизистая ея оболочка сильно набухаютъ; железки ея увеличиваются, а продуктъ ихъ отдѣленія, такъ называемое маточное молоко, наравнѣ съ желткомъ яйца, служитъ питательнымъ матеріаломъ для зародыша.

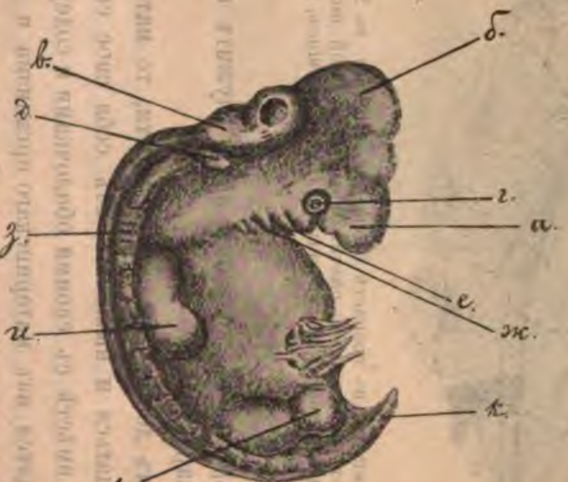
Рис. 29.

Яйцо собаки съ зародышемъ, въ возрастѣ около мѣсяца. Увел. въ 2 раза: а) наружная, серозная плева съ сосочками, б) растительный внутренній листокъ алантоиса, д) сосудистая оболочка алантоиса, в) пупочный пузырь, е) амніонъ, г) наружное ухо, ж) глазъ.

Когда зародышъ достигъ полной зрѣлости, то матка начинаетъ судорожно сокращаться и выжимать изъ себя свое содержимое, и созрѣвшій плодъ вмѣстѣ съ своими оболочками и содержимыми ими жидкостями выводятся изъ материнскаго организма и на свѣтъ появляется новая особь, готовая начать внѣутробную, самостоятельную жизнь.

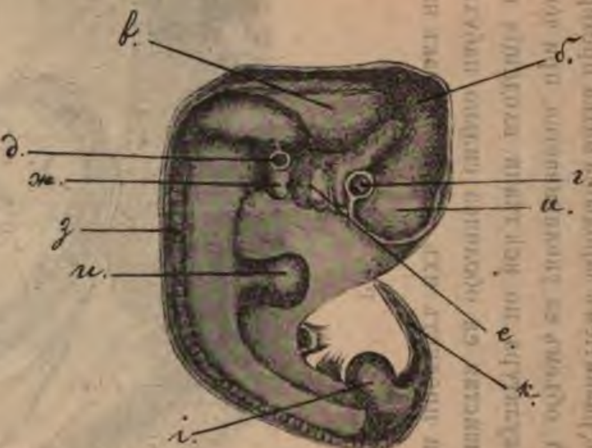
Насколько законы развитія зародыша въ материнскомъ орга-

Рис. 30.



Человѣческій зародышъ по Эккеру. Нат. велич. 10 линій.

Рис. 31.



Зародышъ собаки на 25 день развитія, увел. въ 5 разъ. По Бишоффу.

Въ обоихъ рисункахъ внутренности выпущены и маточные придатки удалены: а) переднія доли мозга, мозговыя полуш. и проч., б) среднія доли мозга, мозжечекъ, продолговатый мозгъ, г) глазъ, д) ухо, е) первая висцеральная дуга, з) позвоночникъ и мышцы при своемъ развитіи, и) верхнія переднія конечности, і) нижнія, заднія конечности, к) хвостъ или хвостцовая кость.

низмѣ общи для всѣхъ позвоночныхъ млекопитающихъ, всякій легко можетъ убѣдиться, взглянувъ на рисунки 30 и 31, на которыхъ изображены зародыши человѣка и ближайшаго къ нему существа—собаки.

Въ настоящемъ очеркѣ я старался изложить по возможности кратко, не вполнѣ еще выясненную наукою, исторію зачатія и развитія зародыша; можетъ быть, эта краткость повредила ясности изложенія, но я считалъ необходимымъ хотя дать нѣкоторое общее и поверхностное понятіе о жизни зародыша, такъ какъ безъ этихъ свѣдѣній, касающихся первоначальнаго образованія и дальнѣйшаго развитія органовъ животнаго организма во время его утробной жизни, весьма многое покажется неяснымъ при чтеніи очерковъ по анатоміи и физіологіи собаки, какъ уже готоваго организма, ведущаго самостоятельную жизнь.

Пусть у читателя, неподготовленнаго къ уясненію предмета настоящаго очерка, останется только общее впечатлѣніе отъ прочитаннаго; даже оно поможетъ ему при чтеніи дальнѣйшихъ очерковъ по анатоміи и физіологіи тѣмъ болѣе, что въ отдѣльныхъ случаяхъ разсмотрѣнія строенія отдѣльныхъ органовъ и условій ихъ дѣятельности мнѣ неизбѣжно придется иногда ссылаться на условія развитія того или другого органа въ періодъ зародышевой жизни организма.

Н. Поляковъ.

Награды на 2-й выставкѣ Московскаго Общества.

Пойнтера.

Пойнтера-кобели.

Классъ старшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: „Рональду", Р. В. Живаго, Р. К. М. О. О. № 255-й, и „Бовѣ-Королевичу", Н. П. Шпортунова, кромѣ того „Рональду", Р. В. Живаго, присужденъ призъ кн. Ф. Ф. Юсупова; *большія серебряныя медали* присуждены: „Робъ-Рой", А. В. Іокишъ, Р. К. М. О. О. № 254-й, „Року", Р. В. Германъ, Р. К. М. О. О. № 250-й, и „Билль-Пэди", А. Кондратова и В. Новикова, Р. К. М. О. О. № 229-й; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Бичу", Н. Лебедева, Р. К. М. О. О. № 285-й, и „Макаркѣ", г-на Камынина; *бронзовыя медали* присуждены: „Дюкъ-офъ-Страсбургу", И. А. Морозова, Р. К. М. О. О. № 380-й, „Рапиду", Ф. Ф. Осетрова, „Флюку", бар. К. Фелейзена, Р. К. М. О. О. № 461-й, „Дону", Е. И. Попова, Р. К. М. О. О. № 462-й, „Принцу", Ю. Ю. Пенкаля, Р. К. М. О. О. № 446-й, „Дону", И. Ф. Коробова, и „Ракету", И. Штокрейтера.

Классъ младшаго возраста.

Большія серебряныя медали присуждены: „Пану", И. В. Ворожеинова, Р. К. М. О. О. № 463-й, кромѣ того „Пану" присужденъ призъ, „Марсу", Д. И. Листъ, Р. К. М. О. О. № 464-й, и „Руслану", Н. Лебедева; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Реду", В. И. Кузнецова, Р. К. М. О. О. № 465-й, „Ромну", М. М. Грачева, Р. К. М. О. О. № 384-й, и „Гару", Н. М. Ѳедорова, Р. К. М. О. О. № 466-й; *бронзовыя медали* присуждены: „Граму", Р. В. Живаго, Р. К. М. О. О. № 383-й, „Чоку", Т. В. Митюшина, Р. К. М. О. О. № 425-й, „Дружку", Н. Лебедева, „Королю", М. Е. Ильина, Р. К. М. О. О. № 467-й, „Пьеру", Л. Т. Ивановой, Р. К. М. О. О. № 468-й, „Тайку II", А. В. Пасбурга, Р. К. М. О. О. № 430-й, „Нарциссу", К. Вильборнъ, Р. К. М. О. О. № 450-й, и „Роджеру", В. П. Пузырева, Р. К. М. О. О. № 438-й.

Классъ полевыхъ побѣдителей.

Золотыя медали присуждены: „Рональду", Р. В. Живаго, кромѣ того „Рональду" присужденъ призъ Тургенева, и „Робъ-Рой", А. В. Іокишъ; *большая серебряная медаль* присуждена „Дюкъ-офъ-Страсбургъ", И. А. Морозова; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Чоку", Т. В. Митюшина, и „Тайку II", А. В. Пасбургъ; *бронзовыя медали* присуждены: „Кину". О. К.

Милеръ, Р. К. М. О. О. № 442-й, и „Онкль Маку“, И. К. Морозова, Р. К. М. О. О. № 281-й.

Заводчику Р. В. Живаго присужденъ призъ за лучшаго пойнтера.

Пойнтера-суки.

Классъ старшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: Мирейль“, Б. Д. Вострякова, Р. К. М. О. О. № 252-й, кромѣ того „Мирейль“ присужденъ призъ Русскаго Охотничьяго Клуба, „Браво“, А. А. Крутова, и „Альфѣ“, Н. С. Брянчанинова, Р. К. М. О. О. № 469-й; *большія серебряныя медали* присуждены: „Діанѣ“, А. К. Вишневскаго, „Динѣ“, И. Ф. Коробова, „Динѣ“, М. М. Грачева, Р. К. М. О. О. № 331-й, и „Динѣ“, С. В. Полежаева; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Славѣ II“, Н. С. Шибаева, Р. К. М. О. О. № 287-й, „Нана II“, К. И. Терещенко, Р. К. М. О. О. № 458-й, „Тамарѣ“, Н. П. Смирнова, и „Пальмѣ“, В. В. Махалова; *бронзовыя медали* присуждены: „Грэсъ-офъ-Старсбургъ II“, Р. В. Живаго, Р. К. М. О. О. № 167-й, „Мопрѣ“, И. Н. Камынина, „Ласкѣ“, К. А. Солдина, „Квиткѣ“, А. К. Гриневскаго, Р. К. М. О. О. № 470-й, „Долѣ“, В. И. Иванова, Р. К. М. О. О. № 328-й, „Юно“, В. Ф. Кайзеръ, Р. К. М. О. О. № 471-й, „Лэди“, Н. В. Щеславскаго, „Зорѣ“ С. В. Казимирова, и „Ладѣ“, С. П. Рябушинскаго, Р. К. М. О. О. № 472-й.

Классъ младшаго возраста.

Золотая медаль присуждена „Жуа-дю-Виллажъ“, Т. В. Митюшина, Р. К. М. О. О. № 391-й, кромѣ того присужденъ еще призъ; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Гэмъ“, Р. В. Живаго, Р. К. М. О. О. № 387-й, „Динѣ“, г-на Евтѣева, „Бургирль“, А. В. Паспурга, Р. К. М. О. О. № 473-й, „Славѣ III“, Н. П. Шпортунова, Р. К. М. О. О. № 474-й, „Нормѣ“, Д. И. Листъ, Р. К. М. О. О. № 475-й, и „Лэди II“, Р. Р. Роггенъ, Р. К. М. О. О. № 476-й; *бронзовыя медали* присуждены: „Динѣ“, Г. В. Готовцева, Р. К. М. О. О. № 439-й, „Астрѣ“, А. К. Гриневскаго, Р. К. М. О. О. № 477-й, и „Фану“, С. П. Онуфровича.

Классъ полевыхъ побѣдителей.

Золотыя медали присуждены: „Мирейль“, Б. Д. Вострякова, кромѣ того, „Мирейль“ присужденъ дипломъ на призъ Тургенева, и „Жуа дю-Виллажъ“ Т. В. Митюшина, кромѣ того „Жуа дю-Виллажъ“, присужденъ дипломъ на призъ Тургенева; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Нана II“, К. И. Терещенко, и „Гэмъ“, Р. В. Живаго; *бронзовыя медали* присуждены: „Грэсъ-офъ-Страсбургъ II“, Р. В. Живаго, „Бонъ-Шансъ“, Т. В. Митюшина, Р. К. М. О. О. № 149-й, „Доннѣ“, И. А. Морозова, Р. К. М. О. О. № 258-й.

Сеттера англійскіе.

Судья—г-нъ Сержентсонъ.

Сеттера-кобели.

Классъ старшаго возраста.

Большія серебряныя медали присуждены: „Беку“, П. М. Попова, „Лорду“ Н. П. Малютина, Р. К. М. О. О. № 289-й, и „Риго“, П. М. Попова; *бронзовыя медали* присуждены: „Пигару“, И. А. Шидловскаго, и „Тому“, Н. М. Ѳедорова, Р. К. М. О. О. № 298-й.

Классъ младшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: „Скочъ-Бою", А. Д. Бугонъ, Р. К. М. О. О. № 481-й, кромѣ того „Скочъ-Бою" присужденъ призъ, „Каю", П. М. Попова, Р. К. М. О. О. № 482-й, и „Тому", Н. И. Гусарова, Р. К. М. О. О. № 483-й; *большія серебряныя медали* присуждены: „Пирату", Ф. П. Никитину, и „Роверу", г-на Пройдисъ, Р. К. М. О. О. № 484-й; *малая серебряная медаль* присуждена „Каро", В. П. Корчагина; *бронзовая медаль* присуждена „Рексу", С. И. Чебышева, Р. К. М. О. О. № 485-й.

Сеттера-суки.

Классъ старшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: „Виконтессѣ", г-на Прайдисъ, кромѣ того „Виконтессѣ" присужденъ призъ, „Карменъ", А. Д. Бугонъ, Р. К. М. О. О. № 127-й, и „Ямбѣ", П. М. Попова; *большія серебряныя медали* присуждены: „Нелли", В. В. Буняковскаго, и „Иви", П. М. Попова, Р. К. М. О. О. № 478-й; *бронзовыя медали* присуждены: „Ацинетѣ", г-на Прайдисъ, Р. К. М. О. О. № 301-й, „Дарго Успѣхъ", А. Д. Бугонъ, Р. К. М. О. О. № 479-й, „Миссъ Алленъ", П. А. Розанова, Р. К. М. О. О. № 297-й, и „Маскотъ", его же, Р. К. М. О. О. № 480-й.

Г-ну Прайдисъ присужденъ призъ за лучшаго сеттера „Виконтессу".

Классъ младшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: „Линѣ", Р. К. М. О. О. № 486-й, и „Копѣ", П. М. Попова, Р. К. М. О. О. № 487-й; *большія серебряныя медали* присуждены: „Нелли", г-на Прайдисъ, Р. К. М. О. О. № 488-й и „Фридѣ", Н. И. Гусарова, Р. К. М. О. О. № 489-й; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Стеллѣ", А. Д. Бугонъ, Р. К. М. О. О. № 490-й, „Марбо", Б. И. Абрикосова, Р. К. М. О. О. № 491-й, и „Миссъ Модъ", П. А. Розанова, Р. К. М. О. О. № 492-й.

Сеттера ирландскіе.

Сеттера-кобели.

Классъ старшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: „Рыжику", К. В. Мошнина, Р. К. М. О. О. № 170-й, кромѣ того „Рыжику" присужденъ призъ Ѳ. Н. Щербачева, „Максу II", И. А. Морозова, Р. К. М. О. О. № 398-й, и „Самъ Сулливану", С. С. Шибаева, Р. К. М. О. О. № 212-й; *большія серебряныя медали* присуждены: „Лорду", С. С. Шибаева, Р. К. М. О. О. № 492-й, и „Нельсону", К. М. Филиппова, Р. К. М. О. О. № 493-й; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Бобу", А. Я. Пѣгова, Р. К. М. О. О. № 316-й, и „Арно", С. С. Шибаева, Р. К. М. О. О. № 317-й; *бронзовыя медали* присуждены: „Претти", А. Н. Гагмана, Р. К. М. О. О. № 494-й, „Анчару", Ф. П. Козырева, и „Непиру", И. А. Морозова, Р. К. М. О. О. № 314.

Классъ младшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: „Таффи", Н. И. Хрущова, Р. К. М. О. О. № 495-й, кромѣ того „Таффи" присужденъ призъ, и „Смату", Н. И. Хрущова, Р. К. М. О. О. № 428-й; *большая серебряная медаль* присуждена „Рэду", А. Я. Пѣгова, Р. К. М. О. О. № 496-й; *малая серебряная медаль* присуждена „Іорку", А. Я. Пѣгова, Р. К. М. О. О. № 424-й.

Классъ полевыхъ побѣдителей:

Золотая медаль присуждена „Самъ-Сулливану“, С. С. Шибаева, кромѣ того присужденъ дипломъ на призъ Тургенева; *большая серебряная медаль* присуждена „Іорку“, А. Я. Пѣгова; *бронзовая медаль* присуждена „Падди“, Н. И. Хрущова, Р. К. М. О. О. № 204-й.

Сеттера-суки.

Классъ старшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: „Нелли“, Л. Ф. Пло, Р. К. М. О. О. № 374-й, кромѣ того „Нелли“ присужденъ призъ, „Аида“ А. Ф. Фиргуфъ, Р. К. М. О. О. № 497-й, и „Жаннѣ“, С. С. Шибаева, Р. К. М. О. О. № 498-й; *большія серебряныя медали* присуждены: „Граусъ“, В. В. Новикова, Р. К. М. О. О. № 364-й, „Нинишъ“, Н. И. Хрущова, Р. К. М. О. О. № 369-й, „Кетти“, А. Я. Пѣгова, Р. К. М. О. О. № 228-й, „Брэй-Принцессѣ“, С. С. Шибаева, Р. К. М. О. О. № 192-й, „Діанѣ“, И. А. Морозова, Р. К. М. О. О. № 499-й, „Діанѣ“, П. М. Измайлова, Р. К. М. О. О. № 105-й, и „Пальмѣ“, В. Н. Королева; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Миссъ“, С. Н. Мошниной, Р. К. М. О. О. № 125-й, „Дорѣ“, С. А. Меркулова, „Діанѣ“, В. А. Саутамъ, Р. К. М. О. О. № 500-й, „Нормѣ“, А. В. Виноградова, „Сильбѣ“, С. Н. Леонова, „Нормѣ“, И. Д. Болдырева, и „Карменъ“, Ѳ. В. Демина, Р. К. М. О. О. № 209-й.

Классъ младшаго возраста.

Золотыя медали присуждены: „Керри Флорѣ“, Е. Н. Хрущовой, Р. К. М. О. О. № 501-й, кромѣ того „Керри Флорѣ“ присужденъ призъ, „Эрни“, Р. К. М. О. О. № 502-й, и „Флай“, Р. К. М. О. О. № 503-й, А. Я. Пѣгова; *большія серебряныя медали* присуждены: „Мимозѣ“, В. А. Саутамъ, Р. К. М. О. О. № 504-й, и „Фанни“, А. Я. Пѣгова, Р. К. М. О. О. № 505-й; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Гейшѣ“, И. А. Морозова, Р. К. М. О. О. № 506-й.

Классъ полевыхъ побѣдителей.

Золотая медаль присуждена „Діанѣ“, П. Н. Измайлова; *большая серебряная медаль* присуждена „Карменъ“, Ѳ. В. Демина, кромѣ того „Карменъ“ присужденъ призъ Московскаго Общества Русскихъ Охотниковъ; *бронзовая медаль* присуждена „Лэди“, И. Д. Болдырева, Р. К. М. О. О. № 271-й.

Сеттера-гордоны.

Сеттера-кобели.

Классъ старшаго возраста.

Малыя серебряныя медали присуждены: „Вѣрному“, К. Мѣшкова, „Каро“, К. Полякова, и „Осману“, Д. Захарова; *бронзовая медаль* присуждена „Дарлингъ Динъ II“, О. Ф. Аспергеръ, Р. К. М. О. О. № 507-й.

Классъ младшаго возраста.

Золотая медаль присуждена „Фану“, Р. В. Живаго, Р. К. М. О. О. № 401-й, кромѣ того „Фану“ присужденъ призъ К. М. Шидловскаго.

Сеттера-суки.

Классъ старшаго возраста.

Золотая медаль присуждена „Фанои“, Р. В. Живаго, Р. К. М. О. О. № 160-й; *большія серебряныя медали* присуждены: „Нормѣ“, А. Загробина, и „Лэди“, В. Ф. Грефе; *малая серебряная медаль* присуждена „Миртѣ“, О. И. Машеровскаго.

Классъ младшаго возраста.

Большая серебряная медаль присуждена „Лэди“, Н. Е. Шипова.

Легавыя русскія.

Судья—Н. Г. Савостицкій.

Золотая медаль присуждена „Маркизу“, Е. С. Щербакова, кромѣ того „Маркизу“ присужденъ призъ; *большія серебряныя медали* присуждены: „Марсу“, И. И. Левицкаго, „Марсу“, Н. В. Вонифатьева, и „Тамарѣ“, эго же; *малыя серебряныя медали* присуждены: „Трезору“ и „Динѣ“. І. И. Вихера, „Року“ и „Арабу“, А. И. Зимина, „Идѣ“, П. Н. Всеволожскаго, и „Флорѣ“, М. Т. Тимофѣева; *бронзовыя медали* присуждены: „Дружку“, М. Т. Тимофѣева, „Фингалу“, В. Э. Вестель, и „Фринѣ“, Д. И. Егорова.

Легавыя нѣмецкія.

Судья—К. Изерманъ.

Золотыя медали присуждены: „Каунтесъ Кэте“, Н. А. Банова, „Нимроду“, Э. А. Барсова, „Стопу“, Ф. Нольте, и „Белла фонъ-Фрейденталь“, Л. Тильмансъ.

Борзыя.

Судья—А. Новиковъ.

Золотая медаль присуждена: „Любкѣ“, П. Б. Яшерова, кромѣ того „Любкѣ“ присужденъ призъ.—Заводчику лучшей борзой, П. Б. Яшерову, присужденъ призъ. *Бронзовыя медали* присуждены: „Урагану“, В. Ф. Барнетъ, и „Занозѣ“, А. А. Бергъ, Р. К. М. О. О. № 508.

Англійскія борзыя.

Судья—г. Сальтеръ.

Золотая медаль присуждена: „Дэзи“, П. И. Раевскаго; *большая серебряная медали*—„Топси“, П. И. Раевскаго; *малая серебряная медаль*—„Стартъ“, П. И. Раевскаго; *бронзовая медаль*—„Нелли“, М. М. Иваненко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Н. Силинъ и К°

имѣетъ въ магазинѣ,

Москва, Театральный проѣздъ, д. Кн. Горчакова,

большой выборъ охотничьихъ ружей лучшихъ заграничныхъ мастеровъ и фабрикантовъ, сдѣланныхъ по специальнымъ заказамъ, при чемъ обращено особое вниманіе на типъ ружей, стволовъ и рабочихъ частей и соотвѣтствіе оныхъ потребностямъ русской охоты.

При магазинѣ, подъ личнымъ моимъ, Н. Силина, наблюденіемъ, имѣется мастерская, снабженная особыми инструментами и приборами для внутренняго и наружнаго измѣренія стволовъ, провѣрки сверловки и т. д., которые составляютъ также личную собственность мою, Н. Силина.

Въ мастерской производится починка и передѣлка ружей всѣхъ системъ.

Ложи для ружей пригоняются и дѣлаются вновь соотвѣтственно сложенію гг. охотниковъ при помощи инструментовъ и ружья съ измѣняющимся прикладомъ, снабженнымъ шарнирами, дающими возможность установить, какъ изгибъ ложи, такъ и ея отклоненіе, и ширину приклада по желанію. При подборѣ ложи могутъ быть производимы пристрѣлки.

Принимаются ружья для пристрѣлки, какъ дробью, такъ и пулей.

Имѣя сношенія безъ посредства комиссіонеровъ съ лучшими заграничными мастерами, Торговый Домъ принимаетъ заказы на ружья всѣхъ системъ и на всевозможныя цѣны.

Занимаясь оружейною торговлею въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ и будучи охотникомъ, смѣю надѣяться, что пріобрѣтенный мною опытъ дастъ мнѣ возможность удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ гг. охотниковъ.

Въ магазинѣ имѣется складъ всевозможныхъ охотничьихъ принадлежностей и въ особенности кожаныхъ вещей и принимаются на оныя заказы, а также и на охотничьи сапоги замѣчательной легкости.

Цѣны на все самыя умѣренныя.

Н. Силинъ и К°.

Стѣнные рисунки охотничьихъ животныхъ.

По оригиналамъ: **I. Вольфа, Фишера и Фризе,**

отпечатаны на толстомъ бристолѣ въ двѣ краски въ фототипіи **О. Ренаръ** въ Москвѣ.

За исполненіе этихъ рисунковъ г-ну Ренару на Всероссійской выставкѣ 1896 г. присуждена ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Размѣръ рисунковъ 27×19 дюймовъ.

Семья вальдшнеповъ. Уменьш. въ нѣск. разъ.

ЦѢНА за всѣ 11 рис. вмѣстѣ 6 р. съ пересылкой въ Европ. Россіи и 7 р. въ Азіатской.

Каждый рисунокъ отдѣльно 1 р.

Отдѣльные рисунки наложеннымъ платежомъ не высылаются.

Перечень рисунковъ: *фазаны, тетерева-косачи, куропатки, глухари, утки, зайцы, барсуки, дикія козы* (2 рис.), *вальдшнепы, лоси.*

Съ требованіями обращаться къ М. А. Мензбиру (Москва, Шереметевскій пер., домъ г. Шереметева, кв. № 33), въ книжные магазины: „Новаго Времени“, Карбасникова, Вольфа и др., а также въ редакцію журнала „Природа и Охота“.

Къ свѣдѣнію охотниковъ, сельскихъ хозяевъ, инженеровъ, лѣсничихъ, управляющихъ фабриками и заводами пріобрѣтать необходимую для этой цѣли обувь и **макасины** (полезнѣйшая и удобнѣйшая новость) изъ новоизобрѣтенной юфти, абсолютно непромокаемыя и въ высшей степени легкія. Подобные сапоги и макасины могутъ изготовляться изъ черной или желтой юфти (кожа). Излишни комментаріи, что обувь ортопедиста **А. И. ВЫСОЦКАГО** вытѣснила московскую и оцѣнена всѣми выдающимися гг. охотниками. Спеціалистъ обыкновенной мужской и дамской изящной, легкой обуви, отъ которой **мозоли** исчезаютъ **въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ**, за что получено на всѣхъ выставкахъ 42 высшихъ награды, одобрена Императорской военно-медицинской академіей и всѣми выдающимися медиками.

Требуйте иллюстрированные прейсъ-куранты новаго выпуска съ подробнымъ объясненіемъ присылки мѣрки изъ провинціи за четыре 7-ми к. марки.

Привиллегированный поставщикъ и поставщикъ Императорскаго Московскаго Общества правильной охоты

ОРТОПЕДИСТЪ

Александръ Ивановичъ Высоцкій.

Въ С.-Петербургѣ, Колокольная ул., д. № 14.

Всѣ требованія исполняются быстро и аккуратно.

Главный магазинъ и мастерскія въ С.-Петербургѣ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

ПРИРОДА
и
ОХОТА

ЕЖЕМѢСЯЧНО

и

ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1901.

Книга IV-я.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко.
Пименовская улица, собственный домъ.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 24 апрѣля 1901 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

АПРѢЛЬСКОЙ КНИГИ 1901 г.

Очерки охоты на Памирахъ *).

III. Первая встрѣча съ архарами.

10 іюля былъ назначенъ выѣздъ изъ долины Алая въ глубь Заалайскаго хребта и, слѣдовательно, въ предѣлы Памировъ, т. к. Заалайскій хребетъ можетъ считаться сѣверною границею ихъ. Уже раньше говорили мнѣ, что близъ перевала Кизилъ-Артъ путешественники постоянно

Голова архара.

видаютъ архаровъ и потому неудивительно нетерпѣніе, съ которымъ я въ это утро собирался въ путь.

Несмотря на относительно малую высоту Алайской долины, не превышающей 11.000 футъ около мѣстечка Баръ-

*) Въ I очеркѣ (февраль 1901) вкралась опечатка: вмѣсто *Syrrhaptes hymalaensis (?)* (стр. 5, строка 22-я) слѣдуетъ читать *Syrrhaptes tibetanus*.

Добы, гдѣ мы провели ночь, утромъ было холодно, такъ что выпавшій съ вечера довольно сильный снѣгъ еще не стаялъ въ горахъ. Впрочемъ, въ это время года снѣгъ можетъ лежать на этихъ низкихъ высотахъ только до появленія солнца надъ зубцами горъ; часамъ къ 10 утра уже становится жарко на припекѣ, хотя удушающей жары здѣсь никогда не бываетъ, т. к. воздухъ чрезвычайно сухъ и кромѣ того всегда чувствуется струйка свѣжаго вѣтра со стороны ледниковъ.

Раннимъ утромъ собственно выѣзжали только охотники; остальные члены экспедиціи и обозъ должны были выступать позднѣе съ разсчетомъ прибыть на мѣсто ночевки при р. Кокъ-Сай, находящееся уже въ предѣлахъ Памировъ. Мы же надѣялись по пути поохотиться. Какъ я ни торопился самъ и какъ ни старался торопить моихъ спутниковъ, выѣхали мы только тогда, когда уже совсѣмъ разсвѣло.

Вначалѣ дорога шла вдоль широкой и сравнительно пологой долины рѣчки, сбѣгающей съ Заалайскаго хребта въ Алайскую долину. Дно долины забросано рѣчной галькой, по которой рѣка бѣжитъ въ видѣ многочисленныхъ ручьевъ и ручейковъ, постоянно мѣняющихъ свое русло. Судя по формѣ долины и нѣкоторымъ другимъ признакамъ, по дну ея нѣкогда спускался ледникъ, въ настоящее время значительно отступившій кверху.

Проѣхавъ по долинѣ верстъ шесть, все время поторапливая коней, чтобы согрѣться движеніемъ, мы уже готовились свернуть въ сторону влѣво, чтобы начать по боковой долинѣ самый подъемъ къ перевалу Кизилъ-Артъ, какъ вдругъ поручикъ М. замѣтилъ въ разстояніи версты небольшое стадо горныхъ козловъ—кіиковъ. Кіики паслись на уступѣ отвѣсной скалы, покрытой яркой травой, и повидимому насъ не замѣчали, или, по крайней мѣрѣ, не обращали на насъ вниманія. Обстоятельства казались благопріятными и М., опытный въ здѣшнихъ мѣстахъ охотникъ, быстро скомандовалъ не останавливаться, а ѣхать тѣмъ же аллюромъ дальше, пока не скроемся за поворотомъ дороги, послѣ чего можно будетъ начать скрадываніе уже пѣшкомъ.

Все время посматривая на кiиковъ, мы продолжали нашъ путь впередъ, не возбуждая, повидимому, подозрѣнiя животныхъ. Но вотъ вдругъ одинъ изъ козловъ поднялъ голову, за нимъ перестали щипать траву и другiе и вслѣдъ за первымъ козломъ шагомъ стало подниматься въ гору къ скаламъ все стадо. Вначалѣ мы не могли понять причины такого поведенiя кiиковъ, однако вскорѣ дѣло разъяснилось: одинъ изъ участниковъ нашего отряда, все время отстававшiй, кiиковъ не замѣчалъ, и ничего не зная о нашемъ планѣ, остановился на виду у нихъ подтянуть подпруги какъ разъ въ то время, когда мы уже готовились скрыться за скалою.

По увѣренiю М. за этими кiиками охотиться болѣе уже не стоило, такъ какъ они очевидно насторожились. Послѣднее было тѣмъ болѣе вѣроятно, что все стадо скрылось за скалою, за исключенiемъ одного козла, который остановился на самомъ ея гребнѣ, какъ бы въ видѣ стража, слѣдящаго за передвиженiями врага. Подосадовали мы нѣсколько на нашу неудачу, но такъ какъ времени впереди было еще много и можно было ожидать болѣе интересной дичи, то мы особенно не тужили. Рѣшили только ѣхать ближе другъ къ другу.

Вскорѣ мы свернули въ довольно узкое ущелье, по которому и стали подниматься къ перевалу Кизилъ-Артъ (14.200 футовъ). То и дѣло приходилось переправляться черезъ шумящiй по дну ущелья ручей съ одной стороны его на другую, слѣдуя капризнымъ изгибамъ проложенной дороги. Въ настоящее время всюду въ мѣстахъ переправъ выстроены мосты, но въ то время приходилось переправляться въ бродъ; мѣстами лошади принуждены были переходить не въ бродъ, а переступать съ одного камня на другой. Стѣсненная камнями вода съ пѣной и брызгами бѣжала между ними съ такой силой, что лошадь въ случаѣ невѣрнаго шага была бы неминуемо сбита съ ногъ.

По мѣрѣ движенiя впередъ дорога становилась все круче. Уже и перевалъ былъ недалеко, какъ вдругъ М., пригнувшись къ сѣдлу, пришпорилъ свою лошадь и знаками приглашалъ насъ сдѣлать тоже. Я поспѣшилъ по-

слѣдовать его примѣру и, отвинувшись вправо, едва успѣлъ замѣтить въ полугорѣ въ разстояніи не болѣе 300 шаговъ дѣ, какъ мнѣ показалось, крупныя фигуры животныхъ, выдѣлявшихся на фонѣ камней своимъ бѣлесоватымъ окрасомъ. Къ счастью, мы такъ быстро скрылись за скалою, что животныя насъ не успѣли замѣтить.

М. утверждалъ, что это были крупные архары и мы съ нимъ тотчасъ рѣшили вдвоемъ попытаться скрасть ихъ. Тутъ я впервые увидалъ практикуемый мѣстными охотниками пріемъ опредѣленія направленія вѣтра: М. бросилъ на воздухъ горсть мелкой земли и по полету ея при паденіи направленіе вѣтра обозначилось весьма наглядно. Оказалось однако, что вѣтеръ дулъ поперекъ тому направленію, по которому мы предполагали начать скрадываніе и, слѣдовательно, не вполнѣ намъ благопріятствовалъ. Тѣмъ не менѣе М. рѣшилъ подняться по боковому хребту, надѣясь выбраться по его откосу къ пункту, лежащій выше того мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, находились архары.

Вначалѣ мы поднимались верхомъ, пока это оказывалось еще возможнымъ. Подъемъ былъ очень крутъ и мы медленно зигзагами подвигались кверху, ежеминутно останавливаясь, чтобы дать лошадямъ передохнуть. На полпути къ намѣченной цѣли пришлось все-таки сойти съ лошадей и поставить ихъ на приколъ.

Приколъ привязанъ къ концу чумбура и представляетъ заостренный желѣзный штырь съ продѣтымъ въ его толстомъ концѣ подвижнымъ кольцомъ. Такой приколъ сравнительно легко входитъ даже въ каменистый грунтъ и держится въ немъ достаточно крѣпко.

Здѣсь лошадь М. едва не испортила намъ всей охоты: соскучившись, вѣроятно, по оставшимся внизу товарищамъ, она вдругъ громко заржала. Надо думать, что архары не слыхали за горами этого ржанія, иначе они по всей вѣроятности убѣжали бы еще въ то время.

Оставивъ лошадей, мы продолжали подъемъ пѣшкомъ. Тутъ впервые я испыталъ трудности горнаго пути на большихъ высотахъ. Мы были приблизительно на высотѣ 14.000 футовъ и каждый шагъ требовалъ усиленнаго вдыханія воз-

духа. Я поминутно останавливался и, помнится, въ первый разъ получилъ отчетливое понятіе о десятифунтовомъ вѣсѣ своего тройника. Вначалѣ я пробовалъ перекинуть ружье черезъ плечо, но погонъ такъ сильно давилъ на грудь и стѣснялъ дыханіе, что я вскорѣ снялъ ружье и понесъ его въ рукахъ. Впослѣдствіи я нашелъ, что мнѣ удобнѣе было носить съ собою ружье при подъемахъ на гору въ правой рукѣ, опираясь на него, какъ на палку, и тѣмъ до нѣкоторой степени помогая себѣ. Какъ бы то ни было даже и въ качествѣ альпенштока ружье въ 10 фунтовъ не увеличиваетъ пріятностей горнаго путешествія, и несомнѣнно, что ружье въ 7, или еще лучше въ 6 фунтовъ было бы много пригоднѣе моего тройника.

Это не мѣшаетъ мнѣ однако быть вообще очень довольнымъ своимъ ружьемъ, какъ охотничьимъ оружіемъ. Я заказывалъ его спеціально для моего путешествія за годъ до отправленія Штурму (при посредствѣ магазина Бернгарда бывшаго Шенбрунеръ) и на дѣлѣ испыталъ мѣткость и силу боя его третьяго экспресснаго ствола 500 калибра. Оба цилиндрическіе ствола 12 калибра дали также весьма удовлетворительные результаты при стрѣльбѣ круглой пулей. Дробовые выстрѣлы показывали умѣренныя достоинства, но лучшихъ ожидать отъ цилиндрической сверловки было бы неосновательно. Въ то время, когда мы поднимались съ М. за архарами, я ранѣе уже имѣлъ случай сдѣлать изъ моего ружья нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ и потому былъ на этотъ счетъ покоенъ: если будетъ случай хорошо выцѣлить, успѣхъ несомнѣненъ.

М. опережалъ меня и я дѣлалъ большія усилія, чтобы поспѣвать за нимъ. Немного не дойдя до гребня откоса, я совершенно выбился изъ силъ и присѣлъ, скорѣе прилегъ, чтобы нѣсколько отдышаться: сердце усиленно билось, въ вискахъ стучало, дыханіе сдѣлалось перерывистымъ, ноги и руки дрожали. М. въ то же время успѣлъ достигнуть гребня и, снявъ съ головы шапку, осторожно заглянулъ за гребень, но въ то же мгновеніе быстро откинулся назадъ и въ чрезвычайномъ волненіи знаками давалъ мнѣ понять, что архары здѣсь и надо торопиться. Извѣстіе произвело

магическое дѣйствіе и я въ одно мгновеніе былъ уже рядомъ съ М. и вмѣстѣ съ нимъ осторожно заглянулъ за гребень.

Прямо передъ нами нѣсколько ниже насъ не далѣе 100 шаговъ стояло шесть великолѣпныхъ барановъ съ громадными рогами. Одинъ изъ нихъ разгребалъ землю ногами, собираясь ложиться, что онъ и сдѣлалъ передъ нашими глазами. Его примѣру тутъ же послѣдовалъ и другой баранъ. Очевидно, животныя насъ совершенно не чуяли и даже не подозрѣвали о близкой опасности.

Въ одну минуту ружье оказалось у плеча и я, быстро прицѣлясь въ стоящаго ближе ко мнѣ архара, потянулъ за гашетку... но выстрѣла не послѣдовало; я забылъ въ волненіи взвести курки. Почти въ то же мгновеніе послышался выстрѣлъ М. и лежавшіе бараны, какъ на пружинахъ, вскочили на ноги и остановились точно вкопанные. Все это произошло почти одновременно.

Второй разъ я стрѣлялъ по стоявшимъ баранамъ второпяхъ почти не цѣлясь. Слышу второй выстрѣлъ М. Архары бѣгутъ—стрѣляемъ имъ въ слѣдъ разъ за разомъ уже не скрываясь отъ барановъ, которые, замѣтивъ насъ, не останавливаются больше и карьеромъ несутся нѣсколько наискось отъ насъ книзу и исчезаютъ за скалою. Посылаю съ отчаяніемъ безъ всякой надежды послѣднюю пулю вдогонку скрывающемуся архару и слышу послѣдній выстрѣлъ М.

Кончено... Все смолкло...

Передъ нами пустая каменная розсыпь; мы сидимъ на гребнѣ хребта и растерянно смотримъ другъ на друга. Нѣтъ даже надежды на то, что какое-либо изъ животныхъ ранено—такъ безпорядочно и торопливо шла пальба.

Наконецъ, мы опомнились и съ горькимъ сознаніемъ непоправимой неудачи не спѣша пошли къ мѣсту, гдѣ за нѣсколько минутъ стояли эти чудныя животныя, готовыя казаться намъ призрачными, такъ быстро все произошло.

На глинистомъ грунтѣ отчетливо были видны небольшія пологія углубленія, которыя архары выскребли копытами для лежки, не трудно было видѣть и слѣды ихъ ногъ, гдѣ

они шли, а затѣмъ бѣжали. Кромѣ свѣжихъ слѣдовъ видно было не мало болѣе старыхъ слѣдовъ съ болѣе глубокими отпечатками копытъ. Очевидно, эти послѣдніе слѣды принадлежали архарамъ, прошедшимъ послѣ дождя, или весною, когда почва была мягче. Однако, крови мы нигдѣ не нашли, хотя прослѣдили скрывшихся архаровъ до самаго поворота, за которымъ они исчезли.

Приходилось окончательно признать случившееся и примириться съ фактомъ ряда чистѣйшихъ промаховъ для обоихъ стрѣлковъ. Посмотрѣли мы съ тоскою вокругъ, можетъ быть, въ надеждѣ увидать „нашихъ" архаровъ, и побрели назадъ къ лошадямъ.

Спускъ оказался труднѣе, нежели подъемъ, и намъ пришлось нѣсколько разъ сходить съ лошадей вслѣдствіе крайней крутизны пути. Наконецъ, мы выбрались на торную дорогу и вскорѣ нагнали нашихъ спутниковъ недалеко отъ перевала.

За переваломъ начинаются уже собственно Памиры, которые можно было бы мысленно выдѣлить въ особую область, уже по характерному ландшафту рѣзко отличному отъ ландшафтовъ только что оставленныхъ нами позади: тамъ ѣхали мы узкимъ ущельемъ мимо обрывистыхъ скалъ, огибали громадные свалившіеся камни, переѣзжали черезъ заваленный валунами пѣнящійся и скачущій потокъ. Здѣсь же видѣли передъ собою широкую гладкую долину безъ замѣтнаго продольнаго уклона, окаймленную полого закругляющимися горами, почти холмами.

Отъ перевала Кизилъ-Артъ до мѣста на рѣкѣ Кокъ-Сай, гдѣ обыкновенно останавливаются путники, не болѣе 10 верстъ и мы довольно скоро доѣхали до юрты, выставленной киргизами и замѣняющей здѣсь станціонное зданіе. По дорогѣ мы еще разъ видѣли архаровъ, убѣгавшихъ отъ насъ въ разстояніи около трехъ верстъ, такъ что слѣдить за ихъ бѣгомъ можно было только по облачку пыли, которое они поднимали за собою.

Да! Несомнѣнно, здѣсь на Памирахъ подобраться къ архарамъ на такое разстояніе, какъ это намъ только что удалось, будетъ трудно. М. утверждалъ, что видѣть арха-

ровъ на такомъ близкомъ разстояніи ему пришлось лишь въ первый разъ въ его охотничьей практикѣ и что случай этотъ исключительный.

Всѣ шесть барановъ показались намъ крупными взрослыми животными, примѣрно одинаковыми по росту и по развитію роговъ. Тѣмъ досаднѣе вспоминать, что намъ не удалось воспользоваться этимъ случаемъ ни для наблюденія за архарами, ни для добычи хотя бы одного экземпляра.

Нужно было однако примириться съ неудачей и въ

Памирская долина.

видѣ утѣшенія принять этотъ случай въ качествѣ урока на будущее время,—не спѣшить съ выстрѣломъ безъ надобности, когда дичь совершенно спокойна, и при стрѣльбѣ вдвоемъ заранѣе условиться, кому будетъ принадлежать первый выстрѣлъ, чтобы не торопясь выцѣлить по звѣрю; иначе ожиданіе выстрѣла товарища волнуетъ охотника во время прицѣла и можетъ повлечь неудачу, вродѣ описанной. Слѣдующіе выстрѣлы уже могутъ производиться въ произвольномъ порядкѣ, т. к. правильный прицѣлъ по скачущему съ камня на камень звѣрю на разстояніи въ двѣсти и болѣе шаговъ мало вѣроятенъ, и все равно стрѣлять приходится обоимъ по одинаково бѣгущему звѣрю. Впрочемъ, въ окончательномъ выводѣ я лично полагаю, что

КАРТА РУССКИХЪ ПАМИРОВЪ.

Къ статьѣ Д. Н. Головнина **„Очерки охоты на Памирахъ“.**

стрѣльба должна быть наиболѣе успѣшна при условіи, чтобы стрѣлялъ только одинъ охотникъ.

Надъ нашей ловкостью, конечно, впослѣдствіи немножко

Горный перевалъ на Памирахъ.

подтрунивали; мы также старались попасть въ тонъ, принимая индеферентный видъ. На самомъ же дѣлѣ такіе случаи забываются не скоро.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. Головнинъ.

Охота П. А. Березникова по документамъ фамильнаго архива князя А. А. Ширинскаго-Шихматова *).

Сентября 1865 года. *3 Пятница.* Пріѣхалъ въ Кортуново Николай Михайловичъ Смирновъ (Петербургскій губернаторъ).

4 Суббота. Пріѣхалъ мой Миша въ Воскресенское.

5 Воскресенье. Поѣхалъ съ Мишею въ Кортуново, и борзые мои пошли въ слѣдъ за нами!

6 Понедѣльникъ. Поле первое: въ Маланьено на волчье гнѣздо заранѣе подвабленное.

Стая была отправлена рано, подъ Островъ, мы же подбыли къ ней часовъ въ 10 утра, и нашли не малую суматоху между охотниками! Подлецъ слесарь Иванъ, вышедшій подъ стаю съ ружьемъ, вздумалъ перемѣнять въ стволѣ дробь на нулевую, и вмѣсто того, чтобы разрядить ружье, отошелъ въ Мардвиновскій лѣсъ, подъ которымъ дожидалась насъ стая, выстрѣлилъ изъ ружья почти подъ носомъ гончихъ; псари, въ то время по обыкновенію были спѣшевши; гончія, услышавъ выстрѣлъ—встрепенулись, псарямъ слѣдовало бы въ первую минуту дѣйствовать пѣшимъ, а они бросились садиться на коней; стая въ эту минуту сорвала, и съ гономъ понеслась на выстрѣлъ! Въ эту минуту мы выѣзжали изъ Маланьина, слѣдовательно, были не далѣе двухъ—трехъ саженей отъ стоянки стаи! Конечно, стаю сѣвшие на коней псари скоро остановили, но глупцы, не видя еще нашего подъѣзда, принялись звать

*) См. декабрь, 1900 г.

въ рога, не сочтя гончихъ собакъ, изъ коихъ, какъ оказалось по подъѣздѣ нашемъ, только двухъ не доставало! Стоило ли для двухъ—прорвавшихъ—прикладывать рога къ губамъ!

Подъѣхавъ къ псарямъ—осламъ, я закричалъ — „молчать", но поле было испорчено уже, волки, находившіеся въ мховомъ Татарскомъ болотѣ — должны были слышать выстрѣлъ, голоса гончихъ—и зовы въ рогъ—тронулись съ мѣста, что дознано — при ходьбѣ по болоту Татарскому!

Н. М. Смирновъ сильно шумѣлъ на псарей, что было и дѣльно. Слѣдовало бы наказать Ивлея, но онъ удралъ въ лѣсъ и скрылся.

Стая была заведена съ сѣверной стороны болота отъ Алексѣевки, по разсчету, что ежели волки тронулись съ логововъ,—то не иначе — должны были броситься въ оврагъ Алексѣевскій; въ оный стая прошла, не подавъ голоса, и перешла часть березовой Ямской рощи, тоже безъ голоса. — Вступили въ Татарское болото! Доѣзжачій спѣшился, и пошелъ по топи и кочкамъ со стаей, выжлятники по обыкновенію раздѣлились, стали равняться по краямъ болота! Стая прошла почти до половины болота безъ голоса, но войдя въ средину, начала подлаивать— знакъ — что напала на одно логово, взвыло и смолкла; потомъ чрезъ минуту, чрезъ двѣ опять помкнула. Доѣзжачій подалъ голосъ по волку, стая загремѣла и водила его по болоту—отлично! Давъ кругъ въ болотѣ, вывела волка въ березовыя заросли и обратила его обратно въ болото; тутъ я пригласилъ Н. М. стать на мое мѣсто, отъ чего онъ долго отказывался, но потомъ, по настоянію моему, согласился и на противуположный лазъ! Волкъ опять обогнулъ все болото—и отъ нажимчивой уже гоньбы—попросился опять въ березовыя заросли, и именно тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ на моемъ уступленномъ мѣстѣ Н. М. Сафронъ, стремянной его—прикололъ волка изъ подъ борзыхъ, куда въ ту же минуту явилась и стая! Это былъ переярокъ—т.-е. волкъ прошлогодній. Тутъ смягчился гнѣвъ Н. М. и даже онъ забылъ на нѣкоторое время случив-

шуюся въ началѣ поля неурядицу и даже самого Ивана—надѣлавшаго пустую тревогу! — По затравкѣ прибылого волка, проведшаго стаю два раза по всему болоту, и такъ какъ отъ гоньбы крайне неумной — волковъ болѣе изъ болота ни куда и ни на кого изъ охотниковъ не показывалось, надо было предполагать, что гнѣздо сошло съ мѣста! Стаю сгруппировали безъ роговъ, во время чего Н. М. подъѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что отлично дѣйствовали его борзыя собаки, а о гончихъ умалчивалъ, что заставило меня спросить у него: что же ты молчишь о дѣйствіяхъ стай, на что онъ отвѣчалъ, что стая не нашла прочихъ волковъ—гнѣздовыхъ, ибо имъ затравленъ—переярокъ; и началъ меня упрекать, что я прозѣвалъ трехъ; я спросилъ, изъ чего это почерпнуто, прибавя: стало быть, стая нашла волковъ помимо имъ затравленныхъ, на что онъ улыбаясь сказалъ, что стая по нимъ не гнала! Я снялъ предъ нимъ шапку, и съ коня поклонился ему до гривы конской, прибавя: принимаю замѣчаніе Вашего Превосходительства! И просилъ его показать то мѣсто, гдѣ слѣзли мимо меня волки, для повѣрки чего стаю навели группою, распустили ее, и свистками пошли псари равняться. Стая углубилась въ березовыя заросли, лѣвѣе, гдѣ она гнала по перетоку, шла молча, и была выведена опять къ болоту, захватя ельники—Юдинскіе; обойдя болото еще кругомъ — не подала голоса. Н. М. распорядился обойти болото еще разъ, придерживаясь болѣе середины, и въ оный разъ оно оказалось пустымъ.

Стаю собрали, слѣзли съ коней, позавтракали и, сѣвъ въ тарантасъ — поѣхали въ Кортуново — тѣмъ день и кончился, надо полагать отъ глупости Ивана, разрѣдившаго ружье надъ носомъ стаи, и оплошной нераспорядительности доѣзжачаго съ его выжлятниками! За сей день псари ничего не получили, исключая строгаго внушенія и выговора!

7 и 8 числа сильный дождь. Н. М. занимался хозяйствомъ.

9 тоже дождь! Вабильщики были отправлены утромъ въ Черное и Старцево болото — за село Мокрое, а въ пол-

день и стая пошла въ подъелки, а я съ Мишею съѣздилъ въ Воскресенское, и на ночь возвратился въ Кортуново!

10 Пятница. Утромъ, сѣвъ въ тарантасъ изъ Кортунова чрезъ множество деревень—къ Старцеву болоту, дѣлали второе поле — волчье! Пріѣхавъ къ стаи съ 10 часовъ утра—добрыхъ 25 верст., узнали, что волчье гнѣздо ни въ Черномъ и не Старцевомъ болотѣ, но южнѣе деревни—въ болотѣ.

Не мѣшкавши не мало сѣли на коней — пошли всѣ вмѣстѣ съ стаей на гнѣздо (гдѣ въ 1863 году Иванъ Васильевичъ Гнутый, бывшій доѣзжачій покойнаго знаменитаго Тверскаго волчьяго охотника Дубинскаго, нанимаемый мною тогда въ разрядъ 15, какъ знатокъ этого дѣла, развелъ насъ по мѣстамъ отлично, и взятіе гнѣзда было крайне успѣшное), такъ какъ мѣсто было мнѣ знакомое, я распорядился самъ заводомъ стаи съ юга-болота и потомъ занялъ прежнее мѣсто 1863 года! Николаю Михайловичу предложилъ стать правѣе меня на самомъ переѣздѣ въ Старцево болото, гдѣ волки вывелись. Прочіе борзятники заняли лазы—проворно, дѣло шло успѣшно по размѣщенію! Доѣзжачій, спѣшивши, такъ какъ въ болотѣ была странная топь, сдѣлалъ напускъ, приказавъ выжлятникамъ соображаться съ гономъ стаи, и заѣзжать къ тому окрайку болота, — куда будетъ направляться гонъ стаи! Тутъ прилетѣлъ ко мнѣ Семенъ Лебедевъ со спросами отъ Н. М., что такъ долго доѣзжачій медлитъ напускомъ? Услышавъ этотъ спросъ, я спросилъ у Лебедева: развѣ ты глухъ— что не доложилъ Н. М., что стая брошена и слышны свистки,—выжлятниковъ? Лебедевъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ докладывалъ Н. М., но онъ крикнулъ на него, грозно сказавъ: поѣзжай, лѣнтяй. На это было мое Лебедеву приказаніе: возвратись и доложи Н. М. что стая ужъ въ ходу! Эта продѣлка не предвѣщала терпѣнія Н. М. — Скоро стая выставила ко мнѣ молодого волка и я его затравилъ мгновенно въ высокихъ пняхъ! Стаю выжлятникъ повернулъ опять въ болото, на свистъ доѣзжачаго; стая навалила къ доѣзжачему и скоро помкнула по другому волку— волкъ былъ затравленъ на противуположной сторонѣ!

Тутъ Николай Мих., кажись, потерялъ терпѣніе, и закричалъ: «Заскакивай, всѣхъ волковъ перетравятъ, а мы съ тобой ни одного не увидимъ!» Сафронъ понесся вправо, къ той сторонѣ, гдѣ былъ затравленъ второй волкъ! Н. М., оставшись одинъ, скоро соскучился, началъ кричать и звать обратно Сафрона къ себѣ; въ это время тоже молодой волкъ пролѣзъ мимо него. Видѣлъ ли онъ его—не знаю, но мнѣ было видно, когда волкъ шумовой перебирался изъ болота чрезъ лужокъ въ березовыя мелочи по направленію къ Старковскому болоту; я пустилъ его перескакивать сзади стоящаго Н. М., призывающаго Сафрона къ себѣ, но, не успѣвъ перенять волка, возвратился на свое мѣсто, чего Н. М. въ кустахъ не видалъ! Стая, бывъ оборочена опять въ болото послѣ второго волка, натекла *третьяго*—и выставила его, который также былъ затравленъ! Стаю опять вернули въ болото. Въ это время Н. М. тронулся съ своего мѣста одинъ, не дождавшись Сафрона, и тронулся влѣво по направленію ко мнѣ, и, проѣзжая сзади меня, кричалъ: ей-ей, всѣ бросили меня!

Я повернулъ коня и поѣхалъ къ нему поперекъ. Онъ увидѣлъ меня, приближающимся къ себѣ, и спросилъ: ты здѣсь—а мои всѣ меня оставили. Я предложилъ ему примкнуть ко мнѣ, но онъ отвергнулъ предложеніе, сказавъ, что поѣдетъ на свое мѣсто, для того, чтобы Сафронъ могъ его скорѣй найти. Повернувъ свою лошадь, поѣхалъ въ обратный путь! Доѣхавъ до своего мѣста, и постоявъ не долго, поѣхалъ далѣе, куда уѣхалъ Сафронъ; встрѣтилъ выжлятника Петра Лебедева, ѣдущаго по окраинѣ болота, и равняясь съ ходомъ гончихъ, закричалъ: „а ты, болванъ, что тутъ дѣлаешь?»—Приказалъ ему ѣхать въ болото, тотъ поворотя коня прямо въ болото, на четвертой или пятой сажени затопилъ его на глазахъ Н. М. и вернулся къ нему обратно. Н. М. закричалъ: „въ хорошее мѣсто вы завели меня!“ и самъ обратился на свое мѣсто.

Вскорѣ подъѣхалъ къ нему и Сафронъ, и получилъ криковой выговоръ, что онъ далеко отъ него отъѣхалъ!

Стая скоро натекла на *четвертаго* волка и выставила на Н. М., котораго стремянной его, Сафронъ, и затравилъ!

Николай Михайловичъ поуспокоился; стая стояла передъ нимъ, но безъ доѣзжачаго, находившагося тогда въ срединѣ болота пѣшимъ! Я подъѣхалъ къ нему съ поздравленіемъ и тутъ спросилъ: видѣлъ ли онъ перелѣзшаго волка, въ отсутствіе его, Сафрона; это онъ обратилъ въ шутку съ моей стороны и сказалъ: дождется осла, доѣзжачаго, и пойдетъ это повѣрить! Доѣзжачему былъ поданъ голосъ выходить къ собиравшейся стаи: онъ, весь мокрый и въ грязи, вышелъ къ стаи изъ болота, получилъ замѣчаніе отъ Н. М., гдѣ онъ пропадалъ, и приказалъ садиться на его лошадь, держимую выжлятникомъ. Доѣзжачій сѣлъ на коня и получилъ приказаніе отъ Н. М. идти мелочами по направленію къ Старковому болоту, разспрося у меня, гдѣ оно? Стая была напущена, сначала пошла молча, и отойдя саженей сто, натекла на слѣдъ волка, погнала очень рьяно, волкъ сталъ держаться влѣво мелочами, оборачивая опять къ болоту; волкъ, какъ молодой, круто поворачивалъ влѣво и, отъѣхавъ отъ болота, обратилъ взадъ прямо на стаю, которая его и словила.

Созвавъ стаю, доѣзжачій вывелъ ее прямо къ Ник. Мих. Онъ, спросилъ гдѣ П. А? Доѣзжачій отвѣтилъ, что не знаетъ. На этотъ отвѣтъ, не выѣзжая изъ кустовъ, я отозвался, что здѣсь передъ его превосходительствомъ! Онъ вынулъ часы, посмотрѣлъ, и сказалъ: ѣхать домой далеко, ночи темныя, не пора ли кончить поле!

Я осмѣлился ему доложить, что болото еще не все вылажено, можетъ быть, есть и еще гдѣ-нибудь завалявшійся волкъ; онъ улыбнулся и сказалъ: вѣрно какой-нибудь паршивый, больной; я промолчалъ, услышавъ его вторичное предложеніе кончить поле и ѣхать домой въ Кортуново. Я велѣлъ звать въ рога, такъ какъ четырехъ гончихъ не доставало. А Николай Михайловичъ предложилъ завтракъ; подъѣхалъ тарантасъ, достали сундуки, охотникамъ поднесли водки, я отпустилъ стаю въ подъ елки, гдѣ былъ приготовленъ кормъ собакамъ, велѣлъ подкормить собакъ, коней не разсѣдлывать, и дать только по торбѣ овса и идти въ Кортуново!

Мы, позавтракавъ въ кустахъ, поѣхали въ подъелки, и,

проѣзжая ихъ дали подтвержденіе, долго не мѣшкать и выходить домой.

Подлый пьянчукъ солдатъ Столярчукъ, служившій послѣднее время въ жандармахъ, и въ настоящее время пьяный, завязилъ моего коня, милаго Албанца, въ изгорѣ и привелъ его въ Кортуново хромающимъ.

Дѣйствительно, Николай Михайловичъ, убоясь темной ночи, приказалъ ѣхать скорѣй (кучеръ былъ Тихонъ Бѣгичевскій); кучеръ помчалъ насъ, швыряя изъ стороны въ сторону тарантасъ.

Николай Михайловичъ молчалъ и дремалъ. Ѣхали изъ подъелокъ черезъ деревни: Красника, Гнильево, Хуторъ, Мокровское, Дѣдовское, Журавлевку, а поправѣе: Садки, Челищево, Дурновское, Хуторъ Свищевка, Лопатино, до Куртуново добрыхъ 25 верстъ.

Пріѣхали въ Кортуново въ 8 ч. вечера, и нашли П. П. Воейкова, подъѣхавшаго изъ своего Субботина!

Стая же пришла въ полночь, или въ часъ ночи.

Сентябрь.

11. Суббота. Стая пошла изъ Кортунова въ Воскресенское, а вслѣдъ за ней и я съ Мишею домой.

12. Воскресенье. Ник. Мих. Смирновъ и П. П. В. утромъ пріѣхали туда же въ Воскресенское, позавтракали и на коней въ поле! П. П. В. я предложилъ своего персіанина Аксу. Брали: старую Юрловск. рощу, въ ней пріобрѣли *2 лисицъ.* Одну затравилъ Н. М. на переѣздѣ въ Ивлевскія мелочи, а другая сгонена стаей; стая дѣйствовала отлично, въ чемъ есть письменное одобреніе Н. М.

Поле продолжалось недолго, въ часъ или въ два дня кончили, заѣхали въ Воскресенское, пообѣдали и разъѣхались: Н. М.—въ Кортуново, а П. П. В.—въ свое Субботино.

13. Понедѣльникъ. Охъ, поѣздка бѣдовая, въ Можайскъ. Возвратились домой въ сумерки позднія.

14 Вторникъ. Стая и вся охота выступила въ Бѣгичево. Ночевала въ Кременскомъ, отойдя отъ Воскресенскаго 25 в. На ночь пріѣхалъ Н. М. ко мнѣ въ Воскресенское ночевать.

15. Среда. Утромъ выѣхали изъ Воскресенскаго Н. М.,

Миша и я въ Бѣгичево. Въ Медынѣ видѣлъ двухъ проводимыхъ борзыхъ собакъ Васильчаковскихъ: лещеваты и малы! Въ сумерки прiѣхали въ Бѣгичево (происшествiе у Н. М. съ ямщикомъ-упрямцемъ при выѣздѣ, или, лучше сказать, противъ Троицкаго, бывшаго К. Кочубея, нынѣ Городека). Стаю нашли уже прибывшею и на вечерней кормежкѣ. Н. М. съ Мишею вошли въ домъ, а я, поровнявшись съ псарней, вылѣзъ изъ тарантаса, пошелъ прямо на псарню, сабакъ нашелъ въ порядкѣ, сказалъ охотникамъ спасибо!

16. Четвергъ. Н. М. занимался хозяйствомъ и извѣщенiемъ окрестныхъ охотниковъ-баръ о началѣ полеванiя.

17. Пятница. На разсвѣтѣ стая и вся охота отправилась въ Галкино, въ разстоянiи 15 в. отъ Бѣгичева, утромъ—и мы туда! Заѣзжали на заводъ къ Гончаровымъ и пригласили ихъ съ собою. Хозяинъ Евгенiй NN разстолстѣлъ, живши въ С.-Петербургѣ.

Поле четвертое, волчье; напускъ въ Зеленое-Галкинское болото. Наша стая дѣйствовала отлично, гоньба неумолкаемая. Н. М. затравилъ трехъ волковъ, вырвавъ двухъ почти изъ зубъ гончихъ своими борзыми, какъ онъ выразился; стая сгоняла одного, и я затравилъ одного, итого пять. Кончивши поле, всѣ присутствовашiе и стая пошли въ Бѣгичево.

18. Суббота. Домосѣдство.

19. Воскресенье. Поле пятое, заячье. В. Ѳ. Бѣлкинъ, Арнольди, зять Казанова, Михаилъ Сухотинъ; послѣднимъ далъ своихъ коней: Арнольди—„Аксу", Сухотину—„Араба". Первому конь оказался не по нутру, съ полдня обмѣнялся съ Сухотинымъ, сказавъ мнѣ, что „Акса" очень горяча. Сухотинъ же насѣлъ на „Аксу" прилежно и къ концу поля взмылилъ его великолѣпно. Лила съ него вода, пѣна пропала.

Хвастовство о знаменитости борзыхъ собакъ Арнольди. Промѣнъ собакъ Н. М. съ Арнольди.

20. Понедѣльникъ. Домосѣдство. Отправлены по сообщенiю В. Ѳ. Бѣлкина въ болото вабильщики, гдѣ находилось волчье гнѣздо, отъ Бѣгичева верстъ 9 за большую дорогу, идущую изъ Калуги въ Малый Ярославецъ.

21. Вторникъ. Поле шестое, взято волчье гнѣздо. Взято три волка, были В. Ѳ. Бѣлкинъ, Атрыганьевъ, съ нимъ купецъ Гончаровъ, Сухотинъ Александръ.

Я перескакивалъ матерого, летѣвшаго отъ меня влѣво, чрезъ гору, по направленію на югъ, къ лѣсамъ Калужскимъ, но не могъ перескакать, волкъ удралъ.

22. Среда. Вабильщики повѣрили то же гнѣздо, для пробы. Н. М. утромъ секретно расцѣловалъ стаю, какъ онъ сознался при вечернемъ чаѣ.

23. Четвергъ. Поле седьмое, волчье 5; одинъ волкъ загнатъ полустаею, въ березахъ большой Калужской дороги, и Никитка привезъ его заколотымъ; закололъ его въ 4 или 5 верстахъ отъ гнѣзда. Странно, что никто изъ борзятниковъ не преслѣдовалъ полустаю, ведущую по волку. Другая же полустая сводила по матерому, далеко на сѣверъ и была сбита доѣзжачимъ, съ помощью выжлятника.

Одного волка застрѣлилъ милый Михаилъ Павловичъ Языковъ изъ своей хваленой метелки одностволки, и два были затравлены борзыми.

Гончаровы выписали изъ Тиманова молодца „Коротая" и возвращаясь съ поля, заставили его путешествовать при коляскѣ, на ѣздѣ очень быстрой; я осмѣлился имъ напомнить, что подобную собаку слѣдуетъ беречь, а не мучить напрасно. Они послушались и посадили „Коротая" въ коляску.

Возвратясь съ поля, вабилишки были отправлены въ Зажовку.

Вечеромъ пріѣхалъ въ Бѣгичево Калужскій губернаторъ Спаскій.

24. Пятница. Дождь, вѣтеръ. Назначено было вечеромъ 23 числа до пріѣзда Спаскаго идти охотѣ нынѣ рано тоже въ Зажовки, но Н. М., приглашая губернатора своего въ Бѣгичево на охоту, вздумалъ, несмотря на дождь, уступить просьбѣ Спаскаго, и назначено поле, гдѣ была садка волковъ, гдѣ подаренъ былъ мнѣ Марсъ, въ Бѣгичевской еловой рощѣ, назначаемой подъ паркъ и Бѣгичевскій садъ, куда и отправились, напившись чаю. Спаскій на моемъ конѣ „Аксѣ", за котораго благодарилъ, остался доволенъ

имъ. По счастью, въ рощѣ найденъ былъ заяцъ русакъ, котораго стая вывела на Спаскаго, и Н. М. русакъ былъ затравленъ; въ саду ничего не нашли; тѣмъ и кончилось.

Въ саду мы слѣзли предъ домомъ съ коней, поспѣшили къ накрытому столу, а охотникамъ приказано не разсѣдлывать коней, дать овса въ торбахъ, пообѣдать, и не мѣшкавши идти въ Зажовки, отстоящія отъ Бегичева недалеко.

Отобѣдавъ, Спаской уѣхалъ въ Калугу, а къ вечеру улетѣлъ и Иванъ Сергѣевичъ Чернышевъ, отказавшись отъ поѣздки въ Зажовку на проводы Н. М. въ Спб.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. В. Туркинъ.

По Оби до Сѣвернаго океана и обратно черезъ Большеземельскую тундру *).

Утромъ проснулся не совсѣмъ здоровымъ. Чумъ, въ которомъ я пребывалъ, оказался знакомымъ, такъ какъ я былъ въ немъ уже разъ въ тундрѣ. Распоряжается здѣсь всѣмъ самоѣдъ Степанъ,—типъ настоящаго оленьщика. Даже въ тѣ дни, когда дежуритъ его братъ, Степанъ не только днемъ, но и ночью часто встаетъ и отправляется къ стаду: такъ любитъ онъ оленей. Въ чумѣ сидитъ постоянно молча и только въ разговорѣ объ оленяхъ одушевляется; о чемъ-либо другомъ говорить съ нимъ трудно. Я шутя спросилъ у него, какъ по его мнѣнію: олени созданы для человѣка или человѣкъ для оленей? По глубокомысленномъ обдумываньи, послѣдовалъ пресерьезный отвѣтъ: „не знаю".

Переговоривъ о дальнѣйшемъ моемъ путешествіи, Степанъ рѣшилъ послать работника-самоѣда къ Уралу узнать, есть ли тамъ чумы, а самимъ въ это время спускаться къ своему зимовнику, при впаденіи р. Пюнь-Яги въ Лемву, у канала Артѣева. Чумъ убрали, все уложили и тронулись въ путь; когда обозъ вытянулся, я сосчиталъ 40 нартъ. Меня везъ, къ несчастію, Митрофанъ, имѣющій претензію на репутацію хорошаго ѣздока. Кончилось тѣмъ, что онъ опрокинулъ меня три раза. Ночевать остановились на совершенно мягкомъ мху, гдѣ не было ни воды, ни топлива. Какъ мнѣ объяснили, это была всегдашняя манера Сте-

---

*) См. мартъ.

пана, заботившагося только о кормѣ для оленей; а удобство людей для него была вещь совершенно посторонняя. Воду брали изъ какой-то полузамерзшей лужи, а дрова привезли на оленяхъ изъ отдаленнаго мѣста. Кормъ оленямъ былъ отличный.

Я радъ былъ, что остановились. Ночлегъ, несмотря на всѣ хлопоты жены Меркурія, былъ очень незавидный: послано было отлично, но ревъ трехъ ребятъ и четвертаго щенка не дали спать всю ночь.

Нельзя было претендовать на грудного ребенка, потому что онъ былъ дѣйствительно боленъ и успокоился лишь послѣ даннаго мною лѣкарства, но другой, Николка, выводилъ меня изъ терпѣнія. Мальчишка около двухъ лѣтъ, все отлично понимающій, между тѣмъ по цѣлымъ днямъ реветъ безъ отдыху, повидимому, безъ всякой причины. Достаточно взглянуть на него не такъ, какъ ему надо, и неизбѣжно слѣдуетъ ревъ на четверть часа. Ни слезъ, ни страданія на лицѣ нѣтъ; а просто разинетъ ротъ и кричитъ. Вмѣсто того, чтобы припугнуть его, весь чумъ только и хлопочетъ какъ бы его занять и приласкать. Такъ и ночью безъ всякой причины онъ начиналъ кричать, потомъ немного отдохнетъ, потихоньку поохаетъ и начинаетъ вновь, зажмуря глаза, разиня ротъ, кричать до слѣдующаго отдыха. Вотъ въ такомъ-то сообществѣ пришлось прожить пять сутокъ.

20-е сентября.

Сегодня ѣдемъ дальше, дорога ужасная, громадныя кочки и болота. Понемногу показываются березки уже потолще: у корня нѣкоторыя доходятъ до 3—4 вершковъ въ діаметрѣ. Днемъ видѣлъ стадо плисокъ и 14 штукъ вороновъ; никогда не удавалось видѣть столько ихъ вмѣстѣ. Ночевали опять на скверномъ мѣстѣ у р. Нюнь-Яги, по которой идетъ шуга. На ужинъ сварилъ себѣ супу и ѣлъ съ аппетитомъ, но видно разсчитывать на какое-нибудь удобство трудно. Степанъ съ племянникомъ усѣлись противъ меня по другую сторону огня, сняли безъ церемоніи рубашки и пресерьезно начали охотиться; а хозяйка сняла съ ребенка рубашку и стала ее вытряхать надъ

огнемъ, а вмѣстѣ и надъ моимъ котелкомъ, который стоялъ тутъ же. Хотя было и жалко, но пришлось отказаться отъ продолженія ужина; къ довершенію удовольствія ночью полный концертъ ребятъ и щенка въ четыре голоса.

21-е сентября.

Посланный не возвратился и приходится ѣхать до избы, а когда тронемся дальше, не извѣстно. Рѣки замерзаютъ, но не совсѣмъ, и какъ придется переправляться, опредѣлить впередъ трудно.

Степанъ остался самъ при обозѣ, а Меркурія послалъ со мною впередъ, чтобы скорѣе добраться до избы, куда мы и пріѣхали вскорѣ послѣ полудня.

Здѣсь при впаденіи Нюнь-Яги въ Лемву выстроены двѣ избы, изъ которыхъ одна принадлежитъ Егору Коневу, отцу Степана и Меркурія. Старикъ съ старшимъ отдѣленнымъ уже сыномъ, Ѳедоромъ, пріѣхали на-дняхъ сюда на каюкѣ съ рабочими бить оленей. При избахъ баня, очень много небольшихъ амбаровъ, принадлежащихъ разнымъ оленьщикамъ, которыхъ теперь съѣхалось человѣкъ до 20-ти. Всѣ они живутъ по амбарамъ, пищу варятъ на открытомъ воздухѣ и пьютъ поголовно безпросыпу. Къ старику Егору, человѣку очень порядочному, набралось гостей человѣкъ до 10-ти, усѣлись за чай, который только служилъ предлогомъ для выпивки, такъ какъ передъ каждой чашкой чаю выпивалась добрая рюмка водки. Шумъ и гамъ стояли невообразимые; возгласы „Господи помилуй“, „Слава вышнихъ Богу“, „Тебя Бога хвалимъ“ и т. д. на разные голоса слышны были безпрестанно; эти духовные возгласы пересыпались самою циничною пѣснью и поминаніемъ матери. Старшій сынъ, Ѳедоръ, оказался горькимъ пьяницей, и теперь, напившись до безчувствія, сталъ ругаться съ такимъ же своимъ работникомъ. Между гостями былъ одинъ Самуилъ (но не тотъ, который давалъ мнѣ карту), этотъ и выпивши, но съ головою довольно свѣжею, все обращался ко мнѣ съ разными вопросами, на которые я обѣщалъ отвѣтить ему завтра.

Довольно поздно разошлась компанія и я уже сталъ укладываться по обыкновенію на полу, разсчитывая вы-

спаться хорошенько, но вдругъ явилась жена Меркурія съ двумя дѣтьми: Николкою и маленькимъ больнымъ, и надежду на спокойный сонъ надо было оставить.

22-е сентября.

Сверхъ ожиданія спалъ хорошо. Старый Егоръ ушелъ самъ и увелъ всѣхъ лишнихъ въ амбаръ, а дѣти ревѣли немного. Послѣ чаю принялся за работу: приводить въ порядокъ разныя замѣтки; но работать не особенно удобно. Утромъ понемногу начали собираться гости, сѣли за чай за особымъ столомъ, такъ какъ въ переднемъ углу я занялъ для своей работы, при чемъ надо, конечно, было выпить, чтобы опохмѣлиться; и пошла вчерашняя исторія. Ѳедоръ напился больше всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, притворялся, и принялся безобразничать: плясать, кричать, пѣть,—однимъ словомъ, тутъ сказался весь нашъ грубый мужикъ, желающій показать, что молъ никого не боится; но стоило только взглянуть посуровѣе, чтобы онъ стушевался въ одну минуту. Къ этому добавьте ревъ Николки, разговоръ четырехъ женщинъ, поневолѣ вынужденныхъ говорить громче, чтобы слышать другъ друга, да вдобавокъ вой привязанной подъ окномъ собаки и тогда сообразите сами, удобно ли заниматься.

Скоро сказали, что готова баня, и я былъ очень доволенъ. Баня оказалась черною, безъ передбанника и сѣней; горячей воды приготовлено одинъ штофъ и къ довершенію удовольствія натоплено такъ, что мыться пришлось съ открытыми дверями, а одѣваться на открытомъ воздухѣ, т.-е. на снѣгу, но, благодаря Богу, было не холодно, всего $2^1/_2{}^0$.

Къ вечеру возвратился самоѣдъ и объявилъ, что нашелъ чумъ, который завтра прикочуетъ къ Самсонову мысу (Самсонъ-мылькъ). Этимъ извѣстіемъ онъ обрадовалъ меня донельзя, потому что всякое терпѣніе лопнетъ при такой жизни. Я завтра ѣду дальше. Вчера Самуилъ убѣдительно просилъ, чтобы зайти къ нему; сегодня прислалъ опять просить. Онъ живетъ въ другой избѣ, гдѣ, кромѣ него, я засталъ еще Степана и двухъ другихъ самоѣдовъ. Были всѣ трезвые. Усѣлись за чай, Самуилъ досталъ бутылку рому рубля въ $1^1/_2$ съ этикетомъ бр. Елисѣевыхъ

и началъ меня потчевать, при чемъ очень удивился, что я отказался отъ такой хорошей вещи, и поднесъ рюмку Степану, котораго, видимо, всѣ уважаютъ, такъ какъ во всей этой громадной компаніи одинъ онъ хотя и пьетъ, но допьяна не напивается, чего другіе сдѣлать не могутъ, потому что отказать себѣ отъ водки, когда она передъ глазами, никто не въ силахъ. Другимъ двумъ хозяинъ поднесъ простой водки, за что они, впрочемъ, нисколько не были въ претензіи и выпили съ удовольствіемъ. Бесѣда началась съ того, что Самуилъ сталъ просить меня сказать откровенно, не могу ли я выхлопотать для нихъ въ Петербургѣ какихъ-нибудь льготъ, что имъ обѣщалъ это одинъ человѣкъ въ большомъ чинѣ, именно *естествоиспытатель*, взялъ отъ нихъ прошеніе и на марки рублей до трехсотъ, сказалъ, чтобы они не платили остякамъ копытнаго сбора. Хотя зыряне и отняли оленей у самоѣдовъ, но восточная тундра, лѣса, гдѣ пасутся зимою олени, принадлежатъ остякамъ, которые и получаютъ съ зырянъ аренду, подъ названіемъ копытнаго сбора. Зыряне подавали прошеніе объ уничтоженіи этой платы, но резолюціи на ихъ прошеніе еще нѣтъ, а теперь имъ безъ уплаты копытнаго сбора запрещаютъ переходить Уралъ, гдѣ они обыкновенно зимуютъ. Поэтому они сами не знаютъ, что дѣлать. Естествоиспытатель прожилъ нѣсколько дней у Самуила, куда собрались другіе оленьщики для переговоровъ и уплаты ему денегъ.

„Стали мы,—говорилъ мнѣ Самуилъ,—просить его показать намъ свой мундиръ; но онъ сказалъ, что нельзя: у него мундиръ весь въ золотѣ и брильянтахъ и отъ него такой, говоритъ, свѣтъ, что вы люди простые, какъ взглянете, то, пожалуй, и ослѣпнете. Ну, мы и не стали больше просить; а отдали деньги и только просили уже помочь въ нашемъ дѣлѣ". „Это,—говоритъ,—я могу, только пріѣду въ Петербургъ, такъ сейчасъ и пришлю бумагу; а пока что, вы копытнаго не платите".

Несмотря на всѣ мои увѣренія, что я заѣхалъ въ тундру совершенно съ постороннею цѣлью и что даже первый разъ слышу о копытномъ сборѣ, присутствовавшіе, какъ

видно, плохо вѣрили и даже предложили оставить меня съ Самуиломъ одного, ежели я опасаюсь говорить при другихъ. Они очень хорошо знали отъ Митрофана, что я чиновникъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, а, по ихъ мнѣнію, каждый такой господинъ чуть ли не имѣетъ права здѣсь казнить и миловать, и, несмотря на всѣ мои увѣренія, преусердно просили, чтобы я заступился за нихъ и хлопоталъ въ Петербургѣ о снятіи копытнаго сбора.

Объясняя цѣль моей поѣздки, я сказалъ, что эти развѣдки дѣлаются съ согласія министра путей сообщенія. А когда на ихъ вопросъ отвѣтилъ, что видѣлъ и говорилъ съ министромъ, то мои слушатели окончательно убѣдились, что я человѣкъ всесильный и могъ бы сдѣлать все, но по какимъ-то причинамъ не хочу.

Во время разговора одинъ Степанъ слушалъ молча, а потомъ, выпивши другую рюмку рому, простился и ушелъ въ чумъ, верстахъ въ двухъ отсюда, несмотря на всѣ упрашиванія хозяина и гостей.

Потолковавши съ собесѣдниками, я указалъ имъ на много такихъ недостатковъ, которые легко можно бы устранить; напримѣръ, необходимо просить раздѣлить тундры на нѣсколько участковъ и назначить въ каждый по уряднику, а становому приставу хоть разъ въ лѣто объѣхать тундру; имѣть хоть одного хорошаго фельдшера съ маленькой аптекой для объѣзда чумовъ во время лѣтней кочевки. Для провоза этихъ лицъ отъ чума до чума не встрѣтится никакого затрудненія. Что касается почты, то въ теченіе лѣтней кочевки одинъ человѣкъ, проѣзжая тоже отъ чума до чума, можетъ объѣхать тундру хоть 2—3 раза и отвезти письма или, по крайней мѣрѣ, устныя извѣстія въ Ижму и Мужи. Между тѣмъ какъ теперь за все время кочевки, т. е. съ начала апрѣля и до конца сентября, ни кочевники не знаютъ, что дѣлается у домашнихъ, ни наоборотъ; да и много нашлось бы вопросовъ, которые можно бы рѣшить, собравшись вмѣстѣ гдѣ-нибудь зимою, по общему уговору. Съ этимъ соглашался и Самуилъ, но другіе замѣтили, что это лишнее, что можно жить такъ, какъ жили до сихъ поръ.

Поблагодаривъ хозяина, я ушелъ, а всѣ еще остались и просидѣли долго.

Меня очень заинтересовалъ г. *естествоиспытатель* и уже послѣ я узналъ отъ одного оленьщика нѣкоторыя подробности. Пробираясь какими-то путями, не платя ни гроша ни за оленей, ни за содержаніе, отъ чума до чума, онъ добрался до р. Лемвы, гдѣ и попалъ къ этому зырянину въ чумъ и сталъ требовать, чтобы хозяинъ везъ его дальше, при томъ, конечно, даромъ. Незнакомецъ назвалъ себя лицомъ очень важнымъ и высокопоставленнымъ, присланнымъ въ тундру для рѣшенія всѣхъ дѣлъ; но упрямый зырянинъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ, а потребовалъ видъ, а то, вмѣсто того, чтобы везти дальше въ тундру, обѣщалъ свезти въ с. Ляпино, въ волостное правленіе. Дѣлать было нечего: послѣ долгихъ препирательствъ онъ показалъ аттестатъ о своемъ ученіи, а насчетъ другихъ документовъ сказалъ, что тѣ бумаги такія важныя, что простой человѣкъ можетъ даже умереть со страху, ежели на нихъ взглянетъ. На вопросъ же хозяина—какой носитъ чинъ?—отвѣтилъ, что онъ *естествоиспытатель*, что это чинъ очень важный и что онъ даже членъ „Императорскаго общества“, но какого, зырянинъ не помнитъ. Удовольствовавшись такими важными доводами, зыряне дальше уже не спорили и возили его и кормили вездѣ даромъ.

Проѣзжая черезъ два мѣсяца черезъ сел. Кондійское, я узналъ, что это былъ г. Н—овъ, личность въ своемъ родѣ замѣчательная. Уроженецъ Пермской губерніи изъ духовнаго званія, учившійся въ семинаріи, онъ пустился въ свѣтъ и началъ странствовать по отдаленнымъ мѣстамъ. Разными путями получилъ дипломъ на званіе члена „Императорскаго общества естествознанія“ и, пользуясь имъ, выдавалъ себя между темнымъ людомъ за важную особу, и указывая, что онъ членъ „Императорскаго“ общества, пользовался ихъ простотою. По пріѣздѣ въ с. Ляпино, онъ заявилъ, что ему въ простомъ домѣ жить неприлично, и потому помѣстился въ церкви. Собираясь говѣть, заявилъ претензію пріобщиться Св. Таинствъ въ алтарѣ, на что священникъ не согласился, и много другихъ выходокъ до-

шло до свѣдѣнія властей, и кондійскому становому приставу велѣно было его задержать и произвести слѣдствіе. О всѣхъ такихъ продѣлкахъ становой произвелъ допросы и завелъ дѣло; но виновникъ суматохи не возвратился обратно, а пробрался прямо въ Архангельскъ и въ Петербургъ. Здѣсь онъ издалъ совершенно невѣжественную „карту полярнаго Урала", хотя онъ до полярнаго круга и не доходилъ. Я лично убѣдился въ этомъ невѣжествѣ, проходя тѣми же мѣстами. Несмотря на это, нашлись добрые и богатые люди, которые давали ему значительныя деньги и онъ ѣздилъ уже въ Америку и другія мѣста и дѣлалъ сообщенія о своихъ изысканіяхъ. Но ежели всѣ его свѣдѣнія настолько вѣрны, какъ карта, то радоваться нечему. Слышалъ я и отъ очевидцевъ его похожденій въ Петербургѣ: здѣсь, говорятъ, онъ велъ себя удивительно скромно и тихо. Впрочемъ, онъ человѣкъ смышленый и дѣятельный и ежели будетъ впередъ поступать добросовѣстно, то со временемъ можетъ принести много пользы наукѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. М. Воропай.

На Алтаѣ *).

Н а слѣдующій день я выѣхалъ изъ Урыльскаго поселка на Чиндагатуй. Отсюда путь становится гористымъ и пришлось пройти небольшой перевалъ. Большой Алтай отдѣляетъ здѣсь къ сѣверу широкую вѣтвь Кокедоба. Обыкновенной дорогой я не поѣхалъ, а взялъ въ сторону по тропѣ.

За Бухтармой верстахъ въ 20 отъ Урыльскаго поселка находится деревня Арчаты, и у тамошняго крестьянина Панова я надѣялся достать горнаго хрусталя. По словамъ Яшика, по тропѣ можно было скорѣе дойти, а главное—выйти на удобный бродъ. Довѣрился я своему бритому чичероне и попалъ въ просакъ: вмѣсто 20 сдѣлали вѣрныхъ верстъ 30. Долго таскались мы по какимъ-то трущобамъ въ заросляхъ малины и смородины. Особенно было много смородины, и такой крупной, какой я раньше не видывалъ. Ягоды можно было собирать возами для варенья; сырыми ихъ ѣсть нельзя,—чертовски кислы. Но жарило, какъ печь огненная; сырой воды я не пью, и мой казакъ наломалъ прямо съ коня цѣлую охапку вѣтвей, на которыхъ, какъ кораллы, висѣли кисти красныхъ ягодъ; подражая лошадямъ, хватавшимъ вѣтки на ходу, мы всѣ трое объѣдали смородину зубами прямо съ вѣтокъ. Жажды я не утолилъ нисколько, а только ротъ свело отъ кислятины.

Переѣзжали мы небольшія тѣснины, выходили на открытыя мѣста, а желаннаго брода все нѣтъ; тогда я въ

---

*) См. мартъ.

сердцахъ объявилъ Яшику, что если онъ приведетъ къ скверному броду, то я ему сегодня цѣлый день не дамъ ѣсть. Но Яшикъ просто заблудился, а не совралъ, какъ я предполагалъ, и скоро, спросивъ киргиза-пастуха, возсѣдавшаго съ достоинствомъ на коровѣ, привелъ къ этому недававшемуся намъ броду. Вода въ рѣкѣ была зеленовато-бѣлаго цвѣта; чѣмъ выше по теченію, тѣмъ вода становилась бѣлѣе, точно у истока въ нее подливали молока.

Сейчасъ за рѣкой была и деревня; не слѣдуетъ думать, что она походила на русскую деревню вообще. Не смотря на обиліе лѣса кругомъ, въ узкой неровной просѣкѣ стояло съ большими интервалами 7—8 лачугъ; иныя были не болѣе кубической сажени; почти всѣ безъ крышъ; скота я вовсе не видалъ. Причиной такой бѣдности служитъ почти полная невозможность вести земледѣліе. Жители Арчатовъ не живутъ, а перебиваются. Въ началѣ 80-хъ годовъ они переселились сюда изъ Тобольской губерніи и, переведя остатки денегъ на хлѣбъ, занимались всѣмъ понемногу, не брезгали и грабежомъ. Причины переселенія я не узналъ, да и существуетъ ли теперь эта деревня? Въ мою бытность они шалили уже мало, а прежде доставалось киргизамъ, да и русскимъ купцамъ, ѣдущимъ на Кошъ-Агачъ. Присутствіе отряда на Чиндагатуѣ ихъ сдерживало, но если 2—3 крестьянина встрѣчали киргиза въ глухую пору, то старались его спѣшить. Киргизы называли Арчаты Джаманъ-кала (худая деревня).

Послѣ продолжительнаго хожденья по дворамъ и руготни съ какой-то сердитой старухой, отыскалъ я хату Панова и, не заставъ его дома, усѣлся у него же пить чай. Дворы въ Арчатахъ и не заслуживаютъ названія дворовъ: заборовъ, плетней или загородокъ нигдѣ не было; избы безъ сѣней и состоятъ изъ одной комнаты. Пановъ скоро отыскался, и я купилъ у него нѣсколько кусковъ горнаго хрусталя, но неважныхъ. По словамъ Панова, добывать хрусталь трудно; иной разъ два, три дня бродишь, но ничего не попадается; лазить надо на каменистыя вершины. И тутъ тоже нужно счастье.

Послѣ новаго брода чрезъ Бухтарму мы вышли на до-

рогу. За Кокодаба долина скоро суживается; изъ ущелья Тау-Текеле несется въ Бухтарму ручей того же имени, а Бухтарма прижимаетъ дорогу къ хребту Большого Алтая почти вплотную. Здѣсь Алтай обрывается къ сѣверу отвѣсной стѣной страшной высоты. Огромные камни, низвергнутые съ этой стѣны, лежатъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Попадаются камни величиной съ порядочный домъ.

Величіе этой природной каменной стѣны, на верху которой деревья казались травой, вывело моего Яшика изъ нѣмого созерцательнаго состоянія. Онъ началъ что-то напѣвать. Казакъ переводилъ мнѣ его пѣсню. Пѣсня киргиза ограничивалась тѣмъ, что онъ видѣлъ. Не было тутъ поэтическихъ сравненій, на которыя такъ богаты арабскіе и персидскіе поэты, ни отношеній къ другимъ мѣстнымъ предметамъ. Яшикъ просто напѣвалъ: какая ты, гора, какой на тебѣ лѣсъ и т. п. въ томъ порядкѣ, въ какомъ предметы встрѣчаются. Творчества нѣтъ и слѣда.

За ручьемъ Курте дорога пошла густымъ лѣсомъ; начинало уже темнѣть, когда мы вышли изъ этого лѣса и подошли къ мосту черезъ Бухтарму.

Здѣсь Бухтарма прямо великолѣпна: бѣшенно мчится она въ узкомъ ложѣ по каменьямъ, образуя каскады; въ иныхъ мѣстахъ словно въ исполинскомъ котлѣ клокочетъ одна пѣна; подмытыя водой, огромныя лиственницы полощутъ въ ней свои вершины, а одно дерево упало съ одного берега на другой; но жить этому естественному мосту до первой большой воды; тогда его унесетъ, какъ щепку.

За мостомъ, стоящимъ на срубѣ, набитомъ большими камнями, мы перешли въ Томскую губернію и стали подниматься на крутой перевалъ по косогору.

За этимъ безыменнымъ переваломъ начинаются каменныя болота на протяженіи шести верстъ. Каменными болотами называются здѣсь болотистыя мѣста, покрытыя массой камней; ходить по нимъ очень трудно; ноги животныхъ скользятъ, обрываются съ незамѣтныхъ подъ тиной каменьевъ. Это обстоятельство заставило для колеснаго подвоза отрядамъ устроить на каменныхъ боло-

тахъ слани, на устояхъ изъ обтесанныхъ съ двухъ сторонъ бревенъ; получилось нѣчто въ родѣ мостовъ, общая длина которыхъ доходитъ до 700 саженъ. Ѣздить въ телѣгахъ здѣсь очень тряско, а верхомъ надо смотрѣть въ оба, чтобы лошадь, попавъ на гнилое бревно, не сломала ноги. Было уже темно, и мы подвигались по этимъ капканамъ очень медленно.

Въ 9 часовъ вечера мы были окрикнуты часовымъ у позиціи Чиндагатуйскаго отряда.

На слѣдующій день я рѣшилъ дневать и совершить экскурсію на озеро, находящееся въ 6 верстахъ. Дневка была дѣйствительно необходима; переходы дѣлались не менѣе 50 верстъ, а лошади питались одной травой; не говоря уже о томъ, что киргизы послѣ ѣзды выстаиваютъ лошадей безъ корма продолжительное время, раннія выступленія не давали лошадямъ, какъ слѣдуетъ, наѣдаться.

На озеро мы поѣхали на казачьихъ лошадяхъ, и тамъ тщетно искали удобныхъ мѣстъ для рыбной ловли: ручьи были слишкомъ малы, а берега озера были очень топки. Въ одномъ мѣстѣ моя лошадь такъ увязла, что пришлось соскочить, чтобы облегчить ее. Въ кустахъ попадались кёклики, но вполнѣ я не увѣренъ, такъ какъ убить не удалось. Озеро даетъ начало Чиндагатуйскому ручью и носитъ съ нимъ одно имя; длина его до 1½ версты. Дичи на немъ было видно мало, и только одинъ разъ я выстрѣлилъ по уткамъ съ громаднаго разстоянія, конечно, безъ всякаго результата.

На урочище мы вернулись рано. Для отряда здѣсь выстроена казарма, благо, лѣса въ изобиліи, но безъ печей; кухня и домикъ для офицеровъ. Хозяйственныя условія тутъ чудесныя: вода, лѣсъ и подножный кормъ въ изобиліи; подвозъ провіанта возможенъ на телѣгахъ и не далѣе ста верстъ; мясо пріобрѣтается на мѣстѣ у киргизъ; при мнѣ пригнали барановъ на продажу, и бараны были отъ 2 до 3 рублей, смотря по величинѣ.

Обстановка отряда съ вечера почти боевая, хотя и днемъ на холмикѣ постоянно часовой для наблюденія за всѣми сходящимися здѣсь тропами; ночью лошади пасутся

подъ усиленнымъ конвоемъ и конвой имѣетъ винтовки наготовѣ. Въ мое время было тихо, но раньше были поползновенія угнать лошадей. Въ хребтѣ Большого Алтая есть много воровскихъ тропъ и безыменныхъ переваловъ, которые и киргизы плохо знаютъ; извѣстны они однимъ барантачамъ. Всѣ киргизы чувствуютъ слабость къ угону скота, особливо лошадей, которыхъ можно скоро угнать и сбыть въ надежномъ мѣстѣ. Для уменьшенія кражъ скота между киргизами введена русской администраціей круговая порука, и за кражу скота отвѣчаетъ весь аулъ, откуда виновные. Но между киргизами есть и профессіональные воры скота, они и называются барантачами; за такихъ спеціалистовъ, понятно, нельзя винить аулы. Дѣятельность профессіональныхъ барантачей оживленнѣе на границахъ губерній и областей, гдѣ удобнѣе замести слѣдъ перегономъ скота въ другую область; конечно, они исправно хозяйничаютъ и на государственной границѣ вдали отъ отрядовъ.

2-го августа мы двинулись на Калгуты. Командиръ сотни рѣшилъ поѣхать со мною, чтобы навѣстить свою вторую полусотню. Вышли мы очень рано, чтобы поспѣть на Калгуты засвѣтло.

Сначала мы шли лѣсомъ. Дорога была здѣсь исключительно вьючная, но ее нетрудно разработать въ колесную. По мѣрѣ движенія мы поднимались все выше, и крутизна подъема была замѣтна болѣе, нежели предъ Чиндагатуемъ. Скоро лиственницы уступили мѣсто кедру, и лѣсъ сталъ рѣдѣть; хорошихъ кедровъ тутъ было мало; большая часть деревьевъ выглядывала какими-то заморышами.

Направо по замѣтному на глазъ уклону, гремя въ своемъ каменномъ ложѣ, неслась Бухтарма; цвѣтъ ея воды становился все бѣлѣе. Высота урочища Чиндагатуй нѣсколько болѣе 5.000 футовъ, и въ 15 верстахъ на высотѣ 7.500 ф. мы вышли изъ пояса лѣсовъ, и пошелъ кустарникъ, а за нимъ низкая трава, да кое-гдѣ попадались кустики полярной березы; листья у нея мелкіе, почти круглые и темно-зеленаго цвѣта. Въ хребтѣ Большого Алтая все чаще попадались снѣжныя вершины, а въ двухъ мѣстахъ у дороги, на южномъ склонѣ, мы перешли чрезъ остатки

прошлогодняго снѣга. Съ главнаго хребта блестящими лентами лились въ Бухтарму ручьи.

Мы подходили къ перевалу Укокъ, представляющему обширную плоскую сѣдловину на высотѣ 8.062 фута; здѣсь пропала и береза. Это мѣсто пустынно и безмолвно: ни звука, ни птички, ни цвѣточка, а только трава кипецъ высотою въ два вершка да камни. На правой сторонѣ, рѣзко выдѣляясь на голубомъ безоблачномъ небѣ, стояли Альпы Канасъ, заваленныя вѣчнымъ снѣгомъ; впереди на разстояніи версты виднѣлись озера, а налѣво за пологимъ косогоромъ одиноко торчала верхушка Бѣлухи, точно бѣлый клинушекъ, да высоко надъ нами парили два беркута. Среди этого абсолютнаго безмолвія мнѣ невольно пришли въ голову стихи Лермонтова:

„Стоятъ нѣмые великаны,
А на груди ихъ вмѣсто латъ
Льды вѣковѣчные горятъ!"

Альпы Канасъ даютъ начало Бухтармѣ, и мѣсто ея истока было отлично видно съ перевала. Изъ небольшой, сплошь заваленной снѣгомъ, котловины серебристыми нитями тянулось нѣсколько ручьевъ, а слившись, они бѣжали одной узкой рѣчкой по уклону. До этой котловины было однако не менѣе 10—15 верстъ,—кто ихъ мѣрилъ?

Лежащія впереди озера доставили мнѣ случай убѣдиться въ зоркости номадовъ. Казакъ мой, отличавшійся очень хорошимъ зрѣніемъ, заявилъ мнѣ, что на озерѣ виденъ гусь. На это Яшикъ прехладнокровно замѣтилъ: „камень". Подъѣхали ближе, и казакъ удостовѣрился, что это камень.

Дойдя до ручья Кара-булакъ, названнаго такъ, вѣроятно, за темный цвѣтъ камней своего ложа, мы сдѣлали привалъ и напились чаю. Огонь было развести легко; между камнями у ручья было много древеснаго сора, оставшагося отъ половодья. Отсюда была видна уже масса озеръ, соединенныхъ протоками, и изъ одного вытекала глубокая и быстрая рѣка Алаха, называемая въ этомъ мѣстѣ, до сліянія съ Калгутинкой, Укокъ. Алаха бѣжитъ на сѣверъ и относится къ системѣ Катуни.

Тутъ можно понять, какою грудью питается мощная водная система Оби. Тысячи ручьевъ и рѣчекъ несутся съ горъ и сливаютъ воды въ Иртышъ, или образуютъ Катунь и Бій—мать и отецъ Оби. Вездѣ, кромѣ спеціальныхъ сочиненій, говорятъ и пишутъ: „Бій", но на самомъ дѣлѣ это неправильно,—рѣка называется Бія.

Едва мы двинулись съ привала, какъ впереди замѣтили двухъ дравшихся на землѣ беркутовъ, очевидно, за что-то съѣстное. Я слѣзъ съ коня, киргизъ повелъ его въ поводу, а я, прикрываясь лошадью, сталъ подходить къ беркутамъ; прочіе нарочно отстали. Подобравшись на 80—90 шаговъ, я рѣшилъ стрѣлять, потому что они уже забезпокоились. Послѣ выстрѣла одинъ поднялся, другой упалъ, но справился и низко полетѣлъ въ сторону Канаса, затѣмъ онъ полетѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Подойдя къ мѣсту ихъ трапезы, мы нашли растерзаннаго байбака.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Э. Мартесонъ.

Въ деревню на Святки.

(Изъ недавняго прошлаго).

Было раннее зимнее утро, и въ вагонѣ 2-го класса еще господствовалъ полумракъ, но немногочисленные пассажиры уже всѣ проснулись, сидѣли молча по своимъ мѣстамъ, изрѣдка позѣвывали и глядѣли сонными глазами въ замерзшія окна. Въ коридорѣ вагона стоялъ и курилъ молодой человѣкъ, одѣтый въ франтовской лисій полушубокъ, въ высокихъ на войлокѣ сапогахъ и въ шапкѣ съ бобровымъ околышемъ, съ лицомъ оживленнымъ и глазами, блещущими энергіей жизни. Это былъ Сергѣй Львовичъ Гольневъ, студентъ-юристъ 3-го курса С.-П—го университета, ѣхавшій изъ шумной столицы на рождественскіе праздники въ свою усадьбу, гдѣ надѣялся провести въ тиши дней десять, отдохнуть отъ своей слишкомъ бойкой свѣтской жизни и поохотиться съ сосѣдями на волковъ, которыхъ въ ихъ мѣстахъ было множество. Гольневъ не любилъ праздниковъ въ столицѣ, съ поздравленіями, съ визитами, съ общей суетой, съ пестрою толпой вездѣ, и на улицѣ, и въ театрѣ, и на балахъ, онъ, какъ человѣкъ свободный и состоятельный, предпочиталъ будни, когда вездѣ встрѣчаешь общество менѣе многочисленное, но болѣе интеллигентное и изысканное, потому-то мы его и находимъ въ вагонѣ наканунѣ рождественскаго сочельника 23 декабря 18** года. „Станція Семирѣчье, поѣздъ стоитъ 20 минутъ“, провозгласилъ вошедшій кондукторъ; одинъ изъ пассажировъ, пожилой купецъ съ окладистой бородкой, тотчасъ поднялся и началъ завязы-

вать свои вещи; раздался глухой протяжный свистокъ и поѣздъ началъ утишать свой ходъ, мѣрно постукивая колесами и изрѣдка сотрясаясь, загромыхалъ на послѣдней стрѣлкѣ, и вотъ показалась тихо бѣгущая платформа съ рѣдкими фигурами закутанныхъ людей. Поѣздъ остановился, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ и подошелъ, козыряя, къ начальнику станціи, публика стала выходить изъ вагоновъ и, несмотря на полный просторъ, все-таки тѣснилась и куда-то спѣшила.

Гольневъ вмѣстѣ съ другими вошелъ въ залъ 1-го класса; его тотчасъ узналъ и привѣтствовалъ пріятельской улыбкой высокій рыжій лакей, въ потертомъ фракѣ, въ манжетахъ съ бахромой, и принесъ ему не въ очередь чаю; толстая гладкая собака, лѣниво помахивая хвостомъ, обходила публику, садилась передъ каждымъ, дѣлала любезное лицо, щуря слезливые глаза. Гольневъ напился чаю, покормилъ собаку, похлопалъ ее по широкой толстой спинѣ, закурилъ папиросу и вышелъ на платформу. На улицѣ посвѣтлѣло, блѣдное солнце поднялось выше и своими косыми холодными лучами золотило крыши строеній. Въ третій классъ напирала артель плотниковъ, еле пролѣзая съ мѣшками, топорами и огромными пилами, вѣрно, спѣша съ работъ домой на Рождество; съ другой стороны на тормазу бравый солдатъ, съ папиросой въ зубахъ, побѣждалъ какую-то дѣвицу „въ дипломатѣ“, чистый мужикъ, повидимому, изъ дворниковъ, безъ шапки, въ одной шерстяной фуфайкѣ и валенкахъ, спѣшилъ съ дымящимся жестянымъ чайникомъ.

Всѣ эти мирныя картины чрезвычайно успокоительно дѣйствовали на нервы Гольнева, и онъ сталъ чувствовать себя какъ-то спокойнѣе и даже счастливѣе. Сторожъ, пожилой солдатъ, въ форменной бараньей шубѣ, зазвонилъ въ колоколъ, вытянувъ руку надъ головой; началъ отчетливыми ударами, потомъ перешелъ въ мелкіе, частые, почти сливающіеся и закончилъ опять рѣдкими и звонкими. Гольневъ вошелъ въ вагонъ, усѣлся у одного изъ менѣе замерзшихъ оконъ и началъ въ него смотрѣть: вотъ пробѣжали бѣгомъ смѣясь трое парней, въ новыхъ картузахъ

и потертыхъ пальто, прошелъ тихо и важно сѣдоусый жандармъ, послышались удары затворяемыхъ дверей вагоновъ, наконецъ, показался оберъ-кондукторъ вмѣстѣ съ начальникомъ станціи, получилъ отъ него какіе-то листки, раскланялся и подалъ свистокъ, на который локомотивъ тотчасъ отвѣтилъ густымъ контральто; прошла секунда всеобщаго ожиданія... послышались одно за другимъ громыханье цѣпей, вагоны сотрясались и двигались другъ за другомъ. Телеграфистъ выглянулъ въ форточку, кому-то кланяясь, автоматическій колоколъ сталъ мѣрно отсчитывать свои гудящіе удары, замелькали товарные вагоны, поѣздъ все чаще и чаще со звономъ постукивалъ по стрѣлкамъ, усиливая свой ходъ, наконецъ, просвѣтлѣло — выѣхали въ поле, солнце ярко и холодно горѣло на небѣ, необозримыя снѣжныя поля разстилались до горизонта, оттѣняемыя кое-гдѣ небольшими островками лѣса и кустовъ. „Ахъ, батюшки, Семирѣчье-то я и проспалъ?—раздался вдругъ хриплый голосъ,—а, Сергѣй Львовичъ, какими судьбами?“ Гольневъ оглянулся и увидалъ Говядкина, городского голову ближняго уѣзднаго города, купца, огромнаго росту, съ рыжими прямыми бачками на щекахъ по мѣстной старинной модѣ.

— Здравствуйте, Егоръ Ивановичъ, я ѣду къ себѣ въ усадьбу, а вы куда и откуда?

— Я изъ Питера, семейство веселилъ, а теперь восвояси. Забрался въ 1-й классъ и Семирѣчье продрыхъ, съ похмѣлья голова трещитъ: вчера съ пріятелемъ въ ожиданіи поѣзда здорово того,—и Говядкинъ привычнымъ жестомъ щелкнулъ себя по галстуку.

— Ну, что хорошаго повидали въ Питерѣ,—спросилъ Гольневъ?

— Да, цѣлыя полторы недѣли путались, переѣли во всѣхъ ресторанахъ, истоптали весь гостиный дворъ, даже Санъ-Бернардъ видали.

— Т.-е. Сарру Бернаръ,—поправилъ со смѣхомъ Гольневъ,—а то Санъ-Бернарды вѣдь это собаки!

— А ну ихъ, не разберешь, имена все неправославныя, поневолѣ въ нихъ запутаешься, а какую пьесу игра-

ла, хоть зарѣжь, не упомню и не выговорю! Вотъ рестораны, какъ звать, всѣ заучилъ, значитъ, практику большую имѣлъ. Охъ, грѣхи наши тяжкіе! Идемъ, Сергѣй Львовичъ, къ намъ въ купе, у насъ тамъ кое-какія винныя дѣла имѣются.

Въ это время послышался опять глухой свистокъ локомотива, подъѣзжали къ станціи Кривулино, гдѣ обоимъ собесѣдникамъ нужно было выходить и продолжать путь на лошадяхъ.

Говядкинъ поспѣшно ушелъ, а Гольневъ, собравъ свой немногочисленный багажъ, вышелъ на тормазъ. Показались деревянныя и бѣдныя постройки маленькой станціи, у платформы стояло нѣсколько лошаденокъ, запряженныхъ въ дровни, одна изъ нихъ, при приближеніи поѣзда, насторожила уши, вдругъ попятилась назадъ, и, завернувъ круто, кинулась назадъ, но тотчасъ зацѣпила дровнями за столбъ и покорно стала, перекосивъ на сторону хомутъ и старую дугу. На платформѣ уже стоялъ ямщикъ Иванъ Стрижъ и бѣгалъ глазами по вагонамъ, ища своей добычи; увидалъ тотчасъ Гольнева, снялъ шапку и побѣжалъ за останавливающимся поѣздомъ.

— Здравствуйте, сударь, съ пріѣздомъ! Лошадки понадобятся, вашихъ нѣтъ, прикажите, недорого возьму, позвольте вещи.

— Ну, а сколько?—спросилъ Гольневъ, передавая свои вещи.

— Десять рубликовъ положьте, дорога больно ухабиста.

— Что ты, въ умѣ ли, хочешь пять?

— Ну, извольте восемь, только для васъ, — сбавилъ Стрижъ, пугливо поглядывая на приближающагося городского обратнаго ямщика. — Ну, хорошо шесть рублей, — поспѣшно провозгласилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, побѣжалъ съ вещами за станцію.

Гольневъ, зная, что запрягать лошадей будутъ навѣрно не менѣе часу, отправился въ близлежащій трактиръ, стоявшій не далеко за станціей и служившій единственнымъ пріютомъ для пассажировъ, пріѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ

на лошадяхъ. Кругомъ трактира снѣгъ былъ почти утрамбованъ и покрытъ навозомъ, у длинныхъ колодъ тѣснились подводы, нагруженныя и пустыя, лошади жадно ѣли овесъ и сѣно, изрѣдка, прижавъ уши, визжали и кусали сосѣднихъ, а также отгоняли назойливо лѣзущихъ имъ подъ морды жирныхъ голубей; толстыя вороны спокойно, какъ у себя дома, сидѣли на подводахъ, что-то долбя и таская своими острыми носами; на крыльцѣ, держась за перилы и свѣсивъ черезъ нихъ растрепанную голову, стоялъ на гнущихся ногахъ пропойца-мужиченокъ, устремивъ куда-то прямо стекляные слезливые глаза и что-то бормоча мокрыми синими губами. Гольневъ плечомъ нажалъ низкую, обитую рогожей дверь, которая, завизжавъ блокомъ, съ трудомъ отворилась; пахнуло паромъ и запахомъ кислыхъ щей, говоръ и крикъ сотни голосовъ гудѣлъ и переливался, за столами сидѣли все шубы и рубахи, пили чай, водку закусывали и обсуждали въ этомъ русскомъ „парламентѣ“ свои дѣла и нужды. Буфетчикъ, узнавъ Гольнева, вскочилъ, низко раскланялся и пригласилъ наверхъ въ чистую половину, куда вела темная, крутая и скользкая отъ растаявшаго нанесеннаго снѣга лѣстница. Въ большой комнатѣ чистой половины за столомъ сидѣла мѣстная аристократія: урядникъ, въ потертомъ форменномъ сюртукѣ, какой-то милостивый государь, въ бекешѣ съ растрепаннымъ собачьимъ воротникомъ, и толстая баба-торговка, въ атласной шубѣ, съ головой, повязанной большимъ ковровымъ платкомъ. Компанія оживленно толковала о какихъ-то дѣлахъ судебнаго свойства, но, увидавъ входящаго помѣщика, сразу замолкла, уткнулась въ блюдечки, изрѣдка на него поглядывая искоса и исподлобья. Гольневъ сбросилъ шубу, снялъ шапку, постукалъ ногами, отряхая снѣгъ, и пошелъ внизъ, желая повидать своего ямщика. Только что онъ спустился, какъ входная дверь съ визгомъ распахнулась настежъ, и въ трактиръ, согнувшись въ три погибели, влѣзла длинная фигура Говядкина въ огромной медвѣжьей шубѣ.

— Водки! — крикнулъ онъ громовымъ басомъ, — а то умру безъ покаянія.

Въ трактирѣ всѣ сразу смолкли, публика, состоявшая по большей части изъ грузовыхъ извозчиковъ, потому хорошо знавшая Говядкина, любовно и съ сочувствіемъ глядѣла на загулявшаго купца-милліонера. Буфетчикъ мигомъ налилъ столовый стаканъ водки; откуда ни возьмись, появился худой и длинный, какъ верстовой столбъ, молодой глухонѣмой нищій, началъ кланяться и просить, протягивая огромную руку.

— Водки хочешь?—строго крикнулъ голова, показывая жестомъ на стаканъ.

Глухонѣмой осклабился и радостно замычалъ.

— О, Тереха водку любитъ, не уважитъ никому!—заговорили, смѣясь, кругомъ.

— Налей ему стаканъ,—сказалъ Говядкинъ буфетчику,—а то я одинъ не привыкъ пить, хоть съ нѣмымъ да въ компаніи! При общемъ смѣхѣ Говядкинъ чокнулся съ нѣмымъ и выпилъ водку; нищій послѣдовалъ его примѣру и опрокинулъ пустой стаканъ себѣ на маковку въ знакъ того, что выпито все досуха. Гольневъ, посмотрѣвъ на эту сценку купеческаго развлеченія, вернулся наверхъ и сѣлъ пить чай, поданный въ разноцвѣтной золоченой посудѣ; урядника уже не было, а бекешка завела торговку въ уголъ и что-то строчила на листѣ бумаги, по временамъ съ ней перешептываясь. Наконецъ Стрижъ доложилъ, что лошади готовы, Гольневъ съ удовольствіемъ вышелъ изъ смраднаго трактира и сталъ садиться въ поданную кибитку, запряженную „уточкой“, т.-е. одна лошадь въ корню и двѣ впереди рядомъ. У кабака стояла кучка народу, кто-то мастерски игралъ на гармоніи „барыню“ съ перемѣнами, съ перехватами, съ подголосками; пришедшій немного въ себя пропойца мужиченокъ, радостно ухмыляясь, неуклюже плясалъ, пошлепывая рваными лаптями и помахивая судорожно согнутой рукой. Гольневъ усѣлся, и тройка лихацки по ямщицкой модѣ, со звономъ, громыханьемъ бубенцовъ и гиканьемъ съ мѣста взяли въ карьеръ: кибитка запрыгала, тотчасъ раскатилась въ бокъ, ставъ на одинъ полозъ и упершись въ землю отводомъ, ударилась потомъ въ изгородь, отскочила, раскатилась въ

другую сторону, ткнулась въ мостовую тумбу, откуда бокомъ съѣхала въ кривой ухабъ, нырнула въ немъ, но вполнѣ благополучно выбралась на дорогу и поѣхала уже не шибко, такъ какъ привычныя лошади знали, что шику достаточно задали и теперь слѣдуетъ себя поберегать.

II.

Въ 3-мъ часу дня Гольцевъ ѣхалъ послѣднія версты по давно знакомымъ и роднымъ мѣстамъ; проселочная дорога змѣйкой бѣжала въ даль и терялась за горушкой, кругомъ тянулись снѣжныя волнистыя поля вперемежку съ островками лѣсу и кустарника; тамъ и сямъ, оживляя общій видъ, выглядывали частыя деревни и села, блестя при свѣтѣ заходящаго солнца главами своихъ церквей и высокихъ колоколенъ. Встрѣчный народъ узнавалъ уже своего помѣщика и низко ему кланялся, сворачивая лошадей вбокъ дороги и глядя долго ему вслѣдъ любопытными глазами. Сергѣй Львовичъ, по долгу проживая по лѣтамъ въ усадьбѣ, зимой тутъ еще не разу не былъ а потому все давно знакомое, подъ покровомъ снѣжной пелены, казалось для него новымъ и любопытнымъ, и эти сквозящіе на фонѣ неба перелѣски, и эти какъ-будто зарывшіяся въ снѣгу избенки, и эта общая тишина и беззвучность жизни, такъ сразу поражающая пріѣзжаго столичнаго жителя. Вотъ въѣхали въ родное село. Нѣсколько укутанныхъ мальчишекъ стояли у дороги, упорно, ни разу не сморгнувъ, смотрѣли на проѣзжавшую кибитку, баба съ ведрами тоже остановилась неподвижно, видимо, пораженная неразрѣшимой для нея загадкой, кто можетъ ѣхать на этой тройкѣ; отъ священника изъ палисадника, выскочила толстая лѣнивая дворняжка, полаяла нѣсколько разъ, потомъ раздумала, понюхала воздухъ, немного постояла и тихо пошла обратно домой. Миновавъ село, тройка за церковью взяла направо, проѣхала съ четверть версты и повернула въ березовую аллею, ведущую прямо въ усадьбу къ большому старинному дому съ колоннадой, куда уже спѣшилъ отъ конюшенъ какой-то человѣкъ, пристально вглядываясь и стараясь узнать сидящаго въ кибиткѣ сѣ-

дока; рыжій сеттеръ стоялъ на сугробѣ, и изрѣдка лаялъ и тоже смотрѣлъ, поднявъ уши, на нежданныхъ гостей. Кибитка, окруживъ домъ, въѣхала шагомъ на огромный наметенный во дворѣ сугробъ и съ него бокомъ скатилась къ крыльцу, ударившись о его широкіе каменные выступы. Бѣжавшій изъ конюшни человѣкъ оказался кучеръ Григорій, который уже высаживалъ Гольнева съ радостнымъ лицомъ; рыжіе сеттера, узнавъ хозяина, визжали и прыгали, стараясь лизнуть его въ лицо; изъ кухни въ одномъ сарафанѣ, закрывая отъ холода сложенными руками грудь и плечи, бѣжали скотница, а за ней трехшерстная кошка, которая однако, увидавъ суетящихся собакъ и людей, остановилась, выгнула спину, а потомъ, поднявъ хвостъ, въ два прыжка очутилась въ безопасности на ближайшемъ деревѣ; на крыльцѣ показался старый почтенный приказчикъ Арсеній Григорьевичъ въ красной рубашкѣ и валенкахъ. Сопровождаемый всѣми суетящимися людьми и собаками; молодой помѣщикъ вошелъ въ прихожую съ жарко натопленною лежанкой, у которой грѣлся „дежурный самоваръ“, ибо Арсеній пилъ чай безъ перерыва цѣлый день.

— Какими судьбами къ намъ пожаловали? не дали даже знать, на ямскихъ прибыли,—говорилъ Арсеній, снимая шубу и полушубокъ съ хозяина.—Обѣда мы не приготовили, сейчасъ похлопочемъ, а пока чайку прикажите.

Всѣ комнаты пространнаго дома были заперты, оставлены только четыре небольшія, выходящія на дворъ; Сергѣй Львовичъ вошелъ въ столовую и усѣлся на привычномъ мѣстѣ у окна. Арсеній подалъ ему чаю, а самъ остановился у дверей, повидимому, желая поговорить и услышать что-нибудь новенькое отъ пріѣзжаго свѣжаго человѣка; Амурка, давно небывавшій въ комнатахъ, съ наслажденіемъ растянулся у стола, изрѣдка взглядывая на хозяина и похлопывая при этомъ каждый разъ по полу пушистымъ хвостомъ. Гольневъ съ аппетитомъ пилъ чай съ густыми сливками и черствыми, какъ камень, баранками и кое о чемъ болталъ съ Арсеніемъ, который наконецъ ушелъ распоряжаться обѣдомъ, впустивъ нечаянно

въ дверь давно сторожившаго тутъ краснаго огромнаго сеттера Пріятеля, который не замедлилъ, радостно улыбаясь, явиться въ столовую. Старикъ Амурка тотчасъ вскочилъ и загородилъ ему дорогу, поднявъ саблей хвостъ, и заворчалъ тенором; Пріятель съежился, поджалъ хвостъ, опустилъ голову, заворчалъ басомъ захлебываясь, потомъ тихо переступая съ лапы на лапу, преслѣдуемый Амуркой, почти положившимъ свою голову ему на спину, приблизился къ дивану и быстро подъ него подлѣзъ, стуча маклышками лапъ. Амурка тотчасъ его оставилъ и обернувшись взглянулъ съ улыбкой на своего хозяина, какъ бы говоря — „это мы такъ себѣ, — для развлеченія“, потомъ самъ легъ подъ столъ, почмокалъ губами и мирно заснулъ крѣпко зимнимъ сномъ. Наступилъ вечеръ; при свѣтѣ небольшой лампы Сергѣй Львовичъ сидѣлъ одинъ и былъ вполнѣ счастливъ, въ умѣ—никакихъ мыслей, въ сердцѣ—никакихъ желаній, кругомъ тишина и спокойствіе, онъ ихъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ и ими наслаждался...

Сочельникъ былъ посвященъ осмотру хозяйства, а также различнымъ счетамъ и расчетамъ съ Арсеніемъ, а на другой день, въ праздникъ Рождества, Сергѣй Львовичъ отправился къ обѣднѣ; вышелъ на улицу, погрозилъ желавшимъ за нимъ бѣжать собакамъ, которыя тотчасъ остановились, умильно прижавъ уши, и отправился пѣшкомъ прямикомъ по узкой тропинкѣ. Погода была хорошая, радостный звонъ благовѣста весело несся съ колокольни, у погоста стояло уже нѣсколько подводъ, тамъ и сямъ виднѣлись группы идущихъ людей, у церкви бѣгали и шалили мальчишки и дѣвчонки. Гольневъ отворилъ дверь въ церковь, передъ нимъ стояла сплошная стѣна разноцвѣтныхъ шелковыхъ платковъ: это, по обычаю, помѣстились сзади женщины и дѣвицы, впереди виднѣлись по большой части стриженные затылки въ пальто и пиджакахъ мѣстной уже полугородской молодежи; ближе къ клиросу стали солидные бородачи домохозяева въ суконныхъ поддевкахъ и шубахъ, часто крестились, усердно кланялись, потряхивая смазанными для праздника, порѣдѣвшими кудрями; налѣ-

во, у самого клироса, виднѣлась матушка и какая-то ея городская гостья, въ шляпѣ съ огромнымъ загнутымъ перомъ, долженствующимъ, по ея мнѣнію, поразить всѣхъ окружающихъ и выставить ея неизмѣримое городское превосходство. Гольневъ едва протискался и сталъ впереди крестьянъ-домохозяевъ, которые почтительно ему освободили мѣсто; стоящіе у амвона мальчишки всѣ обернулись и уставились на него въ упоръ безмысленными глазами; городская гостья, не желая повернуть головы и обнаружить явно свое любопытство, скосила до невозможности въ его сторону правый глазъ; сзади стояли—испитая истощенная дѣтьми дьячиха, одѣтая бѣдно и скромно, старушка просвирня, повязанная чернымъ платкомъ, и двѣ городскія бабы, въ пуховыхъ платкахъ и дипломатахъ со стеклярусными вышивками на спинѣ и рукавахъ. Высокій худой дьячокъ, или по новому—псаломщикъ, въ длинномъ потертомъ сертукѣ, съ шеей, повязанной чернымъ галстухомъ, стоялъ прислонившись къ углу клироса, сложивъ одну руку на грудь, а другой взявшись за подбородокъ, пѣлъ басомъ съ привычными интонаціями; молодой мужикъ изъ городскихъ жидко ему подтягивалъ въ болѣе знакомыхъ мѣстахъ и по большей части въ окончаніяхъ; двое мальчиковъ, воспитанниковъ духовнаго училища, тянули фальшиво, но рѣзко и смѣло. Старый иконостасъ глядѣлъ своими старинными темными образами и отражалъ свѣтъ свѣчей своею облѣзшею, но кое-гдѣ сохранившеюся позолотой. Въ общемъ, несмотря на видимую бѣдность и простоту окружающей обстановки, господствовало вездѣ праздничное и благоговѣйное настроеніе, которому незамѣтно поддался и Гольневъ и котораго онъ не испытывалъ никогда въ богатыхъ и грандіозныхъ храмахъ столицы. Обѣдня скоро кончилась; Сергѣй Львовичъ подошелъ къ кресту и получилъ приглашеніе отъ священника зайти къ нему пить чай, поздоровался съ матушкой, былъ представленъ шляпкѣ съ перомъ, которая отъ конфуза сдѣлала деревянное лицо и устремила свои взоры куда-то въ уголъ. Выйдя на улицу и миновавъ ряды нищихъ, изъ которыхъ многіе были уже полупьяны, Гольневъ прибли-

жался къ кружку слѣпыхъ; мальчишка вожатый толкнулъ тотчасъ одного изъ нихъ, и слѣпой запѣлъ старческимъ голосомъ свой особенный полуцерковный полусвѣтскій напѣвъ, устремивъ передъ собой безцвѣтные неподвижные глаза; другой слѣпой тотчасъ подхватилъ его какимъ-то пѣвучимъ речитативомъ, гдѣ сглаживая, гдѣ подчеркивая основной мотивъ, третій молодой металлическимъ фальцетомъ какъ-будто аккомпанировалъ ихъ, почти безъ словъ, съ неожиданными странными переходами, легкими красивыми фіоритурами. Въ общемъ получалась какая-то странная, но поражающая свое оригинальностью пѣснь-сказка, отъ нея какъ-будто вѣяло сѣдою стариною, давно прошедшею жизнью, давно минувшими дѣлами, старинною мощью, старинною вѣрой... Гольневъ невольно остановился и сталъ слушать; кругомъ собралось много народу, всѣ стояли неподвижно, склонивъ задумчиво головы, съ лицами серьезными, сосредоточенными. Кончили слѣпые свою пѣснь, Сергѣй Львовичъ сунулъ одному изъ нихъ рублевую бумажку; увы, все возвышенное исчезло, по лицамъ прочихъ слѣпыхъ пробѣжало что-то хищнически жадное, они мигомъ ощупали бумажку у товарища и начали низко кланяться, хотѣли запѣть еще, но Гольневъ пошелъ далѣе, сопровождаемый нѣкоторыми изъ крестьянъ, разсказывавшими, что эти трое слѣпыхъ славятся своими пѣснями далеко кругомъ и даже въ одномъ изъ монастырей пѣли самому архіерею.

Сергѣй Львовичъ у священника засталъ уже много народу, тутъ былъ и братъ его „профессоръ“ семинаріи съ огромною лохматою головой, инспекторъ уѣзднаго училища — благообразный старичокъ въ золотыхъ очкахъ, два франта-чиновника изъ мѣстнаго казначейства, нѣсколько пестро одѣтыхъ дамъ, которыя почти всѣ были въ интересномъ положеніи. Вся компанія сидѣла, пила чай и вели громкіе разговоры по большей части о земскихъ и церковныхъ дѣлахъ, на столѣ красовался огромный подносъ съ многочисленными бутылками и закусками, послѣднія были уже порядочно растрепаны, видимо, гости не теряли золотого времени и начали прославленіе праздника послѣ ранней

обѣдни. Вскорѣ пришелъ изъ церкви и самъ батюшка въ коричневомъ подрясникѣ, подпоясанномъ вышитымъ поясомъ, и тотчасъ приступилъ къ угощенію своихъ гостей, наливъ стоящую на подносѣ шеренгу огромныхъ граненыхъ рюмокъ. Гости встали, взяли рюмки, чокнулись съ батюшкой, принесли ему поздравленія съ праздникомъ и ихъ опрокинули. Профессоръ проглотилъ не сразу, а подержалъ немного во рту, надувъ щеки; инспекторъ закашлялся и покраснѣлъ, чиновники, несмотря на свое жениховское франтовство, вонзили въ себя по рюмкѣ легко и безпрепятственно. Гольневъ уговорилъ матушку и другихъ дамъ выпить съ нимъ по рюмкѣ лиссабонскаго, что онѣ, хотя и отнѣкиваясь, исполнили съ видимымъ удовольствіемъ; потомъ, поговоривъ кое-о-чемъ для приличія и выпивъ стаканъ чая, распростился; выходя, встрѣтилъ подъѣзжающаго станового пристава, который, привѣтствуя Сергѣя Львовича, воскликнулъ густымъ басомъ: „Запоздалъ, у самого служба: водку-то, я думаю, не всю еще выпили, ничего, я живо наверстаю!“

Только что Гольневъ вышелъ за ворота, какъ къ нему подлетѣли, радостно повизгивая, поджидавшіе уже его сеттера. Пріятель со всего размаха прыгнулъ, лизнулъ хозяина въ лицо и попалъ верхомъ на Амурку, послѣдній въ свою очередь съ ворчаніемъ поднялся на дыбки. Пріятель оскалилъ зубы и ощетинился, казалось, вотъ произойдетъ жестокая драка, но собаки постояли, поворчали и потомъ какъ ни въ чемъ не бывало бросились догонять хозяина, весело помахивая хвостами. Пьяный старичокъ нищій съ корзинкой на рукѣ еле стоялъ на слабыхъ согнутыхъ ногахъ; добродушно и мягко улыбаясь, глядѣлъ на помѣщика и бормоталъ: „милушка нашъ, милушка!“ —хотѣлъ было подойти, но заплелся ногами и мягко кувыркнулся въ снѣгъ; смѣтливый Амурка сейчасъ къ нему подлетѣлъ на рысяхъ, сунулъ голову въ корзинку и вытащилъ краюшку хлѣба, которую тихо понесъ, искоса поглядывая на своего товарища Пріятеля.—„Сергѣй Львовичъ, батюшка, пожалуй въ гости, не обезсудь!“ раздался густой басъ съ крыльца сосѣдней большой крытой дранью избы, и вскорѣ пока-

зался огромный мужикъ съ черною съ просѣдью бородой, въ красной рубахѣ, высокомъ жилетѣ, съ длинной черезъ шею серебрянною цѣпочкой. Это былъ одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, Илья Медвѣдевъ, московскій водовозъ; съ молоду, обладая воловою силой, онъ на себѣ развозилъ воду по мѣстамъ, потомъ помаленьку завелъ лошадей и, наконецъ, цѣлое заведеніе, которымъ теперь завѣдывали два его сына, самъ же поселился дома и наслаждался жизнью зажиточнаго и пользующагося почетомъ крестьянина-домохозяина.

— Ну, ну, идемъ!—говорилъ Илья, подхвативъ барина подъ руку и немного покачиваясь.—Ты уже того?—смѣясь замѣтилъ Гольневъ, —э, милушка, вчера пиво пробовали, ну, а на старыя дрожжи много ли надо старику, тюкнулъ рюмочку — другую, ну, и загулялъ! Мамуря, другъ сердечный,--обратился Илья къ собакѣ, его знавшей и ласкавшейся,—зови барина скорѣе, лепешку дамъ! Сергѣй Львовичъ поднялся на крутое крыльцо, прошелъ согнувшись темныя сѣни и отворилъ низкую дверь въ чистую лѣтнюю избу; народу было тамъ много, въ воздухѣ стоялъ дымъ и паръ, затемняя слабый свѣтъ запотѣвшихъ оконъ. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, привѣтствуя почетнаго гостя, котораго тотчасъ усадили въ передній уголъ подъ образа.— Чаю, пива,—крикнулъ громовымъ басомъ Илья,—шевелись старухи, толсторожія молодухи! — Ладно, ладно, добродушно говорила пожилая хозяйка съ привѣтливымъ когда-то красивымъ лицомъ, накрывая столъ чистою скатертью; сынъ, молодой парень, въ синей кашемировой рубахѣ, засвѣчалъ висячую лампу, молодуха невѣстка, блестя позументами повойника съ бѣлымъ, какъ-будто отполированнымъ лицомъ, внесла огромный самоваръ, съ усиліемъ, сжавъ губы, подняла его на столъ, другая — худенькая, цыганскаго типа, въ ярко-красномъ шелковомъ платкѣ, поставила на столъ графинъ съ пѣнящимся домашнимъ пивомъ, метнула на молодого помѣщика изъ-подъ темныхъ рѣсницъ блестящимъ взглядомъ, потомъ потупилась, и яркій румянецъ зардѣлся на ея темныхъ щекахъ.

— Съ праздникомъ,—сказалъ Гольневъ,—принимая на-

литую рюмку и чокаясь съ хозяиномъ. — „Старуха, подь сюда, почеканься съ бариномъ", крикнулъ Илья. Хозяйка вышла, съ улыбкой приняла рюмку, чокнулась съ бариномъ и выпила. — Вотъ такъ, батюшка баринъ, и ты къ намъ пріѣхалъ на деревенскіе праздники, у насъ лучше — вольготнѣе, чѣмъ на городу; люблю свою деревню, ни съ кѣмъ своею жизнью не помѣняюсь, хоть съ самимъ тобой!

Въ углу у двери въ темнотѣ сидѣли „гуляки", небогатые мужики гости, ходившіе по богатымъ домамъ съ поздравленіями, одинъ изъ нихъ пилъ пиво изъ огромнаго деревяннаго ковша конькомъ; обычай былъ таковъ — пей сколько можешь безъ передышки: какъ только передохнулъ и отъ ковша оторвался, передавай слѣдующему. Въ избу поглядѣть на барина сталъ набираться народъ: то проскользнетъ, закрывая лицо, бабенка, то войдетъ сосѣдъ-крестьянинъ, перекрестится, поклонится на всѣ стороны и, смотря по своему положенію, либо сядетъ поближе къ столу, либо въ сторонѣ въ отдаленьи. Вотъ показался сгорбленный старикъ съ длинной сѣдой библейской бородой, но съ бойкими оживленными голубыми глазами, смѣло прошелъ впередъ, поздоровался и сѣлъ къ столу.—На тебя, кормилецъ ты нашъ, пришелъ взглянуть,—сказалъ онъ Гольневу мягкимъ пѣвучимъ голосомъ. — Батюшку твоего на рукахъ носилъ, дѣдушку твоего помню, соколъ былъ я тогда, какія пѣсни имъ пѣвалъ!

— Вотъ, дѣдушка Канадій пѣсенку намъ скажетъ,—заговорили кругомъ радостные голоса.

— Отчего не спѣть, если баринъ позволитъ,—и дѣдушка Канадій облокотился на столъ, устремилъ куда-то вверхъ влажные вдохновенные глаза, немного помолчалъ и вдругъ запѣлъ, открывъ беззубый съ сѣдыми усами ротъ. Чистый молодой звукъ голоса, слегка вибрирующій, полился широко и могуче, вмѣстѣ съ тѣмъ мягко и нѣжно, гдѣ протяжно и пѣвуче, гдѣ отрывисто и коротко, какъ-будто просто говоря слова пѣсни—

„Никто меня не пожалѣ...етъ,
И никому меня не жа...ль"...

— „Никто судьбы моей не... знаетъ“, вдругъ подхватилъ энергично сильный баритонъ, и изъ заднихъ рядовъ выступилъ бѣдно одѣтый мужикъ, обращаясь жестомъ къ Канадію и пристально вызывающе глядя ему въ лицо. Дѣдъ вскочилъ, обернулся, весь подался къ появившемуся пѣвцу, дотронулся рукой до его груди и уже въ два голоса, другъ друга поддерживая и дополняя какой-то неуловимой второй, продолжали пѣснь—

„И не съ кѣмъ раздѣлить печаль“...

Гольневъ сидѣлъ самъ не свой, его грудь захватывали какія-то разнородныя, другъ друга быстро смѣняющія чувства: то сердце сжимала какая-то неопредѣленная грусть, то являлся порывъ къ чему-то великому, богатырскому, то пробуждалась жалость къ самому себѣ, чувствовалась неполнота въ жизни, желаніе чего-то, стремленіе куда-то... Илья, поникнувъ головой, молча губами повторялъ слова пѣсни, вторилъ и сочувствовалъ ей всѣмъ своимъ существомъ. Хозяйка, подгорюнившись, смотрѣла на пѣвцовъ влажными глазами; полная молодуха спокойно слушала, опустивъ глаза въ землю; худенькая прижалась въ темный уголъ, нервно теребила фартукъ; ея огромные глаза то широко открывались, блестя удалью и страстью, то суживались, застилаясь туманомъ грусти, печали, неудовлетворенности жизнью.

Кончили пѣвцы. Народъ зашевелился, заговорилъ, громко одобряя; дѣдъ, какъ будто съежившись нравственно, тяжело опустился на скамейку; другой пѣвецъ скромно спрятался въ толпу.

— Ай, да дѣдушка!—заговорилъ Илья,—за пѣсенку надо выпить. Эй, Яфимъ, куда спрятался! Изъ толпы вышелъ Яфимъ, его лицо выражало забитость и скромность; конфузливо мозолистыми еле-сгибающимися пальцами принялъ рюмку и, низко кланяясь, сталъ благодарить хозяина. Дѣдушка, выпивъ стаканчикъ, повеселѣлъ, вдругъ пріободрился, повелъ плечами и удало запѣлъ:

„Эхъ кумушка, эхъ голубушка!“

„Свари кума судачка...“ подхватили всѣ сразу хоромъ, съ выкриками, подголоскомъ. Дѣдъ замахалъ рукой, все

лицо его заиграло, заплясало; Илья съ бутылкой въ рукахъ топнулъ огромнымъ сапогомъ и подбоченился, но потомъ обернувшись вытащилъ худенькую невѣстку и еще стройную молоденькую дѣвицу и поставилъ другъ противъ друга. Молодайка сперва конфузливо, неувѣренно прошла кругъ, но удалая пѣснь и общее плясовое настроеніе окружающихъ мало-по-малу ее разожгли, она подбоченилась, метнула бойко глазами и пустилась мелкою дробью, постукивая подковами сапогъ, подергивая плечами и позванивая многочисленными своими бусами; дѣвица поплыла плавно ей навстрѣчу, опустя глаза, съ лицомъ скромнымъ, чуть-чуть оживленнымъ мелькающей улыбкой, поводя немного рукой, прихватившей кончикъ цвѣтного фартука. Въ это время протискался впередъ молодой парень, въ шапкѣ набекрень, красной рубахѣ, плисовомъ жилетѣ и въ блестящихъ высокихъ сапогахъ,—мѣстный левъ и кутила; онъ не спускалъ своихъ воспаленныхъ глазъ съ молодайки, заглядывалъ ей въ лицо, подпѣвалъ слова пѣсни, наконецъ она, подойдя, какъ-будто нечаянно вдругъ обернулась къ нему лицомъ, сдернула платокъ съ головы и, имъ помахивая, поплыла обратно, блестя шелковымъ ярко-малиновымъ повойникомъ. Парень, точно обезумѣвъ, сорвалъ шапку съ головы, бросилъ ее на полъ, разсыпался трескучею громовою дробью и пустился въ присядку... Мотивъ пѣсни ускорился вдвое, захватилъ всѣхъ зрителей, раздались присвисты, выкрики, приговариванья, все кругомъ заплясало сидя, стоя, стуча въ ладоши, притоптывая ногами...

III.

На другой день Сергѣй Львовичъ послѣ обѣда собрался ѣхать къ сосѣду своему, помѣщику и псовому охотнику, Петру Николаевичу Хомякову, проживавшему круглый годъ со своей семьей въ деревнѣ, въ 6 верстахъ отъ усадьбы Гольнева. Къ крыльцу подали гладкаго Караго въ маленькихъ чухонскихъ санкахъ; кучеръ Григорій, порядочно выпившій, сидѣлъ нетвердо на облучкѣ, выставивъ ногу на полозъ, и мягкимъ голосомъ въ чемъ-то упрекалъ толстаго коня, который спокойно его слушалъ, отставивъ въ сторону

одно ухо и косясь назадъ большимъ свѣтлымъ добрымъ глазомъ. Гольневъ, сопровождаемый Арсеніемъ, вышелъ на крыльцо; Карій переступилъ съ ноги на ногу и выгнулъ франтовато короткую шею; Григорій вытянулъ по-лихацки руки и закричалъ тонкимъ голосомъ—тпру, тпру... Гольневъ по этой шикарной манерѣ и голосу обратилъ сейчасъ вниманіе на кучера и спросилъ—ты, братъ, уже съ утра нализался, пожалуй не довезешь меня?

— Помилуйте сударь,—отвѣчалъ обидчиво кучеръ,—я въ Москвѣ. ѣздилъ, не довезу, не мужикъ какой-либо? Гольневъ, не возражая ничего, покорно сѣлъ въ санки, уповая только на Караго, т.-е. на его добродушіе и лѣнь. Карій тронулся, осторожно перешелъ сугробъ и повезъ мѣрною рысью, не обращая никакого вниманія на пошлепываніе и подергиваніе возжами кучера, который особенно хотѣлъ съ шикомъ проѣхать селомъ, но потомъ, видя безполезность своихъ усилій въ этомъ направленіи, пересталъ править и, обернувшись лицомъ къ барину, вступилъ въ разговоръ.

— Вотъ, батюшка, и хорошо, что къ намъ пожаловали, а то Арсеній забралъ волю, дѣлаетъ, что хочетъ.

— Да ты правь, вывалишь!—сказалъ Гольневъ, замѣтивъ впереди ухабы.

— Я-то вывалю, да никогда, въ Москвѣ ѣзд... санки нырнули въ ухабъ, Григорій еле удержался, схватившись руками за щитокъ саней.

— Вы меня обижаете, да при Арсеніи, а онъ мазур... санки раскатились вбокъ и ударились, Григорій мигомъ слетѣлъ съ низкихъ козелъ и ковырнулся въ снѣгъ. Гольневъ успѣлъ едва поймать возжи, но Карій, видно, привыкшій къ подобнымъ пассажамъ, самъ остановился, кучеръ не скоро поднялся на ноги и покачиваясь мрачно и съ недоумѣніемъ глядѣлъ въ землю.—Ну, садись что ли!—крикнулъ Гольневъ, —я буду править, а ты ужъ держись только. Кучеръ, какъ-будто сознавъ свое безсиліе, не возражалъ, сѣлъ молча въ сани, взглянулъ на барина грустными глазами и заплакалъ, говоря: „маменьку вашу возилъ"... Онъ опьянѣлъ совсѣмъ, толчокъ отъ паденья вско-

лыхнулъ въ немъ водку. Скоро показалась усадьба Хомякова, Карій самъ прибавилъ рыси, круто завернулъ, затопалъ по мосту и въѣхалъ на широкій дворъ, окруженный многочисленными постройками. Гулявшій на волѣ стриганъ-жеребчикъ закозлилъ, вскидывая передомъ и задомъ, потомъ пустился бѣшеннымъ карьеромъ и вдругъ остановился, какъ вкопанный, похрапывая раздутыми ноздрями и красиво отдѣливъ короткій хвостъ. Два молодые борзяки, завидѣвъ въѣзжавшія санки, понеслись къ нимъ легкимъ скокомъ, граціозно проскочили впередъ и тамъ разыгрались между собой. Подъѣхавъ къ крыльцу, выгибая упругій станъ, какъ стрѣла Гольневъ вышелъ изъ саней, потолкалъ уже спящаго Григорія, который только что-то мычалъ, но Карій зналъ свое дѣло, тотчасъ тронулся и поѣхалъ къ сараямъ, звонко заржавъ.

— А, Сергѣй Львовичъ, вотъ радость, вотъ неожиданно, какими судьбами!—радушно привѣтствовалъ гостя толстый усатый Хомяковъ, идя на встрѣчу. — Чаю, самоваръ!—кричалъ онъ зычнымъ голосомъ на весь домъ, и скоро Гольневъ уже сидѣлъ за круглымъ большимъ столомъ, окруженнымъ хозяиномъ, сыномъ его, молодымъ офицеромъ огромнаго роста, и такимъ же молодымъ племянникомъ, но уже отставнымъ гусаромъ, наконецъ, дочкой и хозяйкой. Сергѣй Львовичъ не успѣвалъ отвѣчать на сыплящіеся перекрестные вопросы, мужчинамъ — о лошадяхъ, собакахъ, охотѣ; дамамъ—о Петербургѣ, театрахъ, предстоящихъ свадьбахъ, общихъ знакомыхъ и проч.—

— Ну, батюшка, завтра ѣдимъ на волковъ; гей вы, позвать сюда загонщика Ѳфима!—крикнулъ Хомяковъ и потомъ продолжалъ:—я по новому способу охочусь, съ собаками въ саняхъ и, скажу вамъ, превосходно, уже мы въ двѣ недѣли семь волковъ взяли. Утромъ рано волки наѣдятся на падали и сытые далеко не уйдутъ, а залягутъ гдѣ-нибудь въ островѣ, тутъ ихъ и обложатъ. Мы выѣзжаемъ по одиночкѣ, самъ охотникъ правитъ, а въ саняхъ сидитъ мужикъ съ тремя борзыми, волковъ подымаютъ и нагониваютъ къ дорогѣ; мы съ ними лавируемъ, держа разстояніе между подводами саженей въ 50, наконецъ, волки ки-

даются черезъ дорогу, тогда двѣ ближайшія подводы несутся къ нему навстрѣчу и, подскакавъ насколько возможно ближе, бросаютъ собакъ, которыя, неутомленныя, со свѣжими силами, мигомъ настигаютъ и берутъ звѣря.—А вотъ и Яфимъ. Въ дверяхъ стоялъ въ полушубкѣ мужикъ небольшого роста, служившій Хомякову и псаремъ и доѣзжачимъ, и псковичемъ.—Завтра, чѣмъ свѣтъ, обложить волковъ во что бы то ни стало, съ Сергѣемъ Львовичемъ поѣдемъ,—приказалъ Хомяковъ. — Слушаюсь, уже теперь, говорятъ, пять штукъ прошло на падаль, доложилъ—Ефимъ.

— У насъ нынче,—продолжалъ хозяинъ, съ осени вездѣ привада положена, сто лошадей я зарѣзалъ.—Ужасъ, куда не пойдешь, вездѣ лежитъ мясо,—сказали дочки,—мы уже и то вспоминаемъ ваши стихи, Сергѣй Львовичъ, помните:

„За горами, за долами,
За дырявыми мостами,
По дорогѣ не большой,
По проселочной ужасной,
Бока наши нещадящей,
Гдѣ средь падали лежащій
Бродятъ тысячи волковъ,
Проживаетъ Хомяковъ
Съ дочкою, съ женою
И со псарнею борзою...

— Ха-ха,—смѣялся добродушно хозяинъ.

— А что же дальше не говоришь?—замѣтилъ братъ офицеръ и продолжилъ:

„Какъ его же дочь дѣвица
Все мечтаетъ о столицѣ,
Какъ бы тамъ она жила,
Какъ бы время провела...

— Ну, конечно, возразила барышня, хоть бы на масляницу насъ съ мамашей отпустили въ Петербургъ,—здѣсь отъ скуки съ ума сойдешь! Вы вотъ всѣ разъѣдитесь, а я сиди одна, да хоть и теперь—вы и на охоту, вы и на деревенскія бесѣды, вы и въ городъ, вамъ хорошо, а мнѣ-то каково, все дома, да дома!

— „Ну молчи, на-дняхъ повеземъ тебя на балъ въ нашу уѣздную столицу“,—утѣшилъ дочку Хомяковъ.

На другой день, рано утромъ, когда еще еле брезжало, охотники сидѣли въ столовой и пили чай. У подъѣзда стояли четверо саней, запряженныхъ въ одиночки; у рѣшетки, идущей отъ крыльца, сидѣли и лежали въ разныхъ позахъ привязанные на сворахъ борзяки-волкодавы, знаменитой Назимовской породы; тутъ же похаживали и курили вожатые крестьяне, въ полушубкахъ и валенкахъ, изрѣдка покрикивая то на лошадей, то на ворчащихъ злобныхъ собакъ. Все было готово двинуться въ путь, ждали только Яфима, ушедшаго на привады уже давно, когда было еше совсѣмъ темно. Хомяковъ, напившись чаю, хлопоталъ, нагружая корзину закусками и наливая водку въ фляги; въ это время въ прихожей отворилась со скрипомъ дверь, кто-то вошелъ, мягко ступая валенками, и тотчасъ въ столовую просунулась лохматая голова Яфима.—А, это ты Яфимъ, ну что? спросили всѣ въ одинъ голосъ нетерпѣливо.—Можно ѣхать, волки-съ есть. — Сколько и гдѣ? — А тамъ увидимъ-съ, а только есть, отвѣчалъ уклончиво загонщикъ, — начнемъ наперво съ Волковскихъ зарослей, туда и поѣзжайте, а я побѣгу впередъ, трехъ мальцевъ я для себя нанялъ на деревнѣ. — Ну ладно, валяй, мы сейчасъ ѣдемъ. Яфимъ было попятился, но потомъ сдѣлалъ многознаменательный знакъ молодому Хомякову, указывая глазомъ на стоявшую четвертную водки. Офицеръ разсмѣялся и налилъ ему стаканчикъ, хотя отецъ строго крикнулъ, что пьютъ послѣ охоты и то удачной, а не передъ ней. Яфимъ надѣлъ обтрепанную шапку и вышелъ на улицу; изъ окошка видно было, какъ онъ знакомъ показалъ важатымъ, что ему поднесли; тѣ что-то ему отвѣчали смѣясь, но обкладчикъ спѣшно побѣжалъ, везя за собою длинныя лыжи. Вскорѣ на крыльцо вышли и сами охотники, всѣ въ полушубкахъ, въ высокихъ валенкахъ, въ толстыхъ рукавицахъ и съ лицами, обвязанными теплыми шарфами; оставались незакрытыми только глаза, ибо въ полѣ на вѣтру и на ѣздѣ, да еще когда нужно пристально слѣдить и не прозѣвать звѣря, иначе нельзя, что бы не вернуться съ отмороженнымъ лицомъ. Первый сѣлъ въ свои сани Хомяковъ, за

нимъ помѣстился вожатый крестьянинъ, уложивъ около себя трехъ самыхъ здоровыхъ старыхъ кобелей. Санки имѣли высокіе козлы, къ заду шли все расширяясь и кончались низко у самой земли какъ бы широкой лопатой безъ бортовъ, что бы было удобно собакамъ прямо сваливаться на дорогу и не ушибиться; сани хозяина были выстланы лубомъ, прочія же имѣли плетенку изъ прутьевъ, что было даже удобнѣе, такъ какъ собаки при толчкахъ не такъ скользили въ саняхъ и лежали спокойнѣе, не пугаясь. Гольневъ усѣлся въ слѣдующія сани тоже съ тремя собаками и съ вожатымъ, а за нимъ двинулись двѣ подводы съ молодыми Хомяковыми. Охотники шагомъ ѣхали другъ за другомъ улицей большой деревни, гдѣ по дорогѣ стояли крестьяне, которые, раскланиваясь, подшучивали, а нѣкоторые сообщали свѣдѣнія о встрѣченныхъ ими въ разныхъ мѣстахъ волкахъ; нерѣдко вылетали откуда нибудь съ лаемъ дворняжки; тогда между борзыми начинался бунтъ, онѣ вскакивали и рвались; вожатые, хлопая арапниками и крича: „отрышь, отрышь", съ трудомъ водворяли порядокъ и укладывали на дно саней своихъ буйныхъ и азартныхъ питомцевъ. Выѣхали въ поле; запряженный у Гольнева гнѣдой Казакъ, худой, лохматый, но огневой скакунъ, запросилъ хода и сталъ наѣзжать на переднія сани. Хомяковъ тронулъ, и всѣ пошли крупною рысью по направленію къ чуть виднѣющейся вдали на горѣ заросли и кустамъ. Дорога опоясывала полукругомъ заросль и шла далѣе по волнистой мѣстности; охотники, подъѣхавъ, растянулись и остановились, каждый другъ отъ друга въ саженяхъ 50-ти, въ совершенно открытомъ полѣ; только съ правой стороны, въ верстѣ отъ нихъ, начинались кусты и шелъ небольшой лѣсокъ, называемый Волковскимъ, отъ деревни того же имени, расположенной далѣе, сзади. Сергѣй Львовичъ закурилъ папиросу и сталъ ждать; привычный Казакъ стоялъ спокойно, изрѣдка потираясь о концы оглобель обмерзшей головой; собаки тихо лежали въ саняхъ, положивъ другъ на друга длинныя, всѣ въ рубцахъ и шрамахъ, морды. Вѣтеръ то стихалъ, то подымался,—вотъ набѣжитъ справа, отдувая хвостъ и гриву

лошади въ сторону, змѣйкой закрутитъ по полю снѣгъ и стихнетъ, потомъ вдругъ съ снѣжной пылью подымается навстрѣчу и зарѣжетъ лобъ и глаза. Гольневъ сидѣлъ молча, изрѣдка поглядывая на заросли; впереди и сзади виднѣлись въ туманѣ также неподвижно стоявшія подводы охотниковъ, но вотъ Казакъ повернулъ голову и навострилъ уши и до слуха донесся дальній неопредѣленный окрикъ, потомъ через нѣсколько времени еще и еще, уже яснѣе. — Гонятъ, — сказалъ вожатый и поднялъ свою обвязанную теплымъ женскимъ платкомъ голову. При подобной охотѣ загнощики приближаются тихо, кричатъ рѣдко и негромко, чтобы не пугать слишкомъ звѣря и не заставлять его идти скоро. Гольневъ пристально смотрѣлъ, стараясь не пропустить момента появленія звѣря, но глаза его устали и заслезились, онъ ихъ на секунду зажмурилъ; когда же открылъ, то уже по бѣлому снѣжному фону двигалась отъ кустовъ темная точка, которая постепенно все приближалась, и наконецъ можно было разобрать фигуру волка, который, опустивъ голову, бѣжалъ не торопясь, изрѣдка останавливался и посматривалъ назадъ, гдѣ въ кустахъ на горушкѣ показался Яфимъ; другіе же три загонщика на лыжахъ съ разныхъ сторонъ двигались къ нему. Волкъ, постоявъ и посмотрѣвъ назадъ, побѣжалъ къ дорогѣ; одна изъ собакъ въ саняхъ вдругъ поднялась и воззрилась; вожатый поспѣшно накрылъ ей голову полой полушубка, чтобы она не стала рваться и визжать.

Волкъ замѣтилъ стоящую подводу, но, считая ее за обыкновенную проѣзжую, для его глазъ привычную, не усилилъ хода, а только покосилъ назадъ. Гольневъ повернулъ лошадь и поѣхалъ за нимъ; слѣдующая ближайшая подвода тоже двинулась навстрѣчу; волкъ замѣтилъ, что дѣло какъ-будто не ладно и остановился, посматривая подозрительно, вдругъ обернулся и пошелъ скокомъ въ противоположную сторону, паралельно къ дорогѣ. Гольневъ тоже повернулъ и пошелъ на рысяхъ въ догонку; навстрѣчу же съ этой стороны тихо двинулся отецъ Хомяковъ, а свободное поле между дорогой и кустами успѣли занять два лыжника; волкъ опять пріостановился, лыжники издали

закричали, замахавъ палками; волкъ, какъ бы рѣшившись, внезапно кинулся къ дорогѣ. Гольневъ выпустилъ Казака карьеромъ, навстрѣчу такимъ же бѣшеннымъ аллюромъ полетѣлъ Хомяковъ отецъ. Разстояніе между скачущими подводами и звѣремъ быстро таяло; уже можно было разобрать, что волкъ матéрый, его широкую лобастую голову, которая мѣрно покачивалась въ тактъ галопа, полуиспуганный, полуудивленный взглядъ небольшихъ глазъ; вотъ голова задвигалась часто, порывисто, звѣрь кинулся что есть мочи черезъ дорогу, подводы уже были шагахъ въ 40 другъ отъ друга и съ нихъ, съ лѣвой стороны, кубаремъ посыпались собаки, которыя тотчасъ вскочили, воззрились и помчались на перерѣзъ звѣрю.

— Улю-лю, улю-лю, неистово закричали охотники, сдерживая дымящихся, поводящихъ тяжело боками, лошадей; шестерка свѣжихъ псовъ дружно настигала волка, вотъ онъ покосился, поджалъ полѣно, прижалъ уши... тутъ все смѣшалось и образовалась какая-то движущаяся куча собакъ.

Хомяковъ соскочилъ съ саней, выхватилъ ножъ и побѣжалъ, увязая въ глубокомъ снѣгѣ, но черезъ нѣсколько саженей задохся и сѣлъ, выпуская изъ открытаго рта какіе-то неясные хриплые звуки и отчаянно махая руками. Гольневъ тотчасъ обогналъ его и побѣжалъ впередъ; волкъ въ это время выбился изъ-подъ собакъ и поднялся на передъ, но старый чубарый кобель вцѣпился ему въ шиворотъ и вмѣстѣ съ нимъ завалился въ снѣгъ. Гольневъ выхватилъ кинжалъ и приколодъ, набѣжавшіе вожатые начали оттаскивать за смычки остервенившихся собакъ. Огромный матерой, съ баками, волкъ, лежалъ растянувшись безжизненно на снѣгу, закусивъ зубами розовый блѣдный языкъ. Старикъ Хомяковъ все еще сидѣлъ на снѣгу безъ голоса и тяжело дышалъ; пріѣхавшіе офицеры, смѣясь, подняли и повели его подъ руки къ санямъ.

— Папаша, ты этакъ можешь умереть, тебѣ нельзя ѣздить на охоту!—сказалъ сынъ.

— Ну, и умру, а охотиться буду!—отвѣчалъ пришедшій немного въ себя отецъ.

— Водки надо выпить на крови!—весело крикнулъ онъ.

Лошади всѣ съѣхались въ кучу и терлись другъ объ друга; собаки, которыя лежали, которыя валялись на снѣгу, нѣкоторыя молодыя ходили кругомъ и обнюхивали волка, охотники, вожатые и загонщики стояли въ разныхъ позахъ около старика Хомякова, который, сидя въ саняхъ, открылъ погребецъ и отвинчивалъ флягу съ водкой. Охотники со вкусомъ выпили и закусили на морозѣ, крестьяне пили съ холода съ какимъ-то упоеньемъ, цѣдя водку сквозь зубы тихо, со смакомъ, потомъ крякали и утирались рукавомъ, приговаривая: ишь она какъ важно по всѣмъ жиламъ ходить пошла! Подъѣхалъ какой-то мужикъ съ молодой бабенкой, снялъ шапку, завистливо поглядывая на пирующихъ, и привѣтствовалъ: хлѣбъ да соль господамъ!

— Бери волка, вези въ усадьбу!—крикнулъ Хомяковъ,— водки поднесу!

Мужикъ тотчасъ согласился, радостно ухмыляясь; бабенка встала и пошла смотрѣть звѣря; подкравшійся сзади молодой Хомяковъ пихнулъ ее внезапно, бабенка съ визгомъ шлепнулась прямо на волка и мигомъ, въ перекувырку, отъ него откатилась, потерявъ съ ноги вальный сапогъ. Взрывъ хохота раздался кругомъ.

— Съѣстъ, съѣстъ, бѣжитъ!—кричали, смѣясь, охотники.

Мужикъ взвалилъ волка себѣ въ розвальни и тронулся; бабенка, конфузливо улыбаясь, пошла сзади, преслѣдуемая со всѣхъ сторонъ шутками и замѣчаніями.

— Ну, живо на лошадей и далѣе, — крикнулъ Хомяковъ;—куда теперь Яфимъ?

— Недалече,—отвѣчалъ Яфимъ,—въ Овсянники.

И подогрѣтый водкой весело надѣлъ лыжи и побѣжалъ прямикомъ, сопровождаемый своими тремя помощниками. Охотники тронулись шагомъ, давая время загонщикамъ уйти впередъ и сдѣлать уже извѣстный и намѣченный обходъ.

Проѣхали черезъ небольшую деревню, гдѣ зашли въ избу къ знакомому мужику, немного отогрѣлись и покурили, а потомъ двинулись далѣе; былъ 12-й часъ, времени

оставалось немного. Проѣхавъ версты двѣ, увидали такую же небольшую заросль—это были Овсянники; охотники по дорогѣ кругомъ ея размѣстились въ томъ же порядкѣ и стали ждать. Здѣсь мѣсто было болѣе узкое, именно, въ шагахъ полутороста от дороги начинались кусты и лѣсокъ, волка надо было усмотрѣть тотчасъ по его выходѣ на чистину, а то онъ могъ легко сразу перескочить дорогу и не дать охотникамъ подъѣхать. Ждать пришлось недолго; вѣроятно, волки уже отлежались съ утра, переварили пищу и сами начинали рыскать. Поэтому, только что послышались не громкіе голоса загона, какъ два волка выскочили на опушку и легкимъ галопомъ пошли наискось къ дорогѣ, которая шла въ гору и за которой не было видно слѣдующей подводы Хомякова отца. Гольневъ съ мѣста пошелъ въ гору карьеромъ; волки отъ него еще покосились въ сторону, но прибавили ходу, видимо, разсчитывая взять переда и перейти здѣсь дорогу, между тѣмъ необходимо было ихъ перегнать на ту сторону пригорка на видъ къ Хомякову, который могъ бы во время подсобить; тутъ же звѣри ему не были видны. Гольневъ правилъ стоя, вытянулъ раза два кнутомъ Казака, который, прижавъ уши, понесся изо всѣхъ силъ, высоко кидая комья снѣга, мигомъ влетѣлъ на вершину горки и вдругъ, о ужасъ, по дорогѣ навстрѣчу, совсѣмъ близко подымались двѣ бабы въ дровняхъ, Хомяковъ же стоялъ вдали недвижимо, ничего не замѣчая.

— Набокъ, набокъ! — закричалъ неистово Гольневъ, сообразивъ, что удержать разгоряченнаго Казака нѣтъ ни силъ, ни возможности.

Баба по своей бабьей методѣ задергала апатично правой возжей не взнузданную клячу, которая только отвернула набокъ голову; въ это время Казакъ уже налеталъ; Гольневъ видалъ, какъ онъ немного покосилъ въ сторону, но тутъ произошелъ такой толчокъ, что Гольневъ навзничь грохнулся на дно саней, уцѣпившись инстинктивно обоими руками за возжи. Придя въ себя, Гольневъ тотчасъ поднялся на ноги: Казакъ, весь въ снѣгу, козлилъ на одномъ мѣстѣ; дуга съ концомъ сломанной оглобли болта-

лась у него на шеѣ; сзади лежали перевернутыя бабьи дровни и въ нѣсколькихъ саженяхъ — сами бабы, безпомощно болтая ногами въ валенкахъ и мелькая голыми колѣнками; кляча, хвостъ дудкой, съ одними оглоблями удирала въ гору; по дорогѣ бѣжалъ, отряхивая съ себя снѣгъ, вожатый; вдали, уже лѣвѣе, виднѣлись скачущія фигуры волка и далеко отставшихъ собакъ; Хомяковъ подъ горой на кого-то улюлюкалъ.

— Не ушиблись, батюшки? — спрашивалъ участливо прибѣжавшій вожатый.

— Ничего, а ты?

— У меня бровь маненько разсѣкло, — отвѣчалъ улыбаясь мужикъ, прикладывая къ глазу снѣгъ, и побѣжалъ въ лѣсъ рубить березу на оглоблю.

Сергѣй Львовичъ распрягъ Казака и привязалъ къ санямъ, самъ сѣлъ и началъ поджидать. Вскорѣ другъ за другомъ рысцой прибѣжали собаки и начали ласкаться, помахивая пушистыми хвостами, какъ будто извиняясь, что вернулись ни съ чѣмъ; бабы кое-какъ поднялись и вылѣзли на дорогу; ни слова не говоря, взяли дровни и потащили на себѣ, не безпокоясь о лошади, которая далѣе своей деревни не уйдетъ. Черезъ нѣсколько времени показались молодые Хомяковы и начали смѣяться, разсказывая, какъ интересно было имъ издали видѣть это „столкновеніе поѣздовъ"; бабы, какъ ракеты вылетѣли изъ дровней, изъ саней Гольнева кубаремъ вывалился вожатый и три собаки; послѣднія, вскочивъ, стояли ошеломленныя, не скоро усмотрѣвъ волка, который уже миновалъ дорогу и взялъ порядочнаго переда, поскакали за нимъ; другой волкъ дороги не перешелъ и, вѣроятно, его встрѣтилъ внизу старикъ Хомяковъ. Вскорѣ подъѣхалъ и самъ Хомяковъ, онъ былъ весь красный и запыхавшись, однако тотчасъ указалъ съ торжествующей улыбкой лежащаго въ саняхъ молодого волка-переярка.

— Вотъ и я затравилъ, а господа военные „попами"! Ну, ѣдемъ живо домой, пора обѣдать, а то у меня смерть животики подвело!

Гольневъ сѣлъ въ сани къ Хомякову, оставивъ Казака

на попеченіе пришедшаго Ефима, и охотники крупною рысью другъ за другомъ покатили къ дому, предвкушая уже сытный деревенскій обѣдъ, а послѣ—пріятный отдыхъ. Сумерки сгустились, въ окрестныхъ деревняхъ замелькали огоньки, вотъ показалась усадьба, домъ горѣлъ всѣми своими окнами, изъ кухни бѣгали люди, изъ трубы шелъ черный дымокъ.

. . . .

. . . .

3 января 188* года, Сергѣй Львовичъ Гольневъ ѣхалъ съ вокзала желѣзной дороги по Невскому и весело смотрѣлъ по сторонамъ; онъ за эти 1½ недѣли какъ-будто обновился душой, все ему казалось ново и занимательно, и онъ уже съ удовольствіемъ мечталъ о предстоящихъ балахъ, театрахъ, встрѣчахъ съ товарищами и проч. Съ собой онъ везъ четырехъ волковъ и трехъ лисъ, да къ тому же вполнѣ освѣжился, поздоровѣлъ и пріобрѣлъ прелестное расположеніе духа. Хорошо живется молодому состоятельному помѣщику, но жизнь эта, съ ея поэзіей, ширью и удалью быстро исчезаетъ и скоро будетъ отнесена къ области преданій.

С. Е. В—въ.

Охота на лося въ Норвегіи.

(съ нѣмецкаго.)

Откуда это у васъ, чертъ возьми, такой матерой лось? Да вѣдь у него 3, 5, 7, 8, 16, 18 отростковъ?!“

Моя добыча 1893 года, — отвѣчалъ мнѣ гордо мой старый товарищъ, майоръ Л.., указавъ на нѣсколько еще другихъ лосьихъ роговъ, украшавшихъ столовую среди всевозможныхъ трофеевъ охоты. Съ большимъ вниманіемъ оглядывалъ я каждый отдѣльный рогъ, и, правда, чего тамъ только не было!.. „Изъ Западной Германіи?“ — спросилъ я нерѣшительно. — Нѣтъ, ваше превосходительство, тамъ водится всего только нѣсколько дюжинъ лосей, да и тѣ находятся подъ особымъ покровительствомъ царственнаго охотника—туда изъ насъ никто и не доберется; кто хочетъ убить лося, долженъ проѣхаться немного далѣе, не страшась хлопотъ и лишеній, — они вознаграждаются тамъ съ избыткомъ, какъ видите. Вашъ совсѣмъ еще бодрый видъ внушаетъ мнѣ мысль устроить вамъ охоту въ Норвегіи; у меня кстати есть на примѣтѣ одинъ мой хорошій знакомый—художникъ, добрый и славный малый, подыскивающій себѣ компаньона и интересующійся, говоря между нами, болѣе рисованіемъ, нежели охотой; для насъ, охотниковъ, это неоцѣнимое преимущество.—Ну?—Рѣшайте и я напишу сейчасъ же въ Намзосъ Юэлю! Вѣдь въ сентябрѣ и октябрѣ только и можно охотиться на лося, а теперь у насъ уже іюль!“ Я раздумывалъ нѣсколько мгновеній—предпріятіе было черезчуръ заманчивое. Майоръ, бывшій у меня когда-то адъютантомъ, угадалъ, вѣроятно, мои

размышленія. „Ваша супруга воспользуется этимъ временемъ для поѣздки въ какой-нибудь южный курортъ“, замѣтилъ онъ вразумительно. „Хорошо, напишите художнику, что я согласенъ,—рѣшилъ я моментально. „А расходы?“ — „Они не превысятъ 3000 марокъ на три, четыре недѣли!“—„Какое ихъ оружіе?“—„Штуцеръ большаго калибра, бьющій на разстояніе 300 метровъ, и двустволка для охоты на глухарей?“

— „А какъ же обстоитъ тамъ дѣло съ арендой участковъ и съ проводникомъ или охотникомъ?“ —Это все устроитъ г-нъ Юэль, начальникъ Намзоской гавани. Въ Норвегіи существуетъ, вѣдь, законъ, по которому каждый лѣсовладѣлецъ имѣетъ право, независимо отъ величины своего участка, убить отъ 15 сентября до 15 октября только одного лося (самца). Но такъ какъ эта охота въ дикой и скалистой мѣстности, даже и на небольшихъ пространствахъ, очень затруднительна и мало имѣетъ вѣроятія на успѣхъ, то лѣсовладѣльцы, большею частью, уступаютъ свои права какому-нибудь дѣятельному и многоопытному охотнику, какъ, напримѣръ, капитану Юэлю, который и раздобылъ такимъ образомъ 124 полномочія на протяженіи многихъ квадратныхъ миль, достигающихъ шведской и лапландской границъ. Это обширное пространство изъ 124 почти равныхъ участковъ. Онъ и уступаетъ охотникамъ за 100 кронъ каждый. Кто же пожелаетъ получить право убить шесть лосей, арендуетъ шесть участковъ и т. д. Успѣхъ охоты зависитъ, конечно, отъ самого охотника, но болѣе отъ его проводника, или такъ называемаго „охотника на лосей“, и его собаки, такъ какъ въ Норвегіи находятъ звѣря только по слѣдамъ, между тѣмъ какъ на сѣверѣ Америки, гдѣ еще водится масса лосей, охота съ собакой, такъ называемая „hounding“, на всѣ породы оленей запрещена закономъ, равно какъ и преслѣдованіе дичи на лыжахъ по чуть подмерзшему снѣгу (crusting), и разрѣшается лишь охота съ нагонкой во время течки. Извѣстно также, что лось идетъ не только на ревъ самки, но и на болѣе громкій крикъ своихъ соперниковъ—отсюда, отчего же тогда искусственнымъ звукоподражаніемъ не

приманить его, но послѣднее къ несчастью не легко дается, тѣмъ болѣе, что въ періодъ охоты отъ половины сентября до половины октября невѣроятно развитой слухъ и легкость могучаго рогача значительно ослабляются. Кто разсматривалъ гигантскія формы лося въ зоологическихъ садахъ или на изображеніяхъ, тотъ врядъ ли предполагалъ, что эти колоссы съ удивительной увѣренностью неслышно появляются и исчезаютъ въ изрытыхъ ущельяхъ и поросшихъ мохомъ крутизнахъ, превосходя въ топкихъ мѣстахъ своей ловкостью даже оленя. Живетъ онъ изъ года въ годъ въ непривѣтливыхъ и недоступныхъ мѣстностяхъ, бѣжитъ на сѣверъ отъ культуры, какъ отъ своего непримиримѣйшаго врага; не холода ищетъ онъ на сѣверѣ Скандинавіи, въ Россіи, сѣвернѣе 54° сѣв. широты, также какъ въ Сибири и на дальнемъ сѣверѣ Америки, а уединенія; онъ бѣжитъ отъ своего злѣйшаго врага—человѣка. Когда еще въ XVIII вѣкѣ въ Галиціи, Богеміи, Силезіи и въ восточной Германіи были непроходимые лѣса и не ставились силки и западни, то въ центрѣ Германіи водились лоси въ изобиліи; теперь же германскій охотникъ слѣдуетъ за ними въ непривѣтливыя горы Норвегіи". Такъ разсказывалъ майоръ,—а я уже воображалъ себя на охотѣ и чувствовалъ палецъ на спускѣ ружья...

Л... обѣщалъ написать сегодня же въ Намзосъ; я разстался съ нимъ, взявъ въ собой цѣлую кипу охотничьихъ руководствъ и журналовъ, которые мой другъ привезъ изъ Норвегіи. Въ началѣ августа получилось извѣстіе отъ Юэля, что онъ оставилъ за нами нѣсколько великолѣпныхъ участковъ и ожидаетъ насъ къ 15-му сентября; я поспѣшилъ сейчасъ же къ молодому художнику, съ которымъ успѣлъ познакомиться и сойтись въ Берлинѣ, и мы принялись сообща за упаковку и закупку всего необходимаго. Въ началѣ сентября состоялся нашъ отъѣздъ. Я предпочелъ прокатиться по морю вдоль Норвежскаго побережья, въ то время какъ художникъ для сокращенія времени избралъ дорогу на Христіанію — Трондемъ; въ послѣднемъ мы встрѣтились и тутъ-то начались для насъ всѣ невзгоды. 14-го утромъ насъ везъ уже въ Намзоскую

гавань маленькій береговой пароходикъ, пробираясь между рифами и подводными скалами, раздѣлявшими и окаймлявшими фіордъ, и сталъ подниматься вверхъ по рѣкѣ Эльръ. Было чудное лѣтнее утро. Поляны, поросшія яркой зеленью и прорывающіяся въ каждомъ промежуткѣ, образуемомъ скалами; темныя сосны, выбивающіяся изъ каждой трещины, изящные, свѣтлые домики, ютящіеся по отвѣснымъ скаламъ или укрытыя въ долинѣ, орошаемой бурными ручьями,—все это казалось мнѣ чѣмъ-то захватывающимъ, и этому помогала также оживляемая рыбачьими лодками и другими прибрежными судами почти зеркальная поверхность воды; высоко надъ ней, въ видѣ темнаго суроваго фона,—стояли угрюмыя, почти отвѣсныя сѣровато-коричневыя скалы! Плавно скользилъ нашъ пароходикъ, направляясь иногда прямо къ берегу и огибая подводные камни. Художникъ не забывалъ запечатлѣвать съ помощью своего аппарата всѣ мѣняющіяся картины. „Намзосъ!“—произнесъ наконецъ одинъ изъ привѣтливыхъ матросовъ, указывая на городокъ, открывшійся нашимъ взорамъ. Низенькіе деревянные домики, церковь надъ ними, фабричная труба сбоку и большое количество мачтъ у береговъ, а кругомъ опять каменныя массы. Пароходъ уменьшилъ пары и причалилъ къ примитивной пристани, гдѣ насъ встрѣтилъ капитанъ Юэль, довольно пожилой господинъ съ привѣтливымъ и гладко выбритымъ лицомъ; въ разговорѣ мы скоро привыкли къ смѣси нѣмецкаго, англійскаго и норвежскаго языковъ; послѣ всѣхъ распоряженій и скромнаго завтрака (яичницы, молока, форелей съ масломъ и холоднаго жаренаго тетерева), отнявшихъ часа два времени, мы тронулись въ путь, возсѣдая каждый на своей телѣжкѣ и имѣя за спиной по сундуку, на которомъ помѣщался проводникъ, мальчишка лѣтъ 12—15; остальной богажъ, консервы и оружейные ящики, слѣдовали на особыхъ повозкахъ. Путешественникъ здѣсь правитъ самъ, что, впрочемъ, совершенно излишне, такъ какъ впряженныя невзрачныя, низкорослыя лошадки везутъ по самой скверной дорогѣ смѣло и увѣренно — скоро подъ гору и медленно въ гору. Крупной рысью двигались мы

вдоль русла рѣки по узкой, нерѣдко высѣченной въ скалахъ, дорогѣ, которая извивалась съ одного берега на другой по деревяннымъ примитивной конструкціи мосткамъ. Мы доѣхали до ближайшей остановки, гдѣ нашли въ сносной харчевнѣ простенькій обѣдъ и нѣсколько часовъ отдыха. Перемѣнивъ лошадей и проводниковъ, мы отправились далѣе, слѣдуя данному намъ Юэлемъ маршруту. Около полудня, послѣ вторичной перемѣны лошадей, мы свернули въ болѣе широкую и пересѣченную рѣкой долину; дорога ухудшилась — иногда казалось, что я вмѣстѣ съ своей телѣжкой вотъ-вотъ свалюсь съ берега въ воду, но въ это время являлся на выручку мальчишка и поддерживалъ повозку или сама лошадь избѣгала подобныя препятствія съ изумительной понятливостью. Наконецъ, около 8 часовъ вечера, мы достигли конечнаго пункта своего путешествія, большого крестьянскаго хутора, который назывался по имени своего владѣльца „Биндаленъ". Проводникомъ долженъ былъ служить намъ сынъ хозяина, свѣжій, красивый юноша; онъ съ гордостью показывалъ намъ своего „Сноба" изъ породы овчарокъ. Оле, такъ звали его, не имѣлъ понятія о нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, но видимо имѣлъ частыя сношенія съ охотниками, благодаря чему мы и понимали другъ друга. На слѣдующій день мы должны были добраться до охотничьей хижины, построенной на плоскогорьи и отстоящей отъ насъ на разстояніи 5 часовъ ходьбы; съ нами вмѣстѣ отправилась также и сестра молодого Оле для присмотра за кухней; это послѣднее дополненіе къ охотѣ было для насъ ново, неожиданно и непріятно, но зато Шарлотта была, замѣчу мимоходомъ, красивая и полная силъ дѣвушка. Рано утромъ мы тронулись въ путь. Мой другъ, художникъ, рѣшилъ, что въ этотъ день изъ охоты толку не будетъ, пожелалъ намъ счастливаго пути и отправился въ сопровожденіи хорошенькой Шарлотты прямо къ охотничьей хижинѣ, чтобы устроить тамъ себѣ что-то вродѣ ателье. Доставленный поздно вечеромъ багажъ былъ размѣщенъ на маленькихъ санкахъ, и мы начали взбираться по крутымъ откосамъ скалъ. Я и Оле вскорѣ сошли съ

дороги и углубились въ чащу. Чѣмъ дальше мы проникали, тѣмъ глуше становилась мѣстность.

Всюду искривленныя березы, сосны, пробивающіяся въ скалахъ и оврагахъ, гніющіе стволы въ бурю павшихъ гигантовъ, полузасохшій папоротникъ между ними и все заглушающій верескъ. Послѣдній ливень еще больше рязмягчилъ всегда влажную почву и увеличилъ болота, по берегамъ которыхъ пышно разрастались береза и дубъ, а въ серединѣ виднѣлись водоросли, на половину уже съ сгнившими листьями, окруженныя густой осокой и тростникомъ. Я еще былъ погруженъ въ созерцаніе мѣняющихся образовъ дикой природы, какъ вдругъ Оле схватилъ меня за руку и указалъ впередъ на поверхность едва засохшей грязи, по которой мы плелись. „Самецъ!" прошепталъ онъ; и я также замѣтилъ совершенно свѣжіе огромные слѣды, вродѣ буйволиныхъ. Собака рвалась съ ремня. „Не пойдемъ ли мы по нимъ", выразилъ я знаками. Въ ожиданіи скорой встрѣчи со звѣремъ, я снялъ съ плеча ружье, схватился за патроны, чтобы зарядить, но Оле меня остановилъ. „Нельзя еще!" пробурчалъ онъ. Съ трудомъ пробирались мы черезъ гущину деревьевъ за Снобомъ, бѣгущимъ по слѣду, не разъ скользили по гладкимъ покрытымъ грязью камнямъ и съѣзжали въ канавы. Два раза уже лось перемѣнилъ направленіе. Оле сдѣлалъ знакъ рукой, чтобы быть поосторожнѣй; вѣроятно, звѣрь близко.

Мое предположеніе оправдалось, такъ какъ едва мы вскарабкались на гребень откоса, Оле вдругъ схватилъ меня за руку и потянулъ внизъ, падая на землю; затѣмъ, приподнявъ голову, раздвинувъ руками вѣтки кустарника, онъ зорко осмотрѣлъ мѣстность впередъ и медленно поползъ, держа Сноба за ошейникъ и пригибая его голову къ землѣ. Придерживая ружье наготовѣ, и я ползъ медленно впередъ на пригласительный знакъ Оле, и хотя до сихъ поръ еще не видѣлъ того, что меня ожидаетъ, но слышалъ отъ волненія біеніе собственнаго сердца. Наконецъ, достигнувъ края выступа, я поднялъ голову. Передо мной узкая долина, противоположный берегъ которой отстоитъ метровъ на 300; между березами замѣтно дви-

женіе: самецъ и самка, мелькая въ листвѣ, взбираются медленно по склону. Въ глазахъ темнѣетъ, руки дрожатъ! Въ это мгновенье чья-то рука опускается на мое плечо; я не замѣтилъ, что Оле слѣдовалъ за мной; онъ велитъ ждать— не стрѣлять пока. Между тѣмъ оба звѣря достигли вершины, отчетливо обрисовавъ свои гигантскія формы на горизонтѣ. Самецъ щипалъ листья березы—положеніе неудобное; но вотъ—полъ оборота и вся боковая сторона подъ выстрѣломъ. Я спускаю курокъ, слышу ударъ. Лось быстро поворачиваетъ свою морду влѣво и подставляетъ подъ выстрѣлъ свой широкій лобъ. Самка стоитъ неподвижно. Разгорячившись, я собираюсь вскочить, какъ Оле опять останавливаетъ и указываетъ рукой на собственный лобъ. Онъ знаетъ по опыту, что ничто такъ не пугаетъ лося, какъ то, что представляется его взору. Я понимаю знакъ руки и, едва успѣваетъ разсѣяться эхо перваго выстрѣла, я снова спускаю курокъ; отчетливо слышу ударъ моей пули, но большимъ прыжкомъ самецъ исчезаетъ за откосомъ, а за нимъ и самка. Я также вскакиваю и хочу броситься внизъ, по крутому спуску, но знакомая рука снова удерживаетъ меня, чтобы не потревожить раньше времени раненаго звѣря. Взобравшись довольно медленно къ роковому мѣсту, находимъ слѣды крови и клочья шерсти. Съ трудомъ удерживаетъ Оле своего Сноба; — „еще ждать“, выражаютъ его жесты. Наткнувшись на лужу пузырчатой крови, онъ улыбается и пускаетъ собаку медленно по кровавымъ слѣдамъ. Черезъ 100 шаговъ находимъ самца. Я держалъ ружье наготовѣ, но въ немъ не было больше необходимости: мертвый, лежалъ онъ въ углубленіи между маленькой группой сосенъ. Тутъ я, бывалый охотникъ, прихожу въ необыкновенный восторгъ и чуть не обнимаю Оле! Убитый лось не былъ особенно великъ, но, видимо, мѣнялъ уже нѣсколько разъ свои рога съ четырьмя отростками, на которыхъ даже стали образовываться лопатки. Оле прервалъ мои размышленія, указывая на часы. Былъ полдень. Съ большой ловкостью принялся онъ потрошить звѣря; я въ потѣ лица помогалъ ему и нашелъ свои пули: одну высоко въ лопаткѣ, другую въ черепѣ. Когда

работа была окончена, Оле прикрылъ лося вѣтвями, далъ Снобу крови и внутренностей, взялъ себѣ печень, легкія и сердце, и подалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Пройдя часа полтора по каменистой дорогѣ, лугамъ и кустарникамъ, мы вышли неожиданно на просѣку и увидѣли передъ собой маленькое озеро или, даже вѣрнѣе, прудокъ, образовавшійся за послѣдній ливень изъ скопившейся тутъ же воды. На другомъ берегу, недалеко отъ насъ, выходилъ плавно дымъ изъ трубы уютнаго деревяннаго домика. „Охотничья хижина", сказалъ Оле, указывая на него. Подойдя ближе, мы увидѣли молодого художника, сидящаго на корточкахъ у самаго берега: онъ мылъ кисти: „Я лучше воспользовался своимъ временемъ,—крикнулъ онъ мнѣ:— „я уже набросалъ нѣсколько ландшафтовъ и застрѣлилъ къ обѣду глухарей, пока m-elle Шарлотта ловила съ проводниками форелей въ ближайшемъ ручьѣ! Что же вы на это скажете, mon général?" „Браво!—отвѣчалъ я,—но прежде чѣмъ мы примемся за обѣдъ, проводники должны будутъ отправиться съ санями за убитымъ лосемъ, чтобы къ вечеру свезти его въ деревню". Художникъ мигомъ вскочилъ на ноги.—„Лосемъ? Какимъ лосемъ?.." Тутъ послѣдовали поздравленія и проч. Живо была запряжена лошадь и мы отправились къ мѣсту, гдѣ оставили убитаго звѣря. Только около четырехъ часовъ возвратились мы съ своей добычей, которая въ тотъ же вечеръ была отправлена на хуторъ Бандаленъ. Художникъ выбралъ минуту и набросалъ въ своей книжкѣ эскизъ — транспортъ перваго убитаго лося. Съ какимъ удовольствіемъ сидѣли мы вечеромъ и приглядывались къ дѣятельности нашей хозяйки, предвкушая наслажденіе, которое доставитъ намъ ея стряпня. Даже Снобъ смотрѣлъ сочувственно на свою молодую госпожу. Послѣ ѣды сонъ вошелъ въ свои права, и скоро мы, мужчины, у одной стѣны, Шарлотта со Снобомъ у другой—лежали подъ овечьими шкурами на соломенныхъ подстилкахъ и, хотя говорили, что въ этихъ шкурахъ тоже водятся звѣри — ничего подобнаго намъ не пришлось замѣтить. За ночь погода измѣнилась: дождь лилъ, какъ изъ ведра; но Оле утѣшалъ, что нечего опасаться, ибо все

прояснится къ обѣду. Мы тронулись. Ближайшій ручеекъ, выступивъ изъ береговъ, указывалъ намъ перемѣну на предстоящія затрудненія, но Оле безъ всякаго колебанія перешелъ его вбродъ, предшествуемый Снобомъ; художникъ послѣдовалъ за нимъ, не раздумывая; я же, въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ, предполагалъ пойти въ обходъ, почему отправился на авось и вскорѣ потерялъ изъ виду своихъ товарищей. Вернувшись назадъ къ хижинѣ, я только что успѣлъ обогрѣться у пылающаго огня и за стаканомъ хорошаго грога, приготовленнаго мнѣ Шарлоттой, какъ солнце выглянуло изъ-за тучъ; я снова отправился въ лѣсъ, опять на авось, взявъ съ собой па этотъ разъ дробовикъ. Около двухъ, трехъ часовъ ходилъ уже я по компасу на с.-з., и въ ягдташѣ лежалъ убитый тетеревъ. Только что взобрался я на пологую поросшую рѣдкой зеленью возвышенность, чтобы поверхъ кустовъ разсмотрѣть окрестность, какъ вдругъ не особенно далеко отъ меня раздался выстрѣлъ. Взглянувъ на компасъ, я пошелъ на звукъ. Съ четверть часа я карабкался и ползъ, послѣ того какъ снова раздался выстрѣлъ и на этотъ разъ уже совершенно близко. Быстро перешагнулъ я лежащіе, вразсыпную, гнилые стволы, вскарабкался по камнямъ на не большой хребетъ: на горизонтѣ виднѣлся густой лѣсъ, а передъ нимъ необозримое поле съ рѣдко стоящими отдѣльными деревьями. Недалеко слышны были человѣческіе голоса, приблизившись къ которымъ, я, наконецъ, увидѣлъ обоихъ охотниковъ возлѣ убитаго лося. Художникъ былъ внѣ себя отъ восторга. Правда, лось былъ чудовищной величины. „Туда войдетъ бутылка шампанскаго“, проговорилъ онъ, указывая на впадины въ огромныхъ рогахъ и на множество отростковъ, пробивавшихся на боковыхъ лопаткахъ. Самецъ не перемѣнилъ еще своей темной лѣтней одежды, борода его была темно-коричневаго цвѣта. Пока я стоялъ, погруженный въ созерцаніе этой картины, и старался заглушить искорку зависти, вспыхнувшую въ моемъ старомъ охотничьемъ сердцѣ, художникъ внезапно исчезъ. Я и Оле принялись сообща потрошить звѣря. Не успѣли мы кончить свою работу, какъ нашъ бѣглецъ появился

съ крикомъ: „стойте смирно!“ и принялся рисовать что-то въ своей книжкѣ; впослѣдствіи оказалась чудная картина съ натуры. На слѣдующій день двѣнадцать носильщиковъ пришли за звѣремъ, порубили мясо въ куски и отвезли въ ближайшую деревню для соленія и на окорока. Шкуру же и голову купилъ художникъ за 30 кронъ, и если кто-либо желаетъ ихъ посмотрѣть, то долженъ пойти въ его мастерскую на Курфюрстендамъ въ Берлинѣ.

Н. П. Сушкова.

г. Варшава,
15 марта, 1901 года.

Очерки южной природы и охоты.

Екатеринославскія замѣтки 1900 г.

Весна началась поздно, и полевыя работы выдались только послѣ Благовѣщенія. Это—ненормально поздно, такъ какъ здѣсь пахарь выѣзжаетъ обыкновенно въ половинѣ уже марта.

Пролетъ и прилетъ пернатыхъ гостей былъ довольно великъ, только ужъ очень онъ былъ недруженъ — „измором“. Совсѣмъ не то, что было въ 1899 г., когда въ концѣ февраля водяная дичь неслась необыкновенно дружно и быстро, съ радостнымъ крикомъ, гоготаньемъ; отовсюду несся свистъ крыльевъ, кахканье, пиликанье, посвисты, дребезжащіе звуки и общій гомонъ наступающей весны — „зеленый шумъ, весенній шумъ“, заставляя сердце сильнѣе биться, а мысль переноситься въ далекіе прошлые годы, въ старинныя весны, которыя именно и отличались этимъ дружнымъ интенсивнымъ наступленіемъ обновленія въ природѣ и дивнымъ, полнымъ чарующей поэзіи пролетомъ миріадъ птицы.

Засухи въ апрѣлѣ и маѣ отозвались не только неблагопріятно на посѣвахъ, на травахъ и пашнѣ, но заставили прилетную дичь перекочевать въ другія полосы. Уже въ апрѣлѣ это явленіе стало яснымъ, а въ маѣ охотничьи угодья, относительно прилетной дичи, остались при полномъ пиковомъ интересѣ.

Дрофъ прилетѣло много съ весны, немало ихъ оставалось и съ зимы 1899—1900 гг. Большіе табуны дрофъ наблюдались въ мартѣ и въ началѣ апрѣля. Дрофичи би-

лись лихо, какъ это бываетъ въ самую добрую весну; шеи у нихъ распухли во всю, какъ слѣдуетъ быть. Но въ апрѣлѣ дрофы стали уходить, какъ самцы, такъ и самки, и къ началу мая остались только самки на яйцахъ, ранняго гнѣздовья, да самое незначительное количество, эшалонами въ 2—5 штукъ, старыхъ, тяжелыхъ на подъемъ дрофичей. Въ іюнѣ дрофъ почти совсѣмъ не было видно. Очень рѣдко, на зарѣ знойнаго засушливаго дня, можно было видѣть дрофичку съ семействомъ или линявшихъ дрофичей, выходившихъ какъ-то грустно и украдкой къ кочевымъ дорожкамъ, къ межникамъ и интерваламъ, у сѣнокосовъ, цѣлинъ, токовъ и балокъ съ потными мѣстами. Охота съ собакою на выводки, въ іюлѣ и въ августѣ, была неважна, такъ какъ дрофъ было мало, но зато онѣ выдерживали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крѣпкую стойку собаки, совсѣмъ какъ по дупелю, да притомъ ненапуганному. Больше, чѣмъ когда-либо, онѣ прятались подъ хлѣбныя копны, что, конечно, объясняется страшною жарою, засухами прошлаго года и мизернымъ ростомъ злаковъ, которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр.,—около Приворотной и Червонной балокъ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, не было совсѣмъ. Тяжело было подчасъ смотрѣть на этихъ чудныхъ степныхъ великановъ, не имѣвшихъ куда „преклонить головушку побѣдную", особливо въ жару. Болѣе опытныя дрофы помѣщались въ ложбинкахъ, въ мелкихъ рытвинахъ „раздоловъ" и въ вершинахъ „выбалковъ", гдѣ выбалокъ сходитъ на нѣтъ и переходитъ въ гладкую степь. Въ серединѣ сентября дрофъ появилось больше обыкновеннаго, несмотря на страшную жару, прямо какъ „пекло". Охота на дрофъ настомъ была недурна. Два выдающихся случая. 16-го сентября убитъ дрофичъ среднихъ лѣтъ, вытянувшій 1 пудъ и 3 фунта. Дрофичъ былъ взвѣшенъ сейчасъ послѣ того, какъ упалъ, убитый, на дно крутой и глубокой балки, совмѣстно съ другимъ, обыкновенной величины (23 ф.), срѣзаннымъ въ дублетѣ. Этотъ гигантъ былъ на видъ совсѣмъ подавляющей величины, и на руку казался не менѣе 2 пудовъ. Когда кровь сошла, въ продолженіе переѣздовъ и всѣхъ перипетій

охоты, дома въ немъ уже оказалось нѣсколько меньше пуда. Кстати сказать, слѣдуетъ взвѣшивать птицу и звѣря сейчасъ же, послѣ того какъ они приняты; въ противномъ случаѣ, справка не можетъ быть точною. Другой случай произошелъ 18 сентября. Дрофы три раза не налетали послѣ самыхъ смѣлыхъ и ловкихъ стратегемъ нагонки, и наконецъ онѣ скрылись куда-то за горизонтъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Жара была адская. Всѣ спутники испытывали жажду скифскую, переутомленіе, потребность отдыха, глаза у нихъ слипались отъ истомы и зноя—и хоромъ взмолились помѣстить въ прохладѣ около воды. Собаки забрались, какъ кроты, въ солому брички и не признавали ничего на свѣтѣ. Однимъ словомъ, дѣло одна „трынъ-трава“. Сообразивши въ чемъ дѣло, и что при наличности такихъ обстоятельствъ можно вернуться домой не только что „попомъ“, но прямо-таки настоящимъ „дьячкомъ“,—я подвезъ моихъ сотрудниковъ къ плотинѣ, усѣянной ивами, съ хорошею ключевою водою поблизу, затѣмъ выкупался въ прудѣ. Было такъ жарко, что собаки ныряли, и потомъ такъ ложились у берега въ водѣ, что изъ-подъ воды выглядывала только одна голова, съ раскрытою пастью и свѣсившимся набокъ, до самой воды, языкомъ. Картина въ общемъ была и трогательная и живописная, нѣсколько въ жанрѣ Рубенса. Послѣ купанія мы взяли собаку и въ одной изъ бричекъ отправились по тому направленію, куда дрофы держали направленіе своего полета. Истомленные же жарою и жаждою охотники закатили на „боковую“ и нѣкоторые заснули. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дрофы скрылись за горизонтъ, а летѣли онѣ, какъ это обыкновенно и бываетъ подъ великій зной, когда онѣ не испуганы безцѣльными или неудачными выстрѣлами, очень низко надъ землею; съ цѣлиннаго бугра окрестность была видна кругомъ по радіусу версты въ 3—4, а внизу подъ бугромъ лежала Петрикова балка съ болотцемъ. Мы оріентировались какъ можно лучше и смотрѣли во всѣ стороны то въ очень сильный бинокль, то въ подзорную трубу. Ничто не выдавало присутствія дрофъ, а потому съ собакою спустились въ болотце, гдѣ

иногда попадаются бекасишки, утки и курочки. Собака потянула къ небольшому кочкарнику и стала. Порвались три дрофы, и пара свалена дублетомъ. Отъ грома выстрѣловъ, шагахъ въ 80-ти въ глубь балки, стали подниматься въ разныхъ мѣстахъ дрофы. Одна молодая дрофа порвалась въ противоположную сторону отъ выстрѣла, но, какъ это, хотя и рѣдко, но случается, какъ-то повернула на діагонали подъема и повернулась на выстрѣлъ. Убита. Всѣхъ было больше тридцати штукъ въ табунѣ. На противоположной сторонѣ балки, на бугрѣ, оказалось много свѣжаго дрофинаго помета. Мы предполагаемъ, что въ балкѣ уже сидѣло штукъ съ восемь дрофъ, когда подлетѣли и сѣли на бугоръ раньше согнанныя нами дрофы, утомленныя перелетомъ по страшной жарѣ; онѣ не могли присоединиться къ первымъ.

Вотъ все, что можно сказать про дрофъ 1900 года. Ушли онѣ сравнительно рано, и ни разу ни одной не было наблюдаемо со второй половины декабря.

Стрепетъ. Весенній пролетъ былъ немалъ, но на удивленіе кратковременный. Осталось стрепета мало. Да и тотъ сталъ скоро удирать въ другія пажити, лишь только замѣтилъ, что степь усыхаетъ и надежда на обильную пищу плоха. Вѣдь, подите, невелика птица, и, конечно, всегда найдетъ себѣ пропитаніе, а все-таки стремится къ лучшему, не желая ограничиться жалкой посредственностью. Этого характернаго стрепетинаго покрика, „пржиканья“, столь гармонирующаго съ заливистой пѣсней вешняго жаворонка, съ стрекотаньемъ кузнечиковъ и лепетаньемъ массы разныхъ насѣкомыхъ, наполняющихъ степную высь дивными звуками жизни и любви, — было очень мало, да и стрепетовъ было мало. Во второй половинѣ іюля стрепета изрѣдка попадались около просяницъ и на бурьяноватыхъ толокахъ. Одна, двѣ пары ихъ попадали въ сумку: вотъ и все. Въ 70-хъ годахъ охотникъ изъ дворовыхъ Верхнеднѣпровскаго помѣщика г. Шляхтина, Комаръ, билъ ихъ въ одно поле, отъ 6—8 часовъ, штукъ до 80-ти. Называли его Комаромъ оттого, что онъ былъ страшно горбатъ, со стороны груди и спины, и потому ростомъ былъ

карликъ, а хохлы ловко подмѣчаютъ прорѣху и даютъ названія, подчасъ отличающіяся необыкновенною мѣткостью: не въ бровь, а прямо въ глазъ!

Комаръ хорошо стрѣлялъ, и изъ доброй шомполки, видѣвшей разные виды, клалъ стрепетовъ, дрофъ, перепеловъ и куропатокъ направо и налѣво, одиночками и дублетными выстрѣлами. Онъ былъ такъ малъ и уродливъ, а тырса на ковыльникахъ такъ высока и густа, что ему часто удавалось пѣшкомъ подходить за большимъ сторожкимъ табуномъ дрофъ, бить ихъ на „выборъ", не говоря уже о стрепетахъ, съ которыми онъ продѣлывалъ прямотаки небывалыя штуки. Нѣтъ больше Комара: изъ Веселыхъ-Терновъ отошелъ въ вѣчность въ началѣ 90-хъ годовъ, нѣтъ и тѣхъ тырсъ, ковыльниковъ, полчищъ дрофъ, и стрепетовъ! А теперь не то... Sic transit gloria mundi!

Ищешь, ищешь его — собака чиститъ уже шпоры, на солнцѣ градусовъ 32 и больше того по R. Смотришь, поднимается одинъ, шагахъ въ 90, подъ вечеръ, прямо взмоетъ, какъ кряква, вверхъ—и былъ таковъ, изъ глазъ вонъ! „Теперъ нема хохтвы,—утверждаетъ степнякъ:—а шо було того хохоту колысь, и собъ хохоче и цабе хохоче..." Тутъ стрепета называютъ „стрепеткою" (это—въ стилѣ огородниковъ-мѣщанъ, выходцевъ изъ Херсонской губ.), „хохотвою", „хохотомъ" и еще однимъ словомъ, неудобнымъ для печати (но звучащимъ характерно въ степи). Выводковъ, въ іюлѣ и августѣ 1900 г. было найдено совсѣмъ мало, больше попадались старыя особи.

Много погибло ихъ отъ хищниковъ—въ стрепетиныхъ мѣстахъ для бѣдныхъ птицъ почти совсѣмъ не было прикрытія. Еще въ сентябрѣ нѣкоторые стрепета взяты изъподъ стойки, другіе — настомъ. Рано ушелъ стрепетъ, и во второй половинѣ октября его почти вовсе не попадалось.

Куропатка. Въ общемъ, было ихъ меньше, нежели въ предыдущемъ и въ 1898 гг., но распредѣленіе выпало неравномѣрное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ расплодилась такая масса, какъ только бывало въ старые годы: десятки выводковъ попадались на сравнительно незначительныхъ

пространствахъ. Была, однако, и другая еще причина такого скопленія куропатки. Африканская жара, съ засухой, побуждала бѣдныхъ птицъ держаться въ тупикахъ и другихъ кустикахъ, и такъ густо онѣ сбивались тогда, что когда вылетали изъ-подъ стоекъ собакъ, то это походило на цѣлый садокъ куропатокъ, въ которомъ открыли дверцы. Отсутствіе прикрытія въ степи, — все выгорѣло отъ палящихъ лучей южнаго солнца, при полномъ бездождьи,—не давало возможности куропаткамъ держаться своего обыкновеннаго излюбленнаго прямолинейнаго полета при пересадкахъ: бѣдныя птички лавировали по балкамъ, кустарниковымъ порослямъ и забирались въ сады, подлѣ самаго жилья. Во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не было ни курая, ни „нехворищи", ни „буркуровъ", ни другихъ бурьянныхъ порослей; а тамъ, гдѣ попадался тощій курай, онъ былъ уже съ сентября собранъ поселянами и свезенъ къ двору. Мягкія и твердыя поля представляли изъ себя явленіе странное: первыя чернѣли обнаженной землей, покрытой сплошными полосками отъ грабель, которыми сволакивался курай вплотную до земли; вторыя были похожи на остатки пожарищъ—все выбито, истолочено, одинъ голодъ, одна грусть... Въ сентябрѣ и октябрѣ куропатки ушли къ плавнямъ Днѣпра: имъ стало невмоготу; удивительно даже, что онѣ такъ долго терпѣли и забыли какъ бы свой южный степной обычай передвигаться при малѣйшемъ недостаткѣ кормовъ. Въ чисто степныхъ мѣстахъ губерніи къ зимѣ куропатокъ осталось мало, да и тѣ держались возлѣ рѣчекъ, балокъ, лощинъ и древесныхъ порослей. Куропатки были чрезвычайно худы, совсѣмъ фараоновы коровы. Вообще куропатка всегда мясиста, мускулиста, и даже куропатка-квочка всегда въ тѣлѣ; такого исхуданія, какое наблюдалось въ этотъ тяжелый, грустный годъ, мы у куропатокъ никогда не встрѣчали. Мы должны оговориться, что подъ жару сбившихся въ терникахъ куропатокъ мы совсѣмъ не стрѣляли, да и не могло это занимать насъ: слишкомъ уже легко перебить столпившихся, страдающихъ, терпящихъ нужду птичекъ; точно такъ же, какъ и стрѣльба дробью или картечью по стаямъ, это слишкомъ претитъ

охотничьей этикѣ, по нашему крайнему разумѣнію, да и не можетъ доставить удовольствія, артистическаго удовлетворенія, своей мизерной легкостью и безшабашностью, девизомъ которой служитъ: „après nous le déluge“ (послѣ насъ хоть потопъ,—т.-е. лишь бы намъ досталось, а тамъ дальше—хоть трава не рости). Осенью и зимою не мало куропатокъ погибло отъ хищныхъ птицъ: каждый день намъ попадались слѣды этихъ дикихъ пиршествъ: печально поддуваемыя вѣтромъ крылышки, пухъ и перья, нѣсколько косточекъ и предательскій знакъ пребыванія хищника—еще свѣжій пометъ. Симпатичная во всѣхъ отношеніяхъ птица; сколько куропатокъ могло бы расплодиться, если бъ не эти стихійныя препятствія природы!

Перепелъ. Такого безперепелья, какъ 1898, 1899 и 1900 гг., никто не запомнитъ въ Екатеринославской губерніи. Перепелъ для ружейнаго охотника съ собакою вполнѣ степныхъ полосъ этой губерніи—прямо-таки надежда, вѣра и любовь. Не на чѣмъ больше поставить собаку, настрѣляться вдоволь и вернуться къ двору съ „вещественными доказательствами“: только перепелъ и дастъ это въ такихъ мѣстахъ. Въ 1900 году перепеловъ было очень мало, а во многихъ мѣстахъ ихъ *совсѣмъ не было*. Бывшій въ незначительномъ количествѣ, перепелъ сошелъ еще въ апрѣлѣ, когда засуха и жгучіе суховіи обнаружили безнадежное положеніе степи. Только въ августѣ можно было чуть-чуть поохотиться на пролетныхъ перепеловъ, въ ограниченномъ количествѣ показывавшихся въ стернѣ около балокъ, кукурузниковъ, древесныхъ порослей, болотинъ съ кочкарникомъ; съ хорошими собаками можно было въ поле поднять штукъ 15—20: это тамъ, гдѣ при томъ же затраченномъ времени можно было бить 150 — 200 перепеловъ, и не пролетныхъ, случайныхъ такъ сказать, а—мѣстнаго вывода, да къ этому плюсъ пролетные. Въ концѣ апрѣля и въ продолженіе всего мая мы наблюдали двухъ интересныхъ перепеловъ-пѣвцовъ: одинъ вавака съ октавою, другой—частохватъ, изъ хорошихъ, звучныхъ голосовъ, довольно высокаго регистра. Оба жили аскетами, такъ какъ поблизу нигдѣ самки-перепелихи не было; имъ, видно, по-

нравился уголокъ, и мирилися они съ неудобствами отшельничества, хотя и не безропотно, что сказывалось въ постоянномъ боѣ: то частохватъ начиналъ и продолжалъ вавака, то наоборотъ, лишь только духота и зной этого страшнаго года смѣнялись хоть нѣкоторою прохладою вечерней и утренней зорь. Поднимаясь въ эту пору до зари, до пробужденія кого бы то ни было изъ рабочихъ, мы съ вабикомъ помѣщались въ палисадникѣ подлѣ самаго дома. Достаточно было ударить въ манокъ 3 — 5 разъ, и оба перепела, иногда порознь, иногда вмѣстѣ, летѣли прямо въ палисадникъ и задавали преоригинальный концертъ: вавака хрипѣлъ октавою, а частохватъ прямо-таки изъ себя выходилъ; они неистовствовали минуты 3, шныряли тутъ же на глазахъ, при встрѣчахъ бросались одинъ на другого, при чемъ частохватъ удиралъ по добру-по-здорову всегда первый, а вавака, какъ настоящій побѣдитель, продолжалъ свое страстное бурлящее „вававъ-ваваувъ". Когда мы уходили изъ палисадника и садились у открытаго окна дома, можно было видѣть, что перепелы прекращали свою безполезную бѣготню за поискомъ дамы сердца, западали на нѣсколько минутъ въ клумбахъ или въ порosляхъ сирени и потомъ какъ-то сразу, какъ-будто сообща, улетали по направленію къ балкѣ. Днемъ ихъ можно было поднять съ собакою въ высокой травѣ, окаймляющей прудики и другія „ковбаньки" въ балкѣ. Особенно прелестно бывало, когда они были утреннюю зорю на возвышенностяхъ, тутъ же подъ балкою, между скалами, окруженными порослью жиденькаго „тонконога" и терничковъ: звукъ получался необыкновенно чистый и особенно громкій. Къ этому прибавьте алѣющую полоску востока, пробужденіе дня и неизъяснимое чувство какого-то восхищенія и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то тихой грусти и экспансивности!—Надо ли присовокупить, что мы не только не поймали этихъ перепеловъ сѣткой, но что эта мысль и въ голову не приходила. Мы предпочитаемъ слышать эти чудныя пѣсни „птичекъ Божьихъ" не въ душныхъ конуркахъ, называемыхъ комнатами, не тогда, когда онѣ заключены въ плѣнъ, въ клѣтки, а подъ бирюзовымъ куполомъ открытаго неба, когда

птички поютъ не пѣснь каторги, а когда онѣ поютъ пѣснь свободы, любви и нетлѣнной природы.

Журавль. Гнѣздовалъ въ степи совсѣмъ мало, больше ихъ было, конечно, въ плавняхъ Днѣпра. Весенній и осенній пролеты были незначительны. Все менѣе и менѣе доводится видѣть эти знакомые съ дѣтства „ключи"-„треугольники" и слышать эти восхитительныя курлыканья въ высяхъ небесныхъ, въ которыхъ „радость и горе ихъ пѣли". Да и ничего вѣчнаго нѣтъ... Впрочемъ, въ хорошіе годы еще выдаются довольно значительные фаланги журавлей. Слава Богу, ихъ тутъ, и только ихъ, никто не стрѣляетъ, но зато молодыхъ журавликовъ преслѣдуютъ съ особою ретивостью. Извѣстно, что эта птица отлично уживается съ культурою, дѣлается другомъ дома, при умѣломъ обхожденіи и, вдобавокъ къ этимъ уже значительнымъ качествамъ, является отличнымъ, самымъ чуткимъ сторожемъ, улавливающимъ самыя мелкія модуляціи звука присутствія и входа человѣка чужого, и подающимъ, въ такихъ случаяхъ, особенный короткій голосъ, напоминающій сигналъ охотничій на лисицу.

Кроншнепъ. Большіе и маленькіе попадались изрѣдка въ степи, въ стаяхъ другихъ птицъ; средніе встрѣчались только въ долинѣ Днѣпра, и то немного ихъ было. Въ августѣ они особенно „мотаются" по степи; передъ жарой помѣщаются они надъ самой водою, или же поблизу на какомъ-нибудь толочномъ цѣлинномъ участкѣ, примыкающемъ такъ или иначе къ прудамъ, болотинамъ или озерамъ. Иногда дѣлается непонятнымъ, почему „мотается" кроншнепъ: вотъ онъ сѣлъ къ самой водѣ, напился воды, продѣлывая разные акробатическіе пріемы, перелетѣлъ къ табуну чибесовъ, посидѣлъ съ ними, затѣмъ поднялся съ крикомъ, опустился къ другому прудику, подбѣжалъ какою-то страусовою рысью къ мирно кейфующимъ тиркушкамъ, важно заходилъ среди нихъ, и когда онѣ улетѣли на ночлегъ, и онъ съ ними, да притомъ держась не стороны табуна, а самой середины. Кроншнепъ — птица умная, хитрая, но подчасъ бываетъ наивенъ, какъ крачка.

Сивки-ржанки (озимыя куры). Тутъ обыкновенно встрѣ-

чается два вида ихъ: большія и малыя. Послѣднихъ бываетъ несравненно больше. Было ихъ не помногу, но попадались часто, особенно—въ августѣ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ губерніи ихъ этимъ годомъ совсѣмъ не было. Очень часто сивокъ, той и другой категоріи, можно было встрѣтить въ станицахъ другой птицы, иногда даже такой, съ которою онѣ, повидимому, не могутъ имѣть никакого ни родства, ни свойства. Чаще же всего сивки-ржанки встрѣчались съ тиркушками и съ чибесами, въ компаніи иногда турухтановъ и кроншнеповъ,—эта смѣсь „племенъ" давала необыкновенно симпатичный характеръ взаимопомощи, встрѣчающейся и у низшихъ животныхъ и у высшихъ освященной и христіанской добродѣтелью и утилитарнымъ началомъ римскаго „manus-manu". Дѣйствительно, строго судя, вся эта компанія, всѣ эти птички отлично дополняли одинъ другого, одна другую: кроншнепъ—осторожностью, поразительнымъ зрѣніемъ, сивки—слухомъ, тиркушки — наблюдательностью (оттого онѣ постоянно и перелетываютъ, въ жаждѣ познаній) и жадные до пищи чибесы—въ смыслѣ розысковъ хорошей и обильной кормежки.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Н. Р.

Весна.

Вдругъ явилась весна... и могучей рукой
Сорвала бѣлый саванъ съ земли,
Затопила поля снѣговою водой
И... со смѣхомъ исчезла вдали.

Встрепенулась съ испугомъ земля,
Наготы застыдилась своей,
Отъ воды передрогли поля:
Новымъ снѣгомъ одѣлись скорѣй.

Но плутовка весна воротилась опять
И пахнула на землю желаннымъ тепломъ,
Приказала дождю новый снѣгъ разогнать,
Притаившись за солнца лучомъ.

Чародѣйку весну увидала вода
И за нею въ догонку помчалась,
Но укрылась весна, неизвѣстно куда,
И вода безъ добычи осталась.

А весна ужъ опять въ старомъ мѣстѣ шалитъ:
Хоры птичекъ въ лѣса нагнала,
Какъ ребенка, всю землю вокругъ веселитъ
И гостей изъ далекихъ ей странъ назвала.

Пробудилась природа отъ зимняго сна,
Теплый воздухъ вдохнула душой
И стыдливости юной полна
Торопилась одѣться травой.

Но неймется опять шаловливой веснѣ:
Одѣваетъ природу пурпурной зарей

И велитъ соловьямъ ее тѣшить во снѣ,
Навѣвая ей грезы ночною порой.

И барашкомъ бекасъ заблеялъ съ вышины,
Утопая въ далекой лазури небесъ;
Гдѣ-то вальдшнепъ прохоркалъ среди тишины,
Протянувъ въ тихо дремлющій лѣсъ.

И меня увлекла чародѣйка весна!
Я помчался за нею въ поля и лѣса,
И душа моя стала созвучій полна.
И созналъ я и понялъ весны чудеса.

М. Циборовскій.

Вечеръ.

ихо... солнца закатъ догоралъ,
Задремалъ околдованный лѣсъ
И на землю съ высокихъ небесъ
Ангелъ мира, сіяя, слеталъ.

* * *

Онъ награду за прожитый день
Несъ тому, кто за правду стоялъ,
Кто работалъ, не праздно мечталъ,
Омрачая невѣжества тѣнь.

* * *

Въ истомленную душу онъ лилъ
Силы новой живую струю
И, цѣвницу настроивъ свою,
Про безсмертье бойцу говорилъ.

* * *

А кровавый закатъ догорѣлъ,
Спалъ, нахмурясь, таинственный лѣсъ;
Призракъ горя до утра исчезъ,—
Соловей примиреніе пѣлъ.

Лебедевъ.

Законы объ охотѣ въ Персіи.

Право охоты въ Персіи.—Законы мусульманскіе и кодификація законовъ шіитскихъ по отношенію къ охотѣ.

Охота въ Персіи не подчинена никакому уставу; она свободна и къ ней не примѣняется никакихъ ограниченій ни въ отношеніи временъ года, ни въ отношеніи употребленія снастей.

Дозволеній ношенія оружія не существуетъ.

Въ дѣлѣ судебномъ Персія управляется шаріатомъ, мусульманскимъ каноническимъ правомъ; слѣдовательно, тамъ нѣтъ никакого суда гражданскаго, никакого судебнаго званія, облеченнаго полномочіями отъ государства.

Дѣла гражданскія подчинены вѣдѣнію и рѣшенію муллъ, а тяжбы и распри между туземцами и иностранцами разсматриваются министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, или уполномоченнымъ отъ министерства въ провинціяхъ, и при посредничествѣ посольствъ и консульствъ.

Вопросы охоты вѣдаются такъ же, какъ и всѣ другіе.

Постановленія, касающіяся охоты, имѣютъ характеръ скорѣе историческій, нежели практическій.

Въ общемъ, въ Персіи можно охотиться съ ружьемъ и по птицѣ и по звѣрю, можно охотиться травлей собаками, и ни туземцевъ, ни иностранцевъ никто не безпокоитъ въ ихъ удовольствіи и нигдѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, оберагаемыхъ для государя и потому недоступныхъ.

Каноническое право заключаетъ въ себѣ и нѣсколько постановленій, касательно дѣла охоты, съ точки зрѣнія религіи и права собственности; ихъ можно отмѣтить, какъ интересную рѣдкость.

Персія принадлежитъ раскольничьей сектѣ шіитовъ и имамитамъ.

II. У мусульманъ имѣются очень полныя и пространныя собранія законовъ; коранъ заключаетъ въ себѣ одно только ядро ихъ. Вслѣдствіе распространенія исламизма явилась необходимость свести въ одно цѣлое эти сборники, надъ которыми трудились многіе компиляторы, старавшіеся соединить преданія и издать однообразный сводъ законовъ.

Однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ толкователей мусульманскаго закона былъ шейхъ Неджимъ-Эддинъ-Абулъ Кассемъ Джаферъ эбнъ-али-Яхіа, извѣстный подъ именемъ Эль-Моэкикъ (родился въ 602 году, умеръ въ 676). Онъ оставилъ обширные труды по законовѣдѣнію, религіи, логикѣ, философіи и поэзіи; онъ былъ также авторомъ сочиненія, содержащаго мусульманскіе указы о законномъ и запрещаемомъ. Этотъ очень важный трудъ носитъ заглавіе Шерэйетъ-оль-исламъ фи мессаль оль челаль вель гарамъ и представляетъ собой сводъ шіитскихъ законовъ. Онъ принятъ въ руководство повсюду, гдѣ существуетъ законъ имамитовъ, и въ особенности въ Персіи.—На французскій языкъ сочиненіе это очень тщательно и талантливо переведено М. А. Керри, французскимъ консуломъ въ Тебрицѣ. Изъ этого перевода мы и заимствуемъ приводимыя ниже подробности; разъясненія же, данныя нами въ началѣ статьи объ охотѣ въ Персіи, мы получили, благодаря любезности представителя Франціи.

Такъ какъ вопросъ религіозный надъ всемъ главенствуетъ въ мусульманскомъ правѣ, то предварительно необходимо предпослать нѣсколько предписаній относительно: 1) употребленія, которое разрѣшается дѣлать изъ мяса; 2) убоя животныхъ, и 3) обряда убоя, для того чтобы можно было понять нѣкоторыя правила, находящіяся въ изложеніяхъ относительно охоты.

Запрещается употреблять мясо всякаго животнаго, умершаго естественною смертью, безъ исключеній (2).

Убой какого-бы то ни было животнаго можетъ быть производимъ только лицомъ, исповѣдующимъ исламизмъ.

Лица, принадлежащія къ иновѣрческимъ исповѣданіямъ, не имѣютъ права на убой животныхъ, и къ мясу животнаго, убитаго иновѣрцемъ, относятся такъ же, какъ къ мясу животнаго, умершаго естественною смертью.

Убой по правилу можетъ быть произведенъ только при помощи желѣзнаго орудія; однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ рукой не

имѣется такого рода орудія, между тѣмъ является опасеніе, что животное можетъ погибнуть ранѣе убоя,—разрѣшается употребить какое-нибудь другое орудіе, могущее дать тѣ же результаты, напр. тростникъ, кусокъ дерева, заостреный кремень, даже комъ земли.

Обрядъ убоя таковъ:

Четыре части шеи животнаго должны быть обязательно отрублены одновременно, а именно: пищепроводное горло, дыхательное горло и обѣ гортанныя жилы. Отрѣзать не всѣ поименованныя части, а лишь нѣкоторыя изъ нихъ, не разрѣшается, за исключеніемъ случаевъ полной невозможности.

Для того, чтобы убой считался законнымъ, необходимо исполнить еще слѣдующія четыре формальности:

1) Животное должно быть поставлено такъ, чтобъ голова его обращена была по направленію къ Меккѣ.

2) Въ самый моментъ убоя должно быть призвано имя Бога.

3) Убой какого бы то ни было животнаго производится отрѣзываніемъ пищепроводнаго горла, ниже челюстей.

4) Убой признается дѣйствительнымъ, т. е. для законности убоя достаточно, если животное сдѣлаетъ нѣсколько движеній послѣ того, какъ убито.

Мы не станемъ далѣе распространяться объ этихъ обрядахъ, а приведемъ:

1) то, что имѣетъ отношеніе къ охотѣ въ мусульманскомъ правѣ шіитовъ;

2) законодательство относительно запрещеній, касающихся дичи и охоты, налагаемыхъ на мусульманъ, во время хожденія на богомолье.

Въ четвертой части собранія законовъ относительно мусульманъ шіитовъ, въ книгѣ 1-й, въ отдѣлѣ 1-мъ, говорится *объ охотѣ.*

Глава I.

О законныхъ орудіяхъ и законныхъ способахъ охоты.

Статья 1.—Изъ всѣхъ животныхъ только одна дрессированная собака можетъ быть употребляема для охоты на дичь, могущую употребляться въ пищу; исключается всякое иное животное четвероногое, двуногое или крылатое.

Статья 2.—Запрещается употреблять въ пищу мясо дичи, до-

бытой какимъ-либо четвероногимъ животнымъ, кромѣ дрессированной собаки, напр. медвѣдемъ, леопардомъ и пр., или какимъ-либо крылатымъ животнымъ, каковы: соколъ, орелъ, ястребъ и пр.—всеравно, будутъ ли эти животныя дрессированными или дикими, если только дичь не въ состояніи быть подвергнута убою раньше смерти.

Статья 3.—Разрѣшается употреблять мясо дичи, убитой при помощи сабли, копья, стрѣлы и всякаго иного орудія, снабженнаго остріемъ (остроконечнаго).

Статья 4.—Это разрѣшеніе относится также и къ мясу дичи, убитой при посредствѣ стрѣлы не оперенной, или стрѣлы, не оправленной въ желѣзо (?), лишь бы она была остроконечна и лишь бы мясо животнаго было ею разодрано.

Статья 5.—Употребленіе мяса дичи, добытой и убитой собакой, законно лишь въ томъ случаѣ, если собака дрессирована; дрессировка собаки констатируется слѣдующимъ образомъ: 1) собака должна бросаться къ дичи, когда получила на то приказаніе; 2) она должна останавливаться, какъ только ей это прикажутъ, и наконецъ 3) она не должна ѣсть добытое ею животное. Собака, случайно съѣвшая мяса отъ добытаго ею животнаго, или только напившаяся его крови, не перестаетъ считаться дрессированной.

Статья 6.—Собака можетъ быть признана дрессированной лишь въ томъ случаѣ, если въ ней, послѣ нѣсколькихъ пробныхъ охотъ, замѣчены будутъ всѣ способности, требуемыя условіями вышеприведенной статьи 5: однократная проба считается недостаточной.

Статья 7.—Чтобъ узаконить къ употребленію мясо дичи, убитой съ помощью дрессированной собаки, необходимо, чтобъ и тотъ, кто распоряжается собакой во время охоты, также совмѣщалъ въ себѣ извѣстныя четыре условія, именно:

Статья 8.—1) Охотникъ долженъ исповѣдывать исламъ, или, относительно несовершеннолѣтнихъ—должно быть предположеніе, что они будутъ принадлежать исламу.

Статья 9.—Если охотникъ принадлежитъ къ культу огнепоклонниковъ или язычниковъ, то мясо дичи, убитой при помощи собаки такого охотника, не можетъ, по закону, быть употребляемо въ пищу. Относительно тѣхъ случаевъ, когда охотникъ окажется исповѣдующимъ еврейскую религію или христіанскую, мнѣнія раздѣляются въ дѣлѣ признанія законнымъ или незаконнымъ употребленіе мяса дичи, убитой собакой, руководимой такимъ охотникомъ;

вѣроятнѣе однако то, что такое мясо не должно было быть допускаемо къ употребленію.

Статья 10.—2) Собака должна быть посылаема (пускаема) охотникомъ. Мясо дичи, добытой собакой, охотившеюся по собственному побужденію, не можетъ, по закону, служить пищей. Однакоже если собака, бросившаяся къ дичи по собственному побужденію, остановится по приказанію охотника, и послѣ того охотникъ уже самъ пуститъ ее, то мясо дичи, добытой затѣмъ собакой, уже считается по закону годнымъ къ употребленію.

Статья 11.—3) Охотникъ долженъ призвать имя Бога въ ту минуту, какъ пускаетъ собаку; сознательное несоблюденіе этой формальности влечетъ за собою признаніе по закону негоднымъ къ употребленію мяса дичи, добытой этой собакой; безсознательное упущеніе формальности не влечетъ за собой послѣдствій запретительныхъ.

Статья 12.—Призвать имя Бога должно именно то лицо, которое пускаетъ собаку; въ случаѣ несоблюденія этого, употребленіе мяса дичи, убитой собакой, считается незаконнымъ, даже въ случаѣ, если имя Бога и призвано было при этомъ какимъ-нибудь другимъ лицомъ. Это правило примѣняется и къ тѣмъ случаямъ, когда имя Бога произнесено однимъ лицомъ, а пуститъ собаку другое лицо.

Статья 13.—4) Охотникъ не долженъ упускать изъ виду (спускать съ глазъ) животное, пока оно еще живо: мясо животнаго, признаннаго умершимъ послѣ того, какъ охотникъ потерялъ его изъ виду, считается, по закону, негоднымъ къ употребленію, независимо отъ того разстоянія, на которомъ собака ста́ла, какъ скоро существуетъ сомнѣніе относительно причины смерти животнаго.

Статья 14.—Для охоты допускается употребленіе снастей, какъ-то: силки, сѣти и ловушки; но мясо животнаго, добытаго такого рода орудіями, не можетъ, по закону, быть употребляемо въ пищу, хотя бы орудія ловли были снабжены рѣжущимъ или колющимъ оружіемъ, если только животное не было убито согласно установленному обряду.

Статья 15.—Предшествующее правило примѣняется также и по отношенію къ животному, убитому посредствомъ стрѣлы, не имѣющей острія и не могущей, слѣдовательно, раздирать мясо (разрѣзать).

Статья 16.—Нѣкоторые законовѣды полагаютъ, что запрещено употреблять при охотахъ орудіе, превышающее объемомъ или вѣсомъ то животное, на которое производится охота; но вѣрнѣе разсматривать это правило, какъ одно изъ тѣхъ, примѣненіе которыхъ при рѣшеніяхъ не рекомендуется судьямъ.

Глава II.

Общія постановленія касательно охоты.

Статья 17.—Въ случаѣ, если животное убито одновременно мусульманиномъ и язычникомъ, производившими охоту совмѣстно, употребленіе мяса животнаго считается незаконнымъ, независимо отъ того, примѣнялись ли обоими охотниками одинаковыя орудія охоты, какъ напр. двѣ собаки или двѣ стрѣлы, или одна собака и одна стрѣла; независимо также и отъ того—нанесены ли были смертельные удары (раны) одновременно или послѣдовательно, если каждый ударъ (рана) могъ причинить смерть.

Статья 18.—Если, въ случаѣ, указанномъ въ предшествующей статьѣ, ударъ, нанесенный охотникомъ-мусульманиномъ, предшествовалъ удару, нанесенному язычникомъ, и былъ смертеленъ, то употребленіе мяса животнаго закономъ разрѣшается, въ виду того, что мусульманинъ, дѣйствительно, причинилъ животному смерть. Въ обратномъ случаѣ, употребленіе мяса животнаго считается беззаконнымъ.

Статья 19.—Въ случаѣ, когда возникаетъ сомнѣніе относительно того, кто изъ двухъ охотниковъ первый нанесъ ударъ,—язычникъ или магометанинъ,—употребленіе мяса животнаго не разрѣшается, такъ какъ въ сомнительныхъ случаяхъ всегда перевѣсъ падаетъ въ пользу запрещеній.

Статья 20.—Въ случаѣ, когда охотникъ мусульманинъ, охотясь съ двумя собаками, пустилъ одну изъ нихъ, а другая, одновременно съ этимъ, сорвалась сама, догнала и взяла животное въ то же самое время, какъ и первая собака, употребленіе мяса дичи не разрѣшается *).

Статья 21.—Разрѣшается закономъ употреблять мясо животнаго, убитаго стрѣлой, которую пустилъ охотникъ, но которую под-

---

*) Смерть животнаго обусловливается здѣсь двумя факторами, изъ которыхъ одинъ служитъ причиной къ запрещенію.

хватилъ вѣтеръ и донесъ до животнаго, даже и въ томъ случаѣ, если вполнѣ очевидно, что животное, безъ помощи вѣтра, не могло бы быть убито.

Статья 22.—Это правило одинаково дѣйствительно и въ тѣхъ случаяхъ, когда пущенная стрѣла настигаетъ и убиваетъ животное, сдѣлавъ рикошетъ отъ земли.

Статья 23.—Условія, опредѣляемыя статьями 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13, предъявляются къ тому, кто пускаетъ собаку, а не къ тому, кто ее дрессируетъ. Такъ: закономъ разрѣшается къ употребленію мясо животнаго, взятаго собакой, пущенной мусульманиномъ, хотя бы эта собака была натаскана огнепоклонникомъ или идолопоклонникомъ. Отсюда слѣдуетъ, что мясо животнаго, убитаго собакой, пущенной огнепоклонникомъ или идолопоклонникомъ, не разрѣшается закономъ къ употребленію, хотя бы собаку дрессировалъ мусульманинъ *).

Н. В. Туркинъ.

---

*) Это правило, въ обоихъ случаяхъ, примѣняется не только къ дрессировщику собаки, но также и къ ея владѣльцу.

Типы современныхъ охотниковъ.

(Наброски съ натуры, посвящаемые моимъ друзьямъ-охотникамъ.)

Кто наблюдалъ за охотниками стараго времени, тотъ ясно представляетъ себѣ ихъ жизнь, нравы и обычаи. Прежніе охотники, когда имъ не были извѣстны, что такое скорострѣльное оружіе и породистая собака, совсѣмъ иначе смотрѣли на охоту, на дичь, на законы. У нихъ все было просто и незатѣйливо.

Теперь же, съ распространеніемъ усовершенствованнаго оружія и легавой всѣхъ видовъ, охота поставлена совсѣмъ въ иныя условія, чѣмъ прежде, да и охотники новѣйшаго времени представляютъ изъ себя иной типъ, отличаясь отъ прежнихъ «Ермолаевъ» во всемъ, не только въ образѣ мыслей, но и во вкусахъ и требованіяхъ.

Если старые охотники знали только дульное ружье, маркловку, польскую легавую, курляндку и другія, теперь отживающія породы собакъ, то въ настоящее время каждый современный охотникъ стремится обзавестись не только центральнымъ ружьемъ, но и породистою собакой. Мало того, современные охотники, идя въ своемъ развитіи дальше, издаютъ и читаютъ журналы, руководятъ мыслями охотниковъ, интересуются выставками собакъ и оружія, полевыми испытаніями, садками борзыхъ, собакозаводствомъ и другими предметами охоты, какіе не были извѣстны прежнему типу охотниковъ. Естественно, что съ развитіемъ вкусовой и практической стороны охотничьяго дѣла, прежніе типы совершенно отжили и на ихъ мѣсто появились новые, не имѣющіе никакого сходства съ ними.

Въ этихъ новѣйшихъ типахъ я различаю 4 рѣзко выдѣляющіяся категоріи охотниковъ: спортсмены, собакозаводчики, промышленники и обыкновенные любители охоты.

Спортсменъ-охотникъ въ большинствѣ случаевъ видитъ интересъ

тамъ, гдѣ охота утрачиваетъ свое значеніе и принимаетъ характеръ спортивнаго увлеченія. Это увлеченіе онъ находитъ въ голубиныхъ садкахъ, въ стрѣльбѣ по тарелочкамъ, въ садкахъ борзыхъ и въ оружіи. Его мало интересуетъ лѣсъ, болото, степь, но зато ему бываетъ пріятно отъ поры до времени появиться на стэндѣ, подписаться на пульку, щегольнуть боемъ и красотою цѣннаго своего ружья и показать свое искусство въ стрѣльбѣ по мертвой и живой цѣли. Насколько стрѣльба по тарелочкамъ бываетъ полезна, настолько она противна по голубямъ. Стэндъ, разжигая страсть садочнаго стрѣлка всякаго рода подписками, жетонами, призами, во многихъ случаяхъ доводитъ его до чистѣйшаго сумасбродства, и онъ, забывая о гибели сотенъ и тысячъ невинныхъ голубей, служащихъ ему предметомъ забавы, въ то же самое время утрачиваетъ свое человѣческое самообладаніе, гуманность по отношенію къ истребляемымъ имъ птицамъ и сосредоточивается исключительно на своемъ личномъ честолюбіи, не имѣющемъ границъ. Доходя до подобнаго увлеченія, садочный стрѣлокъ нерѣдко ѣздитъ за границу, и тамъ, состязуясь съ лучшими иностранными стрѣлками, убиваетъ на это кажущееся ему удовольствіе много денегъ, потому что какъ поѣздка, такъ и оружіе и другіе предметы этого спорта стоятъ слишкомъ дорого.

Этотъ типъ охотниковъ у насъ немногочисленный, такъ какъ немногіе обладаютъ такими средствами, чтобы можно было бы ихъ безрасчетно выбрасывать на удовольствіе модной страсти. Вмѣстѣ съ этимъ появленіе этого типа служитъ до нѣкоторой степени признакомъ уменьшенія дичи. За границей, гдѣ охота съ каждымъ годомъ принимаетъ спортивный характеръ и гдѣ, слѣдовательно, дичи теперь стало мало, которую тамъ зачастую стрѣляютъ почти изъ садка, тамъ существованіе спортсмена-охотника вполнѣ понятно. Къ тому же заграничному спортсмену гораздо легче и дешевле выступить на стэндѣ съ однимъ только цѣннымъ ружьемъ, чѣмъ имѣть гдѣ-нибудь хорошую охоту, сосредоточенную въ рукахъ богатыхъ владѣльцевъ. Но въ Россіи, гдѣ еще достаточно дичи, такое спортивное направленіе по меньшей мѣрѣ преждевременно. Поэтому было бы весьма досадно допустить, что подходитъ время взяться намъ за спортъ и покинуть нашу охоту.

Ту же спортивность мы начинаемъ замѣчать и у нашихъ борзятниковъ. Развѣ устройство садокъ по волкамъ, лисицамъ и зай-

цамъ не указываетъ намъ на признакъ постепеннаго уменьшенія звѣря? Въ былое время, когда наши борзятники еще не имѣли понятія о садкахъ, они посмотрѣли бы на публичное состязаніе борзыхъ въ огороженномъ кругу не иначе, какъ на нѣчто смѣшное и неправдоподобное. А между тѣмъ забава эта обставляется теперь довольно серьезно и съ благими намѣреніями поднять породу нашихъ борзыхъ до той степени злобности, чтобы собака брала волка въ одиночку. Конечно, въ этомъ спортивномъ увлеченіи нашихъ борзятниковъ нѣтъ ничего предосудительнаго, но въ свою очередь спросите ихъ: часто ли они достигаютъ тѣхъ результатовъ злобности, какіе они намѣчаютъ у себя на садкахъ, и многіе ли изъ нихъ имѣютъ возможность упражнять своихъ борзыхъ на волѣ по части травли волка въ одиночку и стаей. Едва ли, чтобы практика ихъ на волѣ совпала съ тѣми требованіями, какія предъявляются на садкахъ, и не думаю, чтобы многіе изъ нихъ выдержали съ успѣхомъ состязаніе, такъ какъ звѣря, по которому нужно имъ упражнять своихъ борзыхъ, теперь уже стало такъ мало, что, дѣйствительно, скоро настанетъ то время, когда его будутъ травить «изъ клѣтки».

Съ одной стороны, нужно пожалѣть, что псовая наша охота, сослуживъ свою службу, въ настоящее время начинаетъ мало-помалу отживать свой вѣкъ и постепенно переходить въ спортъ, но съ другой—нужно порадоваться, что вредный звѣрь для русскаго крестьянина настолько теперь истребленъ, что много найдется въ Россіи такихъ губерній, гдѣ о волкѣ утратили всякое понятіе и о его вредѣ для полевого хозяйства.

Типъ охотника-собакозаводчика появился въ Россіи не такъ давно, всего лѣтъ 25—30 тому назадъ. Появленіе его замѣчается съ того самаго времени, когда улучшенная англійская порода легавыхъ собакъ стала вытѣснять нашу мѣстную русскую. Какъ всякая, дорого стоящая новинка, англійская легавая сначала сосредоточивалась въ рукахъ богатыхъ русскихъ охотниковъ, но затѣмъ съ развитіемъ собакозаводства и появленіемъ выставокъ она быстро начала распространяться и въ средѣ болѣе бѣдныхъ охотниковъ. Въ настоящее время контингентъ собакозаводчиковъ уже настолько увеличился, что пріобрѣлъ нѣкоторую типичность, о которой слѣдуетъ поговорить и набросать нѣсколько строкъ объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ.

Этотъ типъ бываетъ у насъ двухъ видовъ: настоящій любитель и выставочный честолюбецъ, а кромѣ того имѣются барышникъ и собакокрадъ.

Говоря о каждомъ изъ нихъ, мы придемъ къ тому заключенію, что большинство нашихъ собакозаводчиковъ не достигаютъ тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, къ какимъ они стремятся, а такъ какъ цѣли ихъ бываютъ разнообразны, то и результаты получаются различные. Одни совершенствуютъ породу, благодаря любви и пониманію дѣла, а другіе не только не поддерживаютъ ее, но даже портятъ.

Настоящій любитель, онъ же и страстный охотникъ, глубоко прочувствовавъ задачи избраннаго имъ дѣла, видитъ въ собакахъ не только друзей своей страсти, но и переживаетъ съ ними и радость и горе, неизбѣжныя во всемъ, гдѣ требуется усовершенствованіе. Стремясь къ поднятію породы своихъ любимцевъ, если можно такъ выразиться, онъ кладетъ на нихъ все: и средства, и знаніе и время. Словомъ живетъ только ими и тѣми результатами, какихъ онъ желаетъ достигнуть на пути усовершенствованія любимой имъ породы. Беззавѣтная страсть такого любителя-собакозаводчика безгранична. Для него нѣтъ лучшей награды, какъ только увидѣть въ своемъ питомникѣ плоды удачнаго подбора производителей, которыхъ ему приходится иной разъ искать въ теченіе многихъ лѣтъ веденія породы. И никакіе коммерческіе расчеты, ни выставочныя интриги, ни поруганное самолюбіе его не подкупятъ измѣнить крѣпко сложившееся и глубоко сознанное имъ понятіе объ идеалѣ собаки. Какъ жаль, что изъ всѣхъ видовъ собакозаводчиковъ этотъ типъ у насъ встрѣчается еще рѣдко, а между тѣмъ это было бы благопріятно для цѣлей собакозаводчика и распространенія чистопородныхъ собакъ въ средѣ охотниковъ, такъ широко разбросанныхъ на территоріи обширнаго нашего отечества.

Выставочный чистолюбецъ-охотникъ во многомъ походитъ на спортсмена. Насколько мало интересуется спортсменъ дѣйствительными задачами охоты, настолько же не отсталъ отъ него и выставочный честолюбецъ. Этотъ послѣдній, правда, ведетъ породу своихъ собакъ по всѣмъ правиламъ искусства, поддерживаетъ въ нихъ всячески чистопородность и экстерьеръ, холитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не развиваетъ въ нихъ полевыхъ качествъ, какія являются конечными и главными результатами разумнаго собакозаводства. Цѣль

его въ данномъ случаѣ сводится къ тому, чтобы показать на выставкѣ всю стильность и породность своихъ собакъ и за это получить цѣнный призъ и репутацію образцоваго питомника. Такіе честолюбцы часто встрѣчаются за границей, есть и у насъ. Всякому, ищущему пріобрѣсти хорошую полевую собаку съ не менѣе хорошимъ экстерьеромъ, какъ видно изъ этого, было бы слишкомъ рискованно обращаться къ такому типу собакозаводчика. Конечно, покупателю будутъ всячески предлагать купить то или другое изъ питомника съ большою вывѣскою, ему, наконецъ, выдадутъ блестящій аттестатъ на собаку, но гдѣ будетъ проливать свои горькія слезы такой счастливецъ, то до этого ровно нѣтъ никакого дѣла не менѣе счастливому владѣльцу подобнаго питомника чистокровныхъ собакъ.

Барышникъ-собакозаводчикъ близко стоитъ къ дѣлу охоты, но у него нѣтъ тѣхъ высокихъ задачъ, какія преслѣдуетъ любитель-собакозаводчикъ. Сбытъ собакъ является первымъ условіемъ существованія его питомника. Въ большинствѣ случаевъ, не обладая средствами, онъ не можетъ содержать много собакъ и, слѣдовательно, лишенъ возможности точнѣе прослѣдить за результатами подбора своихъ производителей. По этой самой причинѣ собаки его питомника чаще всего теряютъ и типичность и породность, а погоня за сбытомъ заставляетъ его иногда продавать хорошіе экземпляры, въ которыхъ прежде всего нуждается онъ самъ. Для цѣлей послѣдняго случая барышникъ-собакозаводчикъ нисколько не погнушается перекупить и перепродать собаку изъ другихъ рукъ. Тутъ до нѣкоторой степени подмогою ему иногда служатъ разнаго рода собаченки, лишь бы цѣль оправдывала средства. Между барышниками попадаются нерѣдко люди съ большою опытностью и знаніемъ своего дѣла и у нихъ можно довольно удачно купить собаку, хотя, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ не прочь поднадуть, въ особенности тѣхъ новичковъ, которые мало понимаютъ въ собакахъ. Поэтому, покупая собаку у барышника, всегда нужно помнить малороссійскую поговорку: «бачили очи, что куповали».

Типъ собакокрада-охотника — не что иное, какъ подонокъ столичныхъ, а иногда и пригородныхъ трущобъ, гдѣ такъ много скопляется всякихъ общественныхъ отбросовъ. Не представляя изъ себя отдѣльнаго типа охотника, такъ какъ онъ совсѣмъ мало охотится, занятіе его составляетъ только ловкую кражу и перепродажу кра-

деныхъ собакъ. Этотъ типъ ненормаленъ и непригляденъ, но онъ часто встрѣчается въ населенныхъ городахъ. На самомъ дѣлѣ, мы собакокрада рѣдко видимъ, зато часто слышимъ вопли отчаянія тѣхъ владѣльцевъ породистыхъ собакъ, у которыхъ онъ ловко скрадываетъ. И чѣмъ больше этихъ воплей и огорченій, чѣмъ больше мы чувствуемъ присутствіе между нами собакокрадовъ. Пока открытой борьбы съ этимъ зломъ не будетъ, до тѣхъ поръ будемъ мы всегда находиться подъ страхомъ, и нашихъ собакъ должны держать на привязи подъ тремя замками.

Типъ промышленника-охотника искони свойственъ русскому челевѣку. Какъ до изданія новыхъ законовъ, такъ и послѣ, онъ нисколько не утерялъ своей физіономіи и одинаково отличается живучестью. Разницы особенной нѣтъ между промышленникомъ стараго и новаго времени, развѣ то отличіе, что прежній промышленникъ не имѣлъ усовершенствованнаго оружія для истребленія дичи и такихъ же путей сообщенія для сбыта ея въ столицы и населенные города. Промышленникъ настоящаго времени, не ограничиваясь истребленіемъ дичи въ ближайшемъ раіонѣ своей осѣдлости, иногда откупаетъ себѣ мѣста въ болѣе удаленныхъ пунктахъ. Само собою рамѣется, что при этой системѣ промышленности такой охотникъ нисколько не заботится о сохраненіи дичи и истребляетъ ее до тѣхъ поръ, пока не останется ни одного пера въ заарендованныхъ имъ угодьяхъ. Истребляя такимъ путемъ дичь въ своемъ раіонѣ, ему нисколько не совѣстно бываетъ прибѣгнуть и къ браконьерству, почему мы чаще всего видимъ ихъ въ средѣ этого довольно многочисленнаго класса охотниковъ.

Браконьерствуя или промышляя, этотъ типъ охотника принадлежитъ исключительно или нашему крестьянину или бѣдному мѣщанину, которые по большей части все это продѣлываютъ подъ вліяніемъ недоразвитости или нужды. Совсѣмъ иное замѣчается, когда мы видимъ въ этой роли полуинтеллигентнаго и интеллигентнаго охотника. Статистика показываетъ намъ нерѣдко, что промышленники послѣдняго вида существуютъ даже и въ средѣ членовъ охотничьихъ обществъ. Какъ это ни странно, но такіе интиллигенты-промышленники, вдаваясь въ «птичью» и иную коммерцію, также мало умѣютъ охранять законы объ охотѣ и сознавать права чужой собственности, какъ не умѣютъ сохранять дичь, которую они выбиваютъ дочиста не хуже самаго отчаяннаго браконьера или промышленника.

Касаясь характеристики обыкновеннаго любителя-охотника, такъ распространеннаго между нами, скажу, что этотъ типъ есть самый невзыскательный и равнодушный ко всякимъ усовершенствованiямъ охотничьяго дѣла, оружiя и собакозаводства. Кругозоръ его самый ограниченный и онъ не идетъ дальше того, что видитъ постоянно предъ своими глазами. Незатѣйливое ружье, такая же собака, общенiе съ природою; вотъ все, что онъ знаетъ. Зато этотъ типъ охотника самый безвредный, потому что онъ въ большинствѣ случаевъ знаетъ значенiе законовъ объ охотѣ, аккуратно покупаетъ себѣ билетъ, а сталкиваясь съ природою, извлекаетъ изъ нея столько, сколько позволяютъ ему его охотничья страсть и пониманiе ея.

Заканчивая описанiе современныхъ типовъ охотниковъ, нельзя пройти молчанiемъ и не упомянуть о томъ, какъ мало встрѣчается въ средѣ нихъ сплоченности, взаимной дружбы и искренности. У всѣхъ у нихъ замѣчается отличительная черта враждебности другъ къ другу, зависти и подпольныхъ интригъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, такъ какъ печать наша и сама жизнь охотника отмѣчаетъ много-много случаевъ, гдѣ они, становясь во враждебныя отношенiя, парализуютъ дѣйствiя другъ друга и не даютъ возможности придать дѣлу охоты тотъ оттѣнокъ общественной дружбы, солидарности, какiя должны бы существовать между ними. Не пора ли намъ, собратьямъ по страсти, водрузить знамя единенiя, дружбы и искреннихъ отношенiй, чтобы при помощи ихъ создать ту осязаемую твердую почву, по которой должны идти благiя наши начинанiя на пользу охотничьяго дѣла.

Ев. Поповъ.

Очерки по анатоміи, физіологіи и питанію собаки *).

Въ послѣднемъ очеркѣ мною было изложено развитіе собаки во время ея утробной, несамостоятельной до жизни момента, когда она должна начать новую жизнь, при новыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Въ постепенномъ порядкѣ изложенія жизни собаки слѣдовало бы тотчасъ за эмбріологіею описать постепенное развитіе собаки до того времени, когда она достигнетъ полнаго и совершеннаго своего развитія. Но такой пріемъ въ изложеніи изучаемаго предмета кажется мнѣ неудобнымъ потому, что описаніе развитія собаки съ момента ея появленія на свѣтъ до того времени, когда она достигнетъ предѣловъ своего постепеннаго сформированія, не можетъ быть усвоено безъ знанія законовъ физіологіи. Поэтому я приступлю къ изученію формъ, составныхъ частей и ихъ взаимнаго соотношенія въ организмѣ собаки, какъ существа уже достигшаго своего полнаго развитія, т.-е. займусь изложеніемъ описательной и топографической анатоміи. Но, прежде чѣмъ заняться этимъ предметомъ, считаю нужнымъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній.

Появленіе теоріи Дарвина о половомъ подборѣ и происхожденіи видовъ возбудило горячіе и продолжительные споры; къ тѣмъ аргументамъ, которые нѣкогда приводилъ Ламаркъ въ пользу измѣняемости органическихъ существъ, прибавилось громадное число новыхъ доказательствъ, открытыхъ и установленныхъ сторонниками трансформизма.

Старая школа натуралистовъ разсматривала міръ, какъ нѣчто неизмѣнное. Для представителей этого ученія весь разнообразный міръ животныхъ и растеній сводился къ извѣстному числу видовъ

---

*) См. мартъ.

или постоянныхъ типовъ, которые передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе во всей своей неприкосновенности. Отъ этого своего типа животное можетъ уклониться развѣ самымъ незначительнымъ образомъ и то лишь на время. Если подъ вліяніемъ климата или пищи, прирученія или тому подобныхъ причинъ и происходятъ иногда извѣстныя уклоненія въ первоначальномъ типѣ, то эти уклоненія немедленно исчезаютъ, какъ только животное сново будетъ поставлено въ прежнія условія своей нормальной жизни.

Другой лагерь говоритъ, что животный организмъ измѣняется безпрерывно, смотря по средѣ, въ которой онъ живетъ, температурѣ, которая его окружаетъ, и пищѣ, которою онъ питается. Привычки, которыя приходится усвоить себѣ, чтобы сохранить жизнь при измѣнившихся условіяхъ, порождаютъ въ немъ спеціальныя приспособленія, измѣняющія и его свойство, и формы его тѣла, а такъ какъ путемъ наслѣдственности уклоненія, пріобрѣтенныя предками, передаются въ извѣстныхъ границахъ потомкамъ, то мало-по-малу измѣняется и самый *видъ*.

«Функція рождаетъ органъ», такова краткая, но сильная формула, созданная Гереномъ, формула, выражающая въ общихъ чертахъ ту роль, которую играетъ функція въ видоизмѣненіяхъ организма.

Кости, суставы, мышцы измѣняются различнымъ образомъ подъ вліяніемъ различныхъ видоизмѣненій въ своихъ отправленіяхъ чувства, путемъ упражненія пріобрѣтаютъ новыя свойства, или теряютъ прежнія, когда онѣ долго находятся въ бездѣйствіи. Всѣ такія измѣненія въ отправленіяхъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же отправленій сопровождаются анатомическими измѣненіями въ аппаратѣ, который физіологически уже не тотъ.

Какъ бы мало ни былъ знакомъ съ анатоміею наблюдатель, но онъ тотчасъ же замѣтитъ на поверхности костей тысячи самыхъ любопытныхъ деталей: онъ увидитъ множество ямочекъ, рядъ маленькихъ углубленій, повидимому, предназначенныхъ пріютить или дать защиту какому-нибудь исчезнувшему органу, и дѣйствительно эти углубленія соотвѣтствуютъ утолщеніямъ мышцъ, которыя въ этихъ мѣстахъ соприкасаются съ какъ бы выдолбленными для этой цѣли костями. Въ другомъ мѣстѣ замѣчается глубокій и округленный желобъ, являющійся результатомъ дѣятельности сухожилія мышцы, которое безпрестанно скользило впередъ и назадъ по кости.

Въ настоящее время никто болѣе не сомнѣвается въ томъ, что костная система можетъ подвергаться самому полному измѣненію, что органы, на мертвомъ скелетѣ обыкновенно столь плотные и твердые, въ живомъ организмѣ, напротивъ, способны претерпѣвать самыя разнообразныя уклоненія. Какъ бы ни были незначительны давленіе или растяженіе, производимое на кость, но если онѣ продолжаются довольно долгое время, то всегда вызываютъ измѣненіе ея формы.

Для объясненія образованія уступовъ на костяхъ нужно привлечь силу, противоположную той, которая создаетъ въ нихъ углубленія; нужно допустить, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ на кости замѣчается уступъ, оно подвергается извѣстному растяженію. Что такое растяженіе существуетъ на всѣхъ пунктахъ скелета, гдѣ прикрѣпляются мышцы,—это очевидно.

Сравнительная анатомія подтверждаетъ тотъ общій фактъ, что чѣмъ длиннѣе отростокъ кости, тѣмъ большую энергію образуетъ мышца, которая къ нему прикрѣпляется. Степень измѣняемости костей зависитъ сколько отъ интенсивности мышечной силы, столько же и отъ продолжительности ея дѣйствія.

Однимъ словомъ форма костной системы повсюду носитъ на себѣ слѣды посторонняго вліянія, преимущественно вліянія мышцъ. Можно сказать, что нѣтъ въ скелетѣ ни одного вдавленія, ни одного выступа, происхожденіе которыхъ не могло бы быть отнесено къ какому-нибудь внѣшнему дѣйствію, вліявшему на костное вещество, либо углубляя его, либо вытягивая наружу.

Нужно признать, допуская законы наслѣдственности, что новая форма, выработанная дѣйствіемъ функціи, переходитъ и въ потомство, иначе пришлось бы создать гипотезу, которая радикальнымъ образомъ измѣняетъ законы наслѣдственности.

Кстати и мышцы измѣняются всегда совмѣстно, и та сила, которой подчиняется форма мышцъ, принадлежитъ нервной системѣ.

Нормальная анатомія показываетъ намъ лишь примѣры гармоніи между разъ данною формою органа и его привычной функціею. Одинъ только опытъ въ состояніи разъяснить дѣйствительно ли, измѣняя отправленія органа, можно вызвать такія измѣненія въ его формѣ, которыя поставятъ его въ гармонію съ новыми условіями его дѣятельности. Для должнаго уясненія этого положенія медицина и хирургія изобилуютъ фактами; такъ, онѣ показываютъ, что движеніе поддерживаетъ жизнь мышцъ; продолжительный покой

мышцы производитъ уменьшеніе ея объема и затѣмъ перерожденіе элементовъ, ее составляющихъ. Объемъ мышцы не только возрастаетъ или уменьшается, смотря по энергіи, съ которою совершается ея функція, но она совершенно исчезаетъ, когда эта функція почему-нибудь пріостановлена.

Разсматривая мышечную систему въ различныя эпохи жизни, замѣчается, что наружный видъ ея значительно измѣняется. Повидимому, она также имѣетъ свои совершенно опредѣленные возрасты и, состоя первоначально изъ сохранительнаго вещества, она старѣя, теряетъ мало-по-малу свои красныя волокна, которыя замѣняются бѣлыми и блестящими волокнами сухожилій.

Но можно задержать ходъ этихъ измѣненій, заключающихся въ возрастаніи сухожильнаго элемента на счетъ краснаго волокна, если посредствомъ соотвѣтственныхъ упражненій постоянно поддерживать нормальные размѣры мышечнаго движенія.

Человѣкъ первоначально только утилизировалъ способности различныхъ животныхъ, а вовсе не думалъ о томъ, чтобы придать имъ новыя свойства; для достиженія этой цѣли необходимо было бы насиловать привычки животныхъ и постепенно пріучать ихъ къ такого рода дѣйствіямъ, которымъ съ трудомъ поддается ихъ натура. Заставивъ животное, которое плохо приспособлено къ прыганію, добывать себѣ пищу не иначе, какъ перескакивая черезъ рядъ преградъ, постепенно возрастающихъ въ вышину, можно надѣяться, что современемъ удастся развить въ немъ способность къ прыганію. Если потомки подобнаго животнаго удержатъ, хотя бы и въ незначительной степени качество, пріобрѣтенное ихъ предкомъ, то въ нихъ, вѣроятно, можно будетъ еще болѣе развить эту способность. Увеличивая такимъ образомъ усилія, налагаемые на извѣстный видъ, и при томъ не съ утилитарною цѣлью, гдѣ нѣтъ никакой выгоды переходить за извѣстные предѣлы, и развивая до безконечности силу и размѣры движенія его мышцъ, можно надѣяться, что и анатомическія измѣненія также увеличатся до безконечности и что въ концѣ концовъ представится возможность произвести нѣчто аналогичное тому, что въ настоящее время называется переходомъ отъ одного вида въ другой.

То, что здѣсь сказано о мышечной функціи, одинаково примѣнимо и ко всякаго рода другимъ отправленіямъ *).

---

*) Э. Марей. Механика животнаго организма.

Всѣ многоклѣточные организмы (metazoa), отъ наиболѣе простого до наиболѣе сложнаго, могутъ быть выведены изъ одноклѣточнаго (protozoa), и все разнообразіе ихъ формъ можетъ быть сведено къ немногимъ основнымъ типамъ или планамъ строенія, которые берутъ свое начало въ шаровидной формѣ. Послѣдняя присуща не только одноклѣточнымъ организмамъ, но и многимъ многоклѣточнымъ. Для каждаго животнаго организма можно намѣтить его главную ось, относительно которой одинаковыя части тѣла и органы расположены въ извѣстномъ порядкѣ; что же касается порядка расположенія частей тѣла, то онъ представляетъ два типа: въ одномъ, такъ называемомъ типѣ двубокой симметріи, только одна изъ плоскостей, проведенныхъ чрезъ головную ось, дѣлитъ тѣло животнаго на двѣ симметричныя половины; въ другомъ, такъ называемомъ лучистомъ тѣлѣ, всякая плоскость, проходящая чрезъ главную ось, дѣлитъ тѣло животнаго на двѣ симметричныя половины *).

Основныя формы такого двубокосимметричнаго животнаго, къ которымъ относится и собака, т.-е. то неизмѣнное, закономѣрное размѣщеніе внутреннихъ и наружныхъ органовъ, являясь результатомъ опредѣленнаго устройства извѣстной жизнедѣятельности организма, ограниченной вліяніемъ внѣшнихъ условій—должна прежде всего обусловливаться проявленіемъ главнѣйшихъ функцій животнаго организма, такихъ, въ которыхъ наиболѣе рѣшительно выражается характеръ животнаго, именно подвижностью.

При передвиженіи на сушѣ, въ видахъ устраненія необходимости тренія туловища о поверхность земли, должно было вызвать происхожденіе снарядовъ, имѣющихъ цѣлью устранить такое треніе. Такіе снаряды появились въ формѣ конечностей; для того, чтобы такія подпорки могли поднять тѣло надъ поверхностью земли, необходимо было расположить ихъ такъ, чтобы онѣ стояли съ обѣихъ сторонъ тѣла. Въ силу закона экономіи и возможной простоты, положенныхъ въ основу строенія всякаго животнаго, эти конечности подпорки расположились съ каждой стороны тѣла по одному въ рядъ и, по мѣрѣ совершенствованія организаціи въ меньшемъ количествѣ, такъ, у тысяченожекъ множество паръ такихъ конечностей, у пауковъ—четыре, у насѣкомыхъ—три, а у позвоночныхъ—только двѣ пары конечностей.

---

*) М. А. Мензбиръ. Введеніе въ изученіе зоологіи и сравнительной анатоміи.

Появленіе конечностей и симметрическое размѣщеніе ихъ по сторонамъ тѣла сухопутнаго животнаго, обусловили сохраненіе одной только анатомической оси тѣла, которая у позвоночныхъ животныхъ приняла видъ опредѣленнаго твердаго снаряда, а именно, позвоночного столба. Около этой анатомичной оси группируются всѣ другіе органы и на нее опираются поддерживающія ее конечности. Вслѣдствіе того, что сторона несущая конечности является необходимо обращенной внизъ, а противоположная ея сторона на верхъ, произошло такое размѣщеніе различныхъ органовъ, вслѣдствіе котораго всѣ, болѣе чувствительные снаряды тѣла, нашли себѣ убѣжище подъ осью тѣла, въ нижней половинѣ; менѣе же чувствительные аппараты, преимущественно мускулы, расположились близъ верхней поверхности туловища, образуя здѣсь большія скопленія, въ которыхъ сосредоточены какъ мускулы самаго туловища, такъ и тѣ, которые служатъ для движенія конечностей.

Появленіе одной только анатомической оси у двусторонне-симметрическихъ животныхъ, ограничило направленіе ихъ движеній въ пространствѣ. Имѣя возможность передвигаться съ полною быстротой только по продолженію оси ихъ тѣла, такія животныя, приступая къ передвиженію, должны сначала придать своему тѣлу опредѣленное направленіе, а затѣмъ уже начать самое передвиженіе.

Передвиженіе такихъ животныхъ въ пространствѣ должно, при нормальномъ порядкѣ, совершаться не только по направленію одной опредѣленной оси, но даже по направленію одного изъ концовъ этой оси. На этомъ концѣ сосредоточились поэтому разные снаряды, присутствіе которыхъ именно здѣсь, на концѣ, обращенномъ впередъ, имѣетъ въ высшей степени серьезное значеніе для животнаго. Здѣсь расположены тѣ органы чувствъ, которые, уже на разстояніи, ознакомляютъ животное съ тѣмъ, что совершается впереди его; здѣсь располагаются снаряды для пищеваренія и соединенныя съ ними орудія защиты. Такимъ образомъ этотъ передній конецъ превращается въ снарядъ, называемый головой. Въ то же время и задній конецъ тѣла приспособляется къ нѣкоторой, опредѣленной функціи, обусловливаемой также постоянствомъ въ направленіи движенія тѣла *).

---

*) К. Э. Линдеманъ. Основы общей зоологіи.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о значеніи отдѣльныхъ составныхъ частей организма, можно было бы приступить къ изложенію анатоміи собаки, но такъ какъ въ наше время существуетъ чрезвычайно много породъ собакъ, при чемъ каждая изъ нихъ отличается отъ другой не только своимъ внѣшнимъ видомъ, но и строеніемъ, то я считаю умѣстнымъ привести нѣкоторыя изъ дѣленій собакъ на породы.

Въ своей классификаціи животныхъ Линней перечисляетъ слѣдующія породы собакъ: комнатная собака, овчарка, шпицъ, сибирская и исландская собака, большой водолазъ или пудель, малый водолазъ, охотничья легавая собака, испанская собака, длинношерстая испанская собака, львиная собачка, маленькая датская собака, ублюдочный мопсъ или рокетъ, мопсъ, бульдогъ, мастиффъ, нѣмецкая охотничья собака, французская охотничья собака, ищейка, гладкошерстая собака на дикихъ птицъ, пудель, борзая, исландская охотничья собака, турецкая охотничья, шотландская охотничья, мохнатая шотландская охотничья, итальянская борзая, персидская борзая, голая борзая, кабанья, такса, американская и новоголландская собака. Со времени Линнея многія изъ названныхъ выше породъ вымерли, другія смѣшались другъ съ другомъ, или, по крайней мѣрѣ, унаслѣдовали сходство *).

Изъ современныхъ дѣленій собакъ на породы приведу слѣдующія.

Stonehenge дѣлитъ собакъ на слѣдующія группы:

Дикія собаки. Динго, долъ, паріа, дибъ или африканскій экіа, агери, алько, китайская собака, као острова Суматры и купара или крабья собака.

Домашнія собаки. (Борзыя): шотландская борзая, оленья борзая, гладкошерстая борзая или англійская, ирландская борзая, собака рѣки Мекензи, арабская борзая или слуги, греческая русская борзая, персидская борзая и левретка.

Гончія собаки—породы французскія. Сэнтонджъ, пуату, гасконскія, нормандскія, вандейскія, собаки Св. Гумберта, кабаньи собаки и бассеты.

Гончія собаки—породы англійскія. Тальботъ, блутхоундъ, лисогоны, харріеры или заячьи собаки, собаки на выдръ, собаки ан-

*) А. Зейфертъ. Собака, ея строеніе и внутренніе органы въ картинахъ. Перев. доктора В. П. Гольдингера.

гло-французскія, фоксъ-терьеры, шотландскіе терьеры, дэнди динмонтъ, скай, бедлингтонъ, іоркширскіе шелковистые терьеры.

Легавыя собаки. Испанскія, англійскія или пойнтера, французскія или бракъ пуату, пикарди и бенгале, далматская собака, датская собака, англійскій эпаньель или сеттеръ, эпаньель ирландскій, эпаньель шотландскій или гордонъ, спрингеръ, коккеръ, клумберъ, суссексъ, водяной эпаньель, французскій гриффонъ, гриффонъ русскій и ретриверъ.

Сторожевыя и возовыя собаки. Пастушья собака, собака Бри, шотландская пастушья собака (порода колли), горная собака, померанская волчья собака, терръ-невъ, лобрадоръ, эскимосская, сибирская, камчатская и гренландская собака.

Комнатныя собаки. Бульдогъ, мастифъ, кубинскій, тибетскій доги, с.-бернаръ, барбе или пудель, мальтійская или гаванская собака, львиная собачка, лулу, кингъ-чарльсъ, бленхеймъ, карленъ или мопсъ, рокетъ, маленькая борзая, турецкая собака.

Помѣси. Ретриверъ, буль терьеры, помѣси отъ собаки и лисицы, собаки и волка, собаки и шакала. Меньенъ (Mégnin) въ своемъ трудѣ Le chien et ses races классифицируетъ породы собакъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

I. Люпоиды lupoids (волкообразныя *).

Эти собаки имѣютъ голову въ видѣ горизонтальной пирамиды, уши у нихъ обыкновенно прямыя, стоячія; морда узкая и удлиненная; губы небольшія, плотно прилегающія. Верхнія губы не переходятъ основанія десенъ нижней челюсти.

А. Шерсть темная, длинная на туловищѣ и на хвостѣ, короткая на лицѣ, ушахъ и конечностяхъ.

а. Ростъ, граничащій съ крайнимъ предѣломъ большого роста. Эскимосскія и олени собаки.

аа. Ростъ средній—овчарки французскія, бельгійскія, нѣмецкія и колли.

ааа. Ростъ, граничащій съ предѣломъ средняго роста шау-шау—китайская.

аааа. Ростъ малый. Померанская собака, шиперкъ.

---

*) Сохраняю терминологію автора; въ скобкахъ же помѣщены названія, соотвѣтствующія понятію даннаго термина.

В. Шерсть повсемѣстно длинная, клочьеобразная, на лицѣ клочковатыя брови, усы и бородка.

а. Ростъ большой—русская овчарка.

аа. Ростъ средній—овчарки: староанглійская, Бри и южная (французская).

С. Шерсть короткая и жесткая, иногда очень короткая или исключительно длинная.

а. Ростъ средній—динго, собака огненной земли, константинопольская собака.

аа. Ростъ малый—терьеры англійскіе, фоксъ-терьеры, ирландскій терьеръ и эредаль-терьеръ.

ааа. Бассеты—шотландскій терьеръ, скай, денди-терьеръ, депмонъ.

аааа. Карлики—терьеръ-гриффонъ, іоркшайръ. Меньенъ присовокупляетъ, что терьеры такъ разнообразны, что представляютъ большое количество подпородъ, классификація которыхъ основывается на формѣ тѣла и длинѣ шерсти.

II. Бракоиды—Bracvïdes (охотничьи).

Бракоиды обладаютъ головою, приближающейся къ призматической формѣ, съ мордою одинаково широкою какъ въ основаніи, такъ и въ концѣ ея, и отдѣляется ото лба опредѣленно выраженнымъ изгибомъ переломомъ, уши висячія, губы длинныя и свободно прилегающія къ деснамъ, верхнія губы переходятъ за границу нижней челюсти

А. Голова и черепъ широкіе, лобъ раздвоенный, гребень затылочной кости (apoph. interparietal) мало выраженъ, губы средней длины, уши плоскія, нижній край которыхъ не переходитъ горла.

а. Ростъ средній.

b. Волосъ гладкій, различные браки, далматская собака.

bb. Волосъ длинный, за исключеніемъ морды и конечностей.— Спаньели, сеттера, ретриверы.

с. Типъ, приближающійся къ бассетамъ. Полевые спаньели.

сс. Типъ, приближающійся къ карликовымъ.—Той спаніель, мальтійская собака.

bbb. Волосъ длинный, по всему тѣлу безъ исключенія.

d. Волосъ курчавый. Пудель.

dd. Волосъ жесткій. Гриффонъ.

B. Голова и черепъ болѣе удлиннены, чѣмъ у предыдущихъ, затылочный гребень болѣе выдающійся, уши и губы болѣе длинныя, уши трубкою и наружный край далеко заходящій за горло.

a. Ростъ большой, приближающійся къ среднему.

b. Волось короткій.—Большія гончія собаки англійскія и французскія гладкошерстныя.

b. b. Волосъ жесткій.—Гриффоны вандейскій, ниверно, бретонскій и Св. Людовика.

a. a. Ростъ средній.

c. Волосъ гладкій.—Брике д'Артуа, брике фарфоровый и Харріеръ.

c. c. Отеръ Хундъ.

a. a. a. Ростъ малый.—Бигли.

B. B. Типъ, приближающійся къ бассетамъ, ноги прямыя или искривленныя.

a. Волосъ гладкій.—Бассеты Лэнъ, бассеты Лекутё.

a. a. Волосъ жесткій.—Вандейскіе бассеты.

III. Молоссоиды. Molossoides.

Голова тяжелая, круглая и кубовидная, ухо маленькое, висячее, морда короткая, губы длинныя и толстыя, тѣло массивное, обыкновенно пять пальцевъ какъ на переднихъ, такъ и на заднихъ лапахъ, нормальный типъ очень большого роста.

A. Шерсть темная, достаточно длинная на туловищѣ и въ особенности на хвостѣ, сзади конечностей и на шеѣ, и короткая на головѣ, ушахъ и конечностяхъ.

a. Ростъ большой.—Тибетская собака, с. бернаръ, леобергъ, пиренейская собака, русская медвѣжья собака, терръ-нефъ.

B. Волосъ гладкій, ростъ большой.—Мастиффъ, доги: Бордосскій, нѣмецкій или большой датскій.

a. a. Ростъ средній или малый, типъ, приближающійся къ бульдогу.—Бульдоги: бордосскій и англійскій.

a. a. a. Ростъ карликовый.—Мопсъ.

IV. Граиоиды. Graivides. (Борзыя).

Голова въ формѣ удлиненаго конуса, черепъ узкій, ухо небольшое, заложенное назадъ или прямое, морда длинная и тонкая на всемъ протяженіи, на прямой линіи со лбомъ, носъ выдающійся

и мясистый, губы тонкія, короткія и плотно прилегающія, туловище вытянутое, конечности тонкія, брюхо сильно подобранное.

А. Ростъ большой, уши висячія.

а. Волосъ средней длины на всемъ туловищѣ.—Борзыя шотландская и ирландская.

а. а. Волосъ длинный и шелковистый, въ особенности на хвостѣ и сзади конечностей, короткій на мордѣ и конечностяхъ.—Борзыя: русская и кавказская.

Волосъ короткій на туловищѣ, но длинный на плоскихъ ушахъ.—Туркестанская борзая.

а. а. а. а. Волосъ гладкій.—Крымская борзая.

В. Ростъ средній.

а. Волосъ гладкій.

b. Ухо прямое.—Кардофонская борзая.

b. b. Ухо заложенно назадъ. Стонгей и Грейхундъ (англійская борзая).

c. Ростъ малый, волосъ гладкій.—Левретки.

d. Ростъ карликовый, волосъ мышастый.—Итшійская левретка.

Георгъ Мюллеръ *) предлагаетъ слѣдующее дѣленіе собакъ на породы.

I. Длинноголовыя собаки.

Голова вытянутая въ длину и узкая; длина головы относится къ ея ширинѣ какъ=1:0,6—0,65; длина черепа къ длинѣ морды (лицевыхъ костей) относится какъ=1:0,6—0,7; носъ длинный и почти прямой.

А. Собаки съ болѣе или менѣе длинными, висячими ушами.

1) Охотничьи, большого роста собаки.

а.) Легавыя:

Нѣмецкія легавыя (коротко-и гладкошерстныя, длинношерстныя и жесткошерстныя).

Англійскія легавыя (гладкошерстныя—пойнтеръ и длиношерстныя—сеттеръ).

Французскія легавыя (короткошерстныя—браки, длинношерстныя—епаньели.

Духовыя собаки (собаки, розыскивающія по слѣдамъ крови: ганноверскія, баварскія и англійскія (Bloodhound).

---

*) Der gesunde Hund von. Dr. Georg Müller. 1899.

Приносящія (подающія) собаки:
ретриверы съ волнистою и курчавою шерстью.

Гончія собаки:

Нѣмецкія, австрійскія и швейцарскія браки, лисогоны (Foxhound) и др.

Ищейки (относятся къ собакамъ съ среднимъ черепомъ, группа III). Спаніели, бассеты.

Земляныя собаки (относятся къ той же III группѣ).
Даксы, фоксъ-терьеры.

2) Пастушьи, дворовыя, конюшенныя собаки, и собаки роскоши преимущественно большого роста.

а) Волосъ средней длины, гладкій или слегка волнистый; хвостъ болѣе или менѣе пушистый.

1) Ньюфаундлэнъ, длинная, гладкая шерсть, преимущественно черпаго цвѣта.

2) С. Бернардскія собаки съ длинною или короткою густою шерстью, цвѣта красноватаго или краснобураго, подпорода—леонберги.

б) Шерсть коротка гладко прилегающая; хвостъ не пушистый.

3) Далматская собака, бѣлая съ черными, или цвѣта печени, пятнами.

4) Мясничьи собаки (возовая и цѣпныя собаки).

5) Большія датскія собаки цвѣта шерсти красножелтаго, также съ полосами.

6) Мастиффы (приближаются къ II группѣ), окрасъ ихъ преимущественно блѣдножелтый, или полосатый.

с. Волосъ шерстеобразный, курчавый или завивающійся въ видѣ локона.

7) Пудель (курчавый пудель и шнюрпудель, съ длинными локонами) цвѣтъ этихъ собакъ бѣлый, черный или коричневый.

В. Съ полустоячими съ верхняго конца висячими ушами.

а) Ноги очень высокія и плотныя.

8) Борзыя: гладкошерстныя англійскія (Greghound), длинношерстныя шелковистыя русскія борзыя; жесткошерстныя шотландскія борзыя (Deerhound); левретки (въ большинствѣ приближающіяся къ III группѣ).

б) Ноги менѣе высокія и менѣе плотныя.

9) Шотландская овчарка (Collie), шерсть мѣхообразная, на шеѣ курчавая.

C. Уши полустоячія, но болѣе, чѣмъ у предыдущихъ (B) свислыя, большія, крѣпкосложенныя, коротко- и гладкошерстыя собаки.

10) Нѣмецкіе (Ульмскіе) доги, цвѣтъ желтый, сѣрый или черный, также полосатый и крапчатый.

D. Уши вполнѣ стоячія.

11) Нѣмецкая пастушья собака. Шерсть у нихъ въ большинствѣ длинная, жесткая, курчавая, часто буро-желтая и красно-желтая; хвостъ высокостоячій, пушистый.

12) Лапландская (эскимосская) собака (приближается къ III группѣ) въ большинствѣ случаевъ походитъ на очень сильно сложеннаго шписса.

II. Короткоголовыя собаки.

Голова короткая и широкая; длина ея относится къ ширинѣ какъ 1 : 0,84—0,9. Длина черепа относится къ длинѣ морды (лицевымъ костямъ) какъ 1 : 0,3—0,36. Носъ короткій, крѣпкій и приподнятъ кверху.

a) Нижняя челюсть сильно выдвигающаяся.

1) Бульдогъ (Boxer).

b) Нижняя челюсть мало или вовсе не выдвигающаяся.

2) Мопсъ. Волосъ короткій, гладкій, цвѣтъ отъ серебристо-сѣраго до желто-бураго.

3) Японскій мопсъ съ сильно вздернутымъ носомъ.

III. Среднеголовыя собаки.

Голова по своей формѣ должна быть помѣщена между головами собакъ I и II группами. Длина головы къ ея ширинѣ, въ среднемъ, относится какъ 1 : 1,044 до какъ 1 : 0,59. Носъ обыкновенно слегка изогнутъ.

A. Съ висячими длинными ушами.

a) Ноги совсѣмъ короткія или нѣсколько короткія. Уши длинныя.

1) Карликовые спаніели (собаки на перепеловъ; въ общемъ приближающіяся къ II группѣ): болонки, кингъ-чарль, мальтійскія и др. Волосъ длинный, шелковистый.

2) Даксы (волосъ длинный, короткій или курчавый). Характернымъ у этихъ собакъ является ихъ горностаеобразный видъ и особенность постановки переднихъ лапъ.

b) Ноги болѣе длинныя, уши небольшія, имѣютъ форму внизъ обращеннаго вершиною треугольника.

3) Фоксъ-терьеръ (гладкая, мягкая и жесткая шерсть). Господствующій цвѣтъ бѣлый; черныя или красныя пятна преимущественно на головѣ; сюда относятся аредальскій терьеръ, коротконогій денди-динмоцитъ-терьеръ, бедлингтонъ-терьеръ и итальянскій терьеръ.

B. Съ полустоячими ушами (корноухія).

a) Шерсть курчавая, болѣе или менѣе косматая.

4) Нѣмецкій курчавый пинчеръ (Rattler). Хвостъ курчавый, короткій, поставленъ прямо. Подпорода: Аффенпинчеръ (длиннѣе и нѣсколько ниже ростомъ).

b) Шерсть короткая, гладкая.

5) Нѣмецкій гладкошерстный пинчеръ. Хвостъ кургузый, носится прямо, не кольцомъ. Подпорода: карликовый пинчеръ.

6) Булльтэрьеръ. Цвѣтъ бѣлый, хвостъ тонкій, глубоко посоженный, носится горизонтально.

7) Пѣгіе терьеры (Black and tan). Цвѣтъ черный съ ржавокоричневыми отмѣтинами. Хвостъ тонкій, носится горизонтально.

c) Шерсть длинная, шелковистая, гладкая.

8) Іоркширскій терьеръ. Цвѣтъ блестящій, голубовато-стальной; сюда относятся: Скай-терьеръ (цвѣтъ болѣе или менѣе голубовато-сѣрый, съ черными отмѣтинами), кледесдальскій терьеръ (цвѣтъ темно голубой).

C. Съ прямостоящими, почти остроконечными ушами.

9) Шпицъ. Шерсть обильная, клочковатая, на шеѣ воротникъ. Хвостъ закрученный кверху, пушистый. Цвѣтъ черный, сѣрый, бѣлый и бурый (волчій шпицъ и извозчичій шпицъ). Подпороды: карликовый шпицъ, шелковистый шпицъ (приближающіеся къ II группѣ *).

Изъ приведенныхъ классификацій собакъ видно, съ одной стороны, насколько многочисленны породы существующихъ собакъ, а съ другой—насколько породы эти могутъ быть отличены одна отъ другой.

Конечно, не всѣ перечисленныя породы собакъ пользуются при-

*) Здѣсь приведены классификаціи породъ собакъ, трехъ лицъ, различныхъ національностей: англійской, французской и нѣмецкой, такъ какъ каждый изъ нихъ съ большею подробностью останавливался на породахъ, свойственныхъ его отечеству

вилегіею близости къ человѣку въ современномъ обществѣ и составляютъ предметъ особаго вниманія и разведенія ихъ въ видахъ сохраненія и улучшенія породъ. Но и число этихъ послѣднихъ породъ, какъ о томъ можно судить по выставкамъ собакъ, устраиваемымъ въ Хрустальномъ Дворцѣ въ Лондонѣ, не мало.

Такъ, для примѣра, можно указать, что на одной изъ послѣднихъ выставокъ собакъ въ Хрустальномъ Дворцѣ Лондонскаго Кеннель-Клуба были выставлены собаки слѣдующихъ породъ;

1) Bloodhounds—кровяныя собаки.
2) Mastiffs—мастиффы.
3) St. Bernards—с.-бернары.
4) Newfoundlands—ньюфуандлены.
5) Irish Wolfhounds—ирландскія волчьи собаки.
6) Deerhounds—оленегоны.
7) Borsois—русскія борзыя.
8) Chou-chou—китайскія шу-шу.
9) Foreing Dogs—иностранныя собаки.
10) Greyhounds—англійскія борзыя.
11) Pointers—пойнтеръ.
12) English setters—англійскій сеттеръ.
13) Gordon setters—сеттеръ гордонъ.
14) Irish setters—ирландскій сеттеръ.
15) Retrivers—ретриверы.
16) Spaniels—спаніели.
17) Collis—колли.
18) Old English cheep dogs—старо-англійскія овчарки.
19) Beagles—бигли.
20) Bassethounds--французскія коротконогія легавыя.
21) Dalmatians—далматскія доги.
22) Poodles—пуделя.
23) Bulldogs—бульдоги.
24) Bullterriers—бультерьеры.
25) Whippets—левретки.
26) Airedales—айредальскіе терьеры.
27) Fox terriers smoots—фоксъ терьеры короткошерстые.
28) Fox terriers wire—фоксъ терьеры длинношерстые.

При всей многочисленности приведенныхъ мною названій, тѣмъ не менѣе, какъ всякій легко можетъ убѣдиться, въ это перечисленіе

не вошли многія породы собакъ, какъ, напр., французскія и русскія гончія, нѣмецкія легавыя и т. д.

При такой многочисленности породъ собакъ и при всемъ разнообразіи ихъ сложенія, невольно рождается вопросъ, какой же именно методъ доженъ быть принятъ для изученія анатоміи и физіологіи собаки.

На этотъ, весьма затруднительный на первый взглядъ вопросъ W. Ellenberger и H. Baum, въ своемъ трудѣ, переведенномъ на французскій языкъ, докторомъ естественныхъ наукъ I. Deniker, подъ заглавіемъ Anatomie descriptive et topographique du chien (1894 г.) даютъ очень простой и опредѣленный отвѣтъ *).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Н. Поляковъ.

---

*) Сочиненіе это, какъ единственное капитальное существующее по данному предмету въ Европейской литературѣ, мною принято за основаніе очерковъ по анатоміи во французскомъ переводѣ потому, что оно появилось въ свѣтъ въ нѣсколько дополненномъ переводчикомъ Деникеромъ видѣ.

Охота и натаска таксъ и фоксъ-терьеровъ *).

Изъ моей долголѣтней практики я вынесъ убѣжденіе, что почти каждая натасканная собака (будь то фокстерръеръ или такса), найдя въ норѣ молодыхъ лисинятъ или барсуковъ, загрызаютъ ихъ, но не всякая изъ нихъ вытаскиваетъ затѣмъ поконченнаго хищника изъ норы. Вотъ пріучить-то собаку, такъ сказать, аппортировать, всего легче въ искусственной, учебной норѣ. Все, что будетъ найдено собакою въ норѣ, она должна выносить охотнику. При этомъ любой мягкій и небольшой предметъ годится для дрессировки. Полезно при этомъ предварительно въ комнатѣ научить собаку аппортировать, а затѣмъ уже тѣ же уроки повторить и въ норѣ, поощряя ее выносить изъ норы все, что ею будетъ найдено. Конечно, достаточно, если собака, вытащивъ тотъ или другой предметъ, положитъ его у входа въ нору, при чемъ нельзя ее наказывать, если она задумаетъ надъ доставшимся ей трофеемъ испробовать свои зубы—это надо предотвращать вб-время, отнимая вещь, но не наказывать собаку. Въ заключеніе могу совѣтовать собакѣ, окончившей натаску, дать въ концѣ-концовъ задушить лису и тѣмъ, такъ сказать, удовлетворить ея природное отвращеніе и злобу къ хищникамъ; результатомъ этой, можетъ быть нѣсколько суровой, мѣры является еще бо́льшая злобность и энергичность собаки при работѣ въ норѣ. Въ какой мѣрѣ у насъ подготовлены собаки къ подземной работѣ, видно изъ слѣдующаго.

11 марта состоялись испытанія въ искусственной норѣ для таксъ и фоксъ-терьеровъ, устроенныя русскимъ обществомъ любителей фоксъ-терьеровъ и таксъ. Къ сожалѣнію, приглашенный заграни-

*) Окончаніе.—См. кн. за мартъ 1901 г.

ный судья по фоксъ-терьерамъ прiѣхать въ С.-Петербургъ не могъ и, что называется, въ послѣднюю минуту, срочной депешей отказался. Пришлось искать какого-нибудь выхода, тѣмъ болѣе, что Общество, по непрiятной случайности, оказалось въ незавидномъ положенiи, еще болѣе осложнившемся тѣмъ обстоятельствомъ, что трудно найти было въ послѣднюю минуту достойныхъ и общепризнанныхъ, опытныхъ заграничныхъ судей; пришлось обратиться къ крайнимъ средствамъ, лишь бы найти почетный выходъ изъ этого положенiя. Къ счастiю, среди членовъ молодого общества нашлись люди, выручившiе его, и, главнымъ образомъ, г. Саутамъ, любезно и нарочно прiѣхавшiй изъ Москвы по приглашенiю совѣта судить фоксъ-терьеровъ и ихъ испытанiя въ норѣ на лису, испытанiя же тѣхъ же собакъ на барсука выпало судить мнѣ. Описываю все это подробно по той причинѣ, что отлично сознаю въ душѣ относительно самого себя, конечно, что хотя я и взялся за нелегкую обязанность судьи, все же увѣренъ, что и въ половинной мѣрѣ не замѣнилъ заграничнаго судью г. Отто Галлеръ, извѣстнаго во всей Европѣ знатока подземной охоты и кинолога. Однако приступимъ къ дѣлу.

Испытанiя состоялись въ частномъ манежѣ на Галерной улицѣ, въ присутствiи членовъ общества и ихъ гостей, по особымъ правиламъ, выработаннымъ спецiально для этой цѣли и принятымъ за границей. Къ сожалѣнiю, нора при правильномъ планѣ и распредѣленiи котловъ и загибовъ нѣсколько сдѣлана была просторна, т.-е. нѣсколько широка и высока; такъ, по моему убѣжденiю, нора внутри не должна превышать мѣры 18 центим. на 20 центим. (18×20), между тѣмъ, какъ сказано, нора была и шире, и выше; конечно, это оплошность руководившаго ея изготовленiемъ, но въ день состязанiя было уже поздно ее передѣлывать. На испытанiи на барсука, на почетный призъ большая серебряная медаль министерства земледѣлiя и государственныхъ имуществъ, приняли участiе лишь два фоксъ-терьера одного и того же владѣльца, а именно: «Джокъ» и «Панабатъ»—г. А. К. Гейсслеръ. Первымъ пустили «Джока». Вошелъ онъ быстро въ нору и, неожиданно, какъ казалось, встрѣтивъ въ первомъ котлѣ барсука, безъ лая схватилъ было его, но вѣроятно неудачно, такъ какъ сейчасъ же отпустилъ, затѣмъ подалъ голосъ, со злобнымъ лаемъ начавъ преслѣдовать звѣря, хотя и очень медленно; чрезъ 8 минутъ снова схватываетъ хищника и

крѣпко держитъ даже послѣ вскрытія норы, и только холодная ванна помогла разъединить заклятыхъ отъ природы враговъ. Въ сущности, работа «Джока» далеко не блестяща, такъ какъ если собака безъ лая схватываетъ звѣря, то это считается большимъ порокомъ, а такая глухая (stumme Arbeit) работа порицается; тѣмъ не менѣе, принявъ во вниманіе, что «Джокъ» въ концѣ-концовъ все же хотя и отчасти исправилъ свою ошибку, а также и то, что въ данномъ классѣ участвовало всего двѣ собаки одного и того же владѣльца, я выдалъ «Джоку» первый призъ, думая, что на первомъ испытаніи молодого общества можно быть и поснисходительнѣе. Вторымъ работалъ «Панабатъ». Какъ стрѣла, влетѣлъ онъ въ нору и тотчасъ же крѣпко безъ лая схватилъ звѣря; видя, что онъ держитъ крѣпко и не думаетъ вовсе, выпустивъ звѣря, исправить, какъ «Джокъ», свою ошибку, я прекратилъ его испытаніе, лишивъ его какого бы то ни было приза, а жалко эту собаку: я не разъ видѣлъ ее на работѣ и до этого случая она всегда блестяще и безукоризненно работала; не причиной ли ея ошибки послужила черезчуръ широкая нора, тѣмъ болѣе, что и другія собаки, работавшія на лису, работали въ такомъ же духѣ, выказавъ почти исключительно глухую работу, а эта повальная ошибка почти всѣхъ собакъ и можетъ быть объяснена только вышеприведенными обстоятельствами. Испытанія въ норѣ на лису судилъ не я, а потому и не рѣшаюсь касаться результата ихъ до появленія отчета судьи г. В. А. Саутамъ.

Константинъ Бено.

Правила призовыхъ садокъ (на рѣзвость) Императорскаго Общества охоты *).

§ 12. Лицо, избранное Псовымъ Отдѣломъ, совмѣстно съ Совѣтомъ Имп. Общ., состоитъ распорядителемъ при спускѣ собакъ. Онъ наблюдаетъ за соблюденіемъ очереди и вообще за порядкомъ при спускѣ собакъ. Владѣльцы или ихъ замѣстители обязаны подчиняться означенному распорядителю во всемъ, что касается вышесказаннаго. Если кто-либо изъ находящихся при собакахъ позволитъ себѣ нарушить порядокъ или вмѣшиваться въ распоряженія члена-распорядителя, то онъ, по усмотрѣнію Отдѣла, подвергается штрафу до 20 руб.

§ 13. Если въ назначенный день садки не могутъ состояться вслѣдствіе мороза или крайне дурной погоды, Отдѣлъ предоставляетъ себѣ право отложить садки до слѣдующаго дня, и такъ со дня на день въ теченіе семи дней. По истеченіи этого времени владѣльцамъ собакъ возвращаются подписныя деньги и призы остаются не разыгранными.

Если въ первый день, назначенный для садокъ, таковыя состоятся, а на второй или на третій и послѣдующіе дни морозъ помѣшаетъ ихъ продолжать, то соблюдается то же самое правило съ тою разницею, что призы дѣлятся поровну между собаками, оставшимися на пересадку (см. § 27).

§ 14. Во время садки внутри садочнаго двора могутъ находиться гг. старшій членъ Псоваго Отд., секретарь, членъ-распорядитель, судья и необходимые служащіе. Но владѣльцы собакъ или ихъ замѣстители, а также прислуга при собакахъ имѣютъ право оставаться внутри садочнаго двора въ то время, когда скачутъ ихъ собаки.

*) Окончаніе.—См. мартъ.

§ 15. Собака, которая окажется неприсворенною до такой степени, что съ нею нельзя справиться, можетъ быть лишена права участвовать въ садкахъ, въ такомъ случаѣ собака ея пары скачетъ съ подставной.

§ 16. Во время травли строго воспрещается поощрять собакъ возгласами.

§ 17. На призовыхъ садкахъ употребляется англійская садочная свора, съ которой собаки освобождаются одновременно, при чемъ собаки скачутъ безъ ошейниковъ; послѣднее впрочемъ зависитъ отъ желанія владѣльцевъ.

При сосвариваніи наблюдается, чтобы собака, стоявшая по порядку нумераціи выше другой, бралась на свору съ правой стороны.

Когда должны скакать собаки одного окраса, то для отличія ихъ надѣваются на нихъ ошейники—бѣлаго цвѣта на собаку съ правой и краснаго—на собаку съ лѣвой стороны.

§ 18. Отъ старшаго члена Псоваго Отд. зависитъ, предоставить ли самому борзятнику, который спускаетъ собакъ, опредѣлить моментъ спуска, или поручить сіе судьѣ или члену-распорядителю.

Разстояніе, на которое отпускается заяцъ, зависитъ отъ состоянія грунта и отъ того, каковъ самъ заяцъ, но не должно быть менѣе 30—35 сажень.

Слабые зайцы, по возможности, пропускаются безъ травли, и прилагается стараніе, чтобы во все время состязанія на одинъ и тотъ же призъ зайцы отпускались на одинаковое разстояніе.

§ 19. Въ случаѣ одна изъ сосворенныхъ собакъ свернется съ ошейника, борзятникъ не долженъ спускать другой.

§ 20. Судья подчиняется общимъ правиламъ, которыя могутъ быть установлены Псовымъ Отдѣломъ для его руководства. По окончаніи каждой садки онъ немедленно объявляетъ свое рѣшеніе чрезъ то лицо, которому поручено выкидывать флаги. Разъ объявленное рѣшеніе не можетъ быть измѣнено, развѣ только выкидывающій флаги невѣрно понялъ знакъ, данный судьею, или судья тотчасъ же заявляетъ, что имъ ошибочно данъ не тотъ сигналъ.

§ 21. Судья долженъ руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ общимъ началомъ, что выигрываетъ та изъ собакъ, которая лучше ловила, т.-е. своей работой болѣе другой способствовала поимкѣ звѣря (хотя бы звѣрь и не былъ пойманъ).

Это начало проведено въ нижеслѣдующей балльной оцѣнкѣ работы каждой собаки.

Объявляя свое рѣшеніе, судья не выставляетъ балловъ собакамъ въ виду того, что балльная оцѣнка имѣетъ значеніе лишь разъясненія тѣхъ основаній, которыя приняты для опредѣленія полевыхъ достоинствъ собакъ, и что нельзя выразить цифрами всѣхъ обстоятельстъ, которыми опредѣляется рѣшеніе судьи.

§ 22. При оцѣнкѣ сравнительныхъ качествъ, выказанныхъ собакою, принимаются въ соображеніе:

а. Рѣзвость въ доскачкѣ оцѣнивается однимъ, двумя или тремя баллами, въ зависимости отъ превосходства въ рѣзвости собаки одной предъ другою.

При этомъ судья долженъ принимать въ расчетъ слѣдующія обстоятельства:

1. Количество балловъ, присуждаемыхъ за доскачку, зависитъ отъ того, насколько собака, первая доспѣвшая до зайца, опередитъ другую. Эти баллы присуждаются независимо отъ балла за первую угонку или первый повихъ. Достоинство доскачки увеличивается, если собака выкажетъ въ этомъ отношеніи превосходство, несмотря на то, что задержалась на сворѣ, не воззрилась, какъ слѣдуетъ, или же должна скакать по наружному кругу вслѣдствіе того, что заяцъ заворачиваетъ въ сторону соперницы.

2. Если при доскачкѣ одна изъ собакъ ведетъ, пока заяцъ бѣжитъ по прямому направленію, другой же удается сдѣлать первую угонку или повихъ только потому, что заяцъ явно свернулъ въ ея сторону, то первой собакѣ присуждается одинъ баллъ за преимущественную рѣзвость въ доскачкѣ, а второй—одинъ баллъ за угонку, или полбалла за повихъ.

3. Если заяцъ уйдетъ безъ угонки, то садка признается нерѣшенною. Исключеніе допускается только въ случаѣ чрезвычайнаго превосходства въ рѣзвости одной изъ собакъ предъ другою.

б. Рѣзвость послѣ первой угонки оцѣнивается особо отъ угонокъ только въ одномъ случаѣ, а именно: если собака, находящаяся въ данный моментъ позади другой на цѣлую длину корпуса или болѣе (длинѣ корпуса долженъ равняться просвѣтъ между собаками), объѣдетъ соперницу по прямому направленію или по наружному кругу и обставитъ ее на такую же длину корпуса сзади. Такое превосходство въ рѣзвости оцѣнивается двумя или тремя баллами, въ

зависимости отъ того, по прямому ли направленію или по наружному кругу собака обскакала свою соперницу.

в. Угонка оцѣнивается однимъ балломъ.

г. Повихъ оцѣнивается полубалломъ.

Угонка отличается отъ повиха тѣмъ, что при угонкѣ собака заставляетъ зайца свернуть въ сторону подъ угломъ не менѣе прямого, или отсѣсть; при повихѣ же на уголъ менѣе прямого. Но если заяцъ свернетъ въ сторону самъ по себѣ, независимо отъ собаки, то это ей не засчитывается.

д. Поимка оцѣнивается отъ 0 до 2-хъ балловъ, въ зависимости отъ достоинства поимки, т.-е. отъ того, поймала ли собака зайца по своему превосходству въ рѣзвости или ловкости, или же изъ подъ чужой угонки и по инымъ благопріятствующимъ ей причинамъ. Поимка вовсе не засчитывается собакѣ въ томъ случаѣ, когда другая угнала ей зайца прямо въ зубы.

е. Если собака собьетъ зайца съ ногъ, или подсѣкнувъ не удержитъ, ей присуждается одинъ баллъ.

§ 23. Собакѣ, заработавшей первые шесть балловъ въ то время, когда другая собака не заработала ни одного балла, и продолжающей владѣть зайцемъ по превосходству въ рѣзвости, послѣдующіе баллы засчитываются вдвое.

§ 24. Нижеслѣдующіе случаи принимаются во вниманіе судьею при оцѣнкѣ работы собакъ:

1. Если борзятникъ дурно спуститъ собакъ со своры, или не дастъ имъ возвратиться, какъ слѣдуетъ, и одна изъ нихъ получитъ отъ сего явное преимущество, то отъ судьи зависитъ объявить садку недѣйствительною или начать оцѣнку работы собакъ только тогда, когда отставшая собака подравняется.

2. Если заяцъ послѣ первой угонки подастся въ сторону одной изъ собакъ и она заработаетъ баллъ, пользуясь такимъ преимуществомъ, то судья можетъ его вовсе не засчитывать или засчитать за половину. Но если одна изъ собакъ упадетъ или зашибется, то это не вліяетъ на зачетъ балловъ другой собакѣ.

3. Собака, по своей винѣ не поскакавшая за зайцемъ послѣ спуска со своры, считается проигравшею.

4. Если во время травли собака остановится и перестанетъ на время ловить зайца, то ей не засчитываются послѣдующіе баллы. Если такая собака заработала въ моментъ остановки какъ разъ

столько балловъ, сколько ея соперница успѣетъ заработать до конца травли, то она считается проигравшею, развѣ судья признаетъ, что до того момента, когда одна изъ собакъ поскакала за другимъ зайцемъ, достаточно выяснились относительныя достоинства обѣихъ собакъ.

5. Если во время травли вскочитъ второй заяцъ и одна изъ собакъ поскачетъ за нимъ, то садка считается недѣйствительною.

6. Если во время травли сорвется со своры посторонняя собака и приметъ въ травлѣ участіе,—судьѣ предоставляется признать садку недѣйствительною или нѣтъ.

§ 25. Недѣйствительною считается садка, на которой, вслѣдствіе какой-либо случайности, судьѣ не представляется возможности вполнѣ оцѣнить сравнительныя достоинства собакъ (наприм., если одна собака сорвется со своры прежде другой или если обѣ сорвутся слишкомъ рано и т. д.).

Въ случаѣ, если одинъ изъ владѣльцевъ не согласится на пересадку, то его собака лишается права продолжать состязаніе; другая же должна быть вновь посажена съ подставною, развѣ судья признаетъ, что она выказала достаточную рѣзвость и садка была признана недѣйствительной не относительно ея.

§ 26. Не рѣшенною считается садка, на которой судья затрудняется дать преимущество той или другой собакѣ. Въ случаѣ одинъ изъ владѣльцевъ не согласится на пересадку, его собака лишается права продолжать состязаніе, а другая считается выигравшей. О несогласіи на пересадку владѣлецъ обязанъ немедленно заявить членамъ-распорядителямъ, въ противномъ случаѣ собака его сажается вновь.

Пересадка послѣ недѣйствительной садки или нерѣшенной можетъ быть произведена немедленно, если оба владѣльца заявятъ о томъ, пока слѣдующая очередная пара не будетъ принята на свору. Въ противномъ случаѣ собаки пересаживаются послѣ двухъ слѣдующихъ по очереди паръ. Если таковая садка будетъ послѣдней въ данный день, то собаки могутъ быть пересажены по прошествіи 15 минутъ.

§ 27. Когда обѣ, оставшіяся на окончательную пересадку, собаки принадлежатъ одному владѣльцу или назначены однимъ номинаторомъ, то отъ его усмотрѣнія зависитъ сажать ихъ или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ первый и второй призы дѣлятся поровну между обѣими собаками.

Если владѣлецъ одной изъ собакъ, оставшейся на окончательную пересадку, заявитъ Отдѣлу о томъ, что его собака не можетъ скакать изъ-за хромоты или явнаго нездоровья, то распорядитель, удостовѣрясь въ справедливости сего, можетъ объявить другую собаку выигравшей первый призъ, а этой предоставится второй.

Обоюдное соглашеніе двухъ или болѣе владѣльцевъ на дѣлежъ приза допускается только относительно двухъ собакъ, оставшихся на окончательную пересадку. Если же по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, призъ не можетъ быть разыгранъ, то онъ дѣлится поровну между всѣми оставшимися собаками.

§ 28. Если кто-либо изъ владѣльцевъ собакъ, или иное лицо, заинтересованное въ рѣшеніи судьи, позволитъ себѣ во время садокъ оскорбительно отзываться о немъ, то можетъ быть подвергнутъ штрафу до 30 рублей, или лишенъ права принимать участіе въ садкахъ.

§ 29. Всѣ собаки, записанныя на призы, должны быть приведены на садочный дворъ наканунѣ перваго дня садокъ для освидѣтельствованія ихъ ветеринаромъ въ присутствіи одного изъ распорядителей. Собаки съ признаками заразительныхъ болѣзней не допускаются къ участію въ состязаніяхъ.

§ 30. Независимо отъ обыкновеннаго способа записки собакъ непосредственно г-ми владѣльцами оныхъ, могутъ существовать призы, на которые собаки могутъ быть записаны не иначе, какъ чрезъ посредство и съ согласія одного изъ ограниченнаго числа лицъ, именуемыхъ «номинаторами».—Такой способъ записки установленъ съ цѣлью обезпечить участіе въ состязаніи опредѣленнаго количества собакъ. Къ объявленіямъ о такого рода призахъ прилагается списокъ номитаторовъ.

Собаки скачутъ отъ имени номитатора, но отмѣчается, кому онѣ принадлежатъ.

Старшій членъ Псоваго Отдѣла Императорскаго Общества **Мятлевъ**.

О полевой пробѣ гончихъ.

Московское Общество Охоты Имени Императора Александра II общимъ экстреннымъ собраніемъ своимъ 13 декабря 1900 года постановило приступить съ ближайшей же осени къ устройству близъ Москвы полевой пробы гончихъ. Вся организація этихъ испытаній и завѣдываніе ими поручены тѣмъ же собраніемъ вѣдѣнію Совѣта III отдѣла Общества. Такимъ образомъ, на обязанности Совѣта лежатъ всѣ права и обязанности по подготовкѣ полевой пробы гончихъ, т.-е. прiисканія мѣстъ для нихъ, назначеніе дней пробы, избраніе распорядительнаго комитета, выборъ судей, какъ изъ числа членовъ Общества, такъ и изъ числа другихъ извѣстныхъ своими знаніями въ этой области лицъ, а также и обязанности по выдачѣ присужденныхъ призовъ, наградъ и доплемовъ, согласно утвержденныхъ правилъ.

Совѣтъ Отдѣла, какъ исполнительный органъ, всѣ дѣйствія и мѣропріятія свои въ указанной области выполняетъ отъ лица Московскаго Общества Охоты Имени Императора Александра II. Всѣ возможныя и потребныя въ будущемъ измѣненія настоящихъ правилъ вырабатываются Совѣтомъ и вносятся имъ на утвержденіе одного изъ общихъ собраній Общества.

Цѣль полевой пробы гончихъ.

§ 1. Полевая проба имѣетъ ближайшей цѣлью выясненіе природныхъ (рабочихъ) качествъ гончихъ собакъ и вообще разработку установленныхъ и устойчивыхъ понятій о полевомъ досугѣ гончихъ.

§ 2. Къ участію въ полевой пробѣ допускаются собаки, принадлежащія какъ гг. членамъ Общества, такъ и постороннимъ лицамъ.

§ 3. Избранные судьи расцѣниваютъ и отмѣчаютъ рабочія ка-

чества подвергаемыхъ пробѣ гончихъ собакъ и владѣльцамъ лучшихъ изъ нихъ присуждаютъ общественные и другіе призы, согласно тому, какъ это указано въ настоящихъ правилахъ. Количество наградъ и призовъ назначается Обществомъ и заранѣе публикуется, равно какъ и имена избранныхъ судей, въ охотничьихъ журналахъ.

Время и мѣсто полевой пробы и общія положенія.

§ 4. Время для пробы назначается въ періодъ между 10 октября и 1 ноября, и проба производится исключительно по чернотропу.

§ 5. О дняхъ и мѣстѣ, назначенномъ для пробы, оповѣщается по возможности не позднѣе, какъ за двѣ недѣли до начала пробы.

§ 6. На пробу допускаются переголовавшія гончія всѣхъ породъ.

§ 7. Проба гончихъ производится смычками, назависимо отъ состава смычка по полу собакъ его составляющихъ, но принадлежащихъ одному владѣльцу.

§ 8. Расцѣнка гончихъ производится по работѣ ихъ по зайцу, преимущественно по взрослому бѣляку.

Составъ распорядительнаго комитета, права и обязанности его членовъ.

§ 9. Распорядительный комитетъ состоитъ: изъ распорядителя, кандидата къ нему и секретаря.

§ 10. Къ обязанностямъ распорядительнаго комитета относятся работы о своевременной публикаціи относительно: а) назначенныхъ дней и мѣста полевой пробы, б) именъ судей, в) призовъ и г) вообще всѣхъ постановленій, относящихся до полевой пробы текущаго года.

§ 11. Чтобы избавить владѣльцевъ собакъ отъ хлопотъ по пріисканію себѣ помѣщенія на мѣстѣ, распорядитель обязанъ озаботиться заблаговременно о таковыхъ для всѣхъ участниковъ.

§ 12. Во время самыхъ испытаній распорядитель обязанъ слѣдить за общимъ порядкомъ и заботиться, чтобы собаки были къ началу каждой пробы на назначенномъ мѣстѣ и въ указанное время.

§ 13. Въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо изъ присутствующихъ установленнаго порядка и требованій распорядителя и судей, онъ имѣетъ право лишить собакъ, принадлежащихъ лицу, нарушившему порядокъ, участія въ пробѣ.

§ 14. Въ случаѣ отсутствія распорядителя его обязанности исполняются кандидатомъ.

§ 15. На обязанности секретаря лежитъ пріемъ подписныхъ денегъ, выдача квитанцій въ ихъ полученіи и веденіе книги, въ которую вносятся: а) имя, отчество, фамилія и адресъ владѣльца собакъ, б) порода, происхожденіе, кличка, полъ, возрастъ и масть собакъ, в) бывали ли онѣ на выставкахъ, на испытаніяхъ, хотя бы отъ имени другихъ владѣльцевъ, получали ли награды и какія именно; записаны ли въ какую родословную книгу и ихъ № въ этомъ случаѣ.

§ 16. Распорядитель и кандидатъ его не могутъ состоять судьями на пробѣ. Секретарь можетъ исполнять обязанности судьи, если избранъ и на эту должность.

Судьи, ихъ права и обязанности.

§ 17. Судейская комиссія состоитъ изъ трехъ лицъ.

§ 18. Для испытаній каждаго года избираются въ судьи три лица и трое кандидатовъ для замѣщенія отсутствующихъ. Всѣ избранные въ судьи и кандидаты лица извѣщаются объ ихъ избраніи, а также о назначенныхъ дняхъ пробы, особыми повѣстками.

§ 19. Лица, избранныя въ судья и принявшія на себя эту обязанность, не имѣютъ права судить своихъ собакъ. Въ случаѣ участія на пробѣ собакъ, принадлежащихъ судьѣ, судья замѣщается при ихъ пробѣ кандидатомъ.

§ 20. Расцѣнка работы собакъ на пробѣ производится каждымъ изъ судей раздѣльно, при чемъ судья руководствуется личными впечатлѣніями и выставляетъ баллы, согласно утвержденной оцѣночной таблицы.

§ 21. Продолжительность пробы каждаго отдѣльнаго смычка зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія судей.

§ 22. По окончаніи каждаго дня пробы, по возможности до отъѣзда изъ сборнаго пункта, судьи свѣряютъ свои впечатлѣнія, выводятъ общіе баллы и составляютъ краткій протоколъ, съ обозначеніемъ результатовъ своей экспертизы и прочитываютъ его въ присутствіи распорядительнаго комитета, участниковъ испытаній и зрителей. По окончаніи всѣхъ дней пробы въ возможно непродолжительномъ времени составляется судьями подробный и мотивированный докладъ о пробѣ данной осени, который представляется Совѣту отдѣла и читается на открытомъ совмѣстномъ засѣданіи Правленія и Совѣта Отдѣла Общества. Этотъ докладъ въ оконча-

тельной, утвержденной формѣ, Совѣтъ озабочивается напечатать въ одномъ изъ охотничьихъ изданій.

§ 23. Всѣ рѣшенія судейской комиссіи—безапеляціонны.

§ 24. Судьямъ предоставляется представлять къ денежнымъ наградамъ отъ Общества служащихъ у владѣльцевъ испытанныхъ гончихъ охотниковъ, за хорошую подготовку собакъ къ пробѣ и за умѣлое ихъ веденіе на самой пробѣ.

Порядокъ записи гончихъ на пробу и порядокъ самой пробы.

§ 25. Лицо, желающее представить своихъ собакъ на пробу, заявляетъ о томъ секретарю комитета возможно ранѣе, при чемъ доставляетъ по возможности полныя свѣдѣнія о записываемыхъ собакахъ, указанныя въ § 1.

§ 26. При записи владѣлецъ вноситъ секретарю комитета подписную плату въ размѣрѣ 10 р. съ каждаго записываемаго смычка. Эта подписная плата, въ случаѣ недоставленія записанныхъ собакъ на пробу, обратно не возвращается.

Примѣчаніе. Размѣръ подписки можетъ быть впослѣдствіи измѣненъ.

§ 27. Запись смычковъ на пробу прекращается за 2 недѣли до перваго назначеннаго дня пробы.

§ 28. Число смычковъ, записываемыхъ однимъ владѣльцемъ, допускается неограниченное, но во всякомъ случаѣ оно не должно превышать того количества, которое можетъ быть испытано въ теченіе одного дня. Излишнее количество смычковъ даннаго владѣльца, которые не могли быть испытаны въ теченіе одного дня за неимѣніемъ времени, вовсе снимаются съ пробы.

§ 29. Жеребьевка очереди пробы записанныхъ смычковъ и распредѣленіе ихъ на назначенные дни пробы производится Совѣтомъ въ послѣдній день записи въ присутствіи всѣхъ желающихъ владѣльцевъ собакъ или ихъ довѣренныхъ.

§ 30. Жеребьевка производится не смычкамъ, а владѣльцамъ записанныхъ собакъ, и нѣсколько смычковъ, принадлежащихъ одному владѣльцу, испытываются подъ однимъ номеромъ въ той послѣдовательности ихъ, какая указана будетъ ихъ владѣльцемъ. Произведенной жеребьевкѣ составляется протоколъ, а содержаніе его сообщается владѣльцамъ.

§ 31. Обмѣнъ жребіемъ между владѣльцами разрѣшается, при

чемъ секретарь долженъ быть увѣдомленъ объ этомъ за недѣлю до перваго дня пробы.

§ 32. Въ назначенной для пробы день, о которомъ владѣльцы собакъ извѣщаются особыми повѣстками, собаки доставляются въ указанный сборный пунктъ къ назначенному въ повѣсткѣ часу, самими владѣльцами или ихъ охотниками. Всѣ собаки должны быть сомкнуты и на прочныхъ цѣпяхъ, съ которыхъ запрещается спускать иначе, какъ когда дойдетъ очередь пробы до даннаго смычка.

§ 33. Всѣ приведенныя на пробу собаки осматриваются комитетомъ, при чемъ не допускаются на пробу: а) выжловки въ охотѣ и б) больныя собаки.

Примѣчаніе. Подписныя деньги за собакъ, недопущенныхъ на пробу, согласно этого §—не возвращаются.

§ 34. Собаки, неприведенныя къ назначенному дню, лишаются права участія въ пробѣ.

§ 35. Во время пробы всѣ прочія, не участвующія собаки остаются на мѣстѣ, указанномъ распорядителемъ.

§ 36. Владѣлецъ собакъ и его охотникъ, а также всѣ присутствующія на пробѣ лица, во всемъ подчиняются всѣмъ требованіямъ судей и распорядителя.

§ 37. Лица, не принадлежащія къ составу М. О. О. или другихъ охотничьихъ обществъ съ утвержденными уставами, и собаки коихъ не участвуютъ въ пробѣ, могутъ присутствовать въ качествѣ зрителей по записи членовъ Общества, о чемъ извѣщается распорядитель.

§ 38. Заяцъ изъ-подъ испытываемыхъ гончихъ стрѣляется по разрѣшенію судей.

§ 39. Въ распоряженіи судей должна находиться верховая лошадь.

§. 40. Смычокъ снимается съ пробы:

1. Если будетъ выяснено, что гончія скотинники.
2. Если одна изъ собакъ, составляющихъ смычокъ, окажется перекой.
3. Если гончія пустобрехи.

Оцѣнка собакъ.

§ 41. Рабочія качества гончихъ оцѣниваются баллами по прилагаемой при семъ оцѣночной таблицѣ.

§ 42. Достоинство смычка опредѣляется степенью диплома ему присужденнаго, при чемъ дипломы устанавливаются трехъ степеней:

I-й	ст.	при	общемъ	минимумѣ	въ	80	балловъ.
II	»	»	»	»	»	70	»
III	»	»	»	»	»	60	»

Число дипломовъ неограничено.

Оцѣночная таблица.

Поля́зъ (розыскъ).	Мастерство на сколѣ и исправленіи слѣда.	Вязкость.	Голосъ.	Свальчивость и ровность ногъ.	Паратость.	Позывистость.	Общій выводъ.
20	20	20	10/5	10	10	5	100

§ 43. Въ графѣ «Свальчивость и ровность ногъ» устанавливается абсолютный минимумъ въ 5 балловъ, въ виду того, что графа эта имѣетъ особое значеніе какъ единственная гарантирующая, что въ работѣ испытываются не одиночки. Поэтому смычокъ, получившій въ этой графѣ менѣе 5 балловъ, лишается всякой награды.

§ 44. *Поля́зъ* гончей (розыскъ) опредѣляется степенью *самостоятельности* ея въ розыскѣ, *упорствомъ* розыска и его *шириною.*

Прмѣч. Съ цѣлью выясненія поля́за собакъ, охотнику, ведущему на пробѣ собакъ, не разрѣшается самому обыскивать чащи и крѣпи, предоставляя гончимъ разыскивать звѣря. Ведущій собакъ обязанъ идти, по указанію судей, по возможности полянами и вдоль опушекъ. Рѣдкое порсканье и посвистъ разрѣшаются только для указанія направленія, а не для подъема зайцевъ. Хлопанье арапникомъ безусловно воспрещается.

§ 45. *Мастерство* гончей выражается въ ея *энергіи* и *искусствѣ* справленія слѣда послѣ скола; при оцѣнкѣ этого качества принимается въ разсчетъ кратковременность и число перемолчекъ въ зависимости отъ болѣе или менѣе благопріятнаго состоянія погоды.

§ 46. *Вязкость* оцѣнивается упорствомъ въ преслѣдованіи гончей звѣря. Требуется, чтобы гончая ни въ какомъ случаѣ не *бросала* гоннаго слѣда и послѣ скола не возвращалась бы къ охотнику, а разыскивала бы запавшаго зайца.

Примѣч. Для правильнаго сужденія о вязкости не допускается охотнику подходить къ собакамъ и помогать имъ при сколѣ иначе, какъ по требованію судей.

§ 47. *Голосъ* гончей оцѣнивается по *силѣ*, *звучности* и *красотѣ* его, примѣняясь къ породѣ испытуемыхъ собакъ, по нормѣ въ 10 балловъ. Фигурные голоса, троящіеся, съ гнусью, съ заливомъ, не составляя обязательныхъ требованій, какъ свойственные отдѣльнымъ породамъ, цѣнятся, какъ качество, и оцѣниваются отдѣльно 5 баллами.

§ 48. *Паратость* цѣнится, какъ достоинство, такъ какъ при ея наличности всѣ остальныя рабочія качества гончихъ нагляднѣе проявляются.

§ 49. *Позывистость* гончихъ оцѣнивается исключительно въ то время, когда собаки не гонятъ и не справляютъ утеряннаго слѣда.

Награды, выдаваемыя обществомъ.

§ 50. Совѣтъ выдаетъ по приговору судей объявленныя имъ при публикаціи награды лучшимъ смычкамъ.

§ 51. Обществомъ назначаются ежегодно для выдачи по 4 общественныхъ жетона: большой и малый — золотые, большой и малый—серебряные.

§ 52. Жетоны Общества присуждаются въ порядкѣ старшинства полученныхъ отдѣльными смычками балловъ, при чемъ право на большой золотой жестонъ обусловливаетъ дипломъ I ст., на малый золотой—депломъ II ст., а на серебряные жетоны—III ст.

§ 53. Владѣльцамъ собакъ, получившихъ на пробѣ дипломы I, II или III степени согласно § 42, предоставляется пріобрѣтать жетоны м.о.о. трехъ степеней: 1) малый золотой, 2) большой серебряный и 3) малый серебряный.

§ 54. Въ родословную книгу Общества вносятся тѣ собаки, бывшія на пробѣ, которыя имѣютъ право быть внесенными въ нее, согласно правилъ записи въ эту книгу.

§ 55. Призы присуждаются согласно съ условіями ихъ назначеній. Старшинство призовъ, при распредѣленіи ихъ отдѣльнымъ смычкамъ, считается такое: старшими считаются призы м.о.о.и.И.А., за ними слѣдуютъ призы, представленные другими обществами и учрежденіями; затѣмъ идутъ призы частныхъ лицъ.

§ 56. Какъ награды, такъ и дипломы выдаются владѣльцамъ собакъ не позднѣе 3 мѣсяцевъ со дня окончанія пробы. Въ дипломахъ обозначается: а) имя, отчество и фамилія владѣльца собакъ; б) кличка собакъ, порода; в) присужденный баллъ; г) награда или призъ, если таковые присуждены, и д) родъ пробы, которому подвергались собаки.

Члены комиссіи:
В. Ф. Пальмцвейгъ.
А. Пѣговъ.
Л. Живаго.
К. Мошнинъ.
П. Карцевъ.

XI полевыя испытанія Московскаго Общества охоты имени Императора Александра II.

Отдѣлъ собакъ многопольныхъ.

Испытанія собакъ нѣсколькихъ полей произведены были на Филипповскомъ болотѣ 27-го и 28-го августа комиссіей судей въ составѣ: А. В. Столярова, К. В. Мошнина и Л. Л. Буассонада.

Записано было на испытаніе 20 собакъ, изъ числа которыхъ не были представлены на испытанія два англійскихъ сеттера: сука «Флай», р.к.м.о.о. № 278, Н. Д. Карнѣева, и ея однопометникъ «Донъ», р.к.м.о.о. № 306, В. Д. Нефедова. Остальныя 18 собакъ испытывались въ порядкѣ вынутыхъ ихъ дрессировщиками жеребьевъ. Нѣкоторыя собаки, по желанію судей, пускались вторично въ концѣ очереди. Всѣ представленныя собаки были передъ испытаніями осмотрѣны приглашеннымъ ветеринаромъ въ присутствіи комиссіи.

Птицы на Филипповскомъ болотѣ было много, и птица для испытанія собакъ удобная; одиночный бекасъ былъ не пуганъ и въ то же время достаточно строгъ. Состояніе болота довольно топкое и въ общемъ тяжелое для охоты. Погода во всѣхъ отношеніяхъ благопріятствовала: было довольно свѣжо и дулъ ровный, не сильный вѣтеръ, который только въ первый день иногда былъ порывистъ.

Уровень собакъ этого отдѣла былъ очень высокъ. Обиліе собакъ, высокій уровень ихъ достоинствъ и всѣ остальныя удачныя условія создали то, что испытанія этого года должны считаться блестящими и не имѣвшими по интересу себѣ равныхъ во всей исторіи испытаній Общества. Обиліе птицы дало возможность долѣе останавливаться на каждой изъ испытуемыхъ собакъ, при чемъ большинство

изъ собакъ получало для работы отъ 4-хъ до 6-ти птицъ, нѣкоторыя же значительно болѣе.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи собаки расположены въ нисходящемъ порядкѣ ихъ выяснившихся достоинствъ.

Во главѣ всѣхъ испытанныхъ собакъ заняли мѣсто три пойнтера очень высокаго класса. Выборъ старшинства между ними не могъ быть обусловленъ случайностями ихъ работы, такъ какъ каждый изъ нихъ получилъ слишкомъ достаточное число птицъ, чтобы вполнѣ обнаружить свои достоинства и недостатки, и такъ какъ каждая изъ этихъ трехъ собакъ обладаетъ извѣстными относительными преимуществами, то послѣдовательное ихъ размѣщеніе скорѣе характеризуетъ личный взглядъ судей на достоинства современной подружейной собаки.

Эти три пойнтера слѣдующіе:

1) «Дюкъ офъ-Страсбургъ», р.к.м.о.о. № 380, И. А. Морозова, коф.-пѣгій пойнтеръ-кобель, род. 8-го мая 1898 г. отъ «Жанетъ офъ-Страсбургъ» L. O. F. 4753 и «Меджоръ офъ-Страсбургъ» D. 10603, П. Лобштейна. Въ 1899 г. на выставкѣ въ Карльсруэ два первыхъ приза, одинъ второй и призъ заводчику.

Егерь Иванъ Силичовъ.

2) «Рональдъ», р.к.м.о.о. № 255, Р. В. Живаго, коф.-пѣгій пойнтеръ-кобель, род. 8-го мая 1898 г. отъ «Мэгги офъ-Эльсенъ», р.к.м.о.о. № 168, и «Рокетъ I», р.к.м.о.о. № 142, Р. В. Живаго. На выставкѣ Общ. въ 1899 г. въ классѣ молодыхъ собакъ золотая медаль и призъ, въ классѣ полевыхъ побѣдителей зол. медаль и дипломъ на призъ Тургенева. На выставкѣ Общ. любит. пород. собакъ въ 1900 г. въ классѣ побѣдителей золотая медаль, призъ Общества и призъ въ память Л. П. Сабанѣева.

Егерь Петръ Старостинъ.

3) «Робъ-Рой», р.к.м.о.о. № 254, А. В. Іокиша, коф.-пѣгій пойнтеръ-кобель, род. 8-го мая 1898 г. отъ «Мэгги офъ-Эльсенъ», р.к.м.о.о. № 168 и «Рокетъ I», р.к.м.о.о. № 142, Р. В. Живаго. На испытаніяхъ Общества въ 1899 г. I призъ Общества при дипломѣ I степени, I призъ Продіусъ, призъ Р. И. Прове. На выставкѣ Общества въ 1899 г. въ классѣ молодыхъ собакъ большая сер. медаль, въ классѣ полевыхъ побѣдителей золотая медаль.

Егерь Петръ Старостинъ.

«Дюкъ офъ-Страсбургъ»—великолѣпный, до дерзости смѣлый въ

работѣ пойнтеръ. Ходъ машистый, большой, сила и энергія собаки такъ велики, что топкое болото какъ бы вовсе его не задерживаетъ: онъ скачетъ по немъ, какъ по паркету. Голову держитъ лучше остальныхъ. Вся манера работы очень эффектна. Хорошее верхнее чутье показалъ въ работѣ на нѣсколькихъ бекасахъ, особенно же отчетливо и умно на двухъ птицахъ, по которымъ онъ, при довольно порывистомъ вѣтрѣ, бросалъ смѣлую потяжку по набродамъ, чтобы, провѣркой параллельно во весь махъ, схватить на чутье изъ-подъ вѣтра самую птицу. Благодаря этому смѣлому пріему, работа очень быстрая. Стойка правильная, достаточно покойная. Подводка свободная по приказанію, не тихая и безъ порывовъ. Вообще егерь Иванъ Силичовъ отличается умѣлой постановкой подводки собаки,— этой труднѣйшей задачи дрессировщика. Въ «Дюкѣ» онъ, очевидно, нашелъ благодарный къ тому матеріалъ, и подводка «Дюка» со стойки поставлена образцово.

Впечатлѣніе судей слагалось такъ, что «Дюкъ» долженъ былъ занять первое мѣсто въ числѣ испытывавшихся собакъ, и если онъ сталъ на второе мѣсто, то это должно быть приписано нѣкоторымъ страннымъ поступкамъ въ его работѣ, которые могутъ быть объяснены скорѣе дурными привычками, чѣмъ природными недостатками. Такъ, въ первый день работы «Дюкъ» бросилъ одну вѣрную стойку по птицѣ и болѣе къ ней не вернулся, въ чемъ значительно виноватъ былъ его егерь, не повѣрившій этой стойкѣ и рѣзко окрикнувшій собаку словомъ «балуй!» Но манера, съ которой «Дюкъ» ушелъ съ этой стойки, не въ его пользу. Особенно же совершенно необъяснимой осталась упорная и твердая стойка «Дюка» на второй день испытаній по совершенно пустому мѣсту, при чемъ онъ не хотѣлъ подаваться впередъ и не повиновался отзыву. Должно быть отмѣчено, что эти двѣ странныя выходки рѣзко противорѣчатъ всему остальному поведенію собаки, ея отчетливой дрессировкѣ и полной сознательности работы.

«Робъ-Рой» и «Рональдъ» — два брата-однопометника, имѣютъ много общихъ чертъ въ работѣ и различаются только въ оттѣнкахъ. Оба обладаютъ огромнымъ запасомъ энергіи, сильнымъ ходомъ и отличнымъ поискомъ, захватывающимъ много поля. Чутье и высокія качества работы оба показали на достаточномъ числѣ птицъ. У «Робъ-Роя» чутье даже показалось нѣсколько вѣрнѣе «Рональда» или, по крайней мѣрѣ, оно какъ бы отчетливѣе обозначается, за что

онъ и получилъ въ этой графѣ одинъ лишній баллъ. Дрессированы оба отлично, но повиновеніе «Рональда» отчетливѣе. Какъ недостатокъ «Робъ-Роя», можетъ быть отмѣчена развѣ только немного тугая подводка, такъ же, какъ нѣкоторый избытокъ осторожности въ «Рональдѣ». Но что выдѣляетъ «Рональда» и послужило причиной, по которой онъ занялъ первое мѣсто,—это тотъ избытокъ элегантности и красоты всѣхъ пріемовъ, которыми такъ преисполнена вся манера его работы.

Повторяемъ, всѣ три описанныхъ пойнтера—пойнтера очень высокаго класса. Судьи стремились, при разборѣ ихъ пріемовъ работы, отмѣтить всѣ ихъ своеобразныя детали и размѣстили ихъ въ такомъ порядкѣ и въ слѣдующей характеристикѣ работы:

1-й—«Рональдъ», работа котораго отличается особой красотой и стильностью при высокихъ природныхъ качествахъ.

2-й—«Дюкъ офъ-Страсбургъ», пойнтеръ необыкновенно смѣлыхъ пріемовъ работы, основанныхъ на высокихъ природныхъ дарованіяхъ.

3-й—«Робъ-Рой», пойнтеръ нѣсколько грубѣе по пріемамъ, но положительныя качества котораго не ниже, если не выше, чѣмъ у предыдущихъ.

4-й по очереди слѣдуетъ «Карменъ», р.к.м.о.о. № 209, Ф. В. Демина, ирл. сеттеръ-сука, род. въ іюнѣ 1895 г. отъ «Мовиль II» Р. И. Прове и «Гленкара», р.к.м.о.о. № 24, А. Я. Пѣгова. На полев. испыт. Общ. въ 1898 г. въ отд. многопол. 3-й призъ при дипломѣ 1-й степени, призъ въ память А. Ф. Федорова и призъ Р. В. Живаго.

Егерь Павелъ Лихачевъ.

«Карменъ» пришлось начать свою работу по очень топкому мѣсту, худшему во всемъ Филипповскомъ болотѣ, изборожденному какими-то набродами, на которыхъ задерживались всѣ собаки, имѣвшія несчастіе попадать на это мѣсто. Не избѣгла этой участи и «Карменъ», но, какъ собака большой опытности, задержалась на немъ сравнительно недолго. Отчетливой затѣмъ работой по 4-мъ послѣдовательнымъ бекасамъ она показала несомнѣнно большое чутье, хорошій ходъ и прекрасную подводку къ птицѣ, заработавъ въ этой графѣ полный баллъ. Самая слабая ея сторона—это дрессировка, каковая можетъ быть названа только достаточной, какъ у собаки много работавшей подъ ружьемъ, но, во всякомъ случаѣ,

не показной, каковая должна быть для испытаній. Несмотря на это, вся работа этой суки производитъ прекрасное впечатлѣніе.

5-й—«Рексъ», р.к.м.о.о. № 336, Н. Г. Штекера, коф.-пѣгій пойнтеръ-кобель, род. въ декабрѣ 1898 г. отъ «Коры», р.к.м.о.о. № 38, А. К. Такке, и «Дюкъ отъ Руссія», р.к.м.о.о. № 55, владѣльца. На выст. Общ. въ 1899 г. въ классѣ молодыхъ собакъ мал. сер. медаль.

Егерь Семенъ Старостинъ.

Конкурировать собакѣ по первому полю въ разрядѣ старыхъ собакъ, особенно при такомъ высокомъ классѣ, какой былъ въ этомъ году,—дѣло не легкое, и способности «Рекса» очень зарекомендованы его успѣхомъ въ такой компаніи. Ему даны были четыре птицы, изъ которыхъ трехъ онъ сработалъ во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошо и лишь по четвертой сбился на набродахъ. Поискъ его, хорошимъ, энергичнымъ ходомъ, даже черезчуръ правиленъ, что только и выдаетъ молодую собаку. Вся работа очень толковая, чутье хорошее и увѣренное, дрессировка очень отчетлива. Крайне пріятное впечатлѣніе произвела сознательная работа «Рекса», когда онъ остался на стойкѣ послѣ взлетѣвшаго бекаса, несмотря на посылъ егеря, и тѣмъ отмѣтилъ оставшагося дупеля.

6-й—«Падди», р.к.м.о.о. № 204, Н. И. Хрущова, ирландскій сеттеръ, род. 16 марта 1896 г. отъ «Эрни», К. С. S. В. 33778 и «Айзинглассъ» К. С. S. В. 36245. На выставкѣ въ Ливерпулѣ въ 1898 г. одинъ первый и одинъ второй призъ, въ Дарлингтонѣ одинъ первый и одинъ второй призъ, кубокъ «Ирландскаго сеттеръ клуба» и кубокъ заводчику. На полевыхъ испыт. Общ. Люб. пород. собакъ въ 1899 г. 4-й призъ. На выставкѣ Общества въ 1899 г. въ классѣ полевыхъ побѣдителей бронз. медаль.

Егерь Михаилъ Филимоновъ.

На первыхъ же двухъ птицахъ показалъ «Падди» элегантный ходъ, эффектную манеру, хорошее чутье и очень отчетливую дрессировку. Особенно отчетливо и далеко сталъ онъ по второму бекасу и сейчасъ же легъ на стойкѣ. Подводка со стойки легкая и плавная, при выстрѣлѣ ложится самостоятельно. Во всѣхъ его пріемахъ виденъ прекрасный сеттеръ, и если что портитъ его болотную работу, то это избытокъ его осторожности, постоянная боязнь спугнуть, недостатокъ той смѣлости, которая особенно цѣнна въ собакѣ при болотной работѣ. Всего сильнѣе сказывается отсут-

ствіе этой смѣлости въ его потяжкѣ, особенно по наброженному мѣсту, потяжкѣ, быть можетъ, вѣрной, но слишкомъ осторожной.

Заключенія судей остались тѣ же послѣ вторичной провѣрки «Падди» на второй день.

7-я—«Ла Белль», р.к.м.о.о. № 272, В. А. Саутама, коф.-пѣгій пойнтеръ сука, род. 8 февраля 1898 года отъ «Джипси», р.к.м.о.о. № 62 Р. И. Франке, и «Свелля» А. В. Пасбурга. На выставкѣ Общества въ 1899 году въ классѣ молодыхъ собакъ зол. мед. На выставкѣ Императорскаго Общества Охоты бронз. медаль.

Егерь Клементій Лихачовъ.

«Ла Белль» показала правильно поставленный поискъ хорошимъ ходомъ и чутье выше средняго. По двумъ бекасамъ сработала вполнѣ хорошо. При выстрѣлѣ осталась спокойна. Въ недостатокъ ей можно поставить лишь недостаточно выдержанную стойку, нѣсколько порывистую подводку и склонность къ пустымъ стойкамъ.

8-я—«Киръ», р.к.м.о.о. № 435, Р. В. Живаго, гордонъ-сеттеръ, кобель, род. 25 марта 1899 г. отъ «Дай», р.к.м.о.о. № 203, и «Крака», р.к.м.о.о. № 159, владѣльца.

Егерь Александръ Радушинъ, помощникъ П. Старостина.

«Киръ»—совершенно необычное явленіе полевыхъ испытаній. За все время ихъ существованія впервые появляется на нихъ гордонъ съ такими полевыми качествами. Вдобавокъ ко всему «Киръ»—собака по 1-му полю, и извѣстная смѣлость его участія въ классѣ старшихъ собакъ говоритъ въ его пользу.

«Киръ» идетъ на поиски свободнымъ легкимъ ходомъ, весело, съ энергіей и страстью, очень правильнымъ челнокомъ, широкими параллелями, слишкомъ развѣ тѣсными, что характеризуетъ молодую собаку, еще не довѣряющую своимъ силамъ. Дрессированъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо, послушаніе очень отчетливое. Работаетъ все время съ умомъ и хорошо пользуется вѣтромъ. Чутье свое вполнѣ выяснилъ ясной работой на двухъ бекасахъ; третьяго бекаса, при потяжкѣ по набродамъ, оставилъ въ сторонѣ за вѣтромъ.

9-я—«Нара», р.к.м.о.о. № 261, С. Е. Любимцева, коф.-пѣгій пойнтеръ-сука, род. 15 апрѣля 1898 года отъ «Ласки», р.к.м.о.о. № 156, О. И. Левитскаго, и «Тотнесъ-Планета», р.к.м.о.о. № 112,

III Отдѣла М. О. О. На полевыхъ испыт. Кіевск. Отдѣла Императорскаго Общ. Ох. въ 1899 г. 1-й призъ при дипломѣ 1-й степени, зол. жетонъ Отдѣла, зол. жетонъ М. О. О. и призъ В. В. Таюрскаго. На V выст. Кіевск. Отдѣла бол. сер. медаль.

Егерь Федоръ Святецкій.

Получила 5 бекасовъ, въ работѣ по которымъ показала: ходъ небольшой, но элегантный, опытность, хорошее послушаніе и чутье выше средняго, становясь по отдѣльнымъ птицамъ увѣренно на разстояніи 12—15 шаговъ. Два бекаса были стрѣляны. Послѣдній убитъ и поданъ, при чемъ птицу немного тиснула. При выстрѣлѣ легла оба раза отчетливо. Подводка къ птицѣ хорошая. Дрессирована отчетливо, но немного задержана. Имѣетъ склонность слишкомъ много задерживаться на набродахъ. Вторую птицу сработала по набродамъ.

10-я—«Мирейль», р.к.м.о.о. № 252, Б. Д. Вострякова, коф.-пѣгій пойнтеръ-сука, род. 8 мая 1898 г. отъ «Мэгги офъ-Эльсенъ», р.к.м.о.о. № 168 и «Рокета I», р.к.м.о.о. № 142, Р. В. Живаго. На испытаніяхъ Общества въ 1899 г. дипломъ 3-й степени и 2-й призъ Продіусъ. На выставкѣ Общ. въ 1899 г. въ классѣ молодыхъ собакъ золот. медаль и призъ, въ классѣ полевыхъ побѣдит. золотая медаль и призъ Тургенева, золотая медаль Общества Любителей п. с. На выставкѣ Императорскаго Общества Охоты въ 1900 году золот. мед. и золот. медаль М. О. О. На выставкѣ Общества Любителей п. с. въ 1900 г. зол. мед. въ классѣ побѣдителей. На испытаніяхъ Общества Л. п. с. въ 1900 г. въ Гатчинѣ второй призъ.

Правильный, красивый поискъ; перваго бекаса сработала недурно, но близко—шаговъ на 12. Затѣмъ трехъ очень близко и на одного наскочила. Вообще не показала большого чутья, но вся манера очень хороша, подводка свободная и стойка полная эффекта.

11-й—«Бендиго», р.к.м.о.о. № 283, Л. Ф. Пло, ирландскій сеттеръ-кобель, род. 22 іюля 1898 года отъ «Діаны» и «Дина», р.к.м.о.о. № 124, В. А. Суатама. На испытаніяхъ Общества въ 1899 г. дипломъ II степени. На выставкѣ Общ. въ 1899 г. мал. сер. медаль въ классѣ молодыхъ собакъ и въ классѣ полевыхъ побѣдителей.

Егерь Семенъ Старостинъ.

Изъ шести бекасовъ «Бендиго» правильно сработалъ по четыремъ, работа по одному осталась невыясненной, а одного прошелъ, хотя могъ бы и прихватить. Ходъ и поискъ хорошій, легкій, широкій и правильный, дрессировка отчетливая, но чутье должно быть признано среднимъ и стойка какъ-то мало увѣренная.

12-я—«Лэди Гринъ», р.к.м.о.о. № 271, П. Д. Болдырева, ирладскій сеттеръ-сука, род. 2 іюня 1898 года отъ «Флиртъ», р.к.м.о.о. № 210, В. А. Саутама, и «Макса», р.к.м.о.о. № 308, А. А. Морозова. На испытаніяхъ Общ. въ 1899 году дипломъ 3-й степени.

Егерь Николай Абрамовъ.

Собака съ огнемъ, бойкимъ, элегантнымъ поискомъ и несомнѣнно хорошимъ чутьемъ, но дрессировка и вся постановка оставляютъ желать весьма многаго. Она сработала на испытаніи трехъ бекасовъ, но особенно отчетливо и на отличномъ разстояніи сработала послѣдняго.

13-й—«Онкль Макъ Б.», р.к.м.о.о. № 281, И. А. Морозова, коф.-пѣгій пойнтеръ-кобель, род. 18 іюня 1898 года отъ «Доры», р.к.м.о.о. № 139, Л. Л. Буассонада, и «Лоти де-Конде» 10. 1. 2162 г. Гиле. На испытаніяхъ Общества въ 1899 году дипломъ II степени.

Егерь Иванъ Силичовъ.

Поискъ его довольно правильный, но вялый, апатичный ходъ. Работой по тремъ бекасамъ показалъ небольшое чутье и правильную постановку. Подводка со стойки очень тугая.

14-я—«Грэсъ II офъ-Страсбургъ», р.к.м.о.о. № 167, коф.-пѣг. пойнтеръ-сука, род. 20 іюля 1895 г. отъ «Грэсъ офъ-Страсбургъ» и «Атосъ офъ-Страсбургъ», П. Лобштейна. На выставкѣ въ Спа въ 1896 г. 3-й призъ, въ Баденъ-Баденѣ 1-й призъ въ четырехъ классахъ, золотая медаль и 2-й призъ—серебр. медаль.

Егерь Александръ Радушинъ, помощникъ П. Старостина.

Элегантный ходъ, но далеко не умный поискъ съ постоянными провѣрками одного и того же мѣста. Работала по двумъ бекасамъ, при чемъ перваго вела до истомы, а по второму стала, но совсѣмъ въ упоръ. Чутье ниже средняго, подводка порочно-осторожная.

15-й—«Чампіонъ Томъ», І. К. Скарбекъ-Важинскаго, черно-пѣгій съ подпалами англ. сеттеръ, род. 28 мая 1894 г. отъ «Эльфи»,

Р. С. Б. 284 и «Кингъ Даша» Н. А. Гена. На 9, 11 и 12-й выст. Общ. Любит. пород. собакъ больш. сер. медаль. На юбил. выст. Императорскаго Общ. Охоты больш. сер. медаль. На 10-й выст. Общ. Люб. пород. соб. зол. медаль и призъ. На 13-й выст. Общ. Люб. пор. соб. зол. медаль въ отдѣлѣ побѣдителей, призъ въ память Богданова, призъ князя Н. В. Джамбакуръ-Орбеліани. На полев. испыт. въ Гатчинѣ въ 1896 г. 2-й призъ, чампіонатъ въ 1896 г. и въ 1897 г. На полевыхъ испытаніяхъ Варшавскаго Отдѣла Императорскаго Общ. Ох. въ 1899 г. 2-й призъ.

Егерь Иванъ Звирбуль.

По сухому мѣсту какъ будто бы и шелъ, но перейдя въ болото, двигался только шагомъ и изрѣдка вприпрыжку. Сдѣлалъ двѣ стойки лежа, въ упоръ по птицѣ, безстрастно, вяло, при чемъ птица снялась изъ-подъ самаго носа. Вообще въ сабакѣ этой не видно вовсе ни чутья, ни ходу, ни огня, ни способностей. Послушаніе ниже посредственности.

16-я—«Фэнъ» І. К. Скарбекъ-Важинскаго, черно-пѣгій англ. сеттеръ-сука, род. 14 марта 1898 года отъ «Ника» владѣльца и «Поппи» М. В. Манюхина. На 13-й выст. Общ. Люб. пор. собакъ бол. сер. медаль.

Егерь Иванъ Звирбуль.

Съ порядочнымъ поискомъ, но вовсе, повидимому, незнакома съ болотомъ. Согнала штукъ 6 бекасовъ не обративъ на нихъ вниманія. Дрессировка и послушаніе совершенно неудовлетворительныя отъ ковырянья и копанья слѣдовъ ничѣмъ нельзя отозвать.

17-й—«Максъ II», р.к.м.о.о. № 398, А. А. Морозова, ирланд. сеттеръ-кобель, род. 7 января 1899 года отъ «Китти», р.к.м.о.о. № 404 и «Макса», р.к.м.о.о. № 308, владѣльца.

Егерь Дмитрій Изотовъ.

Помимо большой неопытности, поискъ собаки вовсе не поставленъ; «Максъ» ходитъ по своему усмотрѣнію, гдѣ ему вздумается. Снялъ и прошелъ штукъ 8 бекасовъ, только разъ сдѣлавъ стойку посреди кучки въ 4—5 бекасовъ. Ходъ не энергичный, о чутьѣ, благодаря неопытности, судить трудно.

18-й—«Лордъ», р.к.м.о.о. № 399, И. А. Морозова, ирл. сеттеръ-кобель, род. 2 іюня 1898 г. отъ «Макса», р.к.м.о.о. № 308, А. А. Морозова и «Флиртъ», р.к.м.о.о. № 210, В. А. Саутама.

Егерь Кирсанъ Зуевъ.

Прыгаетъ у ногъ егеря и сгоняетъ бекасовъ, мало обращая на нихъ вниманія.

Не были представлены:

19-й—«Флай», р.к.м.о.о. № 278, Н. Д. Карнѣева, красно-пѣгій англ. сеттеръ сука, род. 9 марта 1898 г. отъ «Флай» В. Д. Нефедова и «Грауса», р.к.м.о.о. № 47 св. кн. Д. Б. Голицына. На выст. Общ. въ 1899 г. въ классѣ молодыхъ собакъ бол. сер. медаль.

Егерь В. Цапакинъ.

20-й—«Донъ», р.к.м.о.о. № 306, В. Д. Нефедова, черно-пѣгій англ. сеттеръ кобель, род. 9 марта 1898 г. отъ «Флай» В. Д. Нефедова и «Грауса», р.к.м.о.о. № 47, св. кн. Д. Б. Голицына. На выст. Общ. въ 1899 г. въ классѣ молодыхъ собакъ бол. сер. медаль.

Егерь В. Цапакинъ.

Заключенія судей видны изъ слѣдующей балльной таблицы: (стр. 58).

Отдѣлъ собакъ первопольныхъ.

Протоколъ судей Л. Ф. Пло, В. А. Саутама и Л. В. Живаго по испытанію первопольныхъ собакъ, бывшему на Соболевскомъ и Барануковскомъ болотахъ Рязанскаго района 27 и 29 августа 1900 г.

Изъ 22 записанныхъ собакъ двѣ, а именно: «Нерли» Л. Ф. Пло и «Кара» Б. Д. Востряковы были сняты.

1) «Парнелль», р.к.м.о.о. № 423, К. Н. Зайцева, ирл. сеттеръ кобель, род. въ февр. 1899 г. отъ «Миссъ», р.к.м.о.о. № 125 и «Ника», р.к.м.о.о. № 128, К. В. Мошнина.

Егерь Клементій Лихачовъ.

2) «Іоркъ», р.к.м.о.о. № 424, А. Я. Пѣгова, ирл. сеттеръ кобель, род. въ 1899 г. отъ «Керри Кетъ», р.к.м.о.о. № 75 и «Чифа», р.к.м.о.о. № 171, владѣльца.

Егерь Клементій Лихачовъ.

3) *«Чекъ», р.к.м.о.о. № 425, Т. В. Митюшина, желто-пѣгій пойнтеръ кобель, род. 29 мая 1899 г. отъ «Бонъ-Шансъ», р.к.м.о.о. № 149, владѣльца и «Чока», р.к.м.о.о. № 146, А. А. Мерилиза.

Егерь Клементій Лихачовъ.

4) «Геро II», р.к.м.о.о. № 426, Р. Р. Роггена, коф.-пѣгій пойнтеръ кобель, род. въ 1899 г. отъ «Лэди», р.к.м.о.о. № 329, В. А. Хлудовой и «Геро», р.к.м.о.о. № 28, владѣльца.

Егерь Клементій Лихачевъ.

---

*) Записаны на призъ „Продіусъ“.

	Чутье. 25.	Быстрота и манера поиска. 20.	Стойка. 15.	Потяж. 4 подвод. 11 къ дичи. 15.	Общая дрессировка и послушаніе. 20.	Подача. 5.	Общій балъ 100.	Присужденная награда.	Призы.
1. „Рональдъ", к.-п. пойнтеръ, Р. В. Живаго . .	21	19	15	13	19	—	87	Дипломъ I ст.	1-й призъ Общества. Призъ Алексѣев. лучшему пойнтеру.
2. „Дюкъ офъ, Страсбургъ", к.-п. пойнтеръ, И. А. Морозова	21	19	13	14	18	—	85	„ I „	2-й призъ Общества. Призъ Аванцо луч. вып.
3. „Робъ-Рой", к.-п. пойнтеръ, А. В. Іокиша . .	22	18	14	11	18	—	83	„ I „	3-й призъ Общества. Призъ Рус. Охотн. Кл. лучш. соб. по 2 полю.
4. „Карменъ", ирл. сеттеръ, Ф. В. Демина	20	18	14	15	16	—	83	„ I „	Призъ Федоровскій.
5. „Рексъ", к.-п. пойнтеръ, Н. Г. Штекеръ . . .	20	18	14	13	18	—	83	„ I „	Призъ О-бва Люб. пор. соб.
6. „Падди", ирл. сеттеръ, Н. И. Хрущова	20	16	13	13	19	—	81	„ I „	2-й Федоровскій призъ.
7. „Ла-Белль", к.-п. пойнтеръ, В. А. Саутамъ . .	19	19	14	12	19	—	83	„ II „	
8. „Киръ", сет. гордонъ, Р. В. Живаго	18	17	13	11	18	—	77	„ II „	
9. „Нара", к.-п. пойнтеръ, С. Е. Любимцева. . .	17	16	13	13	17	3	79	„ III „	Призъ А. В. Столярова лучшему потомку „Тотнесъ Планета".
10. „Мирейль", к.-п. пойнтеръ, Б. Д. Вострякова.	16	18	14	12	17	—	77	„ III „	
11. „Бендиго", ирл. сеттеръ, Л. Ф. Пло	16	18	12	12	18	—	76	„ III „	
12. „Лэди Гринъ", ирл. сеттеръ, И. Д. Болдырева.	20	18	12	13	10	—	73	„ II „	
13. „Онкль Макъ", к.-п. пойнтеръ, И. А. Морозова	17	12	12	7	16	—	64	„ III „	
14. „Грэсъ офъ Страсбургъ", к.-п. пойнтеръ, Р. В. Живаго	16	14	10	7	15	—	62	„ III „	
15. „Чампіонъ Томъ", анг. сеттеръ, І. К. Скарбекъ-Важинскаго	11	12	13	8	10	—	54		
16. „Фэнъ", англ. сеттеръ, І. К. Скарбекъ-Важинскаго	не	расцѣ	не	ны.					
17. „Максъ II", ирл. сеттеръ, А. А. Морозова . .									
18. „Лордъ", ирл. сеттеръ, И. А. Морозова									
19. „Флай", англ. сеттеръ, Н. Д. Карнѣева	не	предст.	на	испыт.					
20. „Донъ", англ. сеттеръ, В. Д. Нефедова. . . .									

Судьи XI полевыхъ испытаній Общества: *А. Столяровъ. К. Мошнинъ. Л. Бауссоннадъ.*

5) *«Жуа дю-Виллажъ», р.к.м.о.о. № 391, Т. В. Милютина, коф.-пѣгій пойнтеръ сука, род. 6 марта 1889 г. отъ «Жанетъ офъ-Страсбургъ», р.к.м.о.о. № 190 и «Рокета I», р.к.м.о.о. № 142, Р. В. Живаго.

Егерь Павелъ Лихачовъ.

6) «Дина», р.к.м.о.о. № 427, В. Ф. Пальмцвейга, коф.-пѣгій пойнтеръ сука, род. 5 февр. 1899 г. отъ «Геры», р.к.м.о.о. № 200, Ф. Ф. Нувель и «Дюкъ офъ-Руссія», р.к.м.о.о. № 35, Н. Г. Штекера.

Егерь Петръ Старостинъ.

7) «Сматъ», р.к.м.о.о. № 428, Н. И. Хрущова, ирл. сеттеръ кобель, род. 26 іюня 1899 г. отъ «Падди», р.к.м.о.о. № 104 и «Розы», владѣльца.

Егерь владѣльца.

8) «Максъ II», р.к.м.оо. № 398, А. А. Морозова, ирл. сеттеръ кобель, род. 7 января 1899 г. отъ «Китти», р.к.м.о.о. № 404 и «Макса», р.к.м.о.о. № 308, владѣльца.

Егерь Дмитрій Изотовъ.

9) «Байка», р.к.м.о.о. № 429, Т. В. Митюшина, коф.-пѣгій пойнтеръ сука, род. 20 марта 1899 г. отъ «Бэлы», р.к.м.о.о. № 222, И. Ст. Шибаева и «Кешъ-Даунъ», р.к.м.о.о. № 53, А. В. Пасбурга.

Егерь Карпъ Силичовъ.

10) «Тайкъ II», р.к.м.о.о. № 430, А. В. Пасбурга, желто-пѣгій пойнтеръ коб., род. въ февр. 1899 г. отъ «Трильби», р.к.м.о.о. № 180, Р. И. Франке и «Кешъ-Даунъ», р.к.м.о.о. № 53, А. В. Пасбурга.

Егерь Федоръ Старостинъ.

11) «Телемена», р.к.м.о.о. № 431, О. К. Миллера, коф.-пѣгій пойнтеръ сука, род. въ февр. 1899 г. отъ «Трильби», р.к.м.о.о. № 180, Р. И. Франке и «Кешъ-Даунъ», р.к.м.о.о. № 53, А. В. Пасбурга.

Егерь Федоръ Старостинъ.

12) «Дэзи», р.к.м.о.о. № 434, Н. И. Хрущова, ирл. сеттеръ сука, род. 26 іюня 1899 г. отъ «Розы» и «Падди», р.к.м.о.о. № 204, владѣльца.

Егерь владѣльца.

13) «Асъ», С. К. Пласковицкаго, желто-пѣгій пойнтеръ кобель, род. 24 іюля отъ «Лэди» и «Ральфа» А. Трепте.

Егерь Федоръ Святецкій.

14) *«Гемъ», р.к.м.о.о. № 387, Р. В. Живаго, коф.-пѣгій пойнтеръ сука, род. 7 марта 1899 г. отъ «Грэсъ II офъ-Страсбургъ», р.к.м.о.о. № 167, и «Рокета I», р.к.м.о.о. № 142, владѣльца. На выст. Общ. Люб. пор. соб. въ 1900 г. въ щенячьемъ классѣ мал. сер. мед.

Егерь Петръ Старостинъ.

15) «Киръ», р.к.м.о.о. № 435, Р. В. Живаго, гордонъ сеттеръ род. 25 марта 1899 г. отъ «Даи», р.к.м.о.о. № 203, владѣльца и «Крака», р.к.м.о.о. № 159, владѣльца.

Егерь Александръ Радушинъ (помощникъ П. Старостина).

16) *«Ромпъ», р.к.м.о.о. № 384, М. М. Грачова, коф.-пѣгій пойнтеръ кобель, род. 7 марта 1899 г. отъ «Грэсъ II офъ-Страсбургъ», р.к.м.о.о. № 167, и «Рокета I», р.к.м.о.о. № 142, Р. В. Живаго.

Егерь Дмитрій Старостинъ.

17) *«Фрамъ», р.к.м.о.о. № 379, М. Г. Коммиссарова, коф.-пѣг. пойнтеръ кобель, род. 16 апрѣля 1899 г, отъ «Фатьмы II», р.к.м.о.о. № 234, Э. А. Боде и «Рокета I», р.к.м.о.о. № 142, Р. В. Живаго.

Егерь Дмитрій Старостинъ.

18) *«Кингъ Лиръ», р.к.м.о.о. № 366, Д. И. Четверикова, коф.-пѣгій пойнтеръ кобель, род. 6 февр. 1899 г. отъ «Дайдо», р.к.м.о.о. № 148, владѣльца и «Рокета I», р.к.м.о.о. № 142, Р. В. Живаго.

Егерь Дмитрій Старостинъ.

19) «Карѣ», р.к.м.о.о. № 436, Б. Д. Вострякова, желто-пѣгій пойнтеръ, род. 25 іюля 1899 г. отъ «Бабетъ» р.к.м.о.о. № 225, Д. И. Листа и «Тома», р.к.м.о.о. № 236, В. А. Орлова.

Егерь Дмитрій Старостинъ.

20) «Нелли», р.к.м.о.о. № 374, К. Ф. Пло, ирл. сеттеръ сука, род. 15 февр. 1899 г. отъ «Карменъ», р.к.м.о.о. № 209, Ѳ. В. Демина и «Боба» р.к.м.о.о. № 14, К. В. Мошнина. На выст. Общ. Любит. пор. соб. въ 1900 г. въ кл. открытомъ мал. сер. медаль, въ кл. щенячьемъ мал. сер. мед.

Егерь Семенъ Старостинъ.

21) «Долли», І. К. Скарбекъ-Важинскаго, черно-пѣгій англ. сеттеръ сука, род. въ 1899 г. отъ «Принцессы Зары» и «Принцъ Даша», В. В. Де-Коннора.

Егерь Иванъ Звирбуль.

22) «Кинъ», А. Г. Штекера, коф.-пѣгій пойнтеръ кобель, род.

въ февралѣ 1899 г. отъ «Джипси», р.к.м.о.о. № 62, Р. И. Франке и «Баяна» А. В. Пасбурга.

Егерь Семенъ Старостинъ.

По вынутіи егерями жребія собаки испытывались въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Парнелль, 2) Іоркъ, 3) Чекъ, 4) Геро, 5) Кинъ, 6) Долли, 7) Тайкъ, 8) Телимена, 9) Асъ, 10) Байка, 11) Ромпъ, 12) Фрамъ, 13) Кингъ-Лиръ, 14) Жуа дю-Виллажъ, 15) Максъ II, 16) Сматъ, 17) Дэзи, 18) Киръ, 19) Гэмъ, 20) Дина.

Состояніе болотъ для работы первопольныхъ собакъ было довольно тяжелое, благодаря обильно выпавшимъ незадолго до испытаній дождямъ. Остальныя же условія: большое количество дичи, свѣжая погода и ровный вѣтеръ весьма благопріятствовали собакамъ, впервые имѣвшимъ показать свои природныя качества. Погода за оба дня испытаній была однообразна и тѣмъ дала возможность произвести болѣе точную сравнительную оцѣнку. По окончаніи испытаній были вновь переиспытаны слѣдующія собаки: Чекъ, Геро II, Кинъ, Тайкъ, Асъ, Фрамъ, Кингъ Лиръ, Сматъ и Жуа дю-Виллажъ.

Работа собакъ выказалась слѣдующихъ образомъ:

1) «Парнелль» былъ пущенъ первымъ по очереди въ семь съ половиной часовъ утра. При очень тихомъ, некрасивомъ и неправильномъ ходѣ прихватилъ по бекасу на-короткѣ, сталъ твердо; бекасъ снялся въ трехъ шагахъ; при выстрѣлѣ спокоенъ; пущенный вновь егеремъ, скоро попалъ на свѣжіе наброды, повелъ по нимъ, одного бекаса не причуялъ и прошелъ; птица снялась сзади и невдалекѣ. По третьему бекасу опять сработать не могъ и, не причуявъ его, прошелъ, то же повторилъ и съ четвертымъ, котораго на этотъ разъ прямо столкнулъ. Послушаніе и дрессировка даютъ полное представленіе о добросовѣстной подготовкѣ и работѣ съ нимъ.

2) «Іоркъ»—ходъ собаки тихъ, ея манера нѣсколько разъ обыскивать одно и то же мѣсто нежелательна. Послѣ долгаго поиска съ многими остановками прихватилъ по бекасу, недурно подвелъ и твердо сталъ; бекасъ снялся въ 10-ти шагахъ; при выстрѣлѣ спокоенъ. Далѣе прошелъ изъ-подъ вѣтра бекаса въ близкомъ разстояніи. По третьему осторожно подвелъ, но птицу причуять не могъ и прошелъ. Собака въ рукахъ егеря. Хорошо сработавъ на переиспытаніи, значительно повысилъ баллъ на чутье.

3) «Чекъ», пущенный тѣмъ же егеремъ, показалъ очень сильный, эластичный и красивый ходъ, которымъ всецѣло напомнилъ своего отца. При отличной дрессировкѣ, къ сожалѣнію, не показалъ большого чутья, имѣя красивую стойку и очень недурную подводку. Взявъ съ хода по набродамъ, долго водилъ, но, причуявъ прошелъ бекаса, который и былъ поднятъ егеремъ. Работая далѣе на тѣхъ же параллеляхъ, крѣпко сталъ съ полнаго хода; птица снялась въ 10-ти шагахъ и была стрѣляна; при взлетѣ ея остался на мѣстѣ. По третьему бекасу показалъ недурную подводку и сталъ въ 5-ти шагахъ отъ птицы. При провѣркѣ вновь выказалъ всю быстроту и элегантность хода, очень и очень не дурно сработалъ по бекасу, который послѣ крѣпкой стойки снялся шагахъ въ десяти.

4) «Геро II» вначалѣ искалъ по кормному мѣсту, много разъ замиралъ по набродамъ; отозванный егеремъ, пошелъ весьма тяжелымъ, вялымъ и некрасивымъ ходомъ, однако довольно правильнымъ. Веденный умѣло, работалъ противъ вѣтра, прихватилъ по набродамъ, но, не причуявъ птицы, прошелъ ее, будучи весьма близокъ отъ нея. Отлично ставъ по другому бекасу, долго дожидался подходившаго егеря, при приближеніи котораго птица снялась шагахъ въ сорока, очевидно, успѣвъ значительно отбѣжать. Пущенный вновь, не измѣнилъ своего хода, хорошо потянувъ, сталъ; при подходѣ же егеря показалъ правильную подводку. По стрѣлянному же бекасу, снявшемуся въ 10-ти шагахъ, подтвердилъ свою дрессировку. При провѣрочной работѣ весьма недурно сработалъ по бекасу, но хода не измѣнилъ.

5) «Кинъ» на тяжеломъ ходу долго и неувѣренно водилъ по бѣгущему бекасу, но, окончательно не причуявъ, столкнулъ его, понукаемый егеремъ. Работая далѣе правильнымъ поискомъ и отпущенный на большое разстояніе, причуялъ съ хода бекаса и потянувъ нѣсколько шаговъ, крѣпко сталъ. Туго подаваясь по приказанію подошедшаго егеря, вторично сталъ, а при выстрѣлѣ по снявшемуся бекасу въ десяти шагахъ легъ. Слѣдующую птицу вывелъ изъ некоси, крѣпко сталъ, и бекасъ снялся въ 5-ти шагахъ. При дальнѣйшей же работѣ прошелъ у осоки бекаса. Переиспытанный вполнѣ правильно сработалъ по бекасу въ восьми шагахъ.

6) «Долли», пущенная сначала въ довольно мокромъ мѣстѣ среди болота, тотчасъ же перешла на шагъ и занялась тщательнымъ разсмотрѣніемъ чего-то подъ ногами, что продолжалось весьма

долго, и она значительно отдалилась отъ егеря, игнорируя вѣтеръ. Послѣ многократныхъ отсвистыванiй егеря съ большой неохотой оставила свои изысканiя и направилась въ противоположную сторону. Между прочимъ, въ теченiе почти часовой работы собака неоднократно приподымалась, ища кого-то, но, очевидно, не егеря. Усиленно продолжая все ту же работу, случайно, наконецъ, набрела на трехъ близко сидѣвшихъ другъ къ другу бекасовъ, которыхъ слегка лишь причуяла, но стать не могла въ виду ихъ немедленнаго подъема. Въ дальнѣйшемъ, при всемъ старанiи нанести ее на перемѣщеннаго бекаса, собака, будучи весьма своенравной, не пожелала идти въ указанномъ направленiи. По всей работѣ ея и благодаря натаскѣ остается вынести впечатлѣнiе, что изъ нея никогда не можетъ выйти насколько-нибудь сносная охотничья собака.

7) «Тайкъ», веденный молодымъ егеремъ, впервые бывшимъ на испытанiяхъ, показалъ отличное послушанiе и дрессировку. Онъ обладаетъ быстрымъ ходомъ, прекрасно разработаннымъ и уступающимъ лишь въ красотѣ «Чеку», № 3-й. Не имѣя сильнаго чутья, пройдя двухъ бекасовъ, сработалъ по третьему, снявшемуся въ 6-ти шагахъ, при выстрѣлѣ подтвердилъ свою дрессировку. По слѣдующему бекасу повторилъ свою работу, показавъ не особенную подводку. На переиспытанiи хорошо сработалъ по птицѣ, снявшейся изъ-подъ увѣренной стойки шагахъ въ десяти.

8) «Телимена»—ходъ ея тихъ и неправиленъ; работая постоянно низомъ, не могла разобрать набродовъ бекаса, который и вскочилъ невдалекѣ отъ нея. Направленная по перемѣщенному, едва лишь прихватила по немъ; бекасъ снялся у самой собаки. Продолжая работать, еще разъ подтвердила отсутствiе чутья, снявши бекаса въ 2-хъ шагахъ и лишь чуть примѣтивъ его.

9) «Асъ», благодаря, очевидно, опытному егерю, выказалъ хорошее послушанiе, исполняя всѣ требованiя, имѣя, однако, не совсѣмъ правильный и вмѣстѣ съ тѣмъ среднiй ходъ. Пущенный первоначально по топкому мѣсту, идя по вѣтру, хорошо причуялъ бекаса, замеръ на мѣстѣ, но птица не подпустила подходившаго егеря и снялась шагахъ въ пяти. Продолжая работать, прошелъ бекаса, лишь нѣсколько причуявъ его наброды. Посланный по перемѣщенному въ конецъ скошенной полосы, причуялъ его, долго тянулъ и, крѣпко ставъ, дождался егеря, по приказанiю пошелъ впередъ, при чемъ обнаружилъ удовлетворительную подготовку.

При выстрѣлѣ по снявшемуся въ 8-ми шагахъ бекасу остался на мѣстѣ. Далѣе, работая по обсидѣвшемуся перемѣщенному бекасу, прихватилъ его по его набродамъ, потянулъ, но стать крѣпко не могъ, не убѣдившись окончательно въ близости птицы, которая и снялась въ 15-ти шагахъ, будучи уже строгой, благодаря неоднократной работѣ по ней. Во время всей своей работы дѣлалъ много фальшивыхъ стоекъ, правда, весьма короткихъ, которыя уже на повторительной работѣ отсутствовали, а всей своей работой на другой день, хорошо ставъ въ 12-ти шагахъ, показалъ какъ свое выше средняго чутье, такъ и остальныя природныя качества значительно лучше, чѣмъ въ предшествовавшей работѣ.

10) «Байка», при почти полномъ отсутствіи чутья, что подтвердилось работой по четыремъ птицамъ, показала посредственный ходъ и стойку, которая высказалась, впрочемъ, лишь по первому бекасу, и то ею пройденному. Работая около получаса, сдѣлала массу фальшивыхъ стоекъ, чѣмъ еще больше подтвердила свою непригодность для болота, и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжительная работа дала возможность опредѣлить довольно изрядное послушаніе и дрессировку.

11) «Ромпъ» имѣетъ быстрый и энергичный ходъ, хотя далеко еще не выработанный, съ котораго и прихватилъ по бекасу; крѣпко ставъ, порывисто подводилъ; бекасъ снялся въ восьми шагахъ; при выстрѣлѣ собака посунулась. Дальнѣйшая работа его дала полную возможность убѣдиться въ его неподготовленности, при чемъ, однако, собака почти въ рукахъ егеря.

12) «Фрамъ», на очень быстромъ и энергичномъ ходу, но не совсѣмъ еще правильномъ, причуявъ бекаса, показалъ среднюю потяжку, но стать не могъ, благодаря убѣгавшему бекасу, который, не выдержавъ, снялся шагахъ въ сорока отъ него. Наведенный по перемѣщенному, прошелъ его, и птица снялась изъ-подъ ногъ егеря. По другому, ранѣе перемѣщенному, бекасу, «Фрамъ» выказалъ отличную дрессировку и послушаніе, хорошо сработавъ и ставъ на 13-ть шаговъ. При выстрѣлѣ спокоенъ. Во время первоначальной работы его невольно обращали на себя вниманіе частыя своеобразныя фальшивыя стойки, которыя, повидимому, происходили у него не отъ неувѣренности въ своемъ чутьѣ, а отъ натаски егеремъ собаки по одному и тому же мѣсту и все той же дичи. При провѣркѣ хорошо взялъ съ хода по бекасу и, потянувъ шаговъ 12-ть, крѣпко сталъ; при подходѣ егеря птица снялась въ десяти шагахъ.

13) «Кингъ Лиръ», при одинаковомъ ходѣ съ «Фрамомъ», не причуялъ перваго бекаса, который и снялся невдалекѣ. По слѣдующему сработалъ хорошо икрѣ пко сталъ; бекасъ поднялся въ 15-ти шагахъ: по взлетѣ птицы вернулся къ егерю. Работая по приказанію егеря въ довольно топкомъ мѣстѣ, отлично прихватилъ, показавъ первоклассное чутье и нѣсколько порывистую подводку. Птица снялась въ 20-ти шагахъ отъ собаки и была стрѣляна; собака осталась не совсѣмъ на мѣстѣ. Не менѣе удачно сработалъ и по четвертой птицѣ, смѣстившейся изъ-подъ стойки въ 12-ти шагахъ. По всей работѣ видно, что егерь много съ нимъ занимался, и лишь единственно можно его упрекнуть за неправильно разработанный поискъ, который, будучи одностороннимъ, оставляетъ желать его исправленія. Къ сожалѣнію, на провѣркѣ собака не показала сильнаго чутья, смѣстивъ и пройдя поочередно двухъ бекасовъ и лишь недурно сработала по третьему.

14) «Жуа дю-Виллажъ». Эта собака, видимо, хорошо дрессирована, но вслѣдствіе страстности менѣе послушна, произвела прекрасное впечатлѣніе своимъ первоклассныиъ чутьемъ, подтвердившимся работой по всѣмъ даннымъ ей птицамъ. Пущенная исключительно по ранѣе обойденнымъ мѣстамъ, работала лишь по перемѣщеннымъ бекасамъ и тѣмъ еще сильнѣе выказала свое дивное, вѣрное чутье, отмѣчая всѣ мѣста, гдѣ ранѣе были бекасы. Ведя по первому бекасу очень далеко, крѣпко стала, по приказанію же егеря, будучи въ рукахъ, осторожно, но страстно подводила и вновь замерла на стойкѣ. По вскочившему въ 20-ти шагахъ бекасу егерь стрѣлялъ, и собака осталась на мѣстѣ. Пущенная вторично, потянула съ ходу по бекасу и крѣпко стала; бекасъ снялся въ шагахъ 15-ти. Дальнѣйшая работа показала все то же сильное чутье и неразвязный ходъ одного на весьма правильныхъ параллеляхъ, который единственно и заставилъ посморѣть ее еще въ послѣдній день испытаній. Въ виду начавшейся же пустовки на другой день, она была пересмотрѣна послѣдней, при чемъ состояніе ея на чутье не отразилось: птица была вновь отлично сработана на очень дальное разстояніе. Но лучшаго хода собака не показала, быть можетъ благодаря своему состоянію.

15) «Максъ II» показалъ быстрый, большими махами ходъ, вполнѣ правильный, но нѣсколько безстрастный; ища вдалекѣ отъ егеря, прихватилъ по набродамъ, потянувъ шаговъ 10-ть, сталъ.

Бекасъ снялся въ 8-ми шагахъ и былъ стрѣлянъ; собака осталась на мѣстѣ. Отпущенный далеко егеремъ, заработалъ самостоятельно; не обращая вниманія на усиленный его свистъ, измѣнилъ свой ходъ, затѣмъ долго водилъ по набродамъ и снялъ, не причуявъ, бекаса. Въ дальнѣйшемъ, найдя его, сталъ накороткѣ; бекасъ снялся въ 4-хъ шагахъ. Неудовлетворительность дрессировки не замедлила подтвердиться по слѣдующей же птицѣ, за которой бросился со стойки, за что и былъ наказанъ егеремъ. Заведенный вновь противъ вѣтра, срѣзалъ бекаса, чѣмъ подтвердилъ и свое небольшое чутье. При окончаніи работы смѣстилъ двухъ бекасовъ въ высокой травѣ, что, конечно, не принято въ расцѣнку.

«Смитъ». Работа его, при достаточно быстромъ ходѣ, но неправильномъ поискѣ, вполнѣ невыработанномъ, оказалась весьма неуспѣшной, несмотря на наибольшее количество данной ему въ оба раза птицы. Пущенный первымъ 29-го августа въ нехоженномъ болотѣ, съ мѣста нарвался на двухъ вмѣстѣ сидѣвшихъ бекасовъ и, не причуявъ ихъ, столкнулъ. Отозванный егеремъ, близко сталъ на уткѣ; переведенный съ этого мѣста и направленный къ краю болота, вернулся вновь и долго не желалъ покинуть взятое имъ направленіе. Послѣ многихъ свистковъ вернулся и изъ-подъ вѣтра снялъ бекаса. Работая далѣе, сталъ, но слишкомъ накороткѣ, что и заставило сняться пару рядомъ сидѣвшихъ бекасовъ. Однако слѣдующая птица, поднимавшаяся отъ него въ 10-ти шагахъ послѣ хорошо выдержанной стойки, дала возможность егерю показать собаку при выстрѣлѣ. Работая черезъ нѣсколько часовъ при повѣркѣ, прошелъ двухъ бекасовъ, затѣмъ долго водилъ по пустому, сухому мѣсту и всей своей работой подтвердилъ очень неважную дрессировку и вмѣстѣ съ тѣмъ небольшое чутье.

17) «Дэзи», эта молодая собака, однопометница «Смита», показала какъ природныя свои качества, такъ и успѣхи дрессировки и послушанія очень въ непригляднымъ видѣ. При отсутствіи чутья, не показаннаго ею по тремъ бекасамъ и одному гаршнепу, можно сказать лишь, что собака вполнѣ не годилась въ этомъ году для испытаній, будучи совершенно къ тому неподготовленной.

18) «Киръ». Работа его не могла не обратить вниманія. При быстромъ, весьма энергичномъ ходѣ и установленномъ поискѣ правильнымъ челнокомъ, показалъ свое вѣрное и дальнее чутье, чрезвычайно отчетливо и увѣренно сработавъ по нѣсколькимъ птицамъ.

Началъ онъ свою работу поискомъ въ весьма топкомъ краю болота; умѣло пользуясь вѣтромъ, далеко прихватилъ по бекасу, увѣренно и красиво потянулъ шаговъ 30 и крѣпко сталъ. Посланный подошедшимъ егеремъ, плавно подводилъ, пользуясь вѣтромъ, и вновь красиво замеръ на стойкѣ. По вскочившему бекасу въ 25 шагахъ егерь стрѣлялъ; собака осталась на мѣстѣ. Посланный по направленію, данному ему рукой, «Киръ» немедленно перешелъ на свой сильный и широкій ходъ, всецѣло повторилъ предшествовавшую работу и по слѣдующимъ двумъ птицамъ. Такой безукоризненной работой при всѣхъ природныхъ качествахъ собака обязана впервые появляющемуся на испытаніяхъ молодому егерю, очевидно, много и добросовѣстно занявшемуся съ ней подъ руководствомъ старшаго егеря.

19) «Гэмъ». Эта очень миніатюрная сука много проигрываетъ на топкомъ болотѣ, благодаря своему небольшому росту, который, конечно, при расцѣнкѣ ея не могъ быть принятъ во вниманіе. Заведенная противъ вѣтра, была вначалѣ пущена въ топкомъ краю болота, гдѣ и показала свой быстрый, пружинистый ходъ, отлично обыскавъ всю мокрую часть болота, въ концѣ которой, работая все время верхомъ, прихватила по бекасу, увѣренно потянула по немъ и крѣпко стала; была послана впередъ, хорошо подводила и вновь стала. Птица снялась въ 17-ти шагахъ и была стрѣляна; собака осталась на мѣстѣ. Будучи въ рукахъ егеря, легко исполняла его приказанія и умѣло все время пользовалась вѣтромъ. Двѣ слѣдующія птицы все также хорошо были сработаны на менѣе топкомъ мѣстѣ, снявшись въ 12-ти и 15-ти шагахъ отъ нея. Отсутствіе ошибокъ и полная возможность убѣдиться во всѣхъ ея качествахъ позволили прекратить ея дальнѣйшее испытаніе.

20) «Дэна», собака хорошаго послушанія при отличной дрессировкѣ, къ сожалѣнію, не обладаетъ ходомъ, при чемъ, пущенная все при тѣхъ же условіяхъ, показала несильное чутье, пройдя перваго бекаса, который и снялся рядомъ съ ней. Въ дальнѣйшемъ прошла еще одного, но зато отлично работала и крѣпко становилась по двумъ бекасамъ, къ которымъ плавно подводила и вновь твердо становилась въ 10-ти шагахъ. При выстрѣлѣ показано полное спокойствіе. Собака вполнѣ готова для охоты.

По окончаніи испытаній расцѣнка собакъ выразилась въ нижеслѣдующей таблицѣ. Отъ расцѣнки собакъ Р. В. Живаго Л. В. Жи-

ваго отказался и въ ней участія не принималъ. Присужденные награды и призы отмѣчены въ той же таблицѣ (стр. 70).

Классъ лучшихъ собакъ.

Въ классѣ лучшихъ собакъ на соисканіе приза имени Аксакова и званія чампіона были записаны слѣдующія двѣ собаки:

«Карменъ», р.к.м.о.о. № 209, Ф. В. Демина, ирл. сеттеръ, сука, род. въ іюнѣ 1895 г. отъ «Мовилль II» Р. И. Прове и «Гленкара», р.к.м.о.о. № 24, А. Я. Пѣгова. На полевыхъ испытаніяхъ Общества въ 1898 г. въ отдѣлѣ многопольныхъ 3-й призъ при дипломѣ 1-й степени, призъ въ память А. Ф. Ѳедорова и призъ Р. В. Живаго.

Егерь Павелъ Лихачовъ.

«Касса», р.к.м.о.о. № 274. В. А. Саутама, желто-пѣг. пойнтеръ, сука, род. 19-го октября 1897 г. отъ «Ренты», р.к.м.о.о. № 106, В. С. Зеленова, и «Кешъ-Даунъ», р.к.м.о.о. № 53, А. В. Пасбурга. На испыт. Общ. въ 1899 г. въ отд. многопольн. 1-й призъ Общ. при дипломѣ 1-й степени, призъ въ память Н. А. Алексѣева и призъ Кіевскаго Отд. Имп. Общ. прав. охоты. На испыт. Общ. Люб. п. с въ 1900 г. въ отдѣл. многопольныхъ въ Гатчинѣ подѣлила I призъ, въ Новомъ Петергофѣ 1 призъ.

Егерь Павелъ Лихачовъ.

Для сужденія этого отдѣла была составлена смѣшанная коммиссія судей по жребію изъ обоихъ отдѣловъ, при чемъ въ эту коммиссію вошли: Л. Ф. Пло, А. В. Столяровъ и К. В. Мошнинъ.

Испытаніе было произведено на Соболевскомъ болотѣ, послѣ полудня, 28-го августа.

Работа обѣихъ испытавшихся собакъ признана не удовлетворяющей требованіямъ, постановленнымъ въ условіи присужденія Аксаковскаго приза, и призъ этотъ остался не присужденнымъ.

Судьи: *А. Столяровъ.*
Л. Пло.
К. Мошнинъ.

Протоколъ совмѣстнаго совѣщанія судей XI полевыхъ испытаній.

Разсмотрѣвъ результаты дрессировки и пріемы веденія представленныхъ собакъ отдѣльными егерями, судьи XI полевыхъ испытаній постановили присудить нижеслѣдующія награды:

Егерю Отдѣла Общества Клементію Лихачову — призъ отдѣла,

5 полуимперіаловъ, за тщательную подготовку и хорошее веденіе всѣхъ пяти представленныхъ имъ собакъ.

Егерю Петру Старостину—призъ отдѣла, 5 полуимперіаловъ, за всѣхъ собакъ, 2-хъ въ отдѣлѣ первопольныхъ и 2-хъ въ отдѣлѣ старыхъ.

Егерю Семену Старостину — денежную награду отъ Общества въ 25 р. за «Рекса» и «Кина».

Егерю Дмитрію Старостину—денежную награду въ 15 руб. за всѣхъ его собакъ.

Егерю И. А. Морозова Ивану Силичову—денежную награду въ 15 р. за «Дюка».

Егерю Р. В. Живаго Александру Радушину—денежную награду въ 15 р. за «Кира» и веденіе «Грессъ».

Егерю Кіевскаго Отдѣла Императорскаго Общества пр. ох. Ѳедору Святецкому — денежную награду въ 15 руб. за «Нару» и «Асса».

Егерю Общества Ѳедору Старостину — денежную награду въ 10 р. за «Тайка».

Егерю Н. И. Хрущова Михаилу Филимонову — денежную награду въ 10 р. за «Падди».

Призы Отдѣла улучшенія подружейныхъ собакъ, изъ спеціальнаго фонда Отдѣла, заводчику лучшаго пойнтера и лучшаго сеттера испытаній присуждены Р. В. Живаго за пойнтера «Рональда» и за сеттера-гордона «Кира».

Судьи:
А. Столяровъ.
К. Мошнинъ.
Л. Буассонадъ.
Л. Пло.
Л. Живаго.
В. Саутамъ.

Таблица расцѣнки первопольныхъ собакъ на испытаніи 1900 года.

№№ по качеств.	Кличка собакъ.	Чутье. 30.	Дрессировка и послушаніе. 25.	Прир. манера хода и поискъ. 20.	Стойка. 15.	Потяжка, подводка. 10.	Общій баллъ. 100.	Степень наградъ. Дипл.	Присужденные призы.
1	Киръ	23	21	17	14	9	84	I-й степ.	1-й призъ Общества. Призъ Кіевскаго Отдѣла Импер. Общ. Ох. Призъ А. В. Іокиша лучш. соб. по чутк. и поиск.
2	Чекъ	19	21	19	13	7	79	II-й "	2-й призъ Общества. Призъ А. Е. Пигота. 1-й призъ Продіусъ 128 р.
3	Жуа дю-Виллажъ	23	19	15	13	8	78	II-й "	3-й призъ Общества. Призъ князя Джамбакуръ-Орбеліяни. 2-й призъ Продіусъ 76 руб. 80 к.
4	Гэмъ	20	19	16	13	8	76	II-й "	3-й призъ Продіусъ 51 руб. 2) коп. Призъ Т. В. Митюшина.
5	Асъ	18	18	16	12	7	71	II-й "	
6	Геро II	18	20	11	13	8	70	II-й "	
7	Фрамъ	17	18	17	14	7	73	III-й "	
8	Кингъ-Лиръ	17	17	17	14	7	72	III-й "	
9	Кинъ	17	18	15	13	7	70	III-й "	
10	Тайкъ	16	20	19	12	6	73	III-й "	
11	Дина	16	20	13	13	8	70	III-й "	
12	Іоркъ	16	19	13	13	6	67	III-й "	
13	Ромпъ	15	16	17	13	6	67	—	
14	Сматъ	14	15	15	14	7	65	—	
15	Максъ II	14	13	18	12	6	63	—	
16	Парнелль	12	18	10	12	5	57	—	
17	Байка	11	16	15	10	4	56	—	
18	Дэзи	13	9	10	6	4	42	—	
19	Телимена	10	15	13	—	—	—	—	
20	Долли	ос	талась	безъ	рас	цѣнки.		- -	

Судьи: { *Л. Пло.* / *В. Саутамъ.* / *Л. Живаго.* }

Отчеты судей по 2-й выставкѣ собакъ Общества охоты Имени Императора Александра II.

Отчетъ судьи г-на Saller'а.

По отдѣлу пойнтеровъ.

Кл. 3. Кобели старшаго возраста.

1) «Рональдъ», р.к.м.о.о № 255, Р. В. Живаго, кругомъ очень хорошій пойнтеръ, нѣсколько грубъ черепъ и шея коротковата, но оченъ стиленъ, держитъ себя прекрасно, движенія очень хороши. Великолѣпная колодка, хорошія ребра, сильный крестецъ, хорошія плечи, крѣпкія и правильной формы ноги, лапы и бабки. Хорошій постановъ заднихъ ногъ и правильно посаженный прутъ. Золотая медаль.

2) «Бова Королевичъ» Н. П. Шпортунова, мой старый любимецъ. Онъ сталъ нѣсколько лещеватъ и утратилъ часть своей мускулатуры. За нимъ остался его чудный стиль и характерныя линіи пойнтера. Прутъ онъ также держитъ хорошо, какъ и раньше. Его плечи, ноги и лапы великолѣпны. Золотая медаль.

3) «Робъ-Рой», р.к.м.о.о. № 254, А. В. Іокиша. Хорошія колодка, ноги и плечи, довольно стиленъ, шея нѣсколько коротка, въ движеніи немного отставляетъ внутренніе пальцы переднихъ лапъ. Большая серебряная медаль,

4) «Рокъ», р.к.м.о.о. № 250, Р. В. Бергмана, выглядитъ работникомъ, у него чудныя ноги и лапы, плечи нѣсколько тяжелы, шея коротковата и головѣ недостаетъ благородства. Большая серебряная медаль.

5) «Билль Пэдъ», р.к.м.о.о. № 229, А. Д. Кондратова и В. В.

Новикова. Живой, симпатичный кобель, небольшого роста, очень стиленъ, въ немъ видны характерныя линіи пойнтера, держитъ себя прекрасно. Большая серебряная медаль.

6) «Бичъ», р.к.м.о.о. № 285, Н. Лебедева. Къ сожалѣнію, этотъ кобель не исправилъ съ возрастомъ своего недостатка, онъ и сейчасъ нѣсколько лещеватъ и, пожалуй, высоконекъ на ногахъ и глазъ его свѣтелъ. Въ общемъ это очень стильный кобель. Малая серебряная медаль.

7) «Макарка» И. Н. Камынина. Недостаточно хороши голова и щипецъ, нѣсколько высокъ на ногахъ, прутъ слишкомъ низко посаженъ, но въ общемъ довольно типичный пойнтеръ. Малая серебраная медаль.

8) «Дюкъ офъ Страсбургъ», р.к.м.о.о. № 380, И. А. Морозова. Хорошая кость и хорошія ноги, слишкомъ широкъ черепъ между ушей, угрюмое выраженіе, грубый прутъ. Бронзовая медаль.

9) «Рапидъ», Ф. Ф. Осетрова, простовата голова, высокъ на ногахъ и маловато кости. Бронзовая медаль.

10) «Флюкъ», р.к.м.о.о. № 461, барона К. Фелейзина. Недурна голова да и вообще недурной кобель, но слишкомъ квадратенъ и коротокъ, ноги недостаточно прямы. Бронзовая медаль.

11) «Донъ», р.к.м.о.о № 462, Е. И. Попова, довольно стиленъ, держитъ себя хорошо, выглядитъ рабочей собакой, грубая голова. Бронзовая медаль.

12) «Принцъ», р.к.м.о.о. № 446, Ю. Ю. Пенкаля, хорошія движенія, хорошія ноги и лапы, но недостаетъ благородства. Бронзовая медаль.

13) «Донъ» И. Ф. Коробова. Хорошая колодка, хорошія плечи, довольно стиленъ, прутъ держитъ хорошо, слишкомъ прямой постановъ заднихъ ногъ и слабая лапа. Бронзовая медаль.

14) «Рокетъ» И. Штокрейтера, хорошій кобель, испорченъ плохимъ воспитаніемъ, хорошая голова, плохія ноги и лапы. Бронзовая медаль.

«Снобъ» кн. В. М. Голицына, энергичный, небольшого роста кобель, недурныя ноги и плечи, слишкомъ широкъ въ груди и коротка шея. Безъ награды.

«Блэкъ Старъ», р.к.м.о.о. № 213, А. С. Зеленова, хорошая кость, хорошая сложка; голова груба, шея коротка, слабыя лапы. Безъ награды.

«Абрекъ», р.к.м.о.о. № 432, К. И. Терещенка, слишкомъ легокъ, лещеватъ. Безъ награды.

«Маркизъ» А. П. Архангельскаго, недурна голова, вообще недурного стиля кобель, но лещеватъ и высокъ на ногахъ. Безъ награды.

«Максъ» К. В. Хрѣнова, широкъ въ груди, подуздоватый щипецъ, слабыя лапы. Безъ награды.

«Альдинбангъ» Н. А. Каменскаго, хорошая колодка, недурная голова и ноги, угрюмый видъ, вообще плохо себя показывалъ. Безъ награды.

«Боксъ», р.к.м.о.о. № 324, В. Н. Верещагина, коротокъ щипецъ, некрасивая голова, мало кости и плохія лапы. Безъ награды.

«Дональдъ» С. И. Лучшева, высокъ на ногахъ, легка колодка, плохая голова. Безъ награды.

«Панъ» И. К. Егорова, хорошая колодка, довольно типиченъ, безъ подвѣса шея, но слишкомъ широкъ въ груди, на кривыхъ ногахъ. Безъ награды.

«Роверъ», р.к.м.о.о № 267, А. И. Лерса, хорошая колодка, слишкомъ высокъ задъ и низокъ передъ, мало кости, неуклюже держитъ прутъ. Безъ награды.

«Финъ» С. С. Дементьевскаго, кривыя ноги, слаба колодка и мало ребра. Безъ награды.

Кл. 5. Пойнтера-кобели младшаго возраста.

Кобели младшаго возраста много хуже; я не могъ присудить золотой медали въ этомъ отдѣлѣ. Въ Россіи отличный матеріалъ среди кобелей старшаго возраста и они должны бы со временемъ произвести прекрасное потомство.

1) «Панъ» р.к.м.о.о. № 463, И. В. Ворожеинова, очень недурной, небольшого роста кобель, хорошая голова и отличныя ноги, выглядитъ полезной собакой. Большая серебряная медаль.

2) «Марсъ», р.к.м.о.о. № 464, Д. И. Листа, хорошій желто-пѣгій кобель съ чудной головой, но ноги искривлены. Большая серебряная медаль.

3) «Русланъ», Н. Лебедева, хорошая колодка и хорошія ноги, но свѣтлый глазъ. Большая серебряная медаль.

4) «Редъ», р.к.м.о.о. № 465, В. И. Кузнецова, плохія ноги и лапы, некрасивыя движенія. Малая серебряная медаль.

5) «Ромпъ», р.к.м.о.о. № 384, М. М. Грачова, недурная колодка, коротка голова и угрюмый видъ. Малая серебряная медаль.

6) «Гаръ», р.к.м.о.о. № 466, Н. Т. Федорова, хорошаго стиля кобель, хорошая колодка, плохія лапы. Малая серебряная медаль.

7) «Дружокъ», Н. Лебедева, хорошая кость, хорошія ноги и лапы, но въ остальномъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Бронзовая медаль.

8) «Король», р.к.м.о.о. № 467, М. Е. Ильина, недурна голова, но лещеватъ и слишкомъ малъ. Бронзовая медаль.

9) «Грамъ», р.к.м.о.о. № 383, Р. В. Живаго, слишкомъ широкъ въ груди, коротка шея, слишкомъ выпуклые глаза. Бронзовая медаль.

10) «Чекъ», р.к.м.о.о. № 525, Т. В. Митюшина, недурная голова, порядочныя ноги; скверно держитъ прутъ. Бронзовая медаль.

11) «Пьеръ», р.к.м.о.о. № 468, Л. Т. Ивановой, лещеватъ, задъ слишкомъ спущенъ, крестецъ слабъ. Бронзовая медаль.

12) «Тайкъ II» р.к.м.о.о. № 430, А. В. Пасбурга, хорошая кость, хорошія ноги, прутъ слишкомъ низко посаженъ. Бронзовая медаль.

13) «Нарциссъ», р.к.м.о о № 450, К. К. Вильборна, угловатъ въ очертаніяхъ, хорошая голова, вѣроятно, измѣнится къ лучшему со временемъ. Бронзовая медаль.

14) «Роджеръ», р.к.м.о.о. № 438, В. П. Пузырева, недурная голова, хорошія ноги и лапы, очень недурныя движенія, но какъ-то напоминаетъ фоксгоунда. Бронзовая медаль.

Кл. 4. Пойнтера суки старшаго возраста.

1. «Мирейль, р.к.м.о.о. № 252, Б. Д. Вострякова, хорошая колодка, хорошія ноги и лапы, хороша въ движеніи, нѣсколько тяжелы плечи, глазъ свѣтелъ. Какъ-то плохо себя показывала въ рингѣ. Золотая медаль.

2. «Браво» А. А. Кротова, очень не дурная сука съ хорошей головой; въ ней масса достоинствъ, отличныя ноги и лапы, нѣсколько растянута и слабоватъ крестецъ, держитъ себя хорошо. Золотая медаль.

3. «Альфа», р.к.м.о.о. № 470, Н. С. Баранчавинова, чудная сука, проигрываетъ по случаю плохого вида, въ которомъ она показана: удалена по случаю болѣзни съ выставки. У этой суки отличная колодка, прекрасная кость, хороша голова и ноги. Золотая медаль.

4. «Діана» А. К. Вишневскаго, очень стильная, энергичная сука, но мало спущено ребро и маловато кости. Очень хороша голова. Большая серебряная медаль.

5. «Дина» С. В. Полежаева, тоже очень стильная и типичная сука, но маловато кости и нѣсколько провислая спина, красивая голова и хорошее выраженіе. Большая серебряная медаль.

6. «Дина» И. Ф. Коробова, очень энергичная, комковатая сука, показывала себя хорошо; но у ней плохія лапы, кости маловато и уши высоко посажены. Большая серебряная медаль.

7. «Дина», р.к.м.о.о. № 331, М. М. Грачева, крупная сука, въ ней много достоинства, красивая голова, хорошій окрасъ, держится хорошо: она нѣсколько растянута и показана слишкомъ жирной. Большая серебряная медаль.

8. «Слава II», р.к.м.о.о. № 287, Н. С. Шибаева, великолѣпная племенная сука, ей не хватаетъ изящества; замѣчательныя ноги, прекрасный окрасъ, въ движеніи она лучшая, нѣсколько тяжела. Малая серебряная медаль.

9. «Пина II», р.к.м.о.о. № 432, К. И. Терещенка, недурная сука, шея безъ подвѣса, красивая голова, но мало кости. Малая серебряная медаль.

10. «Тамара» Н. И. Смирнова. Эта сука старѣетъ. Есть подвѣсъ, низкопереда, но недурной типъ старой суки на хорошихъ ногахъ. Малая серебряная медаль.

11. «Пальма» В. В. Махалова, хорошія голова, шея и плечи, компактная и пропорціональная сука. Малая серебряная медаль.

12. «Греси II офъ-Страсбургъ», р.к.м.о.о № 167, Р. В. Живаго порядочная голова, но коротковата, широка во лбу, колодка нѣсколько растянута, прутъ держитъ плохо, ноги хороши. Бронзовая медаль.

13. «Мопра» И. Н. Камынина, порядочная сука, хорошій окрасъ хороша въ движеніи. Бронзовая медаль.

14. «Ласка» К. А. Солдина, недурная сука, порядочная голова и выраженіе, слабыя лапы и слабый задъ. Бронзовая медаль.

15. «Квитка», р.к.м.о.о. № 470, А. А. Гриневскаго, небольшая посредственная сука, мало кости, ничего особеннаго не представляетъ. Бронзовая медаль.

16. «Доля», р.к.м.о.о. № 228, В. И. Иванова, крупная, статная сука, хорошаго окраса, хорошо показана, только нѣсколько

закормлена, высока на ногахъ, съ коровьимъ задомъ. Бронзовая медаль.

17. «Юно», р.к.м.о.о. № 471, В. Ф. Кейзера; слишкомъ широка спина, высока на ногахъ, мало кости, порядочная голова, шея и плечи, слабый задъ. Бронзовая медаль.

18. «Лэди» Н. В. Щеславскаго, умное выраженіе головы, порядочная сука кругомъ, но слабыя лапы и прямой задъ. Бронзовая медаль.

19. «Зора» С. В. Казимирова, мелка, легкаго сложенія, умное выраженіе головы, маленькій подвѣсъ. Бронзовая медаль.

20. «Лада», р.к.м.о.о. № 539, С. П. Рябушинскаго, хорошая голова, красивыя движенія, порядочныя ноги, поблекшій окрасъ. Бронзовая медаль.

«Трильби», р.к.м.о.о. № 180, Р. И. Франке, груба, показана въ плохомъ видѣ, оттопыренныя уши, подвѣсъ. Безъ награды.

«Альма» П. А. Попова, не типична.

«Прима», р.к.м.о.о. № 433, К. И. Терещенка, мала, легка колодка. Безъ награды.

«Альма» А. Г. Крейшмана, мелка, мало кости, кривыя ноги, слабый задъ. Безъ награды.

«Дива» В. М. Тарасенка, порядочная голова, тяжелыя плечи, слабая лапа, кривыя ноги. Безъ награды.

«Бонъ Шансъ», р.к.м.о.о. № 149, голова фоксгаунда, растянута, провислая спина, безъ достоинствъ. Безъ награды.

«Норма» Ф. А. Невскаго, комковатая сука, порядочная голова, широка въ груди, мало кости, слишкомъ приземиста. Безъ награды.

«Донна», р.к.м.о.о. № 258, И. А. Морозова, недурного типа, какъ рабочая собака, черепъ широкъ между ушей, тяжелыя плечи. Безъ награды.

«Рафта» С. С. Шербакова, слабыя лапы, мало кости и ребра. Безъ награды.

«Кукла» Н. А. Банова, широка въ груди, локотки наружу, съ подвѣсомъ, хорошій окрасъ. Безъ награды.

Клара» Н. А. Случаева, широкъ черепъ, мало кости, скверныя уши. Безъ награды.

«Джипси» С. П. Рябушинскаго, высока на ногахъ, мало кости, кривыя ноги. Безъ награды.

«Тототъ» его же, тонкокостна. Безъ награды.

«Фанни» его же, недурна въ движеніяхъ, въ общемъ посредственна. Безъ награды.

«Мельба» С. В. Овельникова, низкопереда, прямой задъ, плоха въ движеніи.

Кл. 6. Пойнтера суки младшаго возраста.

1. Жуа дю-Виллажъ», р.к.м.о.о. № 391, Т. В. Митюшина, хорошая сука, нѣсколько коротка голова, хорошая колодка, чудныя ноги и лапы, немного широка въ груди. Золотая медаль.

2. «Гэмъ», р.к.м.о.о. № 387, Р. В. Живаго, порядочная, комковатая сука, уши широки и посажены нѣсколько высоко, щепецъ коротокъ. Малая серебряная медаль.

3. «Дина» г-на Евсѣева, недурного стиля пойнтеръ, энергичная, смотритъ работницей, хорошія ноги и лапы, немного широка въ груди, уши нѣсколько высоко посажены. Малая серебряная медаль.

4. «Бургирль», р.к.м.о.о. № 473, А. В. Пасбурга, хорошая, довольно типичная сука, хорошаго окраса. Малая серебряная медаль.

5. «Слава III», р.к.м.о.о. № 474, Н. П. Шпортунова, нѣсколько грубовата, свѣтлый глазъ, но хорошія ноги; порядочная сука. Малая серебряная медаль.

6. «Норма», р.к.м.о.о. № 475, Д. И. Листа, хорошая голова, хороша въ движеніяхъ; уродливый прутъ. Малая серебряная медаль.

7. «Леди II», р.к.м.о.о. № 477, Р. Р. Роггена, недурная сука, въ движеніяхъ хороша, но несетъ прутъ съ загибомъ на спину на манеръ фоксгаунда. Малая серебряная медаль.

8. «Дина», р.к.м.о.о. № 439, Г. В. Готовцева, недурная сука, на хорошихъ, прямыхъ ногахъ. Бронзовая медаль.

9. «Астра», р.к.м.о.о. № 478, А. К. Гриневскаго, свѣтлый глазъ, мало кости и ребра. Бронзовая медаль.

10. «Фанъ» С. П. Онуфріева, недурна голова. Бронзовая медаль.

Англійскія борзыя.

1. «Дэзи» П. И. Раевскаго, хорошая длинная сука, локотки чуть внутрь, но шея хороша, плечи тоже, хорошія ноги и лапы, достаточно росла. Золотая медаль.

2. «Топси» его же, недурная чернопѣгая сука, хорошія плечи и шея, нѣсколько мало кости. Большая серебряная медаль.

3. «Стартъ» его же, порядочный кобель, нѣсколько прямы плечи, недостаетъ благородства. Малая серебряная медаль.

4. «Нелли» М. М. Иваненка, тонка кость, ребра плохо спущены. Бронзовая медаль.

Отчетъ судьи г-на Serjeantson'a.

Отдѣлъ сеттеровъ.

Прежде всего я долженъ указать на болѣе или менѣе общіе недостатки, замѣченные мною. Главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что у большинства собакъ, даже у многихъ изъ лучшихъ, постановъ переднихъ ногъ не совсѣмъ прямой; у нѣкоторыхъ обѣ или одна изъ переднихъ лапъ въ разметѣ, у другихъ локотки вывернуты наружу или связаны въ плечахъ. Вѣроятно, недостатки эти происходятъ оттого, что щенята пользуются слишкомъ мало свободой.

Кл. 7. Англійскіе сеттера кобели старшаго возраста.

Классъ этотъ только посредственный.

1. «Бекъ» П. М. Попова, хорошая колодка, порядочная голова, одѣтъ хорошо, но отставляетъ внутренніе пальцы переднихъ лапъ. Большая серебряная медаль.

2. «Лордъ», р.к.м.о.о. № 289, Н. П. Малютина, очень хорошій кобель, но слишкомъ тяжелъ, ему недостаетъ скаковыхъ линій, столь типичныхъ въ англійскомъ сеттерѣ, движеніе зада оставляетъ желать лучшаго. Большая серебряная медаль.

3. «Риго» П. М. Попова; у этого кобеля лучшая голова; вообще недурная собака, но передъ не совсѣмъ прямой. Большая серебряная медаль.

4. «Пигаръ» И. А. Шидловскаго и «Томъ», р.к.м.о.о. № 298, Н. М. Федорова,—только посредственности. Бронзовая медаль.

Кл. 9. Англійскіе сеттера кобели младшаго возраста.

Этотъ классъ много лучше.

1. «Скочъ-Бой», р.к.м.о.о. № 481, А. Д. Бугона, блѣдно-кофейно-крапчатый кобель; у него свѣтлый глазъ, обыкновенно сопровождающій этотъ окрасъ, но всѣмъ остальнымъ великолѣпный экземпляръ, особенно когда спуститъ ребро. Золотая медаль.

2. «Кай», р.к.м.о.о. № 482, П. М. Попова, очень красивый блюбельтонъ, весьма типиченъ, на короткихъ ногахъ, масса кости, вообще

кругомъ хорошъ, только сейчасъ на немъ нѣтъ ни мяса, ни мускуловъ. Золотая медаль.

3. «Томъ», р.к.м.о.о. № 483, Н. И. Гусарова, чудная голова, очень длинная шея, великолѣпныя плечи, отличный постановъ заднихъ ногъ, хорошія ноги и лапы, но показанъ въ отвратительномъ видѣ,—заморенъ и исхудалъ,—отчего кажется лещеватымъ, иначе легко былъ бы первымъ. Если этого кобеля усиленно кормить и дать ему вполнѣ сложиться, то онъ будетъ на рѣдкость хорошимъ. Золотая медаль.

4. «Пиратъ» Ф. П. Никитина, очень красивая голова, уши длинноваты, чудная колодка, хотя немного высокъ на ногахъ, выглядитъ работникомъ. Большая серебряная медаль.

5. «Роверъ», р.к.м.о.о. № 484, Г. Т. Прайдиса, очень недуренъ, хорошая колодка, но высокъ на ногахъ и щипецъ подуздоватъ. Большая серебряная медаль.

6. «Каро» В. П. Корчагина, нѣсколько тяжелая голова, прямой постановъ заднихъ ногъ, въ остальномъ недуренъ. Малая серебряная медаль.

7. «Рексъ», р.к.м.о.о. № 486, С. И. Чебышова, порядочный кобель съ недурной головой. Бронзовая медаль.

«Рокетъ», р.к.м.о.о. № 448, И. Д. Хомутова, короткая, грубая голова, порядочная колодка, не высокъ на ногахъ. Безъ награды.

«Шпіонъ» Ф. П. Никитина, очень крупный и грубый кобель. Безъ награды.

«Аяксъ», р.к.м.о.о. № 457, Р. В. Живаго, короткая голова, плохія плечи. Безъ награды.

«Капризъ», р.к.м.о.о. № 455, слишкомъ короткая голова. Безъ награды.

«Свитъ-Бой» г-на Репша — простовата голова, хорошія ноги и лапы, но слишкомъ длинна спина. Безъ награды.

Кл. 8. Англійскіе сеттера суки старшаго возраста.

1. «Виконтесса» Г. Т. Прайдиса, замѣчательно типичная сука, превосходна во всѣхъ частяхъ, весьма трудно найти недостатокъ. Золотая медаль.

2. «Карменъ», р.к.м.о.о. № 127, А. Д. Бугона, тоже очень типичная сука, кругомъ очень хороша. Золотая медаль.

3. «Ямба» П. М. Попова — очень хорошая голова, прекрасная колодка, развѣ немного растянута. Золотая медаль.

4. «Нелли» В. В. Буняковскаго—очень недурная голова, хорошая колодка. Большая серебряная медаль.

5. «Иви», р.к.м.о.о. № 478, П. М. Попова — хорошая голова, но свѣтелъ глазъ, хорошая колодка, плечи слишкомъ прямы. Большая серебряная медаль.

6. «Ацинета», р.к.м.о.о. № 301, Г. Т. Прайдиса—недурная, прочная колодка, но коротка голова. Бронзовая медаль.

7. «Дарго-Успѣхъ», р.к.м.о.о. № 479, А. Д. Бугона—хорошая голова, но плечи слишкомъ прямы, почему спина длинна. Бронзовая медаль.

8. «Миссъ Алегенъ», р.к.м.о.о. № 297, П. А. Розанова—очень недурна голова, но прямыя плечи и прямой постановъ заднихъ ногъ. Бронзовая медаль.

9. «Маскотъ», р.к.м.о.о. № 489, П. А. Розанова—очень прочная колодка, нѣсколько коротка голова и глаза слишкомъ велики и свѣтлы. Бронзовая медаль.

Кл. 10. Англійскіе сеттера суки младшаго возраста.

1. «Лина», р.к.м.о.о. № 487, П. М. Попова — очень красивая голова, чудная шея и плечи, великолѣпный постановъ заднихъ ногъ, хорошія ноги и лапы, немного сейчасъ выворачиваетъ одну лапу; показана ужасно худой, почему и кажется лещеватой, но со временемъ, при надлежащемъ уходѣ, обѣщаетъ быть чудной сукой. Золотая медаль.

2. «Копа», р.к.м.о.о. № 487, П. М. Попова, полная достоинствъ, чудная голова, крестецъ немного длиненъ и плечи чуть прямы. Золотая медаль.

3. «Нелли», р.к.м.о.о. № 488, Г. Прайдиса, порядочная голова, недостаточно типична, чудныя плечи, хорошія ноги и лапы, постановъ заднихъ ногъ очень хорошъ, сейчасъ перо еще плохо одѣто. Большая серебряная медаль.

4. «Фрида», р.к.м.о.о. № 481, Н. И. Гусарова, хорошая сука, голова немного груба, хорошія ноги и лапы, хорошая шея, одѣта хорошо, плечи нѣсколько прямы. Большая серебряная медаль.

5. «Стелла», р.к.м.о.о. № 490, А. Д. Бугона — чудная голова, плечи скорѣе прямы. Малая серебряная медаль.

6. «Марбо». р.к.м.о.о. № 490, Б. И. Абрикосова, очень стиль-

ная сука, весьма порядочная голова, но плечи прямы и спина длинна. Малая серебряная медаль.

7. «Миссъ Модъ», р.к.м.о.о. № 540, П. А. Розанова — то же, что и «Марбо». Малая серебряная медаль.

Ирландскіе сеттера.

Ирландскіе сеттера много выше англійскихъ и гордоновъ. Ихъ довольно одинаковый высокій уровень, типичность и сильная конкуренція во всѣхъ классахъ замѣчательны. Ихъ общій недостатокъ— слабыя лапы.

Кл. 11. Кобели старшаго возраста.

Этотъ классъ очень хорошъ: много прекрасныхъ экземпляровъ.

1. «Рыжикъ», р.к.м.о.о № 170, К. В. Мошнина, хорошая голова, хорошій окрасъ, прекрасныя плечи, хорошій постановъ заднихъ ногъ, хорошія ноги, но слабыя лапы, послѣднее ребро коротковато, но все-таки чудный, хорошо одѣтый кобель. Золотая медаль.

2. «Максъ II», р.к.м.о.о. № 398, А. А. Морозова, очень хорошая, типичная голова, хорошіе шея, спина и крестецъ, хорошее плечо и порядочный постановъ заднихъ лапъ, лапа плоская, но въ общемъ, очень хорошій кобель. Золотая медаль.

3. «Самъ-Сулливанъ», р.к.м.о.о. № 212, С. С. Шибаева, хорошая, длинная и типичная голова, можетъ быть, чуть тяжела. Очень хорошія плечи, но великъ пахъ, почему спина длинна и окрасъ шерсти на спинѣ слишкомъ теменъ. Золотая медаль.

4. «Лордъ», р.к.м.о.о. № 492, С. С. Шибаева, неважная, подуздоватая голова, окрасъ шерсти на спинѣ слишкомъ теменъ, очесы свѣтлы, но первоклассныя плечи и шея, хорошая спина, хорошій крестецъ, отличный постановъ заднихъ ногъ. Большая серебряная медаль.

5. «Нельсонъ» К. М. Филиппова, очень хорошая голова, хотя немного вздернутъ носъ, хорошія ноги и лапы, хорошія плечи, но коротка шея, и окрасъ на спинѣ слишкомъ теменъ, перо загнуто, что и лишило его возможности получить болѣе высокую награду. Большая серебряная медаль.

6. «Бобъ», р.к.м.о.о. № 316, А. Я. Пѣгова, голова широка, хорошая колодка, хорошій окрасъ, прямыя заднія ноги. Малая серебряная медаль.

7. «Арно», р.к.м.о.о. № 317, С. С. Шибаева, недурной кобель, но плечи прямы. Малая серебряная медаль.

8. «Претти», р.к.м.о.о. № 494, А. Н. Гагмана, хорошій, энергичный кобель, очень хорошо одѣтъ, хорошій окрасъ, посредственныя плечи, перо держитъ высоко. Бронзовая медаль.

9. «Анчаръ» Ф. П. Козырева, блѣднаго окраса, рослый кобель, прямой задъ. Бронзовая медаль.

10. «Непиръ», р.к.м.о.о. № 314, И. А. Морозова, хорошая голова, коротокъ на ногахъ, посредственныя плечи, прямоватъ задъ. Бронзовая медаль.

«Падди», р.к.м.о.о. № 204, Н. И. Хрущова, очень робкая собака, отказывалась стоять; мнѣ показалась коротка шея и длинна спина. Безъ награды.

«Пиратъ» В. И. Морозова, слишкомъ блѣденъ окрасомъ.

«Марсъ» И. Д. Болдырева, тяжелая голова, хорошая шея, косое, но тяжелое плечо. Безъ награды.

«Чекъ» И. Д. Болдырева, хорошая голова, но посредственная колодка. Безъ награды.

«Бенъ», р.к.м.о.о. № 280, А. Н. Львовича-Кострицы, тяжелыя плечи и короткая, какъ у спаніэля, голова. Безъ награды.

«Максъ», р.к.м.о.о. № 308, А. А. Морозова, широкая голова, широкъ въ плечахъ, длинная спина. Безъ награды.

Къ весенней охотѣ на вечернихъ токахъ.

Большинство охотничьихъ авторовъ совершенно игнорируютъ и замалчиваютъ вечерніе тока, и только нѣкоторые изъ нихъ допускаютъ вечернее токованье какъ нѣчто временное и исключительное. Когда пишутъ про тягу, то разумѣется тяга вечерняя; когда же пишутъ про тока, то, наоборотъ, всегда подразумѣваютъ тока утренніе. Между тѣмъ и тяга и тока по существу явленія однородныя, бываютъ одинаково какъ утромъ, такъ и вечеромъ. Я лично съ понятіемъ о весенней охотѣ привыкъ представлять себѣ преимущественно охоту на вечерней тягѣ, изъ шалаша по уткамъ по вечерней зарѣ, охоту на вечернихъ тетеревиныхъ и на вечернихъ глухариныхъ токахъ... Что говорить, хорошо бы захватить и утренній токъ, но развѣ послѣдняя охота возможна регулярно чуть ли не каждый день? На утренній токъ дай Богъ собраться 2—3 раза за всю весну, такъ много при этой охотѣ всякихъ побочныхъ хлопотъ и неудобствъ; вечеромъ же охота совсѣмъ иное дѣло для того, кто живетъ въ деревнѣ: пообѣдалъ, надѣлъ фуражку и маршъ въ ближайшій лѣсъ, а къ ужину опять дома. Въ доказательство, что время не было потеряно даромъ представляются то пара косачей и вальдшнепъ, то пара вальдшнеповъ и глухарь, а то и глухарь, и тетеревъ, и вальдшнепъ совмѣстно; иногда же, конечно, и ничего, какъ бываетъ на всякой охотѣ, но послѣднее не обидно,—зато провелъ время и въ лѣсу побывалъ. Другое дѣло, если проболтался охотникъ въ лѣсу всю ночь и утромъ является домой невыспавшійся,—это и себѣ въ тягость, да и другимъ глядѣть непріятно, и убитый при этомъ глухарь или тетеревъ не измѣняетъ сути дѣла; подобнаго рода охоты хороши больше по воспоминаніямъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Доказывать красоту зари утренней передъ вечерней трудъ тоже совершенно напрасный: обѣ зари хороши одинаково, но вечерняя

лучше, какъ переходъ къ ночи, а не къ прозаическому дню, полному всякихъ заботъ; поэтому на мой взглядъ—вечерняя заря что дальше, то лучше, а утренняя — чѣмъ дальше, тѣмъ хуже! Это вопросъ не однихъ личныхъ вкусовъ. Когда же какъ не весной бываютъ и сильные утренники; весенній же вечеръ почти всегда теплѣе, а въ птичьей любви великое значеніе имѣетъ и одинъ лишній градусъ по Реомюру, а въ это время можно ручаться за разницу до 5 градусовъ, что имѣетъ огромное значеніе въ виду вообще низкой температуры весенней ночи; часто бываетъ, что съ вечера при + 5 градусахъ Р. глухари поютъ дивно, а утромъ молчатъ, потому что термометръ уже стоитъ на 0, если не на минусѣ... *). Конечно, эти соображенія (о холодныхъ утренникахъ) могутъ имѣть и мѣстное значеніе, присущее одному изъ центральныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, гдѣ я охочусь и про который и пишу, но не думаю, чтобы это же условіе не было отчасти и общимъ для большинства центральныхъ губерній Россіи. Во всякомъ случаѣ лично для меня въ нашей мѣстности вечернія охоты на токахъ и по своимъ трофеямъ не хуже утреннихъ, и съ этимъ нельзя не считаться, какъ съ результатомъ окончательнымъ.

Средина марта... Первый результатъ весны—таянье снѣга и накапливанье подснѣжной воды. Дороги начинаютъ проваливаться, повсюду образуются глубокія зажоры; первый дождикъ въ оттепель и сообщеніе прерывается, оставаясь условнымъ только на большихъ постоянныхъ трактахъ. Добраться до лѣсу по полевой дорогѣ если и возможно, то съ опасностью жизни не для себя, такъ для лошади. Житель деревни въ это время не пытается проникнуть на токовище — эта идея была бы почти безумной и возможной только въ сильные заморозки, но тогда и на току дѣлать нечего. Къ концу мѣсяца солнце пригрѣваетъ сильно, въ полѣ уже появились проталины, овраги тронулись и зашумѣли, прилетѣли скворцы. Въ книгахъ пишутъ, что въ это время начался настоящій глухариный токъ... Весьма вѣроятно, но прослѣдить это на практикѣ въ нашей мѣстности невозможно за отсутствіемъ сообщенія съ лѣсомъ. Прошла еще недѣля, и если весна дружная, то воды значительно убавилось, снѣгъ потаялъ и осѣлъ настолько, что кое-какъ пожалуй до лѣсу и можно бы добраться, но въ лѣсу пока все покрыто бѣлымъ сава-

*) А развѣ не вечеромъ же чирковый селезень гоняется за уточкой по лѣснымъ разливамъ, развѣ не вечеромъ токуетъ бекасъ? Развѣ вечеромъ не танцуетъ журавль!

номъ; лѣсные же овраги и болота посинѣли и распухли отъ воды и перебраться черезъ нихъ нѣтъ ни малѣйшей возможности, а какой же глухариный токъ, хотя бы и очень близкій къ опушкѣ, не находится за однимъ или двумя оврагами!.. Въ такое время можно проникнуть развѣ только на тетеревиный токъ, находящійся въ открытой, возвышенной мѣстности; серьезнымъ препятствіемъ служатъ только низины и овраги, но они теперь имѣютъ не тотъ видъ, что лѣсные: снѣжный сугробъ тянется только по склону, и область снѣга отдѣлилась отъ области воды; борьба при переправѣ значительно упрощается отъ этого разграниченія препятствій; другое дѣло въ лѣсу, гдѣ вода и снѣгъ стоятъ въ оврагахъ еще синіе и неподвижные, угрожая своей неизвѣданной глубиной.

Въ теплые дни первыхъ чиселъ апрѣля тетеревиный токъ въ 5 часовъ вечера уже начался, а въ шестомъ онъ бурлитъ какъ вода въ паровомъ котлѣ; чтобъ застать его вначалѣ, надо прибыть на мѣсто къ 4 часамъ въ готовый шалашъ, а если шалаша еще нѣтъ, то и къ 3. Токовище находится на чистомъ отъ снѣга пригоркѣ *) и къ нему слетаются косачи изъ ближайшихъ окрестныхъ лѣсовъ. «Каждая зимняя стая имѣетъ свое токовище»,—говоритъ книга; да, но только вѣроятно не въ то время, когда сухой пригорокъ чернѣетъ одинъ среди большихъ лѣсовъ, спускающихся по склонамъ рѣчныхъ долинъ, покрытыхъ еще снѣгомъ... Всѣ стаи собираются къ сухому пригорку и среди этихъ стай изрѣдка виднѣются крупные межняки, въ $1^1/_2$ раза превосходящіе своей величиной обыкновеннаго косача тетерева. Въ другое время ихъ здѣсь, пожалуй, и не увидишь. На току стоитъ стонъ, какъ отъ ливня по крышѣ, и стонъ этотъ привлекаетъ къ себѣ все новыя и новыя дальнія стаи. Не посѣтить въ это время тетеревинаго тока просто грѣшно, а тѣмъ болѣе говорить, что его по росписанію пока и не полагается... Въ это время большихъ прогалинъ случается, что вечерній токъ настолько интенсивно упоренъ, что главный рой дерущихся косачей не разлетается даже при видѣ охотника, и не прекращая битвы, постепенно отступаетъ въ поле. Мнѣ приходилось проходить такъ нѣсколько сотъ саженъ въ направленіи дерущихся косачей, и 40—

*) Мензбиръ пишетъ: „Мѣсто тетеревинаго тока чрезвычайно постоянно... *Исключеніе* лѣсная часть *восточной Сибири*; здѣсь тетерева токуютъ на пашнѣ и почти ежегодно мѣняютъ мѣсто тока, не выходя, впрочемъ, изъ извѣстнаго района“. Буквально тоже „*исключеніе*“ существуетъ и въ нашей мѣстности *Нижег. губерніи*.

50-саженное разстояніе до нихъ не увеличивалось и не сокращалось, и только стая рѣдѣла постепенно, пока не оставалось въ ней десятка 1½ самыхъ отчаянныхъ драчуновъ, продолжавшихъ упорно свою возню впереди охотника за разстояніемъ лучшаго дальняго выстрѣла...

Половина апрѣля... Прогалинъ въ полѣ больше, чѣмъ снѣга; тетеревиные тока распадаются по отдѣльнымъ прогалинамъ и дальнимъ стаямъ, имѣющимъ теперь свои близкіе сухіе тока; нѣтъ резона являться на первое центральное токовище, которое оставляютъ за собой только мѣстные тетерева изъ ближайшихъ мелочей, опушекъ и овраговъ. Въ лѣсу въ это время начинаютъ образовываться проталины, лѣсные овраги прорываются и долго накоплявшаяся въ нихъ вода съ грохотомъ несется къ опушкѣ, увлекая за собой сушнякъ и деревья. Появляется вальдшнепъ и начинается тяга. Весна быстро идетъ впередъ и въ лѣсныхъ оврагахъ область воды постепенно отдѣляется отъ области снѣга; теперь уже не трудно добраться и до глухаринаго царства, гдѣ вечерній токъ уже въ полномъ разгарѣ. Въ 7 часовъ тамъ начинается слетъ, а въ 8½ начинается пѣсня, оканчивающаяся къ 10. Тяга въ это время начинается около 8 и ослабѣваетъ къ 9. Тетеревиный токъ кончается къ 7. Такимъ образомъ, передъ вами слѣдующее мѣстное росписаніе вечернихъ занятій:

отъ	5	до	7	веч.	тетеревиный токъ.
»	7	»	8	»	глухариный слетъ.
»	8	»	9	»	тяга вальдшнеповъ.
»	8½	»	10	»	глухариная пѣснь.

Если тетеревиный токъ, какъ это у насъ и есть, очень близокъ къ лѣсной опушкѣ, а глухариный въ лѣсу не далекъ отъ нея, вальдшнепъ же, какъ пролетный, тянетъ первое время вездѣ одинаково хорошо, то вы имѣете возможность отлично и разнообразно отъ обѣда до ужина проводить время внѣ усадьбы, налегая то на тетеревиные тока, то на глухариные, то на тягу, или на то и на другое вмѣстѣ, въ зависимости отъ условій погоды и личныхъ соображеній. Здѣсь же прилагаю двѣ иллюстраціи тока и тяги.

I.

Тетеревиный вечерній токъ.

Чудная панорама открывается къ югу съ высокаго открытаго перевала. Постепенно понижающійся широкій долъ переходитъ да-

леко на горизонтѣ въ рѣчную долину, за которой виднѣются дватри села, подернутыя сизой дымкой тумана. Слѣва верстахъ въ 4 чернѣетъ, какъ темная туча, высокій смѣшанный лѣсъ, уходящій вдаль къ тому же синѣющему горизонту; ближе къ долу онъ протянулъ отъ себя, какъ исполинскіе пальцы, зигзаги мелкихъ порослей, которыми покрыты приближающіеся сюда же глухіе овраги. Кое-гдѣ по этимъ оврагамъ видны одиночныя деревья и длинные шесты съ надѣтыми на нихъ, какъ скворешницы, лошадиными черепами; это — заброшенные пчельники. Не наше дѣло рѣшать вопросъ, зачѣмъ понадобилась пчеляку такая странная эмблема, мы только свидѣтельствуемъ, что эти черепа такъ схожи издали съ силуэтами тетеревей, что невольно подумаешь, что здѣсь кто-то открылъ на нихъ охоту съ чучелами.

Справа всего въ верстѣ или ближе бѣлой стѣной стоитъ березовый лѣсъ, который, начинаясь въ тылу перевала, переходитъ черезъ него и спускается въ долъ, откуда видны только его темныя верхушки. Задняя сторона ландшафта, обращенная къ сѣверу, представляетъ обширную порубь, поднявшуюся въ ростъ человѣка; опушка этой поросли неправильными линіями и углами подходитъ къ самому перевалу, какъ бы желая заглянуть съ него въ широкій долъ, спускающійся такъ красиво къ югу.

Съ военной точки зрѣнія это отличная позиція для отряда: въ центрѣ перевала, на мѣстѣ самаго токовища, не дурно бы вскопать какой-нибудь «Гривицкій редутъ», по бокамъ его выставить двѣ-три батареи; къ долу впередъ по загибамъ овраговъ разсыпать стрѣлковъ до ближайшаго лѣса, а сзади въ поросляхъ скрыть значительные резервы... Непріятель, наступающій съ юга отъ рѣчной долины, наткнулся бы здѣсь на очень крѣпкую позицію, отличающуюся великолѣпнымъ обстрѣломъ... Въ мирное же время здѣсь на перевалѣ собирается обыкновенно обширный тетеревиный токъ. Первыми главными его зачинщиками являются, конечно, мѣстные косачи, скрывающіеся въ заднихъ поросляхъ, ближайшемъ березовомъ лѣсу и оврагахъ дола. Они сыздавна считаютъ эту боевую позицію своей собственностью, собираясь на ней ранней весной для воинскихъ экзерцицій. Благодаря чрезвычайному шуму и открытымъ перелетамъ у самаго, такъ сказать, «ключа позиціи», они привлекаютъ на себя вниманіе партизанскихъ тетеревиныхъ отрядовъ изъ окрестныхъ рощъ и мелочей и даже изъ дальняго лѣса, по зигзаго-

образной опушкѣ котораго были разсыпаемы весенніе пикеты косачей, которые не могли въ свою очередь оставаться равнодушными зрителями затѣваемаго сборища, въ то время, какъ ихъ собственные лѣса и защиты были еще покрыты снѣгомъ.

Солнце замѣтно спустилось къ западу; со всѣхъ концовъ лѣса и порубей несется тетеревиное бормотанье. Вотъ на одномъ изъ шестовъ пчельника неожиданно выросла фигура тетерева; издали его бы не отличить отъ повѣшенной лошадиной головы, еслибъ по деревамъ не выростали все новые и новые темные силуэты. Вотъ одинъ изъ косачей, сидящій особнякомъ на березѣ, застучалъ крыльями и плавнымъ полетомъ опустился на пригорокъ, по которому щеткой стоитъ прошлогоднее ржанище. Высоко поднявъ голову, онъ оглядѣлся по сторонамъ и, довольный осмотромъ, низко пригнулся къ землѣ и съ усиліемъ выполнилъ первое вызывающее «чуфъ-фышъ!» которое пронеслось по ржанищу, мелочамъ и оврагамъ и замерло у опушки лѣса. Несмолкаемое бормотанье несется ему въ отвѣтъ со всѣхъ концовъ, но вдругъ сзади косача совсѣмъ близко изъ-подъ кустовъ у прогалины раздается сильное отвѣтное «чуфъ-фышъ!» Этотъ неожиданный откликъ издалъ чернецъ, совершенно незамѣтно пѣшкомъ забравшійся поближе къ току. Косачъ со ржанища, опустивъ голову, показываетъ бѣлое подхвостье и начинаетъ сердито бормотать, но вскорѣ прерываетъ это занятіе и, подвзлетывая на мѣстѣ, лицомъ къ противнику, вызываетъ его на бой. Ему отвѣчаютъ тѣмъ же...

«Чуфъ-фышъ!.. чуфъ-фу-у-у!..»

— Чуф-фышъ!—и невидимый до сихъ поръ противникъ вдругъ съ шумомъ выпархиваетъ на прогалину. Между тѣмъ два-три косача съ ближайшей опушки уже летятъ сюда же и, опустившись на жнивье, замираютъ на немъ нѣсколько секундъ съ распущенными крыльями, затѣмъ быстро оправляются и начинаютъ сосредоточенное бормотанье. Нѣсколько минутъ всѣ пятеро, показывая ослѣпительныя подхвостья, усиленно пробуютъ свой голосъ въ однообразномъ мотивѣ, который забывается слушателемъ тотчасъ по его прекращеніи, несмотря на всю его незатѣйливость. Невольно перебирая въ своей памяти соотвѣтствующіе знакомые мотивы, вы не запомните его до тѣхъ поръ, пока случайно не промурлычите себѣ подъ носъ извѣстной опереточной аріи изъ «Орфея въ аду»: «Когда я былъ аркадскимъ принцемъ»... Начало тетеревинаго бормотанья

построено какъ разъ на мотивѣ первыхъ трехъ словъ этого напѣва «когда я бы-ы-лъ...» никогда впрочемъ не доходя до самаго «аркадскаго принца» — при чемъ послѣднее «бы-ы-лъ» тянется очень долго, чтобъ потомъ опять взять сначала «когда я-бы-лъ...» и т. д., обрываясь передъ «аркадскимъ принцемъ»—такъ что въ тетеревиномъ бормотаньѣ всегда слышится что-то недосказанное *). Чѣмъ больше слетается на ржанище чернышей, тѣмъ отчаяннѣе становится бормотанье. Темпъ «когда я былъ...» настолько смѣшивается въ общій стонъ, что перестаетъ быть сравнимымъ съ пѣсней, и ему можно искать аналогію только въ стихійной силѣ: это не то бурленіе и клокотаніе пара въ котлѣ, не то стонъ осенняго вѣтра въ трубѣ, не то бой ливня по крышѣ и меньше всего это барабанный бой, о которомъ говорятъ при этомъ въ литературѣ; для сравненія онъ слишкомъ рѣзокъ и громокъ; развѣ если оговориться — *очень далекій* барабанный бой — тогда пожалуй, но... вѣдь барабанщики бываютъ разные и такую бурную и вмѣстѣ съ тѣмъ мелодическую дробь могъ бы выбить развѣ только солистъ-барабанщикъ Его Величества Императора германскаго!..

Быстрое движеніе центральныхъ въ бою косачей очень мало въ это время походитъ на движеніе живыхъ существъ, это какіе-то фантомы; двигаться такъ *плавно* («чтобъ не дрогнулъ султанъ!») не могли бы лучшіе изъ пѣхотныхъ ординарцевъ временъ Аракчеева, ни тѣмъ менѣе хороводныя дѣвицы, павами плывущія съ платочкомъ; такого совершенства движенія могутъ достигать только лучшія заводныя игрушки. Чѣмъ оживленнѣе и бойчѣе этотъ плавный танецъ центральныхъ косачей, тѣмъ упорнѣе и настойчивѣе аккомпаниментъ бормотанья ихъ окружающихъ, и тѣмъ чаще и многочисленнѣе вылеты на позицію новыхъ и новыхъ особей и отрядовъ, между которыми уже виднѣются крупные межняки, которые могутъ являться сюда только изъ дальняго лѣса.

Но солнце быстро опускается къ горизонту и вечернія тѣни уже ползутъ отъ лѣса. Косачи постепенно затихаютъ, разбиваются въ группы, нѣкоторые разлетаются по сторонамъ, нѣкоторые расходятся пѣшечкомъ и направляются къ ближайшимъ оврагамъ и

---

*) Что же касается призывнаго или вызывающаго „чуфъ-фышъ, чуф-фу“, то на концѣ первой фразы звукъ ш настолько звученъ и выразителенъ, что я не могу примириться съ литературнымъ его названіемъ чуфыканья или чуфысканья за пропускомъ основного звука *ш*.

мелочамъ; кое-кто мирно подбираетъ зернышки, не забывая впрочемъ объ отступленіи, и только немногіе самые отчаянные и неугомонные не желаютъ оставлять своихъ позицій, но по пословицѣ— одинъ въ полѣ не воинъ—усмиряются и они. Къ закату солнца всѣ ближайшія опушки кишатъ косачами и долго еще они даютъ о себѣ знать нескончаемымъ бормотаньемъ вокругъ токовища. Это цѣлая армія на бивуакахъ, расположившаяся на ночлегъ въ боевомъ порядкѣ; завтра — едва забрежжетъ и вся она будетъ въ сборѣ по первому вызову. Не ожидая полнаго окончанія тока, который, вѣроятно, разлетится еще раньше отъ вашихъ выстрѣловъ, вы оставляете шалашку и направляетесь въ ближайшій лѣсъ навстрѣчу вечернимъ тѣнямъ, ибо черезъ какія-нибудь полчаса, много часъ — уже потянетъ вальдшнепъ.

II.

Тяга вальдшнеповъ и глухариная пѣснь.

У опушки лѣса вы вступаете въ высокій густой березнякъ; изъ него со всѣхъ сторонъ несется на тему «когда я былъ...» бормотанье и мелодичное «урканье» разлетѣвшихся съ токовища косачей. Не обращая больше вниманія на эту нескончаемую болтовню, вы углубляетесь дальше въ лѣсъ. По полянамъ среди березъ безпрестанно попадаются безчисленныя золотистыя кучки помета,—слѣды зимняго проживанія тетеревей въ норахъ. Быстро минуя однообразный березнякъ, вы переходите первый лѣсной оврагъ, въ которомъ журчитъ ручей; на сѣверномъ склонѣ оврага лежитъ еще толстый слой снѣга, но когда нога ступаетъ въ него, онъ разсыпается какъ бисеръ и ноги остаются сухими. За оврагомъ начинается болѣе крупный смѣшанный лѣсъ—здѣсь попадаются хорошія мѣстечки для ожиданія тяги, но хочется забраться еще подальше и поближе къ глухариному току; щебетаніе мелкихъ птичекъ доказываетъ, что на это еще есть время. Вотъ, наконецъ, второй лѣсной оврагъ, болѣе глухой, чѣмъ первый, на склонѣ его, поросшемъ осиной, между развилокъ стоитъ темная старая сосна съ объѣденной верхушкой; подъ сосной видны цѣлыя залежи глухаринаго помета, накопленнаго за зиму. Дальше вдоль высокаго осинника пойдетъ рядъ сѣнокосныхъ полянъ съ огромными одиночными дубами, на которыхъ любятъ пѣть глухари. Не доходя до нихъ, охотникъ останавливается

у развилокъ оврага, гдѣ пересѣкаетъ его лѣсная дорога и гдѣ лѣсная поросль спускается ниже окружающихъ ее старыхъ деревьевъ.

Отсюда видно и направленіе оврага и дороги, вальдшнепа можно стрѣлять одинаково хорошо въ нѣсколькихъ направленіяхъ. На часахъ—8. Большинство лѣсныхъ птичекъ уже угомонились; гдѣ-то недалеко по оврагу прокурлыкали журавли; за высокимъ осинникомъ прогремѣлъ глухарь... еще и еще... слышно, что онъ засѣлъ недалеко. Раздается послѣднее курлыканье журавля и все смолкаетъ; слышится только тихое журчаніе ручья на днѣ оврага да попискиванье мыши. Черезъ минуту до слуха доносится первое хорканье вальдшнепа, а вотъ онъ и самъ, опустивъ носъ книзу, мѣрно помахивая тупыми крыльями, проносится надъ лѣсомъ. Послѣ далекаго выстрѣла вальдшнепъ козыряетъ и, не прерывая хорканья, скрывается за верхушками деревьевъ. Еще нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія и новое хорканье слышится въ томъ же направленіи; видно, какъ вальдшнепъ далеко пролетѣлъ черезъ оврагъ внѣ выстрѣла... «Почему это они сегодня не тянутъ вдоль оврага?».. Хорканье слышится гдѣ-то сзади... еще—хорканье гдѣ-то сбоку... оно приближается и вальдшнепъ вдругъ появляется надъ самой поляной. Быстро вскидывается ружье, вальдшнепъ бросается въ сторону, но поздно: въ моментъ самого поворота онъ уже въ воздухѣ обращается въ трупъ. Гулко раздается по лѣсу эхо выстрѣла и надъ поляной вьется одинокое свѣтлое перышко, тихо спиралью спускающееся внизъ за убитымъ вальдшнепомъ.

Хорканье слышится все чаще и чаще. На слуху пролетаютъ сразу нѣсколько вальдшнеповъ и вы теряетесь на мгновенье, не зная, въ какую сторону обернуться... Еще 2—3 торопливые выстрѣла и тяга какъ бы вдругъ обрывается. Въ лѣсу становится настолько темно, что вы не нуждаясь болѣе въ прикрытіи, выходите на самую середину поляны.

На часахъ около 9; на небѣ слабо вырисовывается узкій серпъ луны. По оврагу проносится громкое квохтанье обезпокоенной чѣмъ-то глухарки, ей вторитъ гдѣ-то другая и совсѣмъ уже близко отъ васъ слышится прерывистый, но явственный шорохъ листа... Вы отходите отъ оврага, и прислушиваясь, медленно ступаете въ направленіи столѣтнихъ дубовъ, откуда слышались поздніе перелеты глухаря. Влажный листъ подъ ногами, какъ коверъ, заглушаетъ и безъ того осторожные шаги... Рѣдко, рѣдко въ сторонѣ прохоркаетъ

пролетающій вальдшнепъ... Вы напряженно вслушиваетесь и вотъ наконецъ улавливаете тихое глухариное точенье; оно несется съ темной поляны точно пѣснь влюбленнаго воробушка, и вы его не услышали бы, если бы не дивная тишина совершенно заснувшаго лѣса... Изрѣдка подъ ногой хруснетъ вѣточка, а пѣсня слышится все явственнѣе и отчетливѣе. Вы начинаете подскакивать подъ пѣсню... Въ лѣсу уже нѣтъ красокъ и только видны черные абрисы деревьевъ на блѣдномъ экранѣ почти потухшей зари. Добравшись до поляны, вы прижимаетесь къ толстому стволу столѣтняго дуба и высматриваете по сторонамъ пѣвца... Вотъ онъ въ 30 шагахъ на черной суковатой вѣтви огромнаго голаго дуба застылъ въ неподвижной вызывающей позѣ, полной силъ и энергіи. Онъ стоитъ къ вамъ въ профиль. Голова его на раздувшейся шеѣ и широкій распущенный хвостъ подняты кверху, крылья припущены книзу, но настолько, что изъ-подъ нихъ видны его крѣпкія стройныя ноги, разставленныя почти подъ тупымъ угломъ... Черный силуэтъ грозенъ и неподвиженъ; пѣтухъ прислушивается. Вдругъ сбоку раздается какое-то взвизгивающее похрюкиванье и вальдшнепъ съ циканьемъ козыряетъ подъ самымъ носомъ глухаря. Вы вздрагиваете въ ожиданіи, что пѣтухъ зашумитъ крыльями, но онъ только слегка повелъ головой и тотчасъ же жарко заточилъ... Вы поднимаете ружье, но какъ не хочется опускать курокъ! Не прослушать ли еще хоть одну пѣсню, вѣдь все равно онъ теперь не уйдетъ... Но лѣсъ неожиданно оглашается громкимъ завываніемъ филина, которое разносится повсюду, какъ гулъ паровоза, — глухарь быстро мѣняетъ позу и испуганно подбираетъ свою распущенную бороду... и вмѣстѣ съ звукомъ выстрѣла грузно падаетъ на влажную землю.

Надъ ближайшимъ осинникомъ снова слышно хорканье и циканье; пара вальдшнеповъ шмыгаетъ между дубами, какъ летучія мыши, гоняясь другъ за дружкой... Вы подходите къ убитому глухарю и поднимаете его за шею... Батюшки, до чего она горяча! Вы привозите глухаря домой и, ощупывая его, начинаете понимать судебное выраженіе «еще теплаго трупа». Убитый глухарь остываетъ крайне медленно и это наводитъ на васъ непріятныя размышленія, которыя постепенно улетучиваются во время ужина...

Азіатъ.

Декабрьская охота на медвѣдей въ гостяхъ у князя Андрея Александровича Ширинскаго-Шихматова.

Въ декабрѣ прошлаго года, воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ князя А. А. Ширинскаго-Шихматова, я охотно поспѣшилъ въ Москву, чтобы еще разъ имѣть случай посмотрѣть на поучительную организацію его медвѣжьихъ охотъ. Въ Москвѣ я присоединился еще къ двумъ охотникамъ В. С. Г. и В. А. Ф. и въ этомъ составѣ, въ четверомъ, мы отправились въ Тверскую губернію, гдѣ все уже было подготовлено къ предстоящей охотѣ. Имѣя въ распоряженіи три оклада, при чемъ въ одномъ изъ нихъ была медвѣдица самъ-другъ, нашъ любезный хозяинъ охоты еще до отъѣзда изъ Москвы высказалъ сожалѣніе, что, не располагая въ настоящее время бо̀льшимъ количествомъ медвѣдей, можетъ предоставить каждому изъ насъ лишь только по одному звѣрю.

На другой день къ утру мы были уже на окладѣ, который представлялъ изъ себя совершенно однообразную чащу мелкаго, какъ щетка, прутняка. Пята, какъ это часто встрѣчается, была указана окладчикомъ неправильно, такъ какъ послѣдній преспокойно спуталъ ее съ обыкновенною петлею и лишь при повѣркѣ оклада была установлена княземъ Андреемъ Александровичемъ. Форма оклада была далеко нежелательною, такъ какъ тропа его, извиваясь зигзагами, образовывала много входящихъ и выходящихъ угловъ, обрѣзать которые, при вышесказанномъ характерѣ лѣса, представлялось опаснымъ, такъ какъ мѣстами облава въ этихъ обрѣзахъ должна была бы стоять въ сплошной, какъ щетина, чащѣ. Вѣтеръ дулъ прямо съ пяты. Все это, вмѣстѣ взятое, не помѣшало однако нашему хозяину охоты быстро оріентироваться и назначить номера, при чемъ первымъ сталъ В. А. Ф., вторымъ В. С. Г., третьимъ я, а на четвертомъ сталъ

князь. Всѣ номера были разставлены лѣвѣе пяты, послѣ перваго поворота отъ нея, благодаря чему вѣтеръ, по отношенію къ номерамъ, сталъ боковымъ. *Пята смотрѣла на сѣверъ.*

Гонъ начался. Нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія и на душѣ уже зарождается сомнѣніе—не пустой ли окладъ, не прорвался ли уже звѣрь? Еще минута... и въ прутнякѣ обрисовалась туша медвѣдя, тихо идущаго на номеръ Владиміра Сергѣевича. Я, на всякій случай, поднимаю штуперъ и этого движенія было достаточно, чтобы обратить на себя вниманіе звѣря. Медвѣдь остановился, пристально поглядѣлъ на меня и, быстро повернувъ полнымъ галопомъ, пошелъ обратно въ окладъ; но на наше счастье не надолго—не прошло и 3-хъ минутъ, какъ онъ снова, значительно сбавивъ ходу, вышелъ на номеръ моего сосѣда, гдѣ и сложилъ свою мохнатую голову.

Я благодарилъ судьбу и медвѣдя, что мнѣ не пришлось быть причиной испорченной охоты. Подобная настойчивость со стороны медвѣдя ясно указываетъ на то, *что ходъ его былъ дѣйствительнымъ лазомъ*, которымъ онъ дважды пытался пробраться въ точку, имъ намѣченную. Крыловые, вмѣстѣ съ номерами, занимали линію не менѣе 200 саженъ и, несмотря на это, звѣрь никуда не просился, кромѣ номера, на которомъ и былъ убитъ.

Слѣдующій затѣмъ день былъ посвященъ переѣзду къ другому окладу, лежавшему при деревнѣ Заболотье, въ которой мы, съ особеннымъ удовольствіемъ и интересомъ выслушали докладъ окладчика нашему распорядителю.

Изъ этого оклада я лично вынесъ впечатлѣніе, какъ осторожно нужно относиться къ повѣствованію окладчиковъ, или, что еще важнѣе, какъ необходимо относиться къ нимъ критически. Часто вечеромъ, наканунѣ охоты, окладчикъ рисуетъ и утверждаетъ одно, утромъ въ избѣ—другое, а на окладѣ оказывается—третье. Петли и пята путаются ими удивительно и разобраться въ этомъ хаосѣ возможно, лишь обладая вѣскими знаніями, большимъ опытомъ и вообще умѣніемъ понимать нашего крестьянина,—отбирая истину отъ вымысла. Но распорядитель нашъ, видимо, давно уже сжился съ особенностями нашихъ окладчиковъ и быстро разобрался въ путанномъ, не хуже медвѣжьихъ петель, докладѣ. Пята была установлена, общій планъ намѣченъ и мы могли спокойно лечь спать на цѣлыя горы прекраснаго сѣна.

Въ окладѣ была крупная медвѣдица съ лончакомъ, которая и была убита княземъ Андреемъ Александровичемъ лихимъ выстрѣломъ въ ухо, а лончакъ—его сосѣдомъ, Василіемъ Александровичемъ.

Съ удовольствіемъ отмѣчаю, *что медвѣдица вышла заранѣе указаннымъ мѣстомъ, какъ по шнуру, нигдѣ не притыкаясь къ облавѣ*, а лончакъ, какъ это отмѣчено въ книгѣ князя «По медвѣжьимъ слѣдамъ«, скоро за матерью, придерживаясь строго ея слѣдовъ. Мать и сынъ сложили свои головы въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга.

На слѣдующій день, третій окладъ былъ при деревнѣ Лямцино. Медвѣдица, лежавшая въ этомъ окладѣ, была предназначена для меня. Нашъ милѣйшій сотоварищъ В. А. уже наканунѣ подшучивалъ надо мною, спрашивая, въ который глазъ я буду стрѣлять завтра: въ правый, или лѣвый? Я же, ни на минуту не сомнѣваясь, что звѣрь завтра будетъ у меня на номерѣ,—вѣрнѣйшимъ залогомъ чего служила удивительная безошибочность распоряженій князя Андрея Александровича,—тѣмъ не менѣе не считалъ возможнымъ отвѣтить что-нибудь положительное, такъ какъ пуля всегда легко можетъ пройти не только мимо глаза, но и мимо головы... Предстоящій окладъ на 75 человѣкъ загонщиковъ представлялъ изъ себя совершенно чистую отъ лѣса площадь, почти сплошь заваленную однимъ буреломомъ, при чемъ вся лѣвая сторона отъ пяты, какъ равно и за пятою внѣ оклада, была также почти оголѣна и лишь отдѣльныя куртины уходили въ даль, переходя въ концѣ болота въ сплошной лѣсъ. Юго-западный вѣтеръ, а также вышеописанная мѣстность внѣ оклада не давала возможности помѣстить номера ни на пятѣ, ни лѣвѣе ея, почему князь Андрей Александровичъ размѣстилъ насъ въ такомъ порядкѣ, что въ шагахъ 70-ти отъ пяты занялъ номеръ В. А., за нимъ сталъ самъ въ 40 шагахъ отъ перваго и, наконецъ, третій номеръ мой лежалъ еще дальше, приблизительно на такомъ же разстояніи отъ второго.

Я сталъ на указанное мнѣ мѣсто. Началась разстановка крыловыхъ и, хотя народъ еще не былъ заведенъ,—я хотѣлъ приготовиться и зарядить штуцера. Протянувъ руку къ ружью, я невольно окинулъ глазомъ простиравшійся передо мною почти чистый отъ лѣса окладъ и съ изумленіемъ увидѣлъ шагахъ въ 150-ти передъ собою медвѣдя, легко переваливающагося черезъ нагроможденныя колоды. Медвѣдь шелъ легкимъ ходомъ прямо мнѣ на штыкъ.

Крика еще не было, а слѣдовательно, направленіе его хода было естественное—непринужденное и притомъ замѣчательно вѣрно заранѣе опредѣленное нашимъ распорядителемъ. Не желая лишними движеніями обнаружить свое присутствіе, я успѣлъ зарядить лишь одинъ штуцеръ и сталъ напускать на себя звѣря, восхищаясь идеально намѣченнымъ номеромъ.

Здѣсь вѣдь не было: *ни псковичей, ни флачковъ, не было крика загонщиковъ и звѣрь шелъ свободно, своимъ ходомъ—прямолинейно, по избранному имъ направленію.*

Когда звѣрь прошелъ уже болѣе полудороги, лѣвое крыло только что разставляемыхъ загонщиковъ, благодаря чистотѣ оклада, замѣтило тоже звѣря и подняло неистовый крикъ, *который, однако, не произвелъ никакихъ измѣненій въ направленіи медвѣжьяго хода,*—онъ лишь ускорилъ бѣгъ и подкатилъ ко мнѣ на 10 шаговъ. Выстрѣлъ... и маленькое отверстіе между глазъ окончило и эту охоту.

Безошибочно выбранный номеръ еще разъ подтвердилъ важность правильнаго опредѣленія лаза звѣря и заставилъ насъ съ энтузіазмомъ обнять князя Андрея Александровича.

Это и былъ тотъ интересующій меня гвоздь медвѣжьей охоты, который на охотахъ князя Андрея Александровича мнѣ приходилось наблюдать *уже въ восьмой разъ*, и чѣмъ дальше—тѣмъ больше гвоздь этотъ становится для меня непонятнымъ.

На возвратномъ пути въ Бологое была получена телеграмма и мы вновь, неожиданно, повернули еще на одинъ окладъ. Не желая повторяться, не стану описывать этого послѣдняго оклада. Скажу лишь, что, какъ и въ предшествовавшихъ охотахъ, *медвѣдь былъ выставленъ мнѣ прямо въ ноги и сложилъ свою голову...*

Въ прошломъ году, вспоминая въ «Охотничьей Газетѣ» о нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ у князя А. А. Ширинскаго-Шихматова, я, между прочимъ, затронулъ нѣсколько вопросовъ, глубоко интересовавшихъ меня. Всѣ они сводились къ желанію узнать, можно ли, пользуясь извѣстными данными, точно предугадать направленіе *истиннаго, непринужденнаго* хода медвѣдя, по поднятіи его изъ берлоги. Вопросъ этотъ далеко не новый; его задаетъ себѣ каждый окладчикъ, желающій выставить звѣря на лицо, купившее у него медвѣдя, каждый распорядитель охоты, выбирающій номеръ на однообразной тропѣ оклада; наконецъ, каждый крыловой и даже загонщикъ поневолѣ всегда интересуется вопросомъ, куда пойдетъ мед-

вѣдь? Отвѣты на эти вопросы, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ крайне разнообразны, часто только гадательны. Даже опытные окладчики и тѣ знаютъ только одинъ законъ—гнать звѣря на пяту, такъ какъ пріемъ этотъ часто приводитъ къ желаннымъ результатамъ; но какъ опредѣлить настоящую пяту, когда эта послѣдняя, какъ я убѣдился на опытѣ и примѣрахъ, очень часто бываетъ скрыта, находясь, такъ сказать, *внутри оклада*,—большинство и по сей день не знаетъ, называя часто пятой любой слѣдъ, ведущій въ окладъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда пята скрыта, т.-е. когда медвѣдь поворачиваетъ къ сѣверу въ окладѣ,—окладчикъ, помимо желанія, можетъ поставить охотника на сторонѣ оклада, противоположной настоящему ходу звѣря, и этимъ заставить медвѣдя либо сразу прорвать цѣпь, либо, при особо дружной и смѣлой облавѣ, путаться по окладу до тѣхъ поръ, пока онъ случайно не наткнется на ружье.

Подобно многимъ собратьямъ и товарищамъ по страсти, направленіе хода звѣря я считалъ вполнѣ зависящимъ отъ правильной работы крикуновъ, ершей и крыловыхъ. Убѣдившись на охотахъ князя Шихматова въ томъ, что сказанная работа есть лишь извѣстная гарантія, и то при очень опытной и стойкой облавѣ, на случай неправильно выбраннаго номера, я горячо заинтересовался совокупностью тѣхъ условій, при которыхъ можно впередъ безошибочно выбрать точку, лежащую на предстоящемъ, повторяю, свободномъ пути поднятаго изъ берлоги звѣря.

Въ прошломъ году я задавался вопросомъ, есть ли это способность легко оріентироваться, при выборѣ номера въ любомъ окладѣ, или это результатъ извѣстныхъ теоретическихъ знаній, или же это въ силу огромнаго опыта, такъ сказать, инстинктивно и какими данными въ томъ, либо другомъ случаѣ руководится охотникъ. Мои сомнѣнія, казалось, были разрѣшены въ самомъ непродолжительномъ времени. Вышелъ въ свѣтъ прекрасный трудъ князя А. А. Ширинскаго-Шихматова «По медвѣжьимъ слѣдамъ»—трудъ, обнимающій собою не только жизнь, нравы и привычки этого звѣря, обнимающій и исчерпывацій не только всѣ вопросы, съ которыми были ознакомлены далеко не всѣ любящіе и интересующіеся этой охотой, но также и такіе вопросы, которые, несомнѣнно, открыли глаза многимъ дѣльнымъ медвѣжатникамъ.

Авторъ этой книги, вовсе не увлекаясь картинными разсказами и повѣствованіями, сумѣлъ въ краткомъ, ясномъ и доступномъ изло-

женіи обнять многіе случаи, которые могутъ встрѣтиться при охотѣ окладомъ, въ догонку и на берлогѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, возвращаясь къ тому же вопросу о выборѣ номера, я долженъ сознаться, что, ознакомившись близко съ трудомъ князя Шихматова, я разрѣшилъ мой вопросъ не окончательно. Въ запискахъ князя Шихматова «По медвѣжьимъ слѣдамъ» очень обстоятельно *изложенъ вопросъ выбора номера.* Выяснены тѣ основные правила и законы, которымъ долженъ подчиняться охотникъ, желающій правильно намѣтить лазъ звѣря; сдѣланы чрезвычайно цѣнныя указанія на зависимость направленія хода отъ частей горизонта; обращено вниманіе на вѣтеръ, топографическія особенности данной мѣстности и проч. Наконецъ, сказано, что *остальное зависитъ отъ опыта и инстинкта охотника.*

Обобщая вышеизложенное, еще разъ подтверждаю, что, побывавъ и въ нынѣшнемъ году на четырехъ окладахъ вмѣстѣ съ кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ и отдавъ все свое вниманіе исключительно лишь вопросу о выборѣ номера, я еще разъ убѣдился, что эти два послѣдніе факторы, то-есть опытъ и инстинктъ, играютъ безусловно громадную роль при опредѣленіи лаза и что знаніе теоріи медвѣжьей охоты, лишь при наличности этихъ двухъ важнѣйшихъ факторовъ, можетъ довести охотника до подобныхъ результатовъ. Мнѣніе мое будетъ болѣе понятно тѣмъ, которые сами охотились много на медвѣдя, такъ какъ лицамъ этимъ хорошо извѣстно, какъ разнообразны бываютъ на нихъ тѣ или другія распоряженія, въ зависимости отъ вѣтра, характера мѣстности и лѣса, повышеній или пониженій почвы, ручьевъ и проч., и проч. Въ силу этихъ особенностей и каждаго изъ оклада не всегда достаточно знать цѣнныя и правдивыя указанія, которыя даетъ авторъ книги «По медвѣжьимъ слѣдамъ»—необходимо имѣть еще нѣчто, что присуще лишь немногимъ, которые, имѣя знанія, не теряютъ опыта и инстинкта. Соединяя всѣ эти факторы, возможно всегда заранѣе быть увѣреннымъ, что охота будетъ проведена съ однимъ прекраснымъ результатомъ.

Примѣчанія. Весь 1-ый окладъ — сплошной мелкій прутнякъ. Берлога помѣщалась на гладкомъ сухомъ бугрѣ. Кое-гдѣ по окладу разбросаны остатки старой вырубки: пни и коряги. Поставить номера на пяту нельзя было изъ-за вѣтра, почему номера поставлены лѣвѣе ея, по западной части оклада. Восточная сторона—широкая проѣзжая просѣка отъ казеннаго лѣса.

Второй окладъ. Окладъ—густая лѣсистая грива. Медвѣдь, войдя, выкинулъ три петли, при чемъ входной слѣдъ петли былъ настоящею пятою. Кошель не представлялось возможнымъ обрѣзать изъ-за близости къ берлогѣ и по своей густотѣ—разставить по которой крыловыхъ было очень трудно и не отвѣчало бы ихъ значенію. Постель—сухое чистое мѣсто.

Третій окладъ. Чистое мѣсто, съ остатками бурелома и незначительною мелкою порослью. Съ концомъ петли совпадаетъ и пята, идущая къ сѣверу. Выходъ къ юго-востоку. Постель около вывороченнаго корня.

Четвертый окладъ. Окладъ—смѣшанный лѣсъ. Обрѣзъ отрѣзанъ до облавы. Пята на сѣверъ. Лѣвѣе и правѣе перваго номера буреломъ и плотная еловая чаща не типичная для хода звѣря. На номеръ 3 нельзя было ждать изъ-за вѣтра. Единственный ходъ и истинный на 2-ой номеръ, гдѣ медвѣдь и былъ убитъ.

Городецкій.

Дѣятельность Забайкальскаго Отдѣла Императорскаго Общества правильной охоты.

Въ отчетномъ году состоялось только двѣ общественныхъ облавы, въ которыхъ участвовало 41 лицо. Было убито: одна коза и 47 зайцевъ.

Облавы производились на арендованныхъ у казаковъ Титовской станицы земляхъ, а именно возлѣ поселковъ Каштакскаго и Карповскаго *).

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть, что въ распоряженіи Отдѣла, кромѣ земель, арендованныхъ у Титовской станицы, безплатно находятся въ пользованіи по праву охоты еще земли г. Читы, но съ тѣмъ, что Отдѣлъ обязанъ черезъ своего егеря охранять городскіе лѣса отъ вырубокъ.

Кромѣ общественныхъ облавъ, члены устраивали облавы небольшими кружками, но и тѣ были безрезультатными, такъ какъ минувшая зима была безснѣжна и дичь совершенно отсутствовала. Охота по перу и на весеннихъ и осеннихъ перелетахъ была очень оживленная, въ особенности на озерѣ Угданѣ, гдѣ ежедневно собиралось большое число охотящихся, и устроенный тамъ домъ, лодки и другія удобства принесли существенную пользу.

Охоты производились по правиламъ, установленнымъ Забайкальскимъ Отдѣломъ, и въ отчетномъ году было два случая нарушенія таковыхъ, за что виновные были лишены права участія въ облавахъ на одинъ годъ.

Вслѣдствіе переноса охотничьяго дома съ собственнаго земель-

*) Земли заарендованы на 5 лѣтъ, начиная съ 1899 г., за плату по 80 рублей въ годъ.

наго участка Отдѣла на выставочное мѣсто, тиръ, находившійся на томъ же участкѣ, временно прекратилъ свое существованіе.

Но дѣятельность Отдѣла въ этомъ отношеніи выразилась въ 1899 году устройствомъ состязательной стрѣльбы пулей, произведенной 13 августа, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отчетнаго года Императорское Общество размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты, по порученію Предсѣдателя комиссіи по устройству Всероссійскихъ испытаній въ стрѣльбѣ пулей въ цѣль, князя Ширинскаго-Шихматова, прислало Забайкальскому Отдѣлу 30 экземпляровъ правилъ названныхъ испытаній, для раздачи членамъ Отдѣла.

Вскорѣ послѣ этого, по приказанію г. командующаго войсками Пріамурскаго военнаго округа, Отдѣлу была прислана записка князя Ширинскаго-Шихматова, поданная имъ г. Военному Министру.

Забайкальскій Отдѣлъ, разсмотрѣвъ правила и записку князя Ширинскаго-Шихматова, призналъ весьма полезнымъ и желательнымъ ежегодно устраивать въ г. Читѣ Забайкальскія испытанія въ стрѣльбѣ пулей и, примѣняясь къ присланнымъ правиламъ и мѣстнымъ условіямъ, выработалъ для производства мѣстной стрѣльбы слѣдующія правила:

1) Состязанія въ стрѣльбѣ пулей на призы устраиваются Совѣтомъ Отдѣла, коимъ и назначаются время и мѣсто состязаній.

2) Ежегодно Совѣтъ Отдѣла учреждаетъ особую комиссію, которая состоитъ изъ трехъ членовъ Отдѣла подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Отдѣла и называется комиссіей по устройству Забайкальскихъ состязаній въ стрѣльбѣ пулей.

3) Предсѣдателемъ комиссіи по устройству состязаній приглашается въ комиссію предсѣдатель отъ военнаго вѣдомства.

4) О назначеніи состязаній оповѣщается въ газетахъ за два мѣсяца до начала, а въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ дѣлается подробное оповѣщеніе чрезъ областныя вѣдомости, станичныя и волостныя правленія той мѣстности, гдѣ будутъ производиться состязанія.

5) Комиссія, устраивая состязанія по заранѣе оповѣщенной во всеобщее свѣдѣніе программѣ, ведетъ отчетъ по нимъ, составляетъ списки стрѣлковъ, выдаетъ медали, поощрительныя награды и проч.

6) Запись на стрѣльбу прекращается за два часа до начала состязанія.

7) Стрѣлки, записавшіеся на состязанія, могутъ въ теченіе двухъ дней, предшествующихъ дню, на который назначено состязаніе, подготовляться къ стрѣльбѣ на призовое состязаніе.

8) Лица, не достигшія 17-тилѣтняго возраста, допускаются къ состязанію не иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ родителей, опекуновъ или попечителей.

9) Къ состязанію не допускаются: а) состоящіе подъ надзоромъ полиціи и б) осужденные за нарушеніе закона объ охотѣ, до исполненія состоявшихся надъ ними судебныхъ приговоровъ.

10) Распорядителями и судьями на призовыхъ состязаніяхъ являются члены комиссіи.

11) Постановленіямъ комиссіи и рѣшенію судей о достоинствахъ стрѣльбы, а равно и всѣмъ требованіямъ комиссіи подчиняются безпрекословно.

12) Споры, громкіе разговоры и проч. на стрѣльбищѣ не дозволяются. Лица, замѣченныя въ несоблюденіи привилъ и распоряженій членовъ комиссіи, удаляются съ стрѣльбища и могутъ быть лишены на время или навсегда права участвовать на состязаніяхъ.

13) Порядокъ производства самой стрѣльбы опредѣляется особыми правилами и сигналами.

14) Количество призовъ (наградъ) опредѣляется совѣтомъ отдѣла.

15) Призы (награды) состоятъ изъ 1) большихъ серебряныхъ медалей, 2) малыхъ серебряныхъ медалей, 3) бронзовыхъ медалей, 4) похвальныхъ отзывовъ, 5) ружей при именныхъ бумагахъ, и другихъ поощрительныхъ наградъ.

16) Кромѣ награжденія медалями и ружьями, комиссія, по своему усмотрѣнію, можетъ выдавать стрѣлкамъ, взявшимъ призъ не выше бронзовой медали—поощрительные призы.

17) Мишени для призовой стрѣльбы бываютъ двухъ родовъ: 1) полная—высотою 2 аршина 8 вершк. и шириною 10 вершк. и 2) мишень — высотою 1 аршинъ 4 вершка и шириною 10 вершковъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ видимаго улучшенія стрѣльбы Комиссіи представляется право уменьшить размѣры мишени.

18) Настоящія правила канцелярія Отдѣла высылаетъ желающимъ за 2-хъ коп. марку.

19) Всякіе справки, запросы и разъясненія по состязаніямъ можно получать въ канцеляріи отдѣла.

Правила забайкальскихъ призовыхъ состязаній стрѣльбы пулей изъ ружей военнаго образца.

20) Состязанія въ стрѣльбѣ пулей производятся преимущественно въ мѣстностяхъ наибольшаго расположенія войскъ при имѣющихся для того приспособленіяхъ.

21) Комиссія въ дни состязаній предоставляетъ пользоваться ружьями военнаго образца стрѣлкамъ, не имѣющимъ своихъ ружей. Патроны оплачиваются по дѣйствительной ихъ стоимости.

22) Никакія приспособленія на планкѣ ружья, для болѣе точнаго выцѣливанія, какъ-то: прорѣзныя круглыя мушки съ волосомъ и струной, стеклами и проч., при стрѣльбѣ на призъ—не допускаются.

23) Стрѣльба изъ ружей военнаго образца, для полученія приза, должна производиться: 1) 5 пуль стоя, не сходя съ мѣста, на д и станцію 200 аршинъ въ полную мишень, 2) 5 пуль съ колѣна, на дистанцію 300 аршинъ въ мишень высотою 1 арш. 4 вершка и шириною 10 вершк. и 3) 5 пуль лежа, на дистанцію 500 аршинъ въ полную мишень.

24) Стрѣльба на двѣ дистанціи оцѣнивается по проценту простого попаданія.

25) Въ случаѣ равенства процентовъ попаданія, назначается перестрѣлка изъ трехъ пуль, стоя, на дистанцію 300 аршинъ въ полную мишень.

26) Для полученія большой серебряной медали стрѣлокъ долженъ попасть всѣми пулями въ мишень на 200, 300 и 500 арш., при соблюденіи общихъ правилъ призовой стрѣльбы. Для полученія малой серебряной медали—стрѣлокъ изъ 15 пуль въ мишень, на тѣ же дистанціи, долженъ попасть 13 пуль; бронзовой медали—12 пуль; почетнаго отзыва—10 и почетныхъ отзывовъ—8.

27) Стрѣлокъ, выигравшій большую серебряную, малую серебряную, бронзовую медали и 1-й почетный отзывъ, получаетъ, кромѣ медалей, ружье военнаго образца съ соотвѣтствующею надписью и значкомъ общества.

Правила забайкальскихъ призовыхъ состязаній стрѣльбы пулей изъ ружей всѣхъ образцовъ кромѣ военнаго.

28) Допускаются къ состязанію изъ ружей разныхъ образцовъ только тѣ лица, ружья которыхъ комиссія признаетъ для стрѣльбы пулей безопасными. Величина заряда опредѣляется комиссіей.

29) Для полученія приза стрѣльба должна производиться не сходя съ мѣста: стоя 5 пуль на дистанію 50 аршинъ и 5 пуль на 100 аршинъ, стоя, въ мишень утвержденнаго образца.

30) Для полученія большой серебряной медали стрѣлокъ долженъ выбить десятью пулями не менѣе 60 балловъ; малой медали—55 балловъ; бронзовой медали—50 балловъ; почетнаго отзыва—40 балловъ.

Примѣчанія: 1) Конкурсная мишень представляетъ изъ себя 6-тивершковый картонный кругъ, размѣченный правильными, отстоящими на равное разстояніе одинъ отъ другого, кругами въ количествѣ шести, включительно съ центромъ, называемымъ «глазомъ» или «яблокомъ».

2) Каждому кругу соотвѣтствуетъ баллъ. Такимъ образомъ яблоко мишени—10, слѣдующій за нимъ первый кругъ—9, второй—8, третій—7 и т. д. Слѣдовательно, при пяти выпускаемыхъ на конкурсахъ пуляхъ наивысшая сумма балловъ можетъ быть 50.

3) Пулѣ, задѣвшей линію какого-нибудь круга, считается и баллъ этого круга.

31) Стрѣлокъ, выигравшій большую серебряную, малую серебряную и бронзовую медали, кромѣ медалей, получаетъ отъ общества ружье военнаго образца съ серебрянымъ жетономъ.

32) При оцѣнкѣ одинаковыхъ результатовъ стрѣльбы принимается во вниманіе калибръ, качество ружья и дистанціи.

Первое состязаніе Забайкальскій Отдѣлъ пріурочилъ ко времени сельскохозяйственной и промышленной выставки въ г. Читѣ и устроилъ 13-го августа, въ присутствіи его превосходительства командующаго войсками Пріамурскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта Гродекова (почетнаго члена отдѣла).

Состязаніе было произведено какъ изъ ружей военнаго образца, такъ и изъ ружей всѣхъ образцовъ, кромѣ военнаго.

На состязанія 13 августа призовъ было назначено четырнадцать. изъ нихъ: 1) 100 руб., присланные командующимъ войсками Пріамурскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантомъ Гродековымъ, 2) золотые часы, пожертвованнные имъ же по прибытіи на мѣсто стрѣльбища;

3) Ружье-дробовикъ, стоящее 500 руб., присланное иниціатoромъ всероссійскихъ испытаній въ стрѣльбѣ пулей, княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ; остальные призы заключались въ серебряныхъ и бронзовыхъ медаляхъ, ружьяхъ и похвальныхъ отзывахъ Отдѣла.

По роду ружей призы были распредѣлены такъ: 1) За стрѣльбу изъ ружей военнаго образца: первый призъ—сто руб. и званіе отличнаго стрѣлка; второй—золотые часы; третій—большая серебряная медаль и винтовка съ серебрянымъ жетономъ; четвертый—малая серебряная медаль и винтовка съ серебрянымъ жетономъ; пятый—бронзовая медаль и винтовка съ такимъ же жетономъ; шестой—почетный отзывъ и винтовка съ жетономъ, и седьмой—почетный отзывъ. За стрѣльбу изъ ружей всѣхъ образцовъ, кромѣ военнаго: первый призъ—ружье въ 500 руб., на второй же призъ назначено то же самое, что на третій призъ для ружей военнаго образца, на третій — что для четвертаго, и такъ далѣе въ этомъ порядкѣ постепенности до шестого приза; на шестой же и седьмой—почетные отзывы.

Желающихъ состязаться явилось 173 человѣка, изъ нихъ: офицеровъ—20, служащихъ и городскихъ жителей—42, мѣщанъ—14 крестьянъ—8, запасныхъ нижнихъ чиновъ—8, казаковъ—32 и нижнихъ чиновъ—49.

Состязаніе началось въ 9 часовъ утра и къ прибытію на мѣсто стрѣльбища къ 10 часамъ ихъ превосходительствъ—начальника края генералъ-лейтенанта Гродекова и начальника области генералъ-майора Маціевскаго—первыя очереди стрѣлковъ уже смѣнились. Прибывшіе были встрѣчены предсѣдателемъ Отдѣла, членами Совѣта и комиссіей по устройству состязаній. Послѣ представленія этихъ лицъ генералъ Гродековъ внимательно осмотрѣлъ результаты стрѣльбы, а затѣмъ наблюдалъ за ходомъ ея около часа. Отбывая съ мѣста стрѣльбища, начальникъ края благодарилъ предсѣдателя Отдѣла и распорядителей стрѣльбы и выразилъ желаніе, чтобы подобныя состязанія устраивались въ будущемъ по возможности ежегодно. При этомъ его превосходительство замѣтилъ, что забайкальскіе стрѣлки стрѣляютъ лучше амурскихъ.

Условій на полученіе перваго и второго призовъ для ружей военнаго образца и перваго—для ружей всѣхъ образцовъ, кромѣ военнаго, изъ состязавшихся никто не выполнилъ отчасти потому, что условія были слишкомъ трудны, а отчасти потому, что явившіеся на состязаніе отнеслись къ нимъ легко и большинство изъ нихъ не подготовилось заранѣе.

Остальные призы были взяты слѣдующими лицами: изъ ружей военнаго образца: хорунжимъ 1-го Нерчинскаго полка Заб. казач.

войска Бочкаревымъ—третій, фельдфебелемъ Читинскаго резервнаго баталіона Пеникъ—четвертый и хорунжимъ 1-го Нерчин. полка Сарычевымъ—пятый, всѣ трое попали по 13 пуль. Изъ ружей всѣхъ образцовъ, кромѣ военнаго, взяты призы: мѣщаниномъ М. М. Арцыбушевымъ—второй (выбилъ 65 балловъ), врачомъ С. А. Курбатовымъ—третій (64 балла), хорунжимъ 1-го Нерчинскаго полка Сарычевымъ—четвертый (63 балла) и дворяниномъ М. Е. Девяшинымъ—пятый (60 балловъ).

При опредѣленіи результатовъ стрѣльбы изъ ружей военнаго образца давалось преимущество тому лицу, у котораго оказалось больше пуль въ мишени на 500-аршинной дистанціи.

Нерчинскому мѣщанину Ефремову, выбившему изъ кремневаго ружья 40 балловъ, т. е. выполнившему условія на полученіе похвальнаго отзыва, Совѣтомъ Отдѣла и комиссіей по устройству состязаній рѣшено выдать, кромѣ отзыва, 10 рублей награды.

Не имѣвшимъ своихъ винтовокъ выдавались таковыя отъ Отдѣла а патроны продавались по казенной цѣнѣ.

Нижеслѣдующая таблица даетъ понятіе о результатахъ стрѣльбы, полученныхъ каждымъ сословіемъ отдѣльно, какъ изъ ружей военнаго образца, такъ и не-военнаго.

	Число участвовавшихъ.	Выполнило условія на полученіе призовъ.		Награждены призами.	
		Изъ ружей военнаго образца.	Изъ ружей не военнаго образ.	Изъ ружей военнаго образца.	Изъ ружей не военнаго образ.
Служащихъ и городскихъ жителей.	62	7	25	7	25
Мѣщанъ	14	—	3	—	3
Крестьянъ	8	1	—	1	—
Запасныхъ ниж. чиновъ .	8	—	—	—	—
Казаковъ	32	—	—	—	—
Нижнихъ чиновъ. . . .	49	38	2	38	2
Итого . .	173	46	30	46	30

Охрана полезной дичи.

Забайкальскому Отдѣлу въ этомъ отношенiи не пришлось еще установить совершенно достигающихъ цѣли способовъ охраны полезной дичи; таковая пока находится въ зачаточномъ состоянiи и дѣятельность Отдѣла въ этомъ случаѣ выразилась лишь въ истребленiи хищныхъ звѣрей изготовляемыми на средства Отдѣла стрихнинными пилюлями, о чемъ подробно сказано въ слѣдующей главѣ, а хищныхъ птицъ—посредствомъ огнестрѣльнаго оружiя. Въ послѣднемъ случаѣ для болѣе успѣшнаго истребленiя упомянутыхъ птицъ Отдѣломъ установлено, чтобы всякiй членъ Отдѣла въ теченiе годичнаго охотничьяго сезона убилъ 10 хищниковъ и въ удостовѣренiе сего представилъ Совѣту Отдѣла 10 паръ лапъ ихъ; въ случаѣ же невыполненiя этого обязательства, не выполнившiй его уплачиваетъ штрафъ въ размѣрѣ 50 коп.

Что же касается охраны дичи отъ людского хищничества, то таковая пока проявляется въ крайне слабой степени. Въ этомъ случаѣ Отдѣлъ, благодаря своимъ ограниченнымъ средствамъ, не можетъ имѣтъ достаточнаго наблюденiя за тѣмъ, чтобы полезныя птицы и звѣри не истреблялись въ не указанное для сего время и не дозволенными закономъ способами. А воззванiе къ населенiю чрезъ мѣстныя власти, публикацiю и объявленiя о прекращенiи хищничества мало достигаютъ цѣли по причинамъ, изложеннымъ въ отчетѣ Отдѣла за 1895—1897 г. г.

Истребленiе хищныхъ звѣрей.

Главную пользу въ истребленiи хищныхъ звѣрей приносятъ стрихнинныя пилюли.

Въ теченiе 1899 года было продано 1588 коробокъ, содержащихъ каждая по 90 пилюль. Изъ этого числа 1311 коробокъ заключали въ себѣ пилюли, содержащiя $1^1/_2$ золотника стрихнина каждая коробка, а 277 коробокъ—по 2 золотника.

Въ отчетномъ году безплатно было отпущено областному ветеринару 4 коробки пилюль для пограничныхъ карантиновъ.

При разсылкѣ пилюль прилагались наставленiя къ употребленiю ихъ и бланки открытыхъ писемъ для сообщенiя на нихъ свѣдѣнiй о результатахъ травли и кромѣ того Отдѣломъ было опубликовано, что за успѣшное истребленiе хищниковъ будутъ выдаваться премiи

лицамъ, кои представятъ отъ мѣстныхъ властей удостовѣренія о дѣйствительно успѣшномъ отравленіи звѣрей.

Изъ полученныхъ 29-ти открытыхъ писемъ видно, что въ отчетномъ году израсходовано 178 коробокъ пилюль, которыми отравлено: волковъ—301, лисицъ—57, хорьковъ—54 и корсаковъ—25, всего 437 хищниковъ.

Письма эти, а также заявленія претендентовъ на полученіе премій за успѣшное истребленіе хищниковъ были разсмотрѣны Совѣтомъ Отдѣла въ засѣданіи 17 мая 1899 г., при чемъ многія изъ послѣднихъ Совѣтъ принужденъ былъ оставить безъ вниманія за непредставленіемъ удостовѣреній отъ мѣстныхъ властей о дѣйствительно успѣшномъ отравленіи. Изъ представившихъ же такія удостовѣренія признаны Совѣтомъ подлежащими вознагражденію слѣдующія лица: 1) казакъ Дуроевской станицы Иванъ Никитичъ Миромановъ, отравившій 77 хищниковъ (изъ нихъ 55 волковъ),—деньгами въ размѣрѣ 100 руб. и малою серебряною медалью; 2) инородецъ Жамсаранъ Вампиловичъ Вампиловъ, отравившій 25 хищниковъ (23 волка),—малою серебряною медалью; 3) крестьянинъ Мухоршибурской волости Карпъ Ивановичъ Кравцовъ, отравившій 35 хищниковъ (22 волка),—бронзовою медалью, и 4) начальникъ Соболиной станціи, Адольфъ Генриховичъ Кригеръ, за 21 хищника (15 волковъ),—похвальнымъ отзывомъ.

Надо пожалѣть, что не всѣ лица, выписывающія отъ Отдѣла пилюли, присылаютъ свѣдѣнія о количествѣ истребленныхъ хищниковъ. Въ силу этого обстоятельства Отдѣлъ лишенъ возможности болѣе точно опредѣлять ту пользу, которую приноситъ его стрихнинная операція, уничтожающая хищниковъ—главныхъ враговъ полезной дичи и домашнихъ животныхъ, составляющихъ для большинства населенія Забайкалья средства къ существованію.

Дѣятельность Московскаго Общества имени Императора Александра II.

Приступая къ обзору жизни общества за истекшій отчетный годъ, на первомъ мѣстѣ помянемъ доброй памятью почившихъ товарищей.

6-го іюля минувшаго года, послѣ долгихъ мучительныхъ страданій, скончался отъ чахотки почетный членъ общества *Иванъ Осиповичъ Аванцо*. Онъ вступилъ въ составъ московскаго общества охоты, баллотировкой въ дѣйствительные члены, 18 марта 1877 г., а весною 1880 г. избранъ на должность директора, и съ отчетнаго 188²/₃ г. безсмѣнно, въ теченіе 13 лѣтъ, занималъ должность казначея общества. Годичнымъ собраніемъ 1887 г. онъ избранъ товарищемъ предсѣдателя, и въ этой должности покойный состоялъ въ теченіе 12 лѣтъ, до весны 1899 г., когда разстроенное здоровье и грозные признаки надвигающагося тяжелаго недуга вынудили его сложить съ себя всякую отвѣтственную обязанность, но не покинуть любимое имъ общество, заботиться о которомъ онъ продолжалъ до послѣдней минуты своей жизни.

Горячая 17-тилѣтняя дѣятельность покойнаго въ качествѣ директора правленія, казначея, товарища предсѣдателя и распорядителя зимнихъ охотъ, его энергія и тактъ, а главное, его преданная любовь московскому обществу охоты, интересы и процвѣтаніе котораго онъ всегда и всюду ставилъ на первомъ мѣстѣ, сдѣлали его популярнѣйшимъ и наиболѣе уважаемымъ въ обществѣ членомъ правленія. Не было отрасли дѣятельности общества, въ которой Иванъ Осиповичъ не старался принести посильную помощь и къ которой онъ не относился бы съ равной любовью и интересомъ, буде то волчьи охоты и голубиныя садки или молодая сравнительно,

при немъ зародившаяся, область дѣятельности общества — отдѣлъ собаководства и связанныя съ нимъ полевыя испытанія и выставки собакъ. Первая выставка общества, въ которой онъ не могъ уже принять непосредственнаго участія по болѣзни, — успѣхомъ своимъ доставила ему не мало радости и утѣшенія и нужно было видѣть, съ какимъ горячимъ интересомъ онъ относился ко всѣмъ ея подробностямъ.

Дѣятельность И. О. Аванцо отмѣчена была Обществомъ поднесеніемъ ему нѣсколькихъ благодарственныхъ адресовъ, избраніемъ въ почетные члены и, наконецъ, по постановленію годичнаго собранія 1899 года—занесеніемъ его имени на великокняжескую братину, памятникъ 35-тилѣтія дѣятельности Общества. Но лучшій памятникъ онъ создалъ себѣ въ исторіи Общества страницей своей дѣятельности, которая памятна останется для всѣхъ, кому дорого Московское Общество Охоты.

На могилу почившаго возложенъ отъ Общества вѣнокъ, какъ послѣдній даръ почившему товарищу. Среди членовъ Общества составленъ по подпискѣ капиталъ, который постановлено хранить при Обществѣ, присвоивъ ему наименованіе «капитала имени И. О. Аванцо», съ тѣмъ, чтобы проценты съ него передавать въ итальянское благотворительное общество, гдѣ покойный принималъ дѣятельное участіе. Имя его упомянуто и на полевыхъ испытаніяхъ Общества, гдѣ назначенъ былъ совѣтомъ отдѣла призъ имени И. О. Аванцо, внимательно предложенный для сего нѣкоторыми членами и предназначенный для присужденія лучшей выписной собакѣ.

15 января 1901 г. скоропостижно скончался въ Петербургѣ почетный членъ Общества Викторъ Николаевичъ Беръ, избранный въ это званіе 27 марта 1891 г., всегда съ большой симпатіей относившійся къ дѣятельности Московскаго Общества Охоты и оказавшій Обществу не мало услугъ, вначалѣ въ качествѣ управляющаго удѣлами московскаго округа, а затѣмъ въ качествѣ товарища главноуправляющаго удѣлами. Почившему Виктору Николаевичу Общество всецѣло обязано тѣмъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ были удержаны права Общества на производство волчьихъ охотъ въ удѣльныхъ лѣсахъ, что предоставлено было Обществу *Высочайшимъ* повелѣніемъ 1884 г. На прахъ почившаго возложенъ былъ отъ Общества вѣнокъ, присутствовавшимъ на похоронахъ почетнымъ членомъ В. Н. Мартыновымъ.

25 марта 1900 г. скончался въ имѣніи своемъ Владимірской губ. дѣйствительный членъ Общества Александръ Михайловичъ Песковъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Общества, избранный 6 іюля 1867 года и принимавшій дѣятельное участіе въ жизни Общества въ теченіе весьма долгаго періода времени. Среди русскихъ охотниковъ имя покойнаго пользовалось огромной извѣстностью и авторитетомъ, какъ лучшаго нашего кинолога. Страстный охотникъ и еще болѣе страстный любитель и знатокъ собакъ, Александръ Михайловичъ всю свою жизнь былъ піонеромъ нашего собаководства. Ему обязаны русскіе охотники всѣми начинаніями въ этой области, черезъ его руки прошли и имъ были выписаны большинство нашихъ лучшихъ собакъ, пойнтеровъ, англійскихъ и ирландскихъ сеттеровъ, а порода послѣднихъ всецѣло обязана въ Россіи ему своимъ появленіемъ и распространеніемъ. Пользуясь среди членовъ Московскаго Общества широкой любовью и авторитетнымъ вліяніемъ, имъ была создана инициатива устройства выставокъ Общества и онъ же принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ руководителя и судьи въ организаціи первой выставки. Кружокъ членовъ, его почитателей и учениковъ, по окончаніи этой первой выставки, на память о ней, поднесли ему золотой общественный жетонъ, и увы, обстоятельство это было послѣднимъ знакомъ вниманія, которымъ могли почтить его—его товарищи. Но благой починъ и знанія покойнаго надолго будутъ памятны и цѣнимы всѣми охотниками, а имя Александра Михайловича Пескова неизгладимыми буквами записано въ исторіи русскаго собаководства.

На этой же страницѣ должны помянуть Филиппа Камилловича Депре, сравнительно не долго, съ 1895 г., бывшаго нашимъ сочленомъ по Обществу. Нежданная смерть унесла его въ расцвѣтѣ силъ и здоровья и лишила всѣхъ добраго и симпатичнаго товарища.

Обзоръ дѣятельности Общества за отчетный годъ.

Московское Общество Охоты имени Императора Александра II состояло изъ 216 членовъ, изъ нихъ почетныхъ 35, дѣйствительныхъ 161 и кандидатовъ 20.

Общество имѣло 3 общихъ собранія, 23 засѣданій правленія; изъ нихъ нѣсколько засѣданій совмѣстныхъ съ совѣтомъ III отдѣла и одно совмѣстное съ правленіемъ соединенной садки. Совмѣстныя засѣданія правленія и совѣта отдѣла собаководства, касаясь наибо-

лѣе важныхъ случаевъ отдѣльныхъ областей вѣдѣнія этихъ учрежденій, давали возможность обсуждать ихъ болѣе всесторонне, вообще же вся дѣятельность правленія и совѣта отличались не только полнымъ согласіемъ во всѣхъ вопросахъ, но и обоюдною помощью, что, очевидно, въ значительной мѣрѣ способствовало успѣху предпріятій Общества. По этой же причинѣ отчеты правленія и совѣта печатаются нераздѣльно, а вмѣстѣ въ настоящемъ отчетѣ, обнимая собою всю дѣятельность Общества за минувшій годъ. Состоявшихся по уставу очередныхъ собраній Общества было 11, что составляетъ довольно значительное явленіе въ жизни Общества, такъ какъ состоявшихся очередныхъ собраній не было съ 5 ноября 1897 года. На этихъ собраніяхъ, кромѣ баллотировки новыхъ кандидатовъ, обсуждались вообще текущія дѣла Общества и значеніе ихъ въ этомъ отношеніи весьма существенно, такъ какъ даетъ возможность посѣщающимъ очередныя собранія знакомиться съ внутренней жизнью Общества и сознательно относиться къ ея проявленіямъ. Наибольшее число очередныхъ собраній падаетъ на первую половину зимы, время совпадающее съ выставкой Общества, и съ этой стороны должно быть отмѣчено и это значеніе выставки, какъ сильнаго двигателя общественной жизни и средства къ общенію между членами.

Всѣ засѣданія правленія, общія и очередныя собранія, происходили въ Славянскомъ Базарѣ, послѣднія по средамъ съ 8 часовъ вечера, первыя созывались повѣстками. Въ засѣданіяхъ правленія, которыхъ было почти вдвое больше числа положеннаго уставомъ, обсуждались и рѣшались вообще всѣ вопросы жизни и хозяйства общества; общими собраніями разсмотрѣны и утверждены: доклады результатовъ XI полевыхъ испытаній Общества; отчеты о 2-й выставкѣ общества; выбрана комиссія и утверждены разработанныя ею правила полевой пробы гончихъ, при чемъ постановлено этотъ новый родъ испытаній организовать при Обществѣ съ будущей осени; утверждено предложеніе правленія, касающееся принятія мѣръ къ огражденію отъ истребленія и возможнаго разведенія мѣстной дичи въ угодьяхъ общества; утверждено подписанное уполномоченными Общества соглашеніе съ Императорскимъ Обществомъ Охоты о дальнѣйшей совмѣстной эксплоатаціи голубиной садки; избрана комиссія для просмотра устава III отдѣла съ цѣлью включенія его въ уставъ Общества.

Предложенныя мѣры къ огражденію мѣстной дичи отъ истребленія являются только начинаніемъ въ этой области. Они заключаются пока въ ограниченіи числа убиваемыхъ въ одно поле тетеревей и сѣрыхъ куропатокъ въ *ближайшихъ* районахъ общества, по назначенію правленія, и въ ограниченіи числа охотъ для отдѣльнаго члена въ каждомъ изъ этихъ районовъ, а также въ усиленіи штрафа за убитую тетеревиную матку до 10 р. за первый разъ и до 25 р. за слѣдующіе раза.

Мѣры къ сохраненію и размноженію дичи, предпринятыя правленіемъ, могутъ тоже пока быть отнесены только къ попыткамъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти начинанія, нужно надѣяться, зародившіяся въ средѣ Общества, дадутъ со временемъ новое направленіе подмосковному охотничьему распорядительству, гдѣ пока не существуетъ не только искусственнаго размноженія, но и правильнаго сбереженія мѣстной дичи. Правленіе, идя навстрѣчу этимъ начинаніямъ, кормило сѣрыхъ куропатокъ въ ближнихъ подмосковныхъ районахъ нынѣшней зимой и поставило въ нихъ на зиму отдѣльныхъ сторожей для ихъ охраны. Въ началѣ лѣта, по иниціативѣ товарища предсѣдателя Ѳ. Н. Щербачева, были организованы двѣ общественныхъ поѣздки для раскапыванія барсучьихъ норъ, при чемъ барсуки съ молодыми изъ двухъ норъ были взяты таксами. Членъ Общества И. А. Морозовъ любезно предоставилъ Обществу 20 шт. капкановъ для ловли пернатныхъ хищниковъ. Выписано также нѣсколько механическихъ филиновъ, охота съ которыми можетъ развить среди членовъ любовь къ истребленію пернатыхъ хищниковъ, безъ чего невозможно думать объ искусственномъ разведеніи дичи. Отмѣченъ долженъ быть знаменательный фактъ, что въ нынѣшнемъ году *въ первый разъ* убито было въ угодьяхъ Общества членомъ А. А. Редлихъ—32 пернатыхъ хищника, цифра давно установленная Обществомъ на право присужденія золотого общественнаго жетона, который однако только въ первый разъ присужденъ въ настоящемъ году *А. А. Редлихъ*.

Съ этой же цѣлью, по предложенію Г. Ф. Беланже, съ будущей осени постановлено одного псковича отдѣлять спеціально для прикормки и подготовки лисьихъ охотъ въ угодьяхъ Общества.

Съ развитіемъ сѣти подмосковныхъ желѣзныхъ дорогъ и вообще съ измѣненіемъ характера мѣстности, охотничьи угодья Общества сильно мѣняются.

Вопросъ о томъ, что мѣста арендуемыя Обществомъ должны быть подвергнуты извѣстнымъ измѣненіямъ, поднимался уже нѣсколько разъ, но выполнено это можетъ быть только исподволь.

Въ числѣ новыхъ снятыхъ мѣстъ Обществу удалось получить на долгіе сроки новый, весьма обширный районъ, въ 60 верстахъ отъ Москвы, по Брянской желѣзной дорогѣ, близъ ст. Нары Фоминской. Это несомнѣнно весьма крупное пріобрѣтеніе; районъ сплошной, тянется на 18 верстъ, удобный для охраны, преимущественно состоитъ изъ ягодниковъ, не вытаптывается скотомъ; мѣстное крестьянское населеніе мало знакомо съ охотой; при томъ районъ изобилуетъ мѣстной дичью, особенно тетеревами, вылетъ которыхъ на тока врядъ ли достигаетъ такого обилія въ другой подмосковной мѣстности. Правленіе постановленіемъ своимъ причислило районъ этотъ съ самаго начала къ числу тѣхъ, въ которыхъ мѣстная дичь должна быть охранена отъ истребленія усиленными мѣрами огражденія и, быть можетъ, этому району суждено сослужить Обществу значительную службу.

Списокъ убитой дичи помѣщенъ ниже.

Къ числу общественныхъ охотъ должны быть отнесены упомянутыя выше впервые устроенныя въ маѣ мѣсяцѣ 1900 г. три общественныхъ охоты на барсуковъ съ таксами и терьерами, любезно предложенными членами Общества, гг. Я. А. Колли, Р. К. Леве, В. А. Саутамъ. На этихъ охотахъ взято 7 барсуковъ.

Первая охота съ гончими назначена была 21 сентября, и затѣмъ въ теченіе сентября и октября состоялось всего 17 общественныхъ охотъ съ гончими. На этихъ охотахъ было убито: 3 лисицы, 133 зайца и 4 вальдшнепа, при чемъ Общество пользовалось собаками гг. Живаго, Четверикова, Пальмцвейгъ, Зворыкина и Карцева, которымъ правленіе считаетъ долгомъ принести искреннюю благодарность.

Для зимнихъ охотъ Общество располагало 10 псковичами, благодаря чему назначалось въ началѣ зимы по 3 и 4 единовременныхъ праздничныхъ охоты.

Зимнія охоты дали въ результатѣ:

Медвѣдей 4 (изъ нихъ 2 лончака).				Въ прошломъ году 1				
Волковъ 68	„	„	—	„	„	„	„	60
Рысей 9*)	„	„	—	„	„	„	„	1
Лисицъ 19	„	„	—	„	„	„	„	15
Лосей 3	„	„	—	„	„	„	„	—

Всего охотъ съ псковичами было назначено 87; изъ нихъ состоялось 66 и удачныхъ было 44.

Въ частности на волковъ было назначено 27 охотъ, изъ которыхъ было удачныхъ 22. Неудавшіяся 5 охотъ всѣ приходятся на вторую половину зимы и всѣ объясняются тѣмъ, что волки были на ходу по случайнымъ причинамъ. Среди удачныхъ охотъ было 2 такихъ, когда волки были разогнаны враждебными Обществу кружками.

Такимъ образомъ, случайный характеръ волчьихъ охотъ отмѣченный въ прошлогоднемъ отчетѣ, очевидно, можетъ быть избѣгнутъ осторожнымъ ихъ назначеніемъ.

Другое, отмѣченное въ прошлогоднемъ отчетѣ явленіе—конкуренція частныхъ лицъ и кружковъ имѣло мѣсто и въ истекшемъ сезонѣ, и въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ, чѣмъ когда-либо, такъ что изъ 30 выводковъ, которые были подвыты къ началу зимы, охотиться пришлось только по 17 выводкамъ. Остальные были утрачены по разнымъ причинамъ, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ конкуренція враждебныхъ Обществу кружковъ.

Такимъ образомъ, охоты на волковъ въ истекшемъ сезонѣ производились при условіяхъ особо неблагопріятныхъ. Правленіе предпочитало уклоняться отъ соперничества въ тѣхъ случаяхъ, когда Обществу приходилось сталкиваться на волкахъ съ конкуренціей своихъ же членовъ, охраняя Общество отъ возможныхъ иначе осложненій въ своей средѣ. Новыя мѣста, въ изобиліи пріобрѣтенныя стараніями новаго распорядителя, въ одинъ сезонъ не могли быть настоящимъ образомъ обслѣдованы и укрѣплены за Обществомъ. Тѣмъ не менѣе зимнія охоты съ псковичами, выразившись по результату значительно выше прошлогодняго, оставляютъ Правленіе въ полной увѣренности, что при дружномъ участіи какъ членовъ правленія, такъ и членовъ Общества, общественныя охоты мало-по-малу перестанутъ быть ареною состязаній въ искусствѣ отва-

*) Число рысей впервые достигло этой цифры за все время существованія Общества.

живанія общественныхъ выводковъ, порчи привады и другихъ дѣяній, не имѣющихъ ничего общаго съ охотой и плохо вяжущихся съ охотничьей этикой.

Таблица посѣщеній охотъ приведена въ приложеніи подъ № 2. Вообще число посѣщеній волчьихъ охотъ быстро падаетъ съ каждымъ годомъ, что вполнѣ естественно какъ слѣдствіе возрастающей отдаленности этихъ охотъ, и связанной съ нею дороговизны и труда, сопряженнаго съ поѣздками. Уменьшеніе этихъ посѣщеній видно изъ слѣдующаго сопоставленія числа посѣщеній за послѣднія 5 лѣтъ:

Въ	1896—97 г. . . .	323	посѣщенія.
„	1897—98 „ . . .	283	„
„	1898—99 „ . . .	266	„
„	1999—1900 „ . . .	238	„
„	1900—1901 „ . . .	235	„

Противъ послѣдняго года число посѣщеній почти не измѣнилось (убавилось на 3).

Кромѣ упомянутой выше обостренной конкуренціи Обществу на почвѣ волчьихъ охотъ, правленію пришлось очутиться и въ другомъ отношеніи въ совершенно исключительно затрудненномъ положеніи въ этомъ дѣлѣ. Правленіе имѣетъ въ виду внезапную болѣзнь товарища предсѣдателя Ѳ. Н. Щербачева, съ ревностнымъ усердіемъ и энергіей завѣдывавшаго всѣми розысками. Распорядительство охотами, какъ снѣгъ на голову, совершенно нежданно, упало при самомъ началѣ охотъ на члена правленія И. Ѳ. Смирнова, не бывшаго до того времени въ курсѣ производившихся розысковъ и чуждаго всѣхъ подробностей состоянія дѣла. Въ помощь новому распорядителю были избраны двое членовъ правленія и ихъ совмѣстнымъ усиліямъ обязано Общество своимъ успѣхомъ минувшаго года.

Вообще изъ опыта этой зимы правленіе вынесло такое убѣжденіе, что чѣмъ меньше будетъ секретовъ и тайнъ, которыми вообще замѣтна склонность облекать распорядительство зимними охотами Общества, чѣмъ больше совѣта и довѣрія къ членамъ Общества въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ больше пользы будетъ для самаго дѣла. Всѣ назначенія охотъ носили совѣщательный характеръ, не дѣлалось никакихъ ограниченій или стѣсненій въ записываемыхъ охотахъ, записи въ книгу производились въ такое время, которое не только указано правилами, но и даетъ возможность членамъ дѣйствительно узнать эту запись, и правленіе не замѣчало ни неумѣстнаго наплыва чле-

новъ въ экстренныхъ случаяхъ, ни вообще какихъ-либо неудобствъ изъ того проистекающихъ.

Такъ, на три назначенныхъ охоты съ почетными гостями оказались записанными: на двѣ—по 6 членовъ и на одну—4. Правленіе отмѣчаетъ это обстоятельство съ единственною цѣлью указать, что полное довѣріе правленія по отношенію къ членамъ во всѣхъ случаяхъ служитъ лучшемъ залогомъ благоустройства и порядка.

Наиболшее число волковъ и рысей убито въ теченіе зимы членомъ Общества А. Н. Милюковымъ, имено 9 волковъ и 1 рысь. Ему и присужденъ установленный общественный жетонъ имени И. С. Аванцо. Число въ 10 штукъ убитыхъ членомъ звѣря является въ первый разъ со времени установленія этого жетона. А. Н. Милюковымъ предложенъ въ Обществѣ жетонъ на побитіе его рекорда.

Наибольшее число лисицъ, именно 5, убито изъ-подъ псковичей членомъ И. А. Мотовиловымъ, которому и присужденъ жетонъ, любезно предоставленный для того членомъ А. Я. Пѣговымъ.

Уполномоченными со стороны Общества въ веденіи совмѣстной эксплоатаціи садки состояли: Н. Е. Кротовъ, В. А. Саутамъ и Ш. А. Сіу и кандидатами: А. П. Шорыгинъ и А. К. Браунъ. Садка функціонировала вполнѣ успѣшно подъ самостоятельнымъ вѣдѣніемъ правленія соединеннаго стэнда. Считая желательнымъ сохраненіе между спортивными Обществами тѣхъ добрыхъ отношеній, которыми всегда отличались отношенія Общества къ молодому ново-московскому Обществу Охоты и обратно, основанныхъ на взаимномъ уваженіи правъ и общественнаго самолюбія, на вновь открытую садку ново-московскаго Общества общимъ собраніемъ 7 марта, по предложенію правленія, данъ призъ отъ имени Московскаго Общества Охоты Имени Императора Александра II въ распоряженіе и на условія правленія ново-московскаго Общества.

Въ виду истеченія срока соглашенія о совмѣстной эксплоатаціи садки съ Императорскимъ Обществомъ Охоты, таковое соглашеніе возобновлено на новое четырехлѣтіе на прежнихъ условіяхъ съ слѣдующими измѣненіями:

1. Выборное правленіе садки, состоящее изъ 6 лицъ, по 3 отъ каждаго Общеста, состоитъ подъ предсѣдательствомъ старшаго члена ружейнаго отдѣла Императорскаго Общества.

2. Московскимъ Обществомъ уплачивается изъ доходовъ садки ежегодно Императорскому 400 р. с. на содержанiе и ремонтъ павильона (вмѣсто 200 р.).

3. Правленiю садки ставится въ обязанность сохранить за малымъ стэндомъ его первоначальное назначенiе, какъ стэнда для практики малоопытныхъ и начинающихъ стрѣлковъ.

Соглашенiе это подписано уполномоченными обоихъ Обществъ, со стороны Московскаго Общества: А. П. Шорыгинымъ, К. В. Мошнинымъ и В. С. Саутамъ, а со стороны Императорскаго — Г. И. Кристи, кн. Меньшиковымъ - Корейшъ, А. Г. Штекеръ и В. Ѳ. Кейзеръ.

XI полевыя испытанiя Общества произведены были на Филипповскомъ и Соболевскомъ болотахъ Рязанцевскаго района 25, 26 и 27 августа. Распорядителями испытанiй были: А. Я. Пѣговъ и Р. В. Живаго, секретаремъ—А. В. Столяровъ; судьями: по отдѣлу собакъ нѣсколькихъ полей — К. В. Мошнинъ, А. В. Столяровъ и Л. Л. Буассоннадъ, по отдѣлу собакъ первопольныхъ — Л. Ф. Пло, В. А. Саутамъ и Л. В. Живаго, по отдѣлу класса лучшихъ собакъ, на соисканiе чемпiоната—Л. Ф. Пло, К. В. Мошнинъ, А. В. Столяровъ.

Призы на испытанiя были назначены слѣдующiе:

1. По отдѣлу собакъ нѣсколькихъ полей:

3 жетона Общества.

Призъ Алексѣевскiй лучшему пойнтеру.

Призъ Ѳедоровскiй лучшему сеттеру.

2-й призъ Ѳедоровскiй, оставшiйся отъ X испытанiй.

Призъ имени И. О. Аванцо—лучшей выписной собакѣ.

Призъ русскаго охотничьяго клуба — лучшей собакѣ по 2-му полю.

II. По отдѣлу собакъ первопольныхъ:

3 жетона Общества.

Призъ имени А. Е. Пиготъ.

Призъ А. В. Iокишъ—лучшей собакѣ по чутью и поиску.

Призъ Т. В. Митюшина.

Призъ продiусъ, 1-й, 2-й и 3-й.

III. Призы общіе:

Призъ Общества любит.ород. собакъ.

Призъ Кіевскаго отдѣла Императорскаго Общества Охоты.

Призъ князя Н. В. Джамбакуръ-Орбеліани.

Призъ А. В. Столярову—лучшему потомку «Тотнесъ-Планетъ».

Призъ К. В. Мошнина—англійскому сеттеру.

Призъ заводчику лучшаго пойнтера.

Призъ заводчику лучшаго сеттера.

IV. Въ классѣ лучшихъ собакъ.

Аксаковскій призъ и чемпіонатъ.

V. Дрессировщикамъ—призы отдѣла въ оба класса и денежныя награды по назначенію судей.

Собакъ на испытаніи было записано 44, именно:

1) въ классѣ нѣсколькихъ полей—20 (9 пойнтеровъ, 6 ирландскихъ сеттеровъ, 4 англійскихъ и 1 гордонъ),

2) въ классѣ первопольныхъ—22 (14 пойнтеровъ, 6 ирландскихъ сеттеровъ, 1 англійскій и гордонъ),

и 3) въ классѣ лучшихъ—2 (1 пойнтеръ и 1 ирландскій сеттеръ).

Изъ числа егерей, состоящихъ на постоянной службѣ Общества, собакъ членовъ натаскивали въ минувшемъ году слѣдующіе:

Клементій Лихачовъ, состоявшій на средствахъ отдѣла, и натаскивавшіе собакъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губ., подъ личнымъ наблюденіемъ одного изъ членовъ совѣта,—натаскивалъ 6 собакъ, изъ нихъ 5 молодыхъ и одна по второму полю. Изъ числа этихъ собакъ одна въ теченіе лѣта была снята съ работы по болѣзни; остальныя 5 собакъ участвовали на испытаніяхъ.

Павелъ Лихачевъ—двухъ собакъ.

Никита Старостинъ—одну.

Өедоръ Старостинъ—одну,

и *Фролъ Зуевъ*—двухъ собакъ.

Изъ числа ихъ участвовала одна собака, натасканная Павломъ Лихачевымъ, и одна Өедоромъ Старостинымъ. Собаки Фрола Зуева не были записаны на испытанія, но были приведенны и работа ихъ, въ отношеніи занятія съ ними егеря, провѣрялась судьями.

Совѣтъ отдѣла считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ отмѣтить здѣсь молодого егеря Общества Өедора Старостина, впервые пока-

завшаго на испытаніяхъ собаку своей натаски, при томъ весьма недурно поставленную.

Полевыя испытанія минувшаго года являются самыми удачными за все время ихъ существованія при Обществѣ. Число участвовавшихъ собакъ, начиная съ 5 на испытаніяхъ, безъ колебаній увеличивалось ежегодно и достигло на минувшихъ испытаніяхъ своего наибольшаго количества, той цифры, при которой сдѣлалось необходимымъ производить испытанія двумя раздѣльными комиссіями, на разныхъ болотахъ, и при томъ имѣть для каждой комиссіи въ распоряженіи 3 свободныхъ.

Но этого мало. Быстрый успѣхъ этого дѣла особенно рѣзко замѣтенъ по высокому уровню достоинствъ собакъ, выступающихъ въ настоящее время на московскія испытанія и по установившемуся опредѣленному взгляду на достинства полевой работы собаки, не только между членами Общества, но и между егерями и дрессировщиками.

Не мало заботъ и души вложило Московское Общество Охоты въ дѣло развитія и совершенствованія полевыхъ испытаній. Начавъ ихъ тѣснымъ, товарищескимъ кружкомъ, въ видѣ опыта, поставившаго себѣ задачей выясненіе пригодности современной подружейной собаки для русской охоты, безъ руководящаго примѣра западныхъ государствъ, безъ приготовленныхъ къ тому людей, Общество, упорнымъ, послѣдовательнымъ трудомъ, учась и развиваясь само въ новомъ дѣлѣ, достигло того высокаго состоянія, когда на московскія полевыя испытанія смотритъ съ напряженнымъ интересомъ вся охотничья Россія, когда всѣ охотничьи Общества учатся у Москвы этому дѣлу, когда московскія испытанія являются руководящей нитью всего русскаго собаководства. Дѣло создано, и большое дѣло, и Московсковское Общество Охоты Имени Императора Александра II имѣетъ полное право имъ гордиться, какъ одной, быть можетъ, изъ самыхъ блестящихъ страницъ своей дѣятельности.

Вторая охотничья выставка Общества открылась 11 ноября и продолжалась до 15 включительно, въ московскомъ городскомъ манежѣ. Запись собакъ, безъ ихъ привода, прекращена была по новымъ правиламъ выставки за пять дней до ея открытія, что дало возможность безъ спѣха заблаговременно выполнить вполнѣ провѣренный каталогъ выставки. Правда, нововведеніе это, къ которому

русскіе охотники еще не привыкли, было причиной, что комитетъ, неукоснительно исполняя правило, отказалъ въ пріемѣ около 150 собакъ, не бывшихъ въ срокъ записанными, настолько же убавивъ и наличный контингетъ экспонатовъ, но зато далъ возможность установить полный порядокъ всей организаціи выставки.

Въ комитетѣ выставки состоялъ весь наличный составъ членовъ правленія и совѣта, члены Общества, пожелавшіе принять въ немъ участіе, и нѣкоторыя постороннія лица, любезно предложившія свои услуги. Почетнымъ предсѣдателемъ комитета состоялъ предсѣдатель Общества, князь Ф. Ф. Юсуповъ, энергіи и содѣйствію котораго Общество такъ много обязано осуществленіемъ своей давнишней мечты—устройствомъ охотничьихъ выставокъ. Секретарями выставки были избраны: А. В. Столяровъ, К. В. Мошнинъ и А. В. Живаго; архитектурная часть находилась въ вѣдѣніи И. П. Залѣсскаго, А. В. Милюкова и А. В. Вишневскаго; хозяйственную и казначейскую часть вѣдали Р. И. Прове, Н. Е. Кротовъ и А. Я. Пѣговъ.

Судьями выставки были:

Д-ръ J. Salter—Witham Essex. Судилъ пойнтеровъ и англійскихъ борзыхъ.

Rev W. Serjeantson—всѣ породы сеттеровъ.

Они же судили фокстеррьеровъ и проч. англійскія породы.

Jserman, приглашенный черезъ нѣмецкій теккель-клубъ—судилъ таксовъ и нѣмецкія породы.

Н. П. Кишенскій—гончихъ.

Н. Г. Савостицкій и А. А. Дмитріевъ—русскихъ легавыхъ.

П. Б. Яшеровъ—лаекъ.

А. И. Новиковъ—русскихъ борзыхъ.

Профессоръ Н. Ю. Зографъ—коллекціи.

Всего собакъ было представлено 529, изъ нихъ охотничьихъ породъ—438 и 91 разнопородныхъ.

Подружейный отдѣлъ состоялъ изъ 273 собакъ, изъ нихъ 119—пойнтеровъ и 128 сеттеровъ.

Собакъ, приведенныхъ изъ другихъ губерній, было на выставкѣ около 200 (на 1-й выставкѣ около 140). Въ томъ числѣ: изъ Петербурга—64, изъ Ярославской—8, Новгородской—12, Тверской—41, Саратовской—15, Рязанской—12, изъ Риги—5; остальныя изъ губерній: Псковской, Смоленской, Владимірской, Тульской, Тамбов-

ской, изъ Бузулука, Уфы, Омска и Владикавказа. Для привозныхъ собакъ и ихъ провожатыхъ стараніями гг. членовъ были заготовлены въ Москвѣ на время выставки помѣщенія. Большое количество иногороднихъ и дальнихъ собакъ является характеристичнымъ явленіемъ выставокъ Московскаго Общества и, указывая на лестное довѣріе, которымъ пользуется Общество въ средѣ провинціальныхъ русскихъ охотниковъ, служитъ мощнымъ средствомъ къ общенію его съ провинціей, что конечно должно имѣть громадное значеніе для процвѣтанія охоты и собаководства. Достойно замѣчанія и то, что изъ числа далекихъ провинціальныхъ собакъ было много такихъ, которыя прошли на весьма высокія награды. Въ этомъ общеніи и въ заинтересованности провинціальныхъ охотниковъ надо усматривать залогъ успѣха русскаго собаководства. Совѣтъ отдѣла въ минувшемъ году съ тою же цѣлью сдѣлалъ постановленіе, которымъ далъ возможность постороннимъ лицамъ пріобрѣтать щенковъ отъ лучшихъ производителей, предоставляемыхъ для того отдѣлу ихъ владѣльцами. Средства отъ продажи такихъ щенковъ назначены совѣтомъ на фондъ для поощренія призами заводчиковъ лучшихъ собакъ на выставкахъ и полевыхъ испытаніяхъ и уже расходовались въ минувшемъ году изъ этого фонда.

Кромѣ цѣннаго приза, любезно предложеннаго на выставку предсѣдателемъ Общества княземъ Ф. Ф. Юсуповымъ лучшему пойнтеру выставки, и приза товарища предсѣдателя Ѳ. Н. Щербачева—лучшему ирландскому сеттеру, были предупредительно присланы слѣдующіе призы сочувствующими дѣлу спортивными обществами: Императорскимъ Обществомъ Правильной Охоты—три медали, 1 золотая, 1 большая и 1 малая серебряная; Об—мъ любителей породистыхъ собакъ—2 золотыхъ и 2 большихъ серебряныхъ медали; призъ—русскимъ охотничьимъ клубомъ: призъ Московскимъ Обществомъ русскихъ охотниковъ и призъ Кіевскимъ охотникомъ К. М. Шидловскимъ. Министерство земледѣлія и госуд. имуществъ и финансовъ предоставили свои медали.

Остальные призы, всего числомъ 25 (въ томъ числѣ и Тургеневскій призъ), съ цѣлью выдвинуть лучшую собаку каждаго отдѣльнаго класса—были любезно предложены гг. членами Общества. Жетоны заводчикамъ лучшихъ собакъ (какъ и на полевыхъ испытаніяхъ,—назначены были изъ средствъ спеціально для того составленнаго при отдѣлѣ, радѣніемъ его членовъ, фонда.

Расходъ выставки въ 1.656 р. 64 к. покрытъ изъ образованнаго среди членовъ подпиской фонда выставки. Кромѣ наръ, выполненныхъ и оплоченныхъ въ 1-ю выставку, имущество Общества увеличилось всѣми остальными приспособленіями выставки, какъ-то: рингами для экспертизы, кругами для стай, помѣщеніемъ буфета, вѣшалки и конторы. Всѣ приспособленія сдѣланы столярной работы, и разборными. Такимъ образомъ Общество обладаетъ въ настоящее время полнымъ обзаведеніемъ для своихъ будущихъ выставокъ, вполнѣ оплоченнымъ за двѣ первыя выставки. Имущество это хранится у одного изъ членовъ Общества.

Московское Общество охоты въ минувшемъ году получило приглашеніе принять участіе на XIII выставкѣ Общества любителей породистыхъ собакъ въ Петербургѣ, гдѣ въ первый разъ судилъ приглашенный англійскій судья докторъ Солтеръ. Общество почло своей обязанностію отвѣтить на любезное участіе Петербургскихъ сочленовъ на своей 1-й выставкѣ и послало въ Петербургъ нѣсколько лучшихъ московскихъ собакъ. Въ то же время совѣтомъ былъ назначенъ изъ своихъ средствъ цѣнный призъ отъ имени Московскаго О-ва охоты Имени Императора Александра II для лучшей собаки изъ всѣхъ классовъ пойнтеровъ и ирландскихъ сеттеровъ выставки, какъ породъ наиболѣе цѣнимыхъ московскими охотниками. При назначеніи приза было оговорено, что въ случаѣ его присужденія московской собакѣ онъ долженъ быть только присужденъ, но не выданъ. Лучшимъ пойнтеромъ петербургской выставки былъ признанъ судьею «Рональдъ», р.к.м.о.о. 255. Р. В. Живаго, и лучшимъ ирландскимъ сеттеромъ «Рыжикъ» р.к.м.о.о. 170. К. В. Мошнина, которыми этотъ призъ и оспаривался. Присужденъ онъ былъ «Рыжику» и потому перенесенъ на слѣдующую выставку Общества.

Изъ остальныхъ посланныхъ собакъ О-ва—пойнтеръ «Мирель» р.к.м.о.о. 252 Б. Д. Вострякова признана была лучшимъ пойнтеромъ въ классѣ сукъ, а гордонъ «Фанъ» р.к.м.о.о. 401. Р. В. Живаго—лучшимъ гордономъ выставки.

На полевыхъ испытаніяхъ въ Гатчинѣ и Петергофѣ—участвовали также собаки членовъ Общества,—пойнтеръ «Касса» р.к.м.о.о. 274, В. А. Саутамъ и «Мирель» р.к.м.о.о. 252, Б. Д. Вострякова, и посланы были на испытанія егеря О-ва Павелъ Лихачевъ и Дмитрій Старостинъ. Изъ числа этихъ собакъ «Касса» пришла первой

въ Петергофѣ и подѣлила 1-й призъ въ Гатчинѣ; «Мирель» пришла второй въ Гатчинѣ. Оба егеря Общества получили высшія денежныя награды на обоихъ испытаніяхъ...

На XXVII выставку Императорскаго Общества правильной охоты предложены были отъ имени Общества изъ средствъ отдѣла три медали для собакъ, имѣющихъ награды на полевыхъ испытаніяхъ въ Россіи, и призъ для лучшей псовой борзой выставки. Награды эти присуждены: золотая медаль—пойнтеру «Мирель» р.к.м.о.о. 252, Б. Д. Вострякова, большая серебряная—пойнтеру «Рексъ» р.к.м.о.о 335, Н. Г. Штекеръ, и малая серебряная—ирландскому сеттеру «Бендиго» р.к.м.о.о. 283 Л. Ф. Пло. Призъ присужденъ псовому кобелю «Сокрушаю» охоты *Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.*

На полевыя испытанія Общества любителей породистыхъ собакъ и Кіевскаго отдѣла Императорскаго О-ва Охоты посланы были изъ средствъ отдѣла золотые жетоны Об—ва. Первый изъ нихъ присужденъ англійскому сеттеру «Спотъ», покойнаго нынѣ, бывшаго почетнаго члена В. Н. Беръ, а о присужденіи жетона въ Кіевѣ свѣдѣній еще не получено.

На открывшуюся 9 марта въ Петербургѣ выставку русскаго Об-ва любителей фокстерьеровъ и таксъ послано изъ средствъ отдѣла отъ имени Общества 6 медалей: 2 большихъ серебряныхъ, 2 малыхъ и 2 бронзовыхъ. Въ то же время правленіе сочло своей обязанностью придти на помощь молодому Обществу, разрѣшивъ воспользоваться для выставки 160-ю собачьими нарами, которыя Петербургское Об-во взялось доставить въ цѣлости обратно, гарантируя ихъ сохранность. Русское Об-во любителей извѣстило правленіе Об-ва, что постановленіемъ общаго собранія всѣ члены Московскаго Общества принимаются въ его составъ дѣйствительными членами—безъ баллотировки.

На имѣющую быть въ іюнѣ 1901 г. въ г. Омскѣ юбилейную охотничью Сибирскую выставку посланы на средства отдѣла отъ имени Общества: 2 большія серебряныя медали, 2 малыя и 4 бронзовыя при выставочныхъ дипломахъ Московскаго О-ва, и на имѣющія быть при выставкѣ испытаній собакъ—2 жетона при полевыхъ дипломахъ и 2 диплома для похвальныхъ отзывовъ.

Членами Московскаго Общества охоты сдѣланы въ минувшемъ году весьма крупныя пріобрѣтенія въ области лучшихъ производи-

телей пойнтеровъ Бельгіи. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ знаменитый «Рёнжеръ» офъ Мейерльбекъ, «Дрори», взявшій 16 первыхъ призовъ на международныхъ испытаніяхъ и выставкахъ, и считающійся лучшимъ пойнтеромъ Европы; дочь его «Мирза офъ Мейерльбекъ» тоже Дрори; «Дюкъ офъ «Страсбургъ», сынъ «Жанеты» и «Атоса», Лобштейна; и временно уступленная въ Москву для двухъ пометовъ сука «Жизель», Андре, дочь Рокетъ R-а. Съ такими крупными козырями въ рукахъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые удалось получить раньше, «Рокетомъ II», «Мегги», «Жанетъ офъ Страсбургъ» и «Грессъ II», московскіе охотники въ правѣ разсчитывать въ будущемъ на блестящее мѣсто своихъ пойнтеровъ не въ одной только Россіи.

Петербургское Общество любителей породистыхъ собакъ, желая отмѣтить полезную дѣятельность секретаря III отдѣла Московскаго Общества охоты Александра Владиміровича Столярова, общимъ собраніемъ своимъ постановило почтить А. В. Столярова, поднесеніемъ ему именного общественнаго золотого жетона съ надписью: «за полезную дѣятельность—благодарное Общество». Жетонъ былъ переданъ черезъ правленіе Общества.

Утверждаю совмѣстнымъ засѣданіемъ правленія и совѣта III отдѣла. 13-го марта 1901 г.

Правленіе. Совѣтъ.

Приложеніе № 1.

Списокъ убитой дичи и звѣря въ угодьяхъ Общества.

1. По книжкамъ сторожей значится убитой дичи:

	Сезонъ 1900 г.	Прошлый сезонъ 1899 г.
Бекасовъ	879	402
Дупелей	537	170
Вильдшнеповъ . . .	328	138
Гаршнеповъ	203	22
Тетеревей	122	247
Рябчиковъ.	13	6
Куропатокъ.	43	70
Перепеловъ	1	42
Курочекъ	46	23
Коростелей	104	102
Турухтановъ. . . .	134	31

	Сезонъ 1900 г.	Прошлый сезонъ 1899 г.
Куликовъ	5	—
Гусей	2	—
Утокъ	306	191
Зайцевъ	44	32
Всего . .	2.767	1.476

Выводъ мѣстной дичи былъ средній, выводки тетеревей во многихъ мѣстностяхъ пострадали отъ весеннихъ дождей. Выводъ и пролетъ болотной дичи былъ очень хорошій, особенно обиленъ былъ пролетъ вальдшнеповъ.

2. На осеннихъ общественныхъ охотахъ изъ-подъ гончихъ убито:

	Осенью 1900 г.	Прошлый осенью 1899 г.
Лисицъ	3	3
Зайцевъ	133	99
Чернышей	—	2
Вальдшнеповъ . . .	4	2
Всего . .	140	106

Охотъ съ гончими состоялось 17

3. Убито хищниковъ:

	Въ сезонъ 1900—1901 г.	Въ прошлый сезонъ 1899—1900 г.
Барсуковъ (весною съ таксами) .		7
Куницъ		1

4. На зимнихъ охотахъ съ псковичами:

Волковъ	68	60
Рысей	9	1
Лисицъ	13	15
Медвѣдей	4	1
Лосей	3	—
Всего . .	103	77

Болѣе прошлаго года на 26 шт. звѣря.

Приложеніе № 2.

Таблица I.

Гг. члены и кандидаты.	Охоты на волковъ, рысей и медвѣдей. Посѣщеній	Убито волк.	Убито рысей.	Убито медв.	Охоты на лосей и лисицъ. Посѣщеній	Убито лосей.	Убито лисиц.
Бергманъ	1	1	—	—	—	—	—
Беланже	6	3	—	—	—	—	1
Бигсби	2	2	—	—	—	—	—
Боде	6	—	—	—	3	—	—
Бурышкинъ	3	1	—	—	—	-	—
Бѣлоусовъ	2	1	—	—	—	—	—
Блюэръ	—	-	—	—	7	—	—
Бюрнье	4	—	—	—	—	—	—
Витгофнеръ	1	—	—	—	—	-	—
Востряковъ	—	—	—	—	5	—	1
Волковъ	1	1	—	—	—	—	-
Германъ	2	—	—	—	—	—	—
Грачевъ М.	1	—	—	—	—	—	—
Горбуновъ	5	1	3	—	1	—	—
Горюновъ	3	5	—	—	1	—	—
Грибовъ	1	—	—	—	—	—	—
Гейснеръ	1	—	—	—	1	—	—
Газомскій	1	—	—	—	—	—	—
Донцовъ	8	2	—	-	1	—	—
Дреземейеръ	2	1	—	—	3	—	—
Дюфурмантель	1	1	—	—	—	—	—
Жакмонъ Э.	2	—	—	—	2	—	—
Жакмонъ А.	1	2	—	—	2	—	—
Живаго Л.	7	—	—	—	—	1	1
Живаго А.	1	—	—	—	—	—	—
Жедринскій	1	—	—	—	—	—	—
Залѣсскій В.	2	—	—	—	—	—	—
Залѣсскій И. П.	—	—	—	—	1	—	—
Знаменскій	1	—	—	—	1	—	—
Іокишъ А. П.	—	—	—	—	1	—	-
Катуаръ Л.	2	—	—	—	2	—	—
Кернеръ	1	1	—	-	3	—	—
Кемпе	1	2	—	—	—	—	—
Коммиссаровъ	5	2	—	—	6	—	2
Королевъ	1	—	—	—	—	-	—
Кротовъ	1	—	—	—	—	—	—
Кузнецовъ	1	—	—	—	—	—	-
Леве	1	—	—	—	2	—	—
Лерсъ	2	-	—	—	—	—	—
Мотовиловъ	8	5	—	—	11	—	5
Милюковъ	12	9	1	—	2	—	—
Мироновъ	4	2	—	—	—	—	—
Мамонтовъ	2	1	—	—	—	—	—
Мошнинъ	7	1	—	—	2	—	2
Миллеръ	2	—	—	—	5	—	—
Михайловъ	1	—	—	—	—	—	—
Медвѣдевъ	2	—	—	—	—	—	—
Мусси	1	—	—	—	—	—	—
Митюшинъ	1	—	—	—	—	—	—
Нагель	1	1	—	—	4	1	—
Носовъ	3	2	—	—	—	—	—
Пальмцвейгъ	3	—	—	—	—	—	—
Пенкаля	3	1	—	—	9	—	2
Поповъ	2	—	—	—	—	—	—
Пѣговъ	5	2	—	—	—	—	—
Поляковъ	5	1	—	—	1	—	—
Пло	15	4	3	—	1	—	—

Гг. члены и кандидаты.	Охоты на волковъ, рысей и медвѣдей. Посѣщеній	Убито волк.	Убито рысей.	Убито медв.	Охоты на лосей и лисицъ. Посѣщеній	Убито лосей.	Убито лисиц.
Пренъ	—	—	—	—	2	—	—
Редлихъ	6	1	—	—	4	—	1
Роггенъ	—	—	—	—	2	—	1
Саутамъ	3	—	—	—	5	-	1
Сіу	1	—	-	—	3	-	—
Смирновъ	8	1	—	—	3	—	—
Степановъ	—	—	—	—	1	—	—
Столяровъ В. В.	2	1	—	—	—	—	—
Столяровъ А. В.	3	—	—	—	1	—	—
Сувировъ	2	—	—	—	1	—	—
Сорокинъ	1	—	—	—	—	—	—
Тучковъ	3	1	—	—	—	—	—
Кн. М. И. Хилковъ	2	—	—	1	—	—	—
Цимъ	—	—	—	—	2	—	—
Шорыгинъ I.	5	1	—	—	3	—	—
Шорыгинъ IV.	6	—	1	—	2	—	1
Штеккеръ А. Г.	1	—	—	—	—	—	—
Шарфъ	1	—	—	—	—	—	—
Щеславскій	3	1	—	—	—	—	—
Кн. Юсуповъ	1	—	—	—	—	—	—
Яковлевъ Н. Г.	2	—	—	—	—	—	—
Облава взяла	—	—	—	1	лон	ча	ка
Гг. гости и приглашенные.							
Андріяновъ	1	1	—	—	—	—	—
Бакѣевъ	1	—	—	—	—	—	—
Высоцкій	1	—	—	—	—	—	—
Васильевъ А. Ф.	2	1	—	—	—	—	—
Васильевъ П. Ф.	1	—	—	—	—	—	—
Вэйцлеръ	1	1	—	—	—	—	—
Гиппіусъ	—	—	—	—	1	—	1
Гавеманъ Л. Р.	1	—	—	1	—	—	—
Генке Г. О.	—	—	—	—	1	—	—
Гильоме	1	—	—	—	—	—	—
Ендоуровъ	1	1	—	—	—	—	—
Каштановъ	1	1	—	—	-	—	—
Мамонтовъ Д. И.	1	—	—	—	—	—	—
Мамонтовъ А. А.	1	—	—	—	—	—	—
Ноббе	1	—	—	—	—	—	—
Пацуани	1	—	—	—	—	—	—
Ратаевъ Н. А.	1	—	—	—	—	1	—
Рябовъ С. С.	2	1	—	—	—	—	—
Рябовъ С. Н.	1	1	—	—	—	—	—
Степанцевъ	1	—	—	—	—	—	—
Сосновскій И. В.	1	—	1	—	—	—	—
Смецкій А. А.	1	—	—	1	лон	ча	ка
Свѣтъ Г. О.	1	—	—	—	—	—	—
Туловъ	—	—	—	1	—	—	—
Топорковъ	1	—	—	—	—	—	—
Гр. Толстой	1	—	—	—	—	—	—
Цвѣтковъ В. М.	1	—	—	—	—	—	—
Цвѣтковъ Г. А.	1	—	—	—	—	—	—
Шестаковъ	—	—	—	1	—	—	—
ВСЕГО	235	68	9	4	109	3	19

Таблица II.

Убито звѣря на зимнихъ охотахъ Московскаго Общества Охоты.	Волковъ.	Лисицъ.	Лосей.	Медвѣдей.	Куницъ.	Козъ.	Рысей.	ВСЕГО.
1862 1867 г.	17	—	57	48	2	—	—	124
1867—1868 „	22	4	6	3	—	—	—	35
1868—1869 „	26	6	10	—	—	—	—	42
1869—1870 „	14	4	4	—	—	—	—	22
1870—1871 „	28	10	14	1	—	—	—	53
1871—1872 „	8	9	4	7	—	1	—	29
1872—1873 „	18	6	15	3	1	—	—	43
1873—1874 „	24	12	3	—	—	—	—	36
1874—1875 „	39	23	—	4	—	—	—	69
1875—1876 „	10	26	—	7	—	—	—	40
1876—1877 „	23	17	—	5	—	—	—	54
1877—1878 „	16	11	8	5	—	—	—	40
1878—1879 „	18	26	11	1	—	—	—	46
1879—1880 „	20	13	8	4	—	—	—	45
1880—1881 „	46	17	20	2	—	—	—	85
1881—1882 „	46	10	6	2	—	—	—	64
1882—1883 „	33	8	15	—	—	—	—	56
1883—1884 „	34	2	5	—	—	—	—	41
1884—1885 „	26	11	13	—	—	—	—	50
1885—1886 „	38	15	15	2	1	—	—	71
1886—1887 „	32	2	3	1	—	—	—	38
1887—1888 „	16	9	3	1	—	—	5	34
1888—1889 „	32	13	4	1	—	—	1	51
1889—1890 „	28	4	3	—	—	—	4	39
1890—1891 „	26	10	4	—	1	—	—	41
1891—1892 „	40	9	5	—	—	—	5	59
1892—1893 „	46	7	2	—	—	—	—	55
1893—1894 „	51	10	—	—	—	—	3	64
1894—1895 „	46	25	3	2	—	—	—	76
1895—1896 „	63	15	—	—	—	—	2	80
1896—1897 „	87	31	5	—	—	—	3	126
1897—1898 „	67	28	3	4	—	—	4	106
1898—1899 „	75	27	5	—	—	—	7	114
1899—1800 „	60	15	—	1	—	—	1	77
1900—1891 „	68	19	3	4	1	—	9	104
ВСЕГО	1252	454	257	108	6	1	44	2122

Няръ-Степанъ.

(очеркъ охотничьей артели).

Главное занятіе жителей Печерскаго края Волог. губ.— охота и рыбная ловля. На охоту или, какъ здѣсь называютъ, промыселъ уходятъ два раза въ зиму небольшими партіями, человѣкъ въ 6—10. Обыкновенно такая артель группируется около одного бывалаго и опытнаго промышленника.

За все время охоты ему всѣ безпрекословно подчиняются и онъ, сознавая свое превосходство, въ данномъ случаѣ играетъ роль маленькаго диктатора. Много есть на Печорѣ опытныхъ охотниковъ, но наибольшею славою пользуется Няръ-Степанъ.

Это высокій брюнетъ, крѣпкаго сложенія. Мнѣ не разъ приходилось видѣть его при покупкѣ хлѣба съ судовъ. Возьметъ 9-ти пудовый куль подъ мышки или на плечи, принесетъ въ свою маленькую лодченку и такъ бережно положитъ, что лодка и не покачнется. Неуклюжій, съ медвѣжьей походкой, онъ между тѣмъ являлъ замѣчательную ловкость, но, чтобы имѣть о немъ полное представленіе, надо было видѣть его на лыжахъ.

Тогда это совсѣмъ другой человѣкъ! Куда дѣвалась эта кажущаяся неуклюжесть! Никто не могъ подобно ему загнать оленя или выслѣдить бѣлку въ гнѣздѣ, когда самая лучшая собака ничего не можетъ подѣлать.

Недаромъ про него и сами зыряне, гдѣ не мало артистовъ своего дѣла, говорили—звѣрь, да и только.

И дѣйствительно, этотъ человѣкъ въ лѣсу былъ настоящимъ звѣремъ.

Тутъ ему каждая вѣтка, хвоя обсыпавшаяся съ дерева, каждый обвалившійся комъ снѣга говорилъ что-нибудь. По звуку онъ зналъ, куда садится рябчикъ, на какое дерево, высоко ли и проч.

Компаса онъ не признавалъ. Какъ-то разъ въ молодости купилъ онъ матку (компасъ) и пошелъ въ лѣсъ, гдѣ долго прожилъ въ погонѣ за звѣремъ, и вотъ, когда надо было выходить къ дому, его взяло сомнѣніе — ладно ли онъ идетъ?

Почему-то ему показалось, что онъ въ пути дольше, чѣмъ слѣдуетъ, также ему и направленіе показалось неправильнымъ.

Сомнѣніе все больше и больше закрадывалось въ его душу и, наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, взялъ матку: онъ положилъ ее на пень и ударомъ топора разбилъ вдребезги.

Такъ онъ, разъ навсегда, покончилъ съ этою новинкой.

И правда, къ чему ему компасъ? Онъ въ лѣсу былъ, какъ дома: каждое дерево, каждый сучокъ давалъ ему возможность оріентироваться.

Сомнѣнія же никогда быть не можетъ — природа не ошибается.

Конечно, всякій охотникъ на Печерѣ былъ радъ идти на промыселъ во главѣ со Степаномъ и поэтому передъ отправкой въ лѣсъ всѣ къ нему относились съ почтеніемъ и даже заискивали.

Въ особенности этимъ отличался Николай Русланъ-пи.

Это невзрачный, хитрый зырянинъ — полная противоположность Степану. Какъ промышленникъ, онъ стоялъ ниже всякой критики и никогда не убивалъ десятой доли того, что приносили прочіе охотники.

Передъ отправкой въ лѣсъ онъ и его жена зазываютъ къ себѣ Степана и начинаютъ его угощать разными зырянскими яствами и водкой. Ему въ это время не житье, а масляница: выполняютъ всѣ прихоти, превозносятъ и приписываютъ ему, уже пьяному, подвиги, какихъ онъ и во снѣ не видалъ, бранятъ его враговъ и, наконецъ, выбравъ ловкій моментъ, заручаются согласіемъ Степана взять Николая въ десятокъ (какъ здѣсь называется артель).

Когда рѣки встанутъ и выпадетъ первый снѣжокъ— настаетъ время отправки промышленниковъ, и начинаютъ приготовленія.

Начинаетъ шевелиться и Степанова артель.

Уже рѣшено, сколько взять каждому сухарей, муки, проса, масла, дроби и пороху, приведены въ должную исправность нарты и лыжи.

(Нарты — это длинные узкіе санки на тонкихъ широкихъ полозьяхъ; онѣ на снѣгу тонутъ не глубже лыжъ и очень удобны для ходьбы по лѣсу. На нихъ нагружаютъ отъ 10 до 15 пудовъ).

Степанъ выбираетъ легкій день, и артель трогается. Кстати сказать, что каждый Юръ (глава) долженъ знать всѣ примѣты и наговоры, чтобы быть авторитетнѣе. Няръ-Степанъ слыветъ здѣсь за весьма знающаго тула (колдуна) и часто фигурируетъ въ этомъ званіи на свадьбахъ и другихъ торжественныхъ событіяхъ зырянской жизни.

Въ нарты впряжены кромѣ людей и собаки. Говорятъ, что хорошая собака тянетъ не меньше человѣка.

Предводитель артели освобожденъ отъ этой тяжелой работы, зато онъ долженъ идти впереди всѣхъ: указывать путь, пробивать цѣликъ и прокладывать лыжницу. Степанъ ведетъ свою артель къ склонамъ Урала, гдѣ всегда много нетронутаго звѣря.

Выбираютъ удобное мѣсто и строятъ шалашъ, посрединѣ котораго устраиваютъ очагъ, который топится долгія зимнія ночи, пожирая массу дровъ.

Начинается промыселъ.

Утромъ рано, плотно позавтракавъ, охотники берутъ по два-три сухаря и отправляются на весь день въ разныя стороны.

Вначалѣ всѣ идутъ въ діаметрально-противоположныя стороны въ прямомъ направленіи отъ шалаша, а затѣмъ поворачиваютъ, смотря по уговору, направо или налѣво, описываютъ дугу и къ вечеру попадаютъ на свою же лыжницу, по которой и возвращаются къ становищу. Благодаря этой системѣ, промышленникъ никогда не заблудится и всегда возвращается домой по той же лыж-

ницѣ, по которой ушелъ, и кромѣ того имѣетъ возможность каждый день быть на новыхъ мѣстахъ съ нетронутымъ звѣремъ.

Съ продолженіемъ охоты, по мѣрѣ истребленія дичи и звѣря, приходится отходить все дальше и дальше отъ становища. Охота становится день-ото-дня труднѣе, тѣмъ болѣе, что вечеромъ каждый вернувшійся промышленникъ долженъ сейчасъ же приняться за рубку къ ночи дровъ, усталый и голодный. Это не нравится, и вотъ многіе стараются запоздать и придти уже къ готовымъ дровамъ.

Помню, какъ одного промышленника уличили въ умышленномъ манкированіи, нашли мѣсто, гдѣ онъ отлеживался; главной же уликой противъ него послужили нѣсколько брошенныхъ имъ окурковъ. Досталось же бѣдному отъ артели, а домой пришелъ и того хуже. Слава объ этомъ быстро распространилась по окрестнымъ селеніямъ и мужику отъ насмѣшекъ прохода не было. Но что всего хуже, въ слѣдующій разъ его въ артель не приняли. Вотъ тутъ и хитри послѣ этого! Когда промыселъ будетъ плохъ, артель перекочевываетъ на другое мѣсто, гдѣ происходитъ то же самое. Но вотъ дѣло къ Рождеству.

Запасы начинаютъ истощаться и Николай Русланъ-пи первый заговариваетъ, что домой пора, при чемъ приводитъ вѣскій аргументъ, что всего не перестрѣляешь.

Возвращеніе домой съ промысла составляетъ праздникъ для всей деревни. Идутъ разспросы, разсказы, сообщаютъ новости и проч.

Артель Степана по обыкновенію воротилась съ самой богатой добычей.

Зыряне дивятся и другъ друга увѣряютъ, что ему нечистый (мути) помогаетъ, при чемъ каждый въ душѣ рѣшилъ въ слѣдующій разъ со Степаномъ промышлять.

Съ приходомъ домой власть Степана кончается.

Начинается дѣлежъ добычи.

Тутъ Николай шумитъ больше всѣхъ, ругается и обыкновенно больше всѣхъ достается Степану. Дѣлятъ все поровну

Послѣ раздѣла каждый свою часть уноситъ къ ку-

лаку, снарядившему на охоту. Тутъ бѣдныхъ и обсчитываютъ и товаръ бракуютъ, и задатчикъ только съ бьющимся сердцемъ ждетъ окончательнаго результата—сколько ему еще причитается помимо вычета задатка.

Но, наконецъ, всѣ счеты покончены. Начинается попойка, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока все не пропьютъ, чтобы потомъ опять идти въ кабалу къ мѣстной піявкѣ.

Степанъ послѣ промысла каждый день пьянъ. Бродитъ по селу неряшливый, грязный, весь въ крови—битый. А спросите—кто избилъ? Николай! Пьяный Степанъ положительно былъ, какъ тряпка, его всякая баба могла обидѣть, чѣмъ и пользовался Николай. Но какъ только время къ промыслу, Степану опять почетъ, а Николай опять ниже воды—тише травы и начинается, можетъ быть, двадцатый разъ старая пѣсня. Смотришь, а Николай опять идетъ на промыселъ съ Няръ-Степаномъ.

П. Соснинъ.

Стѣнные рисунки охотничьихъ животныхъ.

По оригиналамъ: **І. Вольфа, Фишера** и **Фризе**,

отпечатаны на толстомъ бристолѣ въ двѣ краски въ фототипіи **О. Ренаръ** въ Москвѣ.

За исполненіе этихъ рисунковъ г-ну Ренару на Всероссійской выставкѣ 1896 г. присуждена ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Размѣръ рисунковъ 27×19 дюймовъ.

Семья вальдшнеповъ. Уменьш. въ нѣск. разъ.

ЦѢНА за всѣ 11 рис. вмѣстѣ 6 р. съ пересылкой въ Европ. Россіи и 7 р. въ Азіатской.

Каждый рисунокъ отдѣльно 1 р.

Отдѣльные рисунки наложеннымъ платежомъ не высылаются.

Перечень рисунковъ: *фазаны, тетерева-косачи, куропатки, глухари, утки, зайцы, барсуки, дикія козы* (2 рис.), *вальдшнепы, лоси.*

Съ требованіями обращаться къ М. А. Мензбиру (Москва, Шереметевскій пер., домъ г. Шереметева, кв. № 33), въ книжные магазины: „Новаго Времени", Карбасникова, Вольфа и др., а также въ редакцію журнала „Природа и Охота".